

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения

ИСТОРИЯ СТРАН ВОСТОКА XX ВЕК

Серия основана в 1999 г.

Редакционная коллегия

В. В. Наумкин (председатель, главный редактор),
В. М. Алпатов, В. Я. Белокреницкий, Э. В. Молодякова,
А. З. Егорин, И. В. Зайцев, И. Д. Звягельская,
Ю. В. Чудодеев (ученый секретарь серии)

В. Ф. ВАСИЛЬЕВ

ИСТОРИЯ МЬЯНМЫ/БИРМЫ XX ВЕК

Москва
Крафт+
ИВ РАН
2010

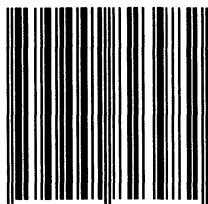
- В 19 Васильев, Владимир Федорович
История Мьянмы/Бирмы. XX век/ В.Ф. Васильев. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2010. – 424 с. – ISBN 978-5-89282-398-2 (ИВ РАН), 978-5-93675-167-7 (Крафт+)

В монографии проанализированы основные этапы политического и экономического развития Мьянмы/Бирмы в XX веке с освещением событий конца XIX века в связи с аннексией страны Великобританией до конца 90-х годов XX века. Книга рассчитана на широкий круг читателей и может быть использована для преподавания курсов всеобщей истории и новейшей истории Востока.

В.Ф. Васильев – известный историк-востоковед, доктор исторических наук, издавший ряд книг по колониальной и современной истории Бирмы (Мьянмы). Среди них «Очерки из истории Бирмы. 1887–1947» (М., 1962), «Рабочий класс Бирмы» (М., 1978), разделы и главы о Бирме в многотомной «Истории Востока» (выходит с 1995 г.), «Внешняя политика Бирмы» (М., 1963), «Бирма на новых рубежах» (М., 1965) и др.

ISBN 978-5-89282-398-2 (ИВ РАН)

ISBN 978-5-93675-167-7 (Крафт+)

9 785892 823982

© Васильев В.Ф., 2010

© Институт востоковедения
РАН, 2010

ВВОДНАЯ

Настоящая книга посвящена более чем вековой истории Бирмы/Мьянмы*, одной из древнейших стран обширного региона Юго-Восточной Азии, вызывающего растущий интерес политиков, бизнесменов и ученых во всем мире. Эта история в работе охватывает время подготовки и полной аннексии страны Англией в конце XIX в., а также этап пребывания ее под английским колониальным господством почти до середины XX в. и затем рассматривает период ее освобождения от колониализма в 1948 г., выход на путь самостоятельного государственного развития с доведением освещения хода исторического процесса до начала XXI в.

1. К вопросу о переименовании Бирмы в Мьянму

Начать изложение по необходимости приходится с терминологического вопроса, ибо он касается редкого, но все же встречающегося в жизни официального изменения названия страны, что является важным событием для любой национально-государственной истории.

Суть вопроса состоит в том, что известное всему миру по меньшей мере в течение трех последних веков название «Бирма» (в его различных написаниях на разных европейских языках) было сравнительно недавно изменено, причем в своеобразных условиях. В июне 1989 г. военное правительство страны, пришедшее к власти насильственным путем лишь за несколько месяцев до этого, приняло закон о так называемой «адаптации названий»¹. Согласно ему, применявшееся до этого официальное название страны на английском языке — «The Union of Burma» и «Burma» — теперь заменялось на английском же языке на «The Union of Myanmar» и «Myanmar», что означало перенос на английский язык собственно бирманских названий (самоназваний), которые издавна применяются собственно бирманцами в отношении себя и своей страны на своем родном языке, тоже именуемом «Мьянма». (Приходится пояснить, что звука «R» (русское «р») в современном бирманском языке нет, и добавление буквы «R» в новые

* См. пояснение о названии страны ниже.

английские написания («Myanmar», «bamar») было, по-видимому, вызвано просто желанием выразить на английском языке длительность или ударность последнего бирманского слога. В передаче на русский язык с нынешнего английского написания этой буквы у нас принято не учитывать: отсюда и «Мьянма», а не «Мьянмар».) Таким образом, никакого внутреннего, национального переименования Бирмы не произошло: Мьянма как была, так и осталась Мьянмой на бирманском языке. Что же, тем не менее, произошло? Произошла прежде всего «бирманизация» (теперь надо сказать — «мьянманизация») названия «Бирма» на английском языке и отсюда — «интернационализация» этого термина. Во-первых, термин «Мьянма», применявшийся ранее в истории к собственно бирманцам, как этнической группе, стал относиться ко всем коренным жителям этой страны, независимо от их этнической принадлежности, хотя вместе с тем они сохранили и свои отдельные этнонимы (в скорректированном виде). Так, собственно, бирманец стал также «бама» («bamar»), «карен» — «кайин» («kayin») и т. д. Рангун превратился в Янгон (Yangon)².

В официальных бирманских публикациях отмечалось, что «Мьянма» и «Янгон» были в стране исконными названиями, которые-де были переименованы британскими колониальными властями, когда те пришли в Бирму. Указывалось также, что одно из первых упоминаний названия «Мьянма» относится к 1190 г. н.э. и что, например, в Китае Бирма издревле именовалась по-китайски как «Мьян-Тин». Вместе с тем подчеркивалось, что «восстанавливая изначальные названия, военное правительство преследовало две основные цели: передать ощущение освобождения от британского колониального прошлого» и «придать ранее разделенной и расколотой стране чувство национального единства под новым знаменем “Союза Мьянма”»³.

Из вышесказанного следует, что для названия «Мьянма» имеются исторические обоснования. Вместе с тем, судя по всему, главным мотивом, вызвавшим акт нынешнего переименования, был политический. Дело в том, что в условиях глубокого национального кризиса 1988–1990 гг., раскола страны и возникновения мощной внутренней и международной демократической оппозиции правящему режиму последнему остро требовался «хороший» консолидирующий националистический лозунг, который помог бы преодолеть этот кризис, сплотить народ на этой основе и способствовать легитимации отнюдь нелегитимной военной власти в стране, причем не только в глазах собственного народа, но и международной общественности.

Что вызывает сомнение в официальных бирманских объяснениях, так это утверждение о том, что переименовали Мьянму в Бирму якобы британцы. Сведений о таком «переименовании» не имеется. Скорее всего, надо исходить из того, что британцы, столкнувшись с Бирмой и завоевывая ее, восприняли то название страны, которое они могли узнать от жителей и соседей Бирмы, с которыми они, прежде всего, вступили в контакт. Так, известно, что у монов (талаингов), давно создавших свое государство в южной части страны, историческое название Бирмы (в надписях) было «MIRMA»⁴, что, как видно, близко названию «Бирма». Надо отметить, что в исторических источниках и сочинениях самой ранней формой написания названия бирманцев и их страны было «Mranma» или «Myanmar». Добавим, что у араканцев, родственных бирманцам и близким им по языку, до завоевания их последними в XVIII в. было свое отдельное государство на западе Бирмы. В их языке сохранился звук (буква) «г» (они себя именуют «ракхайнами»). То есть звук-буква «г» в названии «Бирма» могла возникнуть и из араканского источника. Напомним, что английское завоевание Бирмы началось как раз с Аракана, граничившего с Индией, где уже укрепились англичане. А затем усилились контакты с монами. Следует отметить еще одну особенность. Речь идет о том, что бирманцы произносят слово «мьянма» на литературном языке как «мьянмá», а в устном разговоре — как «бама»⁵. Возможно, что из этого смещения одного произношения и другого (или их взаимного перехода друг в друга) при воздействии других упомянутых факторов и утвердилось название «Бирма», воспринятое в свое время англичанами и другими европейцами. То есть, в сущности, «Myanmar» и «Burma» (bamar) могут быть двумя формами одного и того же⁶. Поэтому «переименовывать», «изобретать» какое-то новое название иностранцам вряд ли было нужно. Вообще же вариантов названий Бирмы гораздо больше. Американские ученые-этнологи Дж. М. и Э. Г. Маринги в своем справочнике по Бирме приводят следующие синонимы названий «Бирма»: Bama, Burman, Namea, Kawl, Man, Myanmar, Myen, Payaw, Vai⁷. Видимо, это в значительной мере названия, полученные от соседней Бирмы, и относятся к разным эпохам.

Операция с «мьянманизацией» Бирмы после 1989 г. в общем удалась. Новое официальное английское название Бирмы было принято в ООН, вошло в дипломатическую практику большинства государств, поддерживающих отношения с этой страной. Оно было принято также частью мировой прессы (не всей), иногда с добавлением прошлого

названия Бирмы, и Россией, особенно в своих официальных, дипломатических отношениях. В своих публикациях российские авторы иногда также используют двойное название (с разделительной чертой), как это делает данный автор (см. ниже).

Но были и противники переименования Бирмы. С одной стороны, это — демократическая и частично малая этническая оппозиция военному режиму в Бирме (как внутри страны, так и в эмиграции). С другой стороны, это — страны (правительства и общественные круги), которые поддерживают бирманскую оппозицию и выступают против военного режима в стране, добиваясь его демократизации. Игнорируют новое название Бирмы прежде всего в США и Западной Европе.

Аргументы бирманской оппозиции сводятся в основном к двум. Первый состоит в том, что нынешняя военная власть в Бирме нелегитимна, как нелегитимно и само решение о переименовании страны, поскольку по такому вопросу требуется всенародное обсуждение и референдум, чего не было сделано. Второй касается того, что название «Мьянма» исторически и литературно относится собирательно к стране, и особенно к собственно бирманской этнической группе («титульной нации»), а не ко всем народам полиэтнической Бирмы. Поэтому часть небирманских этнических групп заявляли о своем нежелании именоваться «мьянма» даже с имеющимися для них собственными этнонимами. В целом оппозиция до последнего времени предпочитала именовать страну по-старому⁸. Но, как оказывается на практике, возражения против переименования страны слабеют и, возможно, отпадут со временем, поскольку, как отмечалось выше, в переименовании есть реальный смысл — по-бирмански Бирма была и остается Мьянмой, и формальное изменение коснулось только официального английского названия страны.

Что касается данной работы, то автор применяет способ, уже принятый некоторыми видными иностранными бирманистами. Он использует и то и другое название страны в зависимости от исторического периода и контекста или же в общих случаях дает «компромиссное» двойное название, уважая как историю страны, так и решение ее нынешних властей (хотя и не утвержденное конституционным путем). Так, до конца 1980-х гг. Бирма в книге называется в основном Бирмой, после 1989 г. — в основном двойным именем или же Мьянмой. Приходится учитывать, что традиционные названия «Бирма», «бирманский», «бирманец» и т. д. укрепились в восприятии русского читателя и более привычны и понятны ему. Внедрение новых названий

требует времени и должно происходить постепенно и максимально естественным «эволюционным путем», особенно помня, что старому названию Бирмы несколько веков, а новому — около 15 лет.

2. Некоторые общие сведения о стране

Будучи расположена на крайнем северо-западе региона Юго-Восточной Азии, Бирма находится в отдалении от ее географического центра и в то же время, как никакая другая страна ЮВА, имеет протяженные границы с регионами Южной и Восточной Азии.

Соседи Бирмы по Южной Азии — это Индия и Бангладеш (бывшая часть индийской Бенгалии), по Восточной Азии — Китай. Соседство с Индией и Китаем во всей долгой истории Бирмы играло огромную роль как в смысле ее внешних отношений, так и воздействия на ее внутреннюю жизнь (демографические, религиозные, культурные и торгово-промышленные контакты). Не стоит, например, никогда забывать, что буддизм, письменность, часть древней культуры и политического устройства пришли в Бирму из Индии. В то же время в расовом отношении Бирма ближе к Китаю (оба народа принадлежат к монголоидной расе), и из племен цянов Центрального Китая и пограничных тибетских районов вышли когда-то предки современных бирманцев, начавшие многовековую миграцию на юг и выпшедшие в долину главной бирманской реки Иравади. В то же время в древности Китай не раз нападал на Бирму, иногда даже разрушал ее государство.

На востоке же Бирма граничит со странами региона ЮВА — Таиландом и Лаосом, своими «единоверцами» по буддизму тхеравады, образуя вместе с ними в ЮВА (включая сюда и Камбоджу, с которой Бирма не имеет общей границы) своеобразный «братский» по вероисповеданию буддийский субрегион. Правда, это «единовение» не стало в истории основой особой государственной близости Бирмы и этих стран и гарантией ее безоблачных отношений с ними, особенно с Таиландом. С последним у Бирмы самая протяженная после Китая нестабильная сухопутная граница⁹. История бирмано-тайландских отношений в средние века полна разрушительных войн.

Бирма является довольно крупным государством Юго-Восточной Азии, составляя 677 тыс. кв. км, или 15% общей площади региона (второе, но далекое место после Индонезии). По населению Бирма менее значительна — около 10% от всего региона — и находится где-то

в середине всей группы стран ЮВА. Но и по населению Бирма сравнительно внушительная страна. В 1901 г. по проведенной тогда первой колониальной переписи, охватившей всю страну, оно составляло 10,5 млн. человек, в 1941 г. — 16,8 млн., в 1948 г. — году восстановления государственной независимости — примерно 17 млн., по последней переписи 1983 г. составляло 35,3 млн., а к началу XXI в. (2003 г.) оно прогнозировалось уже на уровне 51,66 млн., то есть к окончанию XX в. оно достигло отметки 50 млн.¹⁰ Небезынтересно отметить, что бывшая метрополия Бирмы — Великобритания — по территории примерно в два с половиной раза меньше ее, а по населению в настоящее время опережает ее только на какие-нибудь 10 млн. человек, или на 1/5 часть. По площади Бирма крупнее, иногда гораздо крупнее всех ведущих стран Западной Европы. По территории и населению Бирма сейчас ближе всего к Украине (соответственно 604 тыс. кв. км и 50,5 млн. человек)¹¹.

По естественным ресурсам Бирма принадлежит к богатым странам региона ЮВА. Она располагает плодороднейшими почвами, позволившими ей стать в 20–30-е гг. XX в. крупнейшим в мире экспортером риса, выращиваемого в условиях благодатного муссонного климата, и особенно в долине и дельте Иравади, крупнейшей реки страны. Ее леса издревле давали превосходную строительную древесину, особенно тиковую. В ее недрах — нефть, газ, целый ряд цветных и редких металлов. С давних пор страна славится как источник прекрасных и разнообразных драгоценных и полудрагоценных камней, в том числе знаменитых бирманских рубинов. Слабо представлены каменный уголь и железные руды. Приходится также признать, что природные богатства страны в целом еще недостаточно обследованы и разработаны, хотя потенциально страна располагает большинством естественных ресурсов, необходимых для успешного экономического развития и плодотворного международного обмена и сотрудничества.

Надо отметить, что уровень жизни в Бирме при хороших урожаях в нормальные годы всегда был несколько выше, чем в Индии, Китае и других соседних странах. Он обеспечивался в первую очередь более благоприятным для страны продовольственным балансом — наличием избытков риса, значительных рыбных и лесных ресурсов. При этом Бирма всегда отличалась весьма низкой плотностью населения: 116 человек на кв. км в 1891 г., 166 — в 1941 г. и 349 — в 1983 г.¹², то есть в стране не было избыточного давления населения на землю, обычно усугубляющего продовольственную проблему.

Мьянма/Бирма — страна полиэтническая, многонациональная. Читатель этой книги в большинстве ее глав будет сталкиваться с фактором полиэтничности этой страны и вытекающими из этого различными проблемами внутренних межэтнических («межнациональных») отношений. При этом характерной чертой Бирмы в этом плане является то, что ее этнические меньшинства составляют пропорционально большую долю населения, чем в любой другой стране Юго-Восточной Азии (за исключением Лаоса). Так, по последней переписи населения Бирмы 1983 г. национальное большинство страны составляли бирманцы — 69% всего населения, другие коренные этнические группы — 25,7%, жители, родившиеся от смешанных и с иностранцами браков, — 5,3%. Таким образом, небирманская этническая группа в целом составляла свыше 30%, причем административные регионы, где небирманские этносы сосредотачиваются, приблизилась к отметке 55% всей территории страны. (Что касается Лаоса, то, по неполным данным переписи 1985 г., самой крупной группой народностей там являются лао-тайские — 2,4 млн. человек (66,6%), но при этом охваченное переписью население Лаоса примерно в 10–12 раз меньше, чем в Бирме, а мозаичность различных этнических групп, включая лао и их географическую разбросанность, выше бирманских.)

Население Бирмы по переписи 1983 г. составляло 35,3 млн. человек, из них 69% были бирманцы. В целом этно-национальная структура населения страны в 1983 г. количественно выглядела так:

	%	Численность (тыс. человек)
Бирма в целом	100	35 307 913
качины (12 подгрупп)	1,4	454,5
кая (9)	0,4	141,0
карены (11)	6,2	2 122,8
чины (53)	2,2	745,5
бирманцы (9)	69,0	23 532,5
моны (нет подгрупп)	2,4	826,8
ракхайны (араканцы) (7 подгрупп)	4,5	1 536,7
шаны (33)	8,5	2 890,4
иностранцы жители, включая родившихся в смешанных браках	5,9	1 830,5

Если сложить «небирманские» данные по административным регионам «небирманцев», то получается солидная цифра около 8,7 млн. человек (без учета так называемой «иностранной» группы жителей). Округленно это составляет больше трети собственно бирманской группы. Отсюда идут проблемы единства Бирмы/Мьянмы, отсюда и особые трудности движения страны к «национальному государству», «государству-нации» (к тому, что часто принято называть по-английски «nation state»).

Посмотрим теперь на религиозную структуру населения Бирмы по переписи 1983 г. Она представляла собой следующую картину (% от всего населения):

буддистов	89,4
христиан	4,9
мусульман	3,9
хинду	0,5
анимистов и других	1,3

Христианскую группу при этом представляют баптисты (3,2% всех верующих), католики (1,0%), англикане (0,1%), другие христиане (0,6%). Здесь с точки зрения структуры верующих надо отметить, что в четырех административных регионах (монском, шанском, каренском и качинском) преобладают буддисты (от 58 до 92%). Христиане имеют большинство в чинском регионе (почти 73%), но их доля у кая и качинов составляет соответственно 39,7 и 36,4%. Мусульман всего больше в Ракхайне (Аракане) — 28,5%. Наибольшая пропорция анимистов (6,5%) у шанов*.

* * *

Бирма стала английской колонией в течение XIX в. Завоевание ее Англией произошло в результате трех англо-бирманских войн

* См.: Safman R.M. Minorities and State-building in Mainland Southeast Asia. — Myanmar. State, Society and Ethnicity. Singapore, 2007, с. 51 ; см. : Burma 1983 population census. Rangoon, June 1986, с. 1–20, 1–21; Myanmar. Facts & Figures. Published by Ministry of Information, Union of Myanmar, Yangon, 2000. Table: Area and estimated population (1998), с. 5. Суммарная цифра по территории вычислена путем сложения региональных данных «небирманских» регионов; см.: Лаос. Справочник. М., 1994, с. 26–30; Burma 1983 population census, с. 1–20, 1–21; Tin Maung Maung Than. Mapping the contours of Human security challenges in Myanmar. — Myanmar. State, Society and Ethnicity, App. 8.1, с. 197; там же, с. 1–22, Table A-7, Figure 4; там же; Tin Maung Than. Указ. соч., App. 8.2, с. 199.

(1824–1826, 1852 и 1885 гг.)¹³. Колониальные захваты Англии в Бирме (как и в некоторых других странах в то время) имели место на гребне английской промышленной революции, экономические достижения которой настойчиво требовали новых рынков ресурсов и приложения избыточного в Англии труда и капитала. Бирма казалась одним из наиболее лакомых кусков «колониального пирога» в ЮВА как сама по себе, как некое «продолжение» соседней Индии, так и в силу своей пограничной близости с Китаем, огромный рынок которого давно притягивал как магнит европейских и американских коммерсантов. Уже упоминалось, что Бирма славилась как источник ценнейших пород древесины, потребных тогда прежде всего для строительства торговых и военных судов (древесина тика), как производитель драгоценных камней, как рынок для расширившейся английской промышленностью. Потом добавились рис, нефть, различные цветные металлы и др.

3. Структура книги и периодизация истории Бирмы/Мьянмы с конца XIX века до конца XX века

После краткой Вводной главы, дающей общие сведения о стране и включающей вопросы периодизации (см. ниже данный раздел), следуют глава II об историографии Бирмы в XX в. и глава III, посвященная историческому фону английской аннексии Бирмы. Далее следуют главы IV–XII по периодам истории Бирмы с конца XIX в.

Период 1885–1914 гг. выделен в отдельный этап (гл. IV). Это определяется решающей переменной статуса Бирмы в результате аннексии всей ее территории Англией, создании системы колониального управления Бирмы, насаждения в стране торгового, а затем промышленного капитализма (в его колониальных формах), складывания в стране элементов современных социальных слоев и групп и начавшегося национального пробуждения.

Этап 1914–1938 гг. (гл. V) охватывает период начала послевоенного движения бирманцев за реформы, усиление политизации страны (ростки первых политических партий), мощного антиколониального крестьянского восстания 1930–1933 гг., административного отделения Бирмы от Индии и радикализации антиколониального движения («такинов» и др.).

Период 1939–1945 гг. — это самый сложный этап истории Бирмы (гл. VI). Это — годы японской оккупации, прагматического

сотрудничества основных групп бирманских националистов с Японией в расчете на создание с ее помощью национальной армии, начала создания армии, вынужденного согласия Японии на провозглашение в 1943 г. формальной независимости Бирмы (в рамках военного союза с Японией и ее верховного контроля над страной). Это был также период создания в подполье бирманскими патриотами (в том числе сотрудничавшими с Японией) Антифашистской лиги народной свободы (АЛНС), которая в марте 1945 г. подняла в стране антияпонское восстание и объединила силы с наступавшими с запада и севера союзными войсками в ходе освобождения Бирмы от японской оккупации.

Период с середины 1945 г. по 1947 г. явился последним этапом на пути Бирмы к независимости (гл. VII, VIII и IX), концом японской оккупации, мощного подъема движения бирманского народа за свободу против английских планов удержания Бирмы в империи и конечного освобождения страны от британского колониализма, причем в мирной форме.

Период с 1948 г. по начало 1962 г. — это важнейший этап истории Бирмы (гл. X), связанный с провозглашением государственной независимости 4 января 1948 г. и становлением парламентской системы в тяжелейших условиях послевоенной разрухи и коммунистического и каренского восстаний против первого национального конституционного правительства (У Ну), которое, справившись кое-как с повстанцами, само было свергнуто армией в результате государственного переворота.

1962–1988 гг. были периодом насильственной военно-социалистической диктатуры генерала Не Вина (гл. XI), попыток силой модернизировать страну в духе советской системы и леваческих перегибов в экономике и политике, усиленных господством армии во всех институтах власти и производства, что постепенно привело страну и общество к глубокому кризису и попытке демократической антидиктаторской революции в 1988 г.

Время с 18 сентября 1988 г. до конца XX в. (фактически по настоящее время) (гл. XII и Заключение) является периодом также насильственного установления власти со стороны «новой военной хунты» (без Не Вина, ушедшего ввиду кризиса его режима в отставку). С одной стороны, это период военного подавления возникших в стране широких антидиктаторских гражданских демократических сил (в лице Национальной лиги за демократию (НЛД) и вокруг нее), а с другой — отхода хунты от «Бирманского пути к социализму», принятия

узконационалистической идеологии, перехода к элементам рыночной экономики и многолетних словесных обещаний ввести демократию и принять конституцию на основе многопартийной системы. (Последнее не было выполнено и к 2006 г.) В целом это период «внутреннего и внешнего неравновесия», сложной смеси противоречий, того или иного разрешения которых Бирме еще предстоит пережить. Дополнительным внешним фактором, усложняющим обстановку в Бирме в этот период, явилось чрезмерно настойчивое давление США на бирманское руководство в направлении понуждения его к введению демократии и соблюдения прав человека, что вызвало сопротивление хунты, которое, в свою очередь, привело к принятию США и другими западными державами экономических, финансовых и дипломатических санкций против Бирмы/Мьянмы. Это испортило отношения сторон, ухудшило экономическое положение Бирмы/Мьянмы и еще более затуманило перспективу выхода страны из столь затянувшегося формационного кризиса, начавшегося, собственно говоря, со времени достижения независимости, а шире — еще с колониального и даже доколониального прошлого. Последние три века, по меньшей мере с династии Конбаунов, Бирма все время «искала себя» и, как мы видим, не «нашла» до сих пор.

XIII — последняя глава монографии. Она посвящена внешней политике Мьянмы/Бирмы, ее принципам и направлениям. После этого следует Заключение и «Вместо эпилога», в котором кратко обрисовываются главные события в Мьянме в начале XXI века.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

1. Начало и структура ранней бирманистики

Национальная бирманистика складывалась в разных формах в течение столетий, а как одна из международных востоковедных дисциплин современного типа зародилась в ходе включения страны в международное общение, в основном уже в колониальную эпоху. Бирма богата эпиграфическими материалами, особенно надписями на камне, которые относятся к древнему и раннесредневековому времени и вместе с более поздними рукописями (на пальмовых листьях, в виде «книги гармошкой» — парабайи) представляют важнейший первичный историографический источник. Период XVI–XIX вв. отмечен созданием бирманских королевских хроник — исторических летописей и, следовательно, появлением бирманской историографии как таковой. Из них главные три были опубликованы. Последняя — «Большая хроника династии Конбаунов», составленная историком У Тином, охватывает период с 1752 г. по 1886 г. с дополнением о жизни последнего бирманского короля в Индии, куда он был сослан англичанами сразу же после захвата ими Бирмы в 1885 г. (где он в 1916 г. и умер).

Самые ранние внешние упоминания о Бирме содержатся в китайских источниках, начиная со II в. до н.э. Предположительно о Бирме рассказывается в книге путешествий венецианца Марко Поло (XIII в.). Позже (в XV–XVI вв.) сообщения об этой стране оставили другие выходцы с Аппенинского полуострова, а также португальцы. Первым из англичан, побывавших в Бирме (1588 г.), был торговец Ральф Фитч, получивший со своими сотоварищами специальную грамоту (хартию) от английской королевы Елизаветы I на плавание на Восток. Ценные описания Бирмы в книгах итальянского миссионера В. Санджермано и английского капитана М. Саймса относятся к концу XVIII — началу XIX в.

В ходе завоевания Бирмы Англией в XIX в. международное знание и изучение Бирмы значительно расширилось за счет работ дипломатов, путешественников, миссионеров, военных, администраторов,

журналистов, из которых некоторые были или стали также учеными. Преобладали среди них британцы (Дж. Кроферд, Х. Юл, А. Фейр, А. Фитч, Х. Берни, Ч. Кроствейт, Х. Филдинг, Дж.Д. Скотт), но были и американцы, в числе которых был баптистский миссионер А. Джадсон, живший в Бирме и составивший первый бирманско-английский словарь (сер. XIX в.). Оставил записки о своей поездке в Бирму в 1886 г., уже после завоевания ее Англией, русский востоковед И. П. Минаев.

В конце XIX — первой половине XX в. сложилась английская колониальная школа бирманистики. В ней преобладала масса экономическо-административной фактуры и в той или иной мере апологетическое отношение к колониализму, но имелось также и либеральное направление. В любом случае английская бирманистика, представленная такими учеными, как Дж.С. Ферниволл, Г.Х. Лус, Г.Э. Харви, Дж.Д.Э. Холл, составила эпоху в научном изучении Бирмы. Много сделало для развития бирманистики Бирманское исследовательское общество*, созданное в 1910 г. вместе с журналом по инициативе Дж.С. Ферниволла (первым главным редактором журнала был Ш. Дюрузелль).

Среди первых получивших международную известность бирманских ученых в основном традиционного склада в конце XIX — первой половине XX в. были У Тин, То Сейн Ко, Пе Маун Тин. Американская бирманистика в первые десятилетия была представлена отдельными работами А. Айрленда, Х.И. Маршалла, Дж.Л. Крисчена, Б.Р. Перна. Свой вклад в изучение Бирмы внесли и ученые индийского происхождения (У.С. Десаи).

2. Развитие бирманистики после Второй мировой войны и достижение Бирмой независимости

Вторая мировая война, превращение Бирмы в один из значительных театров военных действий и достижение ею независимости в 1948 г. дали сильный толчок количественному и качественному росту бирманистики, сделав ее одной из международных востоковедных дисциплин. После 1948 г., особенно с 60-х гг., резко возросло число работ по Бирме. На первое место по количеству и разнообразию исследований вышла американская бирманистика, на второе — советская,

* The Burma Research Society.

английские исследования по Бирме количественно сократились и отошли на третье место.

Посмотрим прежде всего на общую картину бирманистики в мире в XX в. В специальной научной конференции по изучению Бирмы, организованной Международным центром имени Вудро Вильсона в США в 1986 г., приняли участие (лично или своими докладами) бирманисты 9 стран — США, СССР, Великобритании, Бирмы, Японии, Франции, Чехословакии и тогдашних обеих Германий. Это единственный материал, обобщающий ситуацию по изучению Бирмы по странам¹. Сама международная конференция по Бирме и библиографические издания, ею выпущенные², были уникальным явлением мировой истории бирманистики, позволившим яснее увидеть общую картину ее развития.

После 1948 г. произошел не только количественный рост числа исследований и перемещения в иерархии стран — лидеров бирманистики, но и важные качественные перемены. Колониалистская концепция и методология в гуманитарных исследованиях постепенно отступала, стали утверждаться антиколониалистские и либеральные позиции. Либеральные подходы все более распространялись в США. Большую роль в критике колониалистских концепций сыграли советские бирманисты. Начала делать первые шаги современная бирманская национальная историография (включающая понятие «бирманистика»).

Статистика, собранная и обработанная американскими библиографами к конференции 1986 г., показывает, что в период 1898–1985 гг. в более чем 20 странах мира было защищено 707 докторских диссертаций, затрагивающих Бирму, в том числе 285, посвященных главным образом Бирме (по СССР эти данные включали кандидатские диссертации)³. Многие из них вышли позже в свет в виде книг. Водоразделом явился 1948 г. — год достижения Бирмой независимости. Он стал мощным импульсом к расширению и углублению исследований по бирманской тематике. Если до 1948 г., то есть в первые полвека, число диссертаций составляло 53 (40 главным образом по Бирме), то после 1948 г. оно достигло 654 (245 из них преимущественно по Бирме). При этом динамика за десятилетия была такой: в 1948–1959 гг. — 96 (56), в 1960–1969 гг. — 179 (80), в 1970–1979 гг. — 279 (96), в 1980–1985 гг. (данные за половину этого десятилетия) — 100 (13) работ. Наиболее производительным было десятилетие 1970–1979 гг., после чего намечилось некоторое сокращение (возможно, отчасти конъюнктурное).

Из общего числа диссертаций за 1898–1985 гг. 338 (96) падает на американскую бирманистику, 100 (67) — на советскую, 72 (40) — на британскую. Бирма в этих данных не выделена, но из аннотации видно, что бирманских диссертантов за весь период значилось примерно 60.

Более полное представление о состоянии современной международной бирманистики дают две научные библиографии по Бирме. Одна из них — «Бирма. Избранная и аннотированная библиография», вышедшая в 1973 г. в США под руководством американского бирманиста Фрэнка Трейгера. Она содержит 2086 названий работ авторов разных стран и является незаменимым общим справочно-библиографическим изданием⁴. Вторая библиография по Бирме издана в Англии в 1991 г. английской бирманисткой Патрицией Херберт. Эта работа также аннотирована составителем и содержит 850 названий различных изданий по этой стране, в том числе примерно на двадцать лет более «свежих»⁵. Оба издания снабжены несколькими указателями.

Начала делать шаги современная «бирманская бирманистика» (в кавычках потому, что для самой Бирмы это было просто становлением национальной историографии современного типа).

3. Изучение Бирмы на Западе и в самой Бирме/Мьянме

Повышенное внимание американцев к Бирме после Второй мировой войны во многом определялось (и определяется) военно-политической и экономической заинтересованностью США в этой стране как важном элементе общей стратегии США в регионе Юго-Восточной Азии и вообще в странах тихоокеанского и индийского бассейнов. В результате произошел уже упоминавшийся взлет американской бирманистики и появление целого ряда ценных научных исследований по Бирме (монографии Дж. Кейди, Л. Дж. Валинского, Дж. Силвертайна, Ф. Н. Трейгера, В. Либермана и многих других)⁶. Отметим также исследования Д. И. Стайнберга, который в последние 15 лет активно и успешно занимается актуальными политико-экономическими проблемами Бирмы, выступая, в частности, против экономических санкций Запада.

Несмотря на общее сокращение исследований в Великобритании, там сохраняется традиция серьезного изучения Бирмы и появляются время от времени отличные работы по этой стране. Среди прочих стоило бы выделить монографии Х. Тинкера, Д. Вудмен, а в последние

десятилетия—два — работы Р. Тейлора (американца, перешедшего в британское подданство) и М. Смита⁷. Книга Р. Тейлора «Государство в Бирме» (1987 г.) выделяется своим вниманием к социальным вопросам развития Бирмы в XX в. и едва скрываемой симпатией к военному режиму этой страны, что (и то и другое) не характерно для западной бирманистики. Исследование же Мартина Смита «Бирма. Повстанческое движение и этническая политика» вообще заслуживает особой похвалы за собранные уникальные материалы как образец фундаментального исследования важнейших для Бирмы проблем внутренней борьбы и единства (до него такой работы еще не было).

Следует подчеркнуть, что работы англо-американских авторов обычно очень содержательны по материалам и поэтому весьма полезны именно авторитетной и обильной фактурой, которая недоступна российским исследователям (особенно в тяжелом положении с источниками и литературой по Бирме они оказались в 90-е гг.).

Есть ценные бирманистские исследования в Чехии (книга Яна Бечки по японской оккупации Бирмы), в ФРГ (Э. Саркисянца по буддизму, К. Флайшманна — по компартии Бирмы), во Франции (где работает под руководством Дениз Берно группа французских бирманистов разного профиля) и в Японии⁸. Что касается последней, то следует назвать коллективную работу японских и бирманских ученых «Бирма и Япония. Основные исследования их культурной и социальной структуры»⁹.

Есть авторы по бирманской тематике, которых трудно отнести к какой-либо стране, но не сказать о них невозможно. Так, Бертил Линтнер, журналист шведско-австрийского происхождения, женатый на бирманке (шанке), приехал в Юго-Восточную Азию в 1975 г. и стал с 1980 г. постоянно жить и работать в Бангкоке корреспондентом журнала «Far Eastern Economic Review» по Бирме и Лаосу. Ему принадлежат многие аналитические статьи о политической ситуации в Бирме за многие годы. Но он также и автор нескольких книг по этой стране. Среди них выдающаяся по теме, источникам, добытым на месте, и проникновенности книга «Бирма в восстании. Опиум и повстанчество после 1948»¹⁰. Нельзя не согласиться с мнением уже упоминавшегося Д. И. Стайнберга, что «в определенном смысле это — история Бирмы со времени независимости»¹¹. Во всяком случае, это авторитетное и глубокое по источникам, знанию и пониманию исследование, которое может соперничать только с превосходной книгой также упоминавшегося выше англичанина Мартина Смита.

В Бирме в последние десятилетия вследствие возросшей изоляции страны от внешнего мира недостаточно известно об исследованиях местных ученых, в том числе бирманистов по профилю. В целом среди них надо назвать следующих (кроме упомянутых ранее). Это д-р Хла Пэ, У Тун Вей, Р. М. Сундрам, д-р Тан Тун, д-р Ба Хан, У Чо Тэ, Маун Хтин Аун, д-р Маун Маун, У Маун Маун Джи, У Маун Маун, До Чан, д-р Эй Хлайн, М. Аун-Твин, Ни Ни Мьин, Тант Мьин-У и др. Часть из них — традиционалисты по воззрениям, часть — уже включилась в современную науку.

Бирманская историография по Бирме была бы неполна и искажена, если в нее не включить многочисленные работы и документы, связанные с деятельностью политических лидеров Бирмы в борьбе за освобождение страны от колониализма и дальнейшее ее независимое развитие. Здесь мы должны прежде всего отметить выступления и речи У Аун Сана (1915–1947), национального героя Бирмы, считающегося в стране архитектором ее независимости, хотя он и не дожил до нее, будучи убит противниками и реакционерами; У Ну (Такин Ну) (1907–1995), преемника Аун Сана и первого премьер-министра независимой Бирмы в 1948 — начале 1962 г. (с некоторым перерывом); генерала Не Вина (1911–2002), лидера Бирмы в 1962–1988 гг.; доктора Маун Мауна (1924–1994) — адвоката и ученого, последнего и единственного гражданского президента страны (после Не Вина), который был отстранен от власти менее чем через месяц в ходе краха военно-социалистического режима Не Вина и образования новой военной хунты страны (с сентября 1988 г. по настоящее время). Д-ру Маун Мауну удалось перед смертью опубликовать свой анализ последнего года правления и падения режима Не Вина, написанный с позиций попыток найти мирный, гражданский исход в ходе резкого противостояния сил демократической революции и армии — основы режима Не Вина.

4. Отечественная бирманистика

Бирманские первоисточники и документы вместе с серьезными исследованиями и материалами западных авторов и изданий, включая колониальные, составляют одну библиографическую базу отечественных работ по бирманистике (ведь собственных первоисточников по Бирме у нас почти нет)¹². Сюда надо отнести также и издания ООН

и смежных международных организаций, публикующих материалы о странах Востока. Условно к западной литературе относится и четырехтомный труд «Кембриджская история Юго-Восточной Азии» (1992, 1999), где есть небольшие разделы по истории Бирмы*.

Другой базой отечественных работ по Бирме являются собственные исследования по различным научным дисциплинам по этой стране. Они ведутся уже более пятидесяти лет и создали свои традиции, подходы и стиль (как в положительном, так и отрицательном смысле). Это работы, основанные главным образом на изучении источников и литературы, так сказать, «на дому», за письменным столом, но ряд наших бирманистов смогли за долгие годы посетить Бирму хотя бы в краткосрочных поездках, а некоторые — даже провести нечто вроде «полевых исследований» (научные работники, дипломаты).

Систематическое научное изучение Бирмы в СССР/России началось с 1950-х гг. и концентрировалось в основном в Институте востоковедения АН/РАН, прежде всего в отделе Юго-Восточной Азии, где стали разрабатываться проблемы истории, политики и экономики этой страны. Темы по бирманскому языку изучались в другом отделе Института, но постепенно бирманской тематикой стали заниматься и в других отечественных центрах знаний — в ЛГУ, МГУ—ИСАА, Институте этнографии АН, Саратовском университете. В Петербургском университете главное внимание бирманистов с самого начала было обращено на языкознание и литературоведение.

Среди первых «устойчивых» ученых-бирманистов в Институте востоковедения были географ Н. И. Лазарев (1902–1967), историк А. Н. Узянов (1916–2004), тогда заведующий сектором истории в отделе ЮВА; историки А. С. Кауфман (1914–1995), М. Г. Козлова и автор этих строк; экономисты А. П. Муранова и А. Ф. Жабреев. Позднее в эту группу бирманистов вошли экономист И. П. Азовский, историк, писатель-фантаст, художник и культуролог по складу ума И. В. Можейко (1934–2004), историк В. С. Котляров (1925–1995), экономист С. М. Макарова, литературовед Г. П. Попов, также литературовед из Ленинграда Е. А. Западова, демограф А. Р. Вяткин, экономист А. А. Симония. Экономист С. А. Былинjak первоначально занимался финансовыми проблемами Бирмы.

* The Cambridge History of Southeast Asia. Edited by Nicholas Tarling. Vols. I–IV. Cambridge University Press, 1992–1999.

Ряд из этих специалистов составили неформальную факультативную группу бирманистов при отделе ЮВА. Ее первоначальным руководителем был А. Н. Узянов. С бирманистами Института контактировали прямо или косвенно историки А. Г. и Ю. Н. Гавриловы, супруги С. С. и Н. Н. Ожеговы, архитектор и искусствовед-аналитик А. Малов (ЦК КПСС), историк В. П. Кудинов, историк Л. Н. Журавлева (Саратовский университет), лингвист Г. Ф. Минина, этнограф Г. Г. Стратанович (1912–1977) и ряд других.

В период 1960–1980-х гг. число ученых и журналистов в СССР, писавших по бирманской тематике, достигло, по нашим подсчетам, пятьдесят с лишним человек¹³. Действительное число исследователей в этой области в целом составляло не больше 40–50% от указанного числа. С течением времени и оно стало уменьшаться. (Переход специалистов на другую тематику и работу, воздействие больших дезорганизующих жизнь внутренних перемен, связанных с распадом СССР, крахом коммунистической системы, переходом на рыночные отношения и провозглашением демократических принципов, и, наконец, убыль людей по естественным причинам.) К середине 90-х гг. бирманская группа Института насчитывала не более 5 человек, а затем еще более сузилась, хотя продолжала как-то функционировать, в том числе с приглашением на встречи работников МИД.

Следует отметить, что в 90-е — начале 2001 г. из числа работников МИДа сформировались два дипломированных бирманиста — Н. И. Листопадов, защитивший докторскую диссертацию по внешней политике Бирмы, и Д. В. Дарченков — кандидатскую по государственному развитию Бирмы в период правительства У Ну. В начале XXI в. в МГУ — Институте стран Азии и Африки — защитил кандидатскую диссертацию по истории Бирмы XI–XVI вв. выпускник этого института А. Е. Кириченко. Так что говорить о полном застое с формированием новых специалистов-бирманистов все же не стоит (хотя получается примерно по одному новому специалисту на десятилетие). Но в самом Институте востоковедения поступлений в аспирантуру по бирманской тематике уже давно нет*.

* Стоит дополнительно упомянуть о защите в 2007 г. кандидатской диссертации Л. В. Цехановой, выполненной по Бирме на кафедре востоковедения МГИМО (У) МИД РФ и посвященной важной теме: «Буддизм и политика в современной Мьянме (1988–2006)». (См. автореферат работы. М., 2007, с. 3–32). См. также: Цеханова Л. В. «Политика ГСМР в религиозном вопросе». — Юго-Восточная Азия в 2005 г. Актуальные проблемы развития. М., 2006, с. 359–369.

Формирование отечественной историографии по Бирме (как, собственно, и других стран Востока) тесно связано с развитием общих исследований по Востоку в Институте (и вне его). Что касается Института, то здесь в последние десять лет самым свежим прорывом в область осмысления, переосмысления и модернизации понимания характера, проблем и итогов общего развития и отдельно взятых его стран служит шеститомный коллективный труд «История Востока», охватывающий весь период с древности до наших дней (2000 г.). С 1995 г. по 2004 г. пока вышло четыре тома. Он заслуживает, надо думать, одобрения всех тех, кто заинтересован в изучении Востока (или знаниях о нем), а также историков общего профиля и страноведов. Такие фундаментальные коллективные труды выходят отнюдь не часто.

Не говоря о страноведческих разделах, более широкий и принципиальный интерес в этом издании вызывают общие разделы, которые в ряде случаев содержат широкие историографические обобщения и новации. Наиболее важны и значительны, на наш взгляд, разделы «Азия на рубеже древности и средневековья» (автор — Л. Б. Алаев, т. II, гл. I); «Восток в мировой типологии феодализма. Восточный феодализм» (К. З. Ашрафян, Л. Б. Алаев, т. II, гл. VI); «Формационное развитие стран Востока на рубеже нового времени» (Л. Б. Алаев, т. III, ч. I, гл. 1); «Цивилизации Востока и Запада на рубеже нового времени» (Н. А. Иванов, т. III, гл. 2); «Ранний европейский колониализм в странах Востока» (В. А. Тюрин, т. III, ч. I, гл. 3); «Упадок Востока и переход мировой гегемонии к странам Западной Европы» (Н. А. Иванов, т. III, ч. II, гл. 38); «Модернизация и культурный процесс в Азии» (З. И. Левин, т. IV, ч. III, гл. 1); «Становление современных форм политической жизни на Востоке» (Г. Г. Косач, т. IV, ч. IV, гл. 1).

Нужно назвать также первую отечественную работу по истории Юго-Восточной Азии в целом. Это монография, написанная Д. В. Мосяковым и В. А. Тюриным, — «История Юго-Восточной Азии» (2004 г.). Ее достоинства не просто в том, что она — первая по всей истории региона, но и в том, что в ней по периодам рассматриваются общие для региона процессы в связи с мировой историей и параллельно страноведческие ситуации (в том числе в Бирме).

С конца 1990-х гг. Отдел ЮВА во главе с Д. В. Мосяковым начал при содействии д.и.н. Малетина (МГИМО) издавать ежегодник по актуальным проблемам Юго-Восточной Азии¹⁴. В этом

проекте регулярно публикуются и статьи по современному политическому и экономическому положению в Бирме/Мьянме (авторы В. Ф. Васильев и А. А. Симония). Полезность этих статей, очевидно, прежде всего в том, что они пишутся по свежим источникам и появляются ежегодно.

5. Достижения и слабости отечественной бирманистики

Как можно оценить состояние российской бирманистики само по себе и в плане дальнейшей работы?

Самое важное за прошедшие десятилетия (с 1950-х гг.) состоит в том, что были заложены основы существования и развития отечественной бирманистики как одной из востоковедных дисциплин. За прошедшее время наши исследователи написали десятки книг, брошюр и разделов книг по этой стране, получили определенную известность и внутри страны, и за рубежом, хотя языковой барьер (издание большинства наших работ на русском языке) резко ограничивал наш «иностраный рынок» (как и по другим дисциплинам). Динамика наших работ по Бирме отражена в ряде библиографий отечественных и иностранных изданий¹⁵. Выше говорилось о «специальном докладе» по Бирме Вильсоновского центра в 1986 г. Автор этих строк, наряду с докладом о советской бирманистике, поместил в это издание библиографию с краткими аннотациями на примерно 70 названий советских книг и брошюр, вышедших у нас с 1950 г. по 1986 г., и свыше 60 глав и разделов по этой стране в других изданиях по Востоку¹⁶. Это — наиболее полная презентация (правда, на английском языке) работ наших бирманистов к концу 80-х гг.

Наши авторы-бирманисты за долгие годы исследовали много историко-политических и экономических проблем колониального, послеколониального и отчасти доколониального периодов Бирмы. Это и создавало собственную историографическую базу по бирманистике в нашей стране. Нужно подчеркнуть, что особо значительный вклад отечественные специалисты по Бирме внесли в разработку проблем освободительного движения в этой стране. Здесь их достижения на основе методологических позиций антиколониализма явны. Некоторые успехи были и в сфере изучения экономики Бирмы (на наш взгляд, преимущественно в аграрном вопросе). Бесспорны успехи также

в области финансово-экономических проблем, языкознания (издание бирманских словарей) и литературоведения (капитальная работа по бирманской прозе XX в., написанная Е. А. Западовой).

Но нужно высказать и критические замечания, отметить слабые места наших работ по этой стране, особенно в сфере современной истории, политики и идеологии. В ряде вопросов наши исследования здесь оказались слишком идеологизированы и догматизированы под давлением официальных позиций и пропаганды времен руководящей роли КПСС, прямо или косвенно давивших на все общественные науки в стране. Это сдерживало открытые дискуссии и вообще объективное рассмотрение проблем современного развития Бирмы. Так или иначе, этот политико-идеологический пресс затронул наших авторов.

Среди наиболее вредоносных политико-идеологических установок, шедших от КПСС и отразившихся в наших работах, были тезисы о невозможности достижения колониями национальной независимости без руководящей роли коммунистов, их гегемонии в освободительном движении. Такие установки были распространены особенно с конца 1940-х гг. до смерти И. Сталина и XX съезда КПСС. Потом эта формула была несколько смягчена, и речь пошла о том, что независимость без коммунистов — слабая, неполная и нужен-де единый фронт левых сил. Бытовал вначале и тезис о реакционности национальной буржуазии. Отсюда настороженное (по меньшей мере) отношение к первому национальному правительству независимой Бирмы — правительству У Ну, считавшемуся у нас тогда почему-то буржуазным. В радиопередачах Москвы на Азию в те годы к правительству У Ну было просто враждебное отношение («марионетка империализма»). Примечательно, что, несмотря на официальное установление отношений СССР с Бирмой в 1948 г. — году провозглашения ее независимости, советское посольство в Рангуне, в Бирме, в первые три года было неполным. В стране тогда шла ожесточенная гражданская война, развязанная местной компартией, чутко прислушивавшейся к сигналам из международного коммунистического центра и пытавшейся добиться власти китайским путем — путем прямой вооруженной войны в Бирме. Тогдашняя советская дипломатия могла просто тянуть время, ожидая, кто кого победит в этой войне, и тогда уже принять окончательное решение, с какой стороной развивать полноценные отношения.

Давление тоталитарных установок коммунистической идеологии можно было проследить и по тому, например, что в публикациях по

Бирме критика пороков колониализма переходила в пропаганду против иностранного капитала в стране, за его полную национализацию и в поощрение линии отказа от инвестиций Запада и его помощи.

Демократия (именовавшаяся буржуазной) подверглась также резкой критике и классовому осмеянию. В целом явственно принижалось национальное начало в историческом процессе и преувеличивался интернациональный, но коммунистический фактор. Так, через много лет, в 90-е — начале 2000-х гг., американское руководство в своих усилиях распространить демократию в мире повторит эту ошибку игнорирования роли национального начала во внутренних процессах разных стран и сделает упор на давление внешнего интернационального фактора. История как бы говорит и повторяет противникам свободного хода развития: внешняя интервенция хотя бы политико-идеологического плана вредна или бесполезна, если не учитывает полностью базового национального фактора, фактора права собственного выбора, взирая на общий ход современного исторического развития стран и народов.

Из-за совокупности причин, связанных с упомянутыми выше различными обстоятельствами, первый период истории независимой Бирмы (первые 14 лет) глубоко не разрабатывался в нашей бирманистике. Дело ограничивалось в основном констатацией о гражданской войне, экономической разрухе, неудачах капиталистического пути развития и ошибках и слабостях руководства У Ну. В целом же он получал у нас одностороннюю отрицательную оценку, хотя мы просто плохо в нем разобрались. А затем этот период как бы отошел в сторону, в историю, и его «затмил» более длительный и «громкий» период «бирманского пути к социализму».

Историографически; следовательно, есть потребность вновь обратиться к проблемам первых 14 лет независимости Бирмы, с тем чтобы рассмотреть их более всесторонне и объективно и с учетом всего хода бирманской и мировой истории.

Переход в 1962 г. к периоду «бирманского пути к социализму» создал в изучении Бирмы новые проблемы. Если в оценках периода У Ну мы допустили односторонность негативного плана, то в отношении «бирманского пути к социализму» односторонность стала положительной: крен в позициях КПСС и был сделан в сторону дружественного признания «бирманского социализма». В документах КПСС он был назван «социалистической ориентацией» и получил подчеркнутое идеологическое и политическое одобрение. Можно даже говорить о том, что

руководство КПСС попыталось как-то патронировать «бирманский социализм», стремясь сделать его более похожим на советский. Но это полностью не получилось (бирманцы очень дорожат своей независимостью и не хотят следовать указаниям внешнего ментора).

Бирманисты в целом следовали директивным указаниям советского партийного руководства (тезис о «социалистической ориентации» вошел в партийные документы КПСС) и достаточно высоко оценивали «Бирманский путь к социализму», критикуя лишь явные леваческие перегибы в его экономической политике. Серьезного и всестороннего анализа социалистической ориентации мы не сделали (как не делало этого советское руководство в отношении социализма самого СССР). История оказалась разрушительной как для «бирманского пути к социализму», так и для советского социализма. Оба потерпели крах в самом конце 80 — начале 90-х гг.

Что касается этого второго периода независимой Бирмы, то историографически он тоже недостаточно разработан. Очевидно, что к нему требуется новый более широкий и критический подход с учетом как бирманских реалий, так и уроков мирового социализма. Многое здесь нуждается в переосмыслении. Во всяком случае, научное исследование этого периода востребовано в историографии независимой Бирмы не только потому, что он недостаточно разработан и был самым длительным, но и потому, что окончился гораздо более крупным провалом, чем первый период при У Ну, и вызвал демократическую революцию в стране.

Подавление этой революции привело к нынешнему — третьему — периоду истории независимой Бирмы, периоду диктатуры новой военной хунты, который продолжается с 1988 г. по настоящее время.

6. Назревший вопрос о монографической работе по всей истории современной Бирмы/Мьянмы (XX век)

Третий период независимой истории Бирмы исследован менее всего и требует особой разработки, хотя источников и материалов по нему весьма мало из-за политики ограничения связей нынешней Бирмы с внешним миром.

Таким образом, по разным причинам нельзя быть удовлетворенным состоянием изучения в России ни одного из трех периодов истории независимой Бирмы. Все они требуют дальнейшего исследования,

переосмысления одних положений, корректировки других, переделывания третьих.

Но невольно встал более общий вопрос. Чем дальше идет время, тем старше становится независимая Бирма. К концу XX в. ей стало уже 50 лет и более, а в 2008 г. ей — все 60. Все это заставляет думать о том, что изучение независимой Бирмы/Мьянмы с историографической точки зрения нуждается в нашем востоковедении не только в улучшении различных разделов и частей своей истории, но и в написании широкой обобщающей работы об истории Бирмы/Мьянмы в XX в., в которой история колониальной Бирмы, начавшаяся в конце XIX в., состыковалась бы с 1948 г. с историей независимой страны и составила бы единое монографическое полотно. Такая монография могла бы исправить все те методологические и субъективистские недостатки, о которых говорилось выше, и вместе с тем поднять все исследование на уровень новых фактов и современного научного мышления. Надо признать, что такой работы, которая бы охватывала весь период независимой Бирмы вплоть до 2000 г., пока еще нет во всей международной бирманистике. Автор этих строк рискнул взять на себя задачу заполнения этой лакуны и попробовать написать такое исследование и совершить, так сказать, «историческое путешествие» от Бирмы-колонии до независимой Бирмы наших дней. Он это сделал, опираясь на свой более чем пятидесятилетний опыт научной деятельности в Институте востоковедения в области бирманистики и современной истории ЮВА, на свои опубликованные и неопубликованные работы, на всю толщу известных и новых источников и материалов, на множество книг и статей бирманистов других стран, включая, конечно, по возможности саму Бирму/Мьянму.

Автор стремился дать связную и объективную картину более чем вековой истории развития страны, критически раскрывая противоречия и трудности этой истории и показывая как позитивные, так и негативные стороны процесса. Вместе с тем он переосмыслил и пересмотрел некоторые подходы к этой истории, которые кажутся ему необходимыми в наше время глобальных перемен и практически возможными в условиях демократии. Автор чувствует в принципе удовлетворение от работы над этой книгой. Но насколько она удалась — судить прежде всего читателям.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН: ИЗ ПРОШЛОГО БИРМЫ

1. Истоки

Далекими предками бирманцев считаются скотоводческие и земледельческие племена цянов, которые до нашей эры обитали в Западном Китае в верховьях реки Хуанхэ (предположительно современная провинция Ганьсу). Уходя от набегов китайских соседей (ханьцев), они начали в первые века нашей эры многовековую миграцию к югу, пройдя через Тибет, где часть их остановилась, дав начало тибетцам, и дойдя до северной части Верхней Бирмы. На своем длительном пути они смешивались с другими этносами, образовав основную группу тибето-бирманских племен и народностей, в составе которой числятся тибетцы, тангуты, бирманцы и родственные им подгруппы. Следующим этапом этногенеза бирманцев, который, в отличие от цянов, оставил осязаемые материальные следы в истории, были племена пью, относимые также к тибето-бирманской группе, которые появились в Бирме, по разным данным, в первых веках нашей эры (с I в. по VI в.) и достигли довольно высокого уровня экономического и культурного развития. Они построили в районе нынешнего бирманского города Пье (Пром) свою столицу Шри Кшетра, а также города в других местах, в том числе вторую столицу — Халинджи. Считается, что культура пью процветала примерно в середине I тысячелетия. Государство пью было разрушено и разграблено в 822 г. государством Нанчао (современная провинция Юньнань и южнее). Историки полагают, что пью частично смешались с той новой волной южных монголоидов — тибето-бирманских мигрантов с севера, появившихся в долине реки Иравади примерно в середине IX в., и которые были уже бирманцами (мьянма). Они постепенно стали основной этнической группой Бирмы, не говоря о монах (мон-кхмерская группа), появившихся здесь еще до нашей эры и имевших с добирманской древности свои государства на юге Бирмы. Они тоже стремились к расширению своих владений к северу, к центральной Бирме¹. Вооруженная борьба бирманцев

и монов за преобладание в Бирме занимает весь древний и средневековый периоды истории страны, пока в 1757 г. моны не были окончательно покорены бирманцами и последние установили в Бирме свою неоспоримую этнополитическую гегемонию. Моны на ранних этапах были более продвинуты в культурном отношении (связи с Индией), и бирманцы многое от них заимствовали (индийскую письменность, буддизм тхеравады, навыки строительства и разные искусства)². Было, по-видимому, и обратное влияние.

2. Три бирманских империи

Бирманский историк У Маун Маун так охарактеризовал историко-этническую и династическую структуру традиционной Бирмы: «В династийские времена Бирмой правили три из ее коренных народов — бирманцы, шаны и моны. Из этих трех народов только бирманцы правили всей территорией Бирмы в течение большей части времени. Тем не менее, моны были самым древним из народов Нижней Бирмы, а шаны правили Верхней Бирмой в течение двух столетий после падения Пагана. Другие народы, жившие в горных районах, были на примитивном уровне и жили согласно своим племенным законам и обычаям под властью своих вождей, но, будучи в вассальной зависимости от тех, кто правил Бирмой, время от времени платили им дань и поставляли воинов, когда требовалось. Бирманские короли мало вмешивались во внутренние дела этих народов. Шаны были буддистами и принадлежали к той же культуре, что и бирманцы, и были правящим классом для многих племенных групп, обосновавшихся на шанском плато»*.

Национальная историография Бирмы делит доколониальную бирманскую государственность на три основных периода.

Паганское государство образует первую бирманскую империю или «империю храмостроителей» (1057–1287). Она была основана королем Аноратой и впервые в истории страны объединила бирманцев (мьянма), монов и пью в единое большое государство. Оно подчинило мелкие образования в долине Иравади и других районах, а самое главное — захватило и включило в свой состав монское государство на юге. По своим географическим пределам Паганская империя охватила сердцевину будущей Бирмы. Время Пагана считается «золотым веком»

* U. Maung Maung. *Burmese nationalist movements...*, с. 273.

Бирмы (правление королей Нарпатиситу и Надаунгмья). В этот период она впервые утвердила свою государственность и тип цивилизации, основанный на буддизме тхеравады. Непревзойденным памятником первой бирманской империи стал сам город Паган, постепенно застроенный тысячами великолепных буддийских храмов-пагод и называемый некоторыми «восьмым чудом света». Паган создал как бы общие географические, демографические и культурные параметры последующей истории Бирмы. Возможно, масштабы внешней экспансии Пагана, чрезмерная трата сил и средств на строительство пагод и не в меньшей мере внутренние раздоры привели к истощению казны и ослаблению первой бирманской империи. Она рухнула в 1287 г. под натиском армий Хубилай-хана, монгольского императора Китая. Наступил период длительного распада страны. Возникли мелкие, враждовавшие друг с другом государства. Моны и араканцы отделились. С севера пришли шанские племена, создавшие свои княжества. В это смутное для нее время Бирма очень страдала от набегов шанов. От прежнего Паганского государства сохранилась небольшая часть — бирманский район в центре страны в виде княжества, ставшего вассалом Китая³.

Вторая бирманская империя существовала с 1531 г. до 1752 г. Ею правили короли династии Таунгу (название по первоначальной столице). Эта династия подразделяется историками на 2 подпериода: «1-ю династию Таунгу» (1531–1597) и «восстановленную династию Таунгу» (1597–1752). В XVI в. и XVIII в. в Бирме установилась, как пишет М. Г. Козлова, «устойчивая тенденция к созданию имперской политической модели, к объединению государственных структур бирманцев, араканцев, монов, шанов, а также народов, находящихся на более низких ступенях развития»⁴. Стоило бы только добавить: «новой имперской модели», так как уже в Паганский период наблюдалась тенденция как к объединению, так и к «имперскости». При первых королях династии Таунгу — Табиншвети (1531–1550) и Байиннаунпе (1551–1580) были совершены крупные завоевательные походы на Востоке и Западе, в результате которых Бирма подчинила на севере шанские княжества, завоевала княжество Манипур (Индия), Юньнань (Китай), Лаос и Сиам и таким образом превратилась в крупнейшую империю на материковой части Юго-Восточной Азии. В 50–80-х гг. XVI в. под властью Бирмы оказались в том числе обширные районы Западного Сиамы, включая Чиенгмай, Сукотай и саму тайскую столицу — Аютию. При этом Бирма получила дополнительный выход к морю — через Сиамский залив (из устья р. Менам), то есть с восточной стороны полуострова

Малакка. Столица второй бирманской империи была перенесена из Таунгу в Пегу (бывшую столицу монского государства), который был крупнейшим морским портом Бирмы (после XVII в. река Пегу изменила русло и отрезала город от моря). Особенно стоит отметить то обстоятельство, что в период династии Таунгу Бирма включила в себя почти все территории, которые стали ее частью в современный нам период (и даже несколько больше). Только Аракан тогда еще не был завоеван.

В годы второй бирманской империи в XVI в. началось постоянное европейское проникновение в Бирму. Первыми были еще венецианцы (XV в.), затем португальцы, за ними появились голландцы, потом — англичане (с середины XVII в.) и позже — французы. Первоначальные коммерческие интересы сменились политическими и территориальными.

Вторая бирманская империя, во многом подобно первой, во второй половине своего существования стала разрушаться под собственной тяжестью. В ней не было внутренней стабильности. Ее ослабляли восстания народов, которых она покорила или пыталась покорить, происходили восстания араканцев, монов, тайцев. Подрывали власть традиционные внутрибирманское соперничество и распри. Не помогло прекращение (временное) политики завоеваний соседних стран, перенос столицы из Пегу в «чисто» бирманскую Инва (Аву) (1634 г.), проведение некоторых административных реформ. К концу XVII в. страна стала распадаться из-за внутренней борьбы, разрушительных набегов на империю китайцев, манипурцев, сиамцев и серии атак монов на Инву. Все это привело вторую бирманскую империю к концу в 1752 г.⁵

Третья бирманская империя (1752–1885) во главе с новой династией Конбаунов ведет начало с основателя этой династии короля Алаунпая (1752–1760). Иногда ее называют также его именем. Третья бирманская империя заняла особое, в целом трагическое, место в истории страны. Она оказалась последней бирманской монархией с ее последним «взлетом» и была также последним независимым государством перед английской аннексией.

Приход к власти короля Алаунпая произошел в период резкого ослабления страны и вторжения монов, захвативших центр Бирмы и даже саму столицу Инву с целью создания под монским началом нового объединенного государства. Но это была последняя и неудачная попытка реставрации монского могущества. Действия монов на

фоне их векового соперничества с бирманцами за власть вызвали в Бирме освободительный патриотический подъем. Во главе с королем Алаунпайя возникло широкое антимонское вооруженное сопротивление (в центре вокруг г. Шуэбо). В 1755 г. бирманская армия перешла в наступление и нанесла монам поражение. Она не только освободила свои земли, но и окончательно подчинила Бирме само монское государство. Страна была вновь объединена под началом бирманцев. Морской порт монов Дагон Алаунпайя переименовал в Янгон (Рангун), что означает «конец вражде».

В конце XVII — начале XIX в. Бирма стала самым крупным и сильным государством за все время своего существования. Третья бирманская империя была грозой своих соседей. Она значительно расширила свои географические и политические границы. Помимо разрушения и подчинения себе монского государства на юго-востоке, Бирма завоевала также Аракан в 1785 г. (на этот раз тоже окончательно). Она захватила княжество Манипур, пыталась поставить своего ставленника в княжестве Ассам (в Индии), выдвинула территориальные претензии на Бенгалию, с которой стала граничить, вела несколько завоевательных войн против Сиама, стремясь превратить его в своего вассала, восстановила свой контроль над княжеством Чиенгмай и лаосским королевством Вьентьян. Подчинение Сиама в конце концов не удалось — он восстановил свою независимость, но потерял в пользу Бирмы свою юго-западную провинцию Тенассерим (на полуострове Малакка и перешейке Кра).

Наиболее могущественными королями династии Конбаунов были, кроме Алаунпайя, Синбьюшин (1763–1776) и Бодопайя (1782–1819). При последнем третья бирманская империя достигла своего наибольшего территориального размаха. По своей завоевательной политике Бодопайю ставят на второе место после короля Байинауна из династии Таунгу (конец XVI в.). При Синбьюшине Бирма успешно оборонялась против четырех вторжений Китайской императорской армии (60-е гг. XVIII в.).

Но наиболее выдающимся королем Бирмы стал предпоследний правитель династии Конбаунов — Миндон (1853–1878). Он начал проводить ряд реформ, стремясь модернизировать страну перед лицом нависшей угрозы полного завоевания Бирмы Англией. Он пришел к власти сразу после второй англо-бирманской войны, в результате которой Англия захватила провинцию Пегу, то есть всю южную (нижнюю) Бирму.

Территориальные захваты стали причиной больших внешнеполитических неприятностей для Бирмы. Речь прежде всего идет об экспансии бирманских королей на западе. Захват Аракана в 1785 г. вывел Бирму на границы с Бенгалией, которую, в свою очередь, подчинила себе Английская Ост-Индская компания, владения которой стали теперь непосредственно граничить с бирманскими и теми пограничными княжествами, которые Бирма считала своими вассалами или на которые она претендовала. Феодалный экспансионизм бирманских королей («побольше новых вассалов») и капиталистический экспансионизм Англии (жажда умножения торговой наживы и прочных политических плацдармов для дальнейшего продвижения в глубь Азии, к Китаю) должны были неминуемо столкнуться. Это привело к первой англо-бирманской войне 1824–1826 гг., закончившейся поражением Бирмы и аннексией ее территорий на западе и востоке страны в пользу Англии. Последующие две англо-бирманские войны 1852 г. и 1885 г. были уже чистым проявлением колониального хищничества Англии. Эти войны, ускоренные англо-французским соперничеством в Бирме, стали концом третьей бирманской империи. Бирма стала английской колонией.

Эпоха Конбаунов представляет самый доступный объект для ознакомления с бирманским доколониальным обществом в его последних вариантах⁶.

Бирма даже в начале — середине XIX в. была государством восточно-феодалного типа с явными чертами полиэтнической империи, стремившейся к расширению. Она обладала одной из наиболее могущественных в регионе армий, которая не раз наносила поражения соседям и завоевывала их (хотя бы временно). Вместе с тем доколониальная Бирма была в основе сугубо традиционным, внутриконтинентальным, изолированным от внешнего мира (не считая соседей) и застойным обществом в социально-экономическом отношении, особенно до середины XIX в., которое из периода в период в целом воспроизводило самое себя на базе натурального хозяйства, королевских монополий и сословной регламентации (распределением по группам тех или иных категорий населения).

Абсолютная власть в стране сосредотачивалась в лице бирманского короля — минджи, торжественно именовавшего себя «повелителем восходящего солнца и белого слона, властелина над жизнью и смертью и имуществом всех живущих», как цитируются бирманские источники в английском газетире 1900–1901 гг.⁷ Но при этом

доколониальная Бирма была не простым и примитивным, а достаточно сложным иерархическим и структурированным обществом, причем власть короля, теоретически абсолютная, фактически была все же ограничена некоторыми институтами (как Хлудо — Государственным советом /или Советом министров/ и Бьедаем — Тайным советом). Он правил вместе с придворной аристократией, феодалами — министрами и генералами — и при этом опирался на средние и нижние феодальные чины в провинциях (мьютуджи, туджи). Главной силовой базой и основным инструментом защиты короля и принуждения подданных и завоеванных народов была армия с ее постоянным и рекрутируемым (по разрядам населения) составом.

Бирма в доколониальный период сформировалась как отдельная цивилизация, основанная на буддизме тхеравады. Хранителем духовных ценностей этой цивилизации выступало буддийское монашество (сангха), которое обеспечивало преемственность не только веры и мудрости самого буддизма, но в немалой степени стабильность существовавшей общественной и политической системы в стране, не говоря уже о том, что обучение населения (преимущественно мальчиков) основам грамоты и счета находилось всецело в руках буддийских монахов.

И все же бирманское общество на протяжении многих веков, а в данном случае в XVIII — начале XIX в., отличалось формационным застоем. Социально-экономический прогресс был незначителен: о крупных реформах речи не было. Даже административная жизнь повторялась в жестких традиционных формах. Чувствовалась многовековая оторванность, изоляция страны от динамично развивавшихся государств Европы. Связи с ней, представление о ней были ограниченными и искаженными. Европейцы иногда изображались как «еретики», «варвары», отставшие в своем развитии от богатого и просвещенного буддизмом Востока. Этот комплекс неосведомленности и «превосходства» сыграл с Бирмой в начале XIX в. трагическую роль, породил у ее правителей шапкозакидательские настроения в отношении англичан, непонимание их реального военного и экономического потенциала и содействовал в немалой мере поражению Бирмы в англо-бирманских войнах.

Только во второй половине XIX в., уже в ходе английского завоевания Бирмы, наступило запоздавшее «отрезвление» относительно подлинного соотношения силы Бирмы и Англии и решающей отсталости первой в военном, экономическом и ряде других отношений.

Уже упоминавшийся «добрый и миролюбивый» король Миндон прислушался к предложениям своих более осведомленных и просвещенных советников, выступавших за модернизацию и реформы в стране. В результате король открыл путь ряду преобразований, обновлению в административной, экономической, финансовой, судебной и военной сфере, предпринятых в 1853–1870-х гг. Современный бирманский историк пишет: «Миндон хотел модернизировать Бирму, в которой бы ключевые институты монархии и буддийского ордена оставались в виде симбиоза и укреплялись бы наряду с импортированными технологиями, достижениями науки, промышленности и новыми структурами бюрократического правительства (здесь, видимо, речь идет о регулярно устроенной администрации государства. — *В. В.*). Он также хотел такой модернизированной Бирмы, которая бы оставалась независимой и была другом Англии»⁸.

Некоторые из реформ были проведены или хотя бы начаты, но их успех был только частичным. Во-первых, не хватило времени на их осуществление. Во-вторых, они натолкнулись на сопротивление местных традиционалистов, подрывались распрями в верхах, доходившими до заговоров против Миндона. Более того, некоторые реформы тормозились самими англичанами (там, где задевались их торговые интересы, скажем, в связи с королевскими экономическими монополиями). Во всяком случае, реформы Миндона не привели к модернизации страны перед последним английским военным натиском на Бирму. После аннексии Бирмы ее модернизация пошла иначе, в новых условиях, под началом новых — колониальных — хозяев страны. Начался новый период истории Бирмы — в рамках уже Британской империи.

В период английского завоевания Бирмы бирманская армия, несмотря на попытку ее модернизации, не смогла противостоять английской (англо-индийской) армии. Но в истории бирманских империй на протяжении веков это был важнейший, после короля и его окружения, государственный институт, который успешно справлялся как с задачами защиты трона, так и проведения политики завоевания соседних стран и территорий. Поэтому можно сказать, что бирманская империя имела в феодальных специфических рамках вполне милитаризованный характер.

3. Англо-бирманские войны

Литература по этим войнам довольно обширна и подробна⁹. Тем не менее, автор счел нужным включить в свою книгу специальный

раздел о них. Дело не только в важности этих событий для истории Бирмы в ходе ее завоевания Англией, но и в том, что результаты этих войн оказали сильное непосредственное воздействие на формирование политики и форм британского колониализма в Бирме в последующий после захватов период. Особенно это касалось последней, третьей, англо-бирманской войны (1885 г.), приведшей к полной аннексии Бирмы, происшедшей всего за 15 лет до XX в. и позволившей завоевателям распространить в рамках всей страны колониально-капиталистическую систему. Конечно, начало этой системы следует датировать еще со второй англо-бирманской войны (1852 г.), которая привела к захвату Англией Нижней Бирмы как территориальной основы этой системы.

Первая англо-бирманская война (1824–1826), как уже отмечалось, началась на почве столкновения интересов и амбиций Англии (Ост-Индской компании) и бирманской империи. В результате захвата Англией индийской Бенгалии в 1757 г. и завоевания Бирмой Аракана в 1785 г. (близкого бирманцам по крови и языку, но существовавшему несколько веков как независимое государство) между английскими владениями в Индии и бирманской монархией возникла общая сухопутная граница. Обе стороны хотели добиться «улучшения» ее в свою пользу, причем Бирма претендовала на установление прочного пробирманского режима в Аракане и вассальной зависимости над несколькими индийскими княжествами вдоль этой границы (Ассам, Джайнтия, Качар и Манипур), которые Англия считала находившимися в своей сфере интересов и контроля. К тому же, в сущности, стремились и английские завоеватели Индии.

Обострение ситуации возникло еще в конце XVIII в. (по разным конкретным поводам). К 1820-м гг. напряжение на границе усилилось, в том числе из-за спора сторон о принадлежности и контроле над островом Шахпури в устье пограничной реки Нааф. В начале 1824 г. бирманская армия вторглась в княжество Качар, однако раджа его провозгласил себя вассалом Ост-Индской компании. То же сделал и правитель Джайнтии. Вновь возник вопрос по поводу острова Шахпури. Тучи сгущались. После завершения Англией войн с маратхами (княжества Махараштра — Западная Индия) и с Непалом руки у нее были развязаны, чтобы вооруженным путем «приструнить» Бирму и решить свои другие колониальные задачи к востоку от Индии. 5 марта 1824 г. генерал-губернатор Британской Индии объявил войну Авскому королевству Бирмы.

Война развернулась по очереди на двух фронтах: сначала на Араканском, потом — на Рангунском (центральном). Бирманской армией командовал генерал Бандула, известный под именем «Великий» (Махабандула). Он сумел провести ряд успешных тактических операций в Аракане и был настроен на победу. Как пишет бирманский историк Тант Мьинт-У, он считал, что «решительная победа» (над англичанами) даст Бирме Восточную Бенгалию, а также «укрепит ее приобретения в новой западной империи Аракана, Ассама, Джайнтии, Качара и Манапура»¹⁰.

Но на практике все сложилось совершенно иначе. Англичане высадили экспедиционный корпус в Рангуне, заняли его и стали угрожать продвижением на север к столице Бирмы. Англо-индийскими войсками командовал генерал-майор А. Кэмбелл. В мае 1824 г. Махабандула был вынужден перебросить свою армию под Рангун и оборонять страну здесь. Англичанам пришлось очень туго. Более года они вынуждены были отражать атаки бирманской армии, а еще больше страдать и гибнуть от нехватки продовольствия (население покинуло Рангун), лекарств, а особенно от тропических болезней, которые косили ряды англо-индийской армии. Решительный поворот в пользу Англии произошел на основе ее военного превосходства на поле боя (современная — в отличие от бирманской — артиллерия и новые ружья). Именно снарядам английской артиллерии в апреле 1825 г. был убит бирманский главнокомандующий Махабандула, что привело к дезорганизации армии Бирмы. Англичане на судах стали подниматься вверх по реке Иравади к столице Бирмы. Бирманской стороне был предъявлен ультиматум, и в конце 1825 г. начались мирные переговоры. Бирма его долго не принимала, и лишь угроза наступления англичан на столицу Бирмы вынудила их согласиться с условиями Англии.

Мирный договор был подписан 2 февраля 1826 г. в деревне Яндабо в 45 милях от столицы страны. По Яндабоскому договору Бирма была вынуждена отказаться от претензий на княжества Джайнтия, Качар и Ассам, согласиться на отказ в пользу Англии от провинций Аракан, Тенассерим и княжества Манипур, а также уплатить контрибуцию в 1 млн. фунтов стерлингов, и кроме того — принять английского резидента в столице и подписать с Англией торговый договор.

Это был тяжелейший для Бирмы материальный и моральный удар. От нее отторгались две провинции — на западе — Аракан, на востоке — Тенассерим. Это было начало расчленения Бирмы колонизаторами. Контрибуция также была огромной для страны. Для оценки

ее реальной тяжести бирманский историк Маун Хтин Аун перевел ее в местную валюту — джа (или рупии) и получил 10 млн. джа. Ценность же джа в 1826 г. можно было определить по стоимости жизни среднего жителя центральной Бирмы, которая тогда оценивалась всего в один джа в месяц¹¹.

Исследователи отмечают, что первая англо-бирманская война оказалась самой длительной и самой дорогой в англо-индийской истории. Она длилась около двух лет и стоила английской казне 5 млн. фунтов стерлингов. Погибло 15 тыс. англо-индийских солдат (из 40 тыс.) и десятки тысяч бирманских¹². Из примерно 3,6 тыс. собственно британских солдат, высадившихся в Рангуне, только 150 были убиты в бою, свыше 3,1 тыс. были похоронены в Бирме, умерев от ран и болезней¹³.

Каковы бы ни были англо-бирманские противоречия накануне войны, как бы ни оценивались тогдашние экспансионистские мечтания бирманского двора о расширении империи, наконец, сколь бы ошибочными и наивными ни выглядели представления бирманцев о силе британского оружия, экономики и наступательно-предпринимательского натиска британцев, — все равно суть результатов первой англо-бирманской войны состояла в том, что это был колониальный захват, агрессия против бирманского государства. Эти результаты были таковы, что надломили силы, национальный дух и гордость бирманцев.

Вторая англо-бирманская война (1852–1853) была почти неприкрытой агрессией против Бирмы. Фоном к ней послужили плохие отношения, сложившиеся после войны 1824–1826 гг., исход которой Бирма и ее правители мучительно переживали. Правительства королей Таравади (1837–1846) и Пагана (1843–1853) тормозили выполнение некоторых условий Яндабоского мирного договора. По утверждению англичан, они чинили разные препятствия, в частности таможенные, английским торговцам в Бирме, не обходилось-де без придинок к ним, притеснений и вымогательств со стороны местных чинов в Рангуне. Все это вызывало раздражение у английской стороны, разжигало настроения в пользу новой войны в Бирме. Особенно далеко идущие аннексионистские требования шли от представителей британских коммерсантов, которые считали независимую Бирму препятствием на пути в Китай. Собственно, речь шла о формальном предлоге для военного выступления.

Он подвернулся в декабре 1851 г., когда губернатор Рангуна оштрафовал капитанов и команды двух британских судов на 1 тыс. рупий якобы за таможенные нарушения¹⁴. Генерал-губернатор Британской

Индии лорд Дж. Э. Дальхузи немедленно отправил в Рангун два военных судна с ультимативным требованием бирманскому правительству отменить штраф и уволить рангунского губернатора. Король Паган и его министры, как пишет бирманский историк, полностью осознавая последствия новой войны, приняли эти условия. Тем не менее, коммодор Дж. Р. Ламперт, британский военно-морской командующий в Рангуне, начал блокаду береговой линии Бирмы. Более того, английские власти в Калькутте, столице Британской Индии, стали считать военные действия в Бирме неизбежными и предъявили бирманскому королю новый ультиматум, требовавший уплаты 1 млн. рупий для того, чтобы (!) «покрыть издержки вынужденной подготовки к войне». И, не дожидаясь ответа, объединенные военно-морские и наземные силы Англии быстро захватили Рангун, Бассейн и Мартабан (три морских порта Бирмы). Сильное, но короткое сопротивление бирманские войска оказали в Рангуне и особенно в г. Пегу, который был взят англо-индийской армией в ноябре 1852 г. В декабре того же года лорд Дальхузи объявил вновь оккупированную территорию (Пегу) новой провинцией — «Британская Бирма». Это владение присоединялось к Британской Индии. Аракан на западе и Теннассерим на востоке Бирмы соединялись теперь через Пегу в сплошную британскую территорию, запершую Авское королевство Бирмы в глубине континента и отрезавшее напрочь от выхода к морю.

Несомненно, что действиям английских завоевателей во второй войне способствовали нестабильность политического положения внутри Бирмы, противоречия «военных» и «мирных» группировок у трона, борьба претендентов за власть, волнения среди окраинных народов страны. В феврале 1853 г. король Паган, считавшийся консерватором и сторонником «партии войны», был свергнут в результате переворота. Новым королем страны стал Миндон, стоявший во главе «партии мира и реформ». Бирманские войска отошли к северу от линии новой аннексии Бирмы, шедшей примерно на широте южнее Таемьо (на западе) и севернее Таунгу (на востоке).

Результаты первых двух аннексий Бирмы Англией можно сравнить с положением человека, лишившегося верхних и нижних конечностей. Английская исследовательница англо-бирманских войн Д. Вудмен сказала о второй: «Никакая война в колониальной истории не была предпринята столь “между прочим”, чем вторая англо-бирманская война, и ни одна из войн не вызывала так мало интереса в Англии. То были дни, когда аннексия воспринималась как само собой разумеющееся

и когда обширные территории в Азии добавлялись к британской короне энергичным генерал-губернатором, их политика и сила с энтузиазмом одобрялись одним парламентом за другим»¹⁵.

Несмотря на усилия английских властей оформить свои новые территориальные захваты в Бирме в виде нового мирного договора, это им не удалось. Все последние бирманские короли вежливо, но упорно отказывались от того, чтобы официально признать факт аннексии Нижней Бирмы (Пегу), тем более юридическим образом в виде договора. Поэтому формального прекращения второй англо-бирманской войны не было. С пришедшим к власти в Бирме миролюбивым королем Миндоном в начале 1853 г. было просто условлено, что сохраняется фактически достигнутое положение, то есть линия, проведенная британской прокламацией 30 июня 1853 г. Она не была подкреплена обменом нот, но признавалась на местах¹⁶. Поэтому временными рамками второй войны в историографии считаются 1852–1853 гг., хотя военные действия разрозненных партизанских групп против колонизаторов продолжались еще несколько лет. Бирманские же правители еще с первой англо-бирманской войны мистически верили в то, что со временем Бирма вернет себе утраченные земли.

Третья англо-бирманская война началась и формально, как война двух армий, закончилась в 1885 г. Англо-индийские войска вторглись в пределы бирманского королевства, еще сохранявшегося в центре и на севере страны. Война произошла в условиях резко ухудшившихся отношений между английскими и бирманскими властями и растущего давления Англии на Бирму с тем, чтобы подчинить ее окончательно. С запозданием Бирма отчаянно пыталась выйти из вековой международной изоляции и заручиться поддержкой некоторых европейских держав, особенно Франции, с которой она ранее поддерживала некоторые торговые отношения. В начале 80-х гг. Бирма послала посольства в Италию, Францию и Германию, заключила с ними соглашения и договоры, которые, как она надеялась, юридически подкрепят ее независимость и суверенитет. Но это вызвало негодование английского правительства и усилило его намерения и призывы (особенно коммерческих кругов) поскорее «кончать с Бирмой».

Король Миндон умер в 1878 г. Вместо него правителем страны стал Тибо, его младший сын, правитель слабый и несамостоятельный. Он подпал под влияние своей своенравной и властолюбивой жены Супаяла¹⁷, проявляя нерешительность и нерасчетливость в государственных делах. Период его правления (1878–1885) — это время

справедливых, но непросчитанных и неумелых акций Бирмы в международной сфере, вызвавших гнев британской стороны, причем главным раздражителем стали установленные Бирмой более близкие отношения с Францией, традиционным врагом Англии и ее соперником в Бирме. Рискованные меры бирманское правительство приняло и в области торговых отношений с Англией. Оно обвинило британскую фирму «Бомбей — Бирма трейдинг корпорейшн» в недоплате платежей за значительную часть добытой ею в Бирме древесины и наложило на фирму большой штраф¹⁸. «Это решение, — писал бирманский историк, — было предназначено судьбой стать самым дорогостоящим для Бирмы — оно стоило королю его трона»¹⁹. Оно было принято Госсоветом (Хлудо) 12 августа 1885 г. Перед Бирмой стояла тогда дилемма — простить нарушения английской компании или настаивать на штрафе. Простить — означало возможность новых нарушений, настаивать на штрафе — значило вызвать гнев английских властей (и коммерсантов) и дать им предлог для прямого вмешательства. И бирманское правительство пошло на второй вариант, смягчив его в последний момент возможностью обжалования дела.

«Спусковым крючком» к началу английской агрессии послужило именно дело о британской лесодобывающей компании на фоне действительных или мнимых угроз со стороны Франции английским интересам в Бирме (слухов о французских интригах в Бирме тогда было немало).

16 октября 1885 г. вице-король Индии предложил Лондону предъявить Бирме ультиматум, который содержал бы три главных требования. Во-первых, дело о британской компании должно быть прекращено, иначе «мы возьмем вопрос в свои собственные руки без какого-либо дальнейшего сообщения бирманскому правительству». Во-вторых, бирманское правительство должно регулировать свои внешние отношения, «пользуясь нашим (английского правительства. — *В. В.*) советом». В-третьих, Англия требовала соответствующих условий для открытия британской торговли с Китаем через северный город Бамо. Из Лондона последовал быстрый ответ на следующий же день. Он гласил: ультиматум Бирме должен быть отправлен одновременно с движением войск и кораблей в Рангун, и если он будет отвергнут, должно быть начато немедленное продвижение войск к столице Мандалаю²⁰.

Ультиматум был вручен бирманским представителям в Рангуне 22 октября и в тот же день был также направлен пароходом в Мандалай. Ответ в недвусмысленных выражениях требовался самое позднее

10 ноября. Он пришел 4 ноября от бирманского министра иностранных дел. Ответ был вежливым и достойным, прежде всего по делу об английской лесодобывающей компании: бирманская сторона соглашалась получить прошение английской стороны с ходатайством о пересмотре дела. По поводу дороги для торговли с Китаем правительство Бирмы соглашалось помочь британцам («или любой другой расе») в этом вопросе. Однако, что касается контроля правительства Англии над внешней политикой Бирмы, то в ответе говорилось, что «внутренние и внешние отношения любого независимого государства регулируются и контролируются в соответствии с обычаями и законами такого государства» и что «дружественные отношения с Францией, Италией и другими государствами были, являются сейчас и будут поддерживаться»²¹.

Этот ответ был расценен правительством Британской Индии как отрицательный. 11 ноября Лондон телеграфировал вице-королю Индии: «Пожалуйста, прикажите генералу Прендергасту немедленно двинуться на Мандалай»²².

Англо-индийские войска, заблаговременно сосредоточенные на северной границе Нижней Бирмы, 14 ноября 1885 г. открыли боевые действия, двинувшись на военных судах вверх по Иравади на пути к бирманской столице Мандалаю. В ходе этой военной кампании было только одно сравнительно крупное сражение, когда бирманская армия смогла оказать организованное сопротивление захватчикам. Это произошло 17 ноября в форте г. Минхла, расположенного на правом берегу Иравади недалеко от границ британской Нижней Бирмы. Мужество бирманских солдат не устояло перед огневой мощью британских войск, поддержанных с судов. Форт Минхла пал. Английские потери составили 4 убитых и 27 раненых, бирманские — 170 убитых и 40 раненых. Была еще артиллерийская перестрелка у г. Мьинджан 24 ноября. Бирманцы после нее отошли, и 25 ноября англичане без потерь заняли город. Захват Мьинджана открыл путь к Мандалаю, и на пути к нему сопротивления уже не было. 26 ноября бирманцы послали английскому командующему письмо о желании прекратить военные действия и начать переговоры. В ответ англичане потребовали безоговорочной сдачи и продолжили продвижение вверх по Иравади, «по дороге в Мандалай», как это звучит в знаменитом стихотворении Р. Киплинга того же названия. Не встречая сопротивления, 28 ноября 1885 г. британские войска высадились в районе бирманской столицы и взяли ее, включая расположенный в ее центре королевский дворец.

На следующий же день в наступившей вечерней темноте король Бирмы Тибо вместе со своей главной женой Супаяла и некоторыми придворными был поспешно увезен на волах на столичную пристань, посажен на английский пароход «Турия» («Солнце») и увезен в ссылку в Индию на вечное изгнание, где он и умер в 1916 г. Свидетелями этого унижительного для национального сознания бирманцев события было множество людей, обступивших дорогу к пристани, в их числе был и десятилетний мальчик, в будущем знаменитый писатель и общественный деятель Такин Кодо Хмайн (1876–1964).

Так закончилась война десятитысячного экспедиционного корпуса генерала Прендергаста против бирманской армии, которая в те дни после мобилизации насчитывала 24–26 тыс. солдат (15–16 тыс. было дислоцировано вдоль Иравади)²³. Основными причинами поражения Бирмы были крупное военно-техническое превосходство Англии, международная изоляция Бирмы и доступность ее для удара с моря, а также раздоры в верхах бирманской монархии.

Мушкеты, мечи и пики, легкие речные парусники при всем мужестве и мастерстве бирманских солдат не могли в принципе противостоять в открытой войне винтовкам, шрапнельным пушкам и военным кораблям англичан. Соотношение сил было неравным, что предопределило поражение Бирмы.

После занятия англо-индийской армией основных стратегических пунктов Верхней Бирмы (остатков Авского королевства), капитуляции бирманского правительства и его решения о сдаче армией оружия захватчикам, наконец, после насильственной депортации короля, его семьи и ближайшего окружения в Индию английским колониальным властям оставалось только одно — юридически оформить аннексию Верхней Бирмы и установить новый колониальный порядок. В официальном заявлении лорда Б. Ф. Даффрина, вице-короля Индии, от 1 января 1886 г. говорилось: «Указом королевы-императора настоящим уведомляется, что территории, управлявшиеся королем Тибо, не находятся более под его правлением и стали частью владений Ее Величества и будут управляться должностными лицами, которые будут время от времени назначаться вице-королем и генерал-губернатором Индии»²⁴.

Таким образом, в результате третьей англо-бирманской войны на месте старого бирманского государства с самого начала 1886 г. юридически возникло новое государство или государственное образование колониального типа. Теперь, с захватом Верхней Бирмы, оно

охватывало, во-первых, всю территорию бывшей суверенной Бирмы, то есть «большую Бирму», и во-вторых, оно было тесно связано с колониальной Индией и должно было управляться оттуда. Более того, это было не просто новым колониальным владением, связанным с Британской Индией, а составляло административно непосредственную часть последней, получив статус одной из индийских провинций (хотя Бирма никогда ранее в состав Индии не входила). Очевидно, что с начала 1886 г. наступил новый период истории Бирмы — полностью колониальной страны.

БИРМА В 1885–1914 гг.

1. Общие замечания

Третья англо-бирманская война 1885 г. была последним этапом английского завоевания Бирмы. Она завершилась аннексией Верхней Бирмы, последней оставшейся еще независимой части бирманской феодальной монархии¹. Вся территория Бирмы оказалась под иностранным контролем, причем в целях удобства управления Бирма была административно включена в состав Британской Индии на положении одной из ее провинций. Колониальный период для всей Бирмы, начиная с 1885 г., будет длиться, таким образом, 62 года, вплоть до января 1948 г., когда в новых исторических условиях независимость страны будет восстановлена. Но для Нижней Бирмы, захваченной в ходе второй англо-бирманской войны 1852 г., он будет длиться без малого столетие (96 лет), а для Аракана и Тенассерима, занятых Англией в результате первой англо-бирманской войны 1824–1826 гг., этот период приблизится к полутора векам (143 года).

С точки зрения внутреннего развития Бирмы наибольшее значение имели вторая и третья англо-бирманские войны. Аннексия периферийных, изолированных друг от друга и сравнительно не самых важных частей Бирмы в результате первой войны еще существенно не повлияла на ход развития страны. Положение изменилось после второй англо-бирманской войны, приведшей к завоеванию и подчинению области Пегу — потенциально чрезвычайно богатой ресурсами части Бирмы, то есть всей южной приморской части Авского королевства, которая не только стала экономической базой колониальной Бирмы, но и повернула все развитие страны на новый лад. Аннексия же Верхней Бирмы в 1885 г. положила конец бирманской государственности в ее изначальной колыбели в центре страны и подорвала основы религиозных и культурных традиций страны. Если захват Нижней Бирмы дал колониализму могучие экономические рычаги и создал объективные условия для исторического поворота всего развития страны, то завоевание Верхней Бирмы, добавив к экономическим позициям Англии

новые богатства Центральной и Северной Бирмы, означало все же прежде всего подрыв основных начал традиционной бирманской государственности и культуры. После этих двух ударов возврат Бирмы к первоосновам ее прежней традиционной жизни, как показала дальнейшая история, был уже закрыт, хотя отдельные рецидивы (но не реставрация) отдельных сторон этой жизни имели место, хотя бы в адаптированном и синтезированном виде.

Первый период колониальной истории Бирмы охватывает 1885–1914 гг. Он имеет не только достаточно четкие хронологические рамки, но и свое специфическое содержание. Он включает в себя этап вооруженного сопротивления иноземным захватчикам, развернувшегося интенсивно в 1886–1890 гг. Но за этим исключением развитие Бирмы после аннексии всей страны происходило вплоть до Первой мировой войны сравнительно спокойно и мирно. Шло быстрое, иногда даже с поразительной скоростью, экономическое развитие страны в колониально-капиталистическом русле, особенно на основе Нижней Бирмы, но с постепенным втягиванием и Верхней Бирмы. Происходили трансформация старых и формирование новых социальных слоев, рост системы современного просвещения. Такое развитие выводило Бирму из прежнего феодального циклического застоя и вводило страну в мировой исторический процесс. Первые десять–пятнадцать лет после аннексии бирманское общество, подавленное фактом полного иностранного завоевания, пребывало в состоянии политической летаргии. Но в первые годы XX в. эта летаргия сменилась национальным пробуждением, которое началось и развивалось уже по инициативе и под руководством новых бирманских политических сил, возникших в русле колониально-капиталистического развития страны и находившихся под влиянием новых условий, новых знаний и новой системы ценностей, соединившей собственные культурные традиции с просвещением Запада.

В целом в период 1885–1914 гг. шло более или менее ровное эволюционное развитие, при котором противоречия между иностранными завоевателями и национальными силами еще не выявились в полной мере, а колониальная эксплуатация еще не приняла широких и осознанных общественностью масштабов. Здесь же необходимо отметить, что быстрый экономический рост на протяжении нескольких десятилетий конца XIX — начала XX в., стимулированный включением Бирмы в мировой рынок и притоком иностранного капитала, давал ощутимые, хотя и неравноценные, материальные выгоды всем социальным слоям

и группам Бирмы — не только британским капиталистам и индийским торговцам, ростовщикам и рабочим, но и многочисленным бирманским крестьянам и нарождавшимся местным предпринимателям и наемным рабочим. В этот период только закладывались элементы тех будущих острых противоречий и столкновений, которые проявились позже, после Первой мировой войны.

* * *

Приступая к изложению начального этапа колониального периода, автор считает необходимым кратко пояснить свои основные позиции, с которых он подходит к оценке исторического процесса в колониальный период.

Начнем с того, что колониализм в истории порождался прежде всего экономическими причинами, стремлением к экспансии и обогащению за счет установления господства одних более сильных и развитых народов над другими, более слабыми и отсталыми народами, и поэтому неразрывно связан с экономической эксплуатацией² колоний, которая была одной из главных причин антиколониального освободительного движения.

Далее, колониализм вместе с тем не был субъективным изобретением отдельных людей или групп и выражал в условиях разделенности человечества и резкой неравномерности развития различных стран, народов и цивилизаций как Запада, так и Востока объективную тенденцию к универсализации человеческого общества, к выравниванию разных уровней развития. Поэтому колониализм исторически неслучаен. Он является объективной закономерностью, одной из противоречивых форм развития или движения всемирной истории, формой, которая для колониального народа, как, впрочем, и для самих колонизаторов, выступала в той же мере внешним, сколь и внутренним фактором.

Затем, процесс освобождения колониального народа подготавливается по мере того, как в результате невольного и противоречивого общения двух неравных обществ, культур и цивилизаций — народа-завоевателя и народа завоеванного — материальные и духовные силы последнего, получив модернизирующую «инъекцию», толчок (точнее, толчки) от первого, внутренне развиваются и укрепляются, и колониальная страна, набрав силы, преодолев комплекс неполноценности и используя благоприятную международную обстановку, вступает в открытую борьбу за свободу и в конечном счете добивается ее.

Уход эпохи колониализма во все более отдаленное прошлое, снимающий или ослабляющий эмоциональную сторону взаимоотношений бывшего колониального народа и его бывшего завоевателя, позволяет судить об этой эпохе более объективно и многогранно, принимая в расчет не только то, что колониализм насильственно отнимал у подчиненного народа, но и то, что он бессознательно или сознательно давал ему, поскольку колониальный народ получал элементы современного просвещения, науки и производства, а в метрополию притекали не только часть прибылей, но и элементы культуры и духовности колониального народа.

Хотя автор до сих пор считает правильной основную логику и фактуру своей книги по истории колониальной Бирмы, вышедшей более 40 лет тому назад³, он сейчас внес бы некоторые поправки в истолкование ряда фактов и явлений в Бирме в период колониализма, имея в виду, что это истолкование иногда страдало известной односторонностью и испытывало на себе давление жестких идеологических формул, господствовавшее во всей советской историографии, согласно которым прежде всего допускалось бесконечное «разоблачение» империализма и всемерная идеализация освободительного движения.

2. Период вооруженного сопротивления. Захват Верхней Бирмы⁴

Характерными чертами третьей англо-бирманской войны было то, что за краткосрочностью военных действий последовал довольно длительный период вооруженного сопротивления бирманского народа; завоевание и усмирение Бирмы осуществлялось по преимуществу индийскими солдатами из англо-индийской колониальной армии; аннексия произошла в форме административного включения всей Бирмы в Британскую Индию.

Как организованная военная кампания третья англо-бирманская война продолжалась всего две недели, а фактически и того меньше. В ответ на английский ультиматум Бирме от 22 октября 1885 г., который, как говорилось выше, был ею отвергнут, англо-индийские войска, заблаговременно сосредоточенные на северной границе Нижней Бирмы, имели беспрепятственную возможность подготовиться для последующего наступления внутрь Верхней Бирмы по Иравади, пересекающей страну с севера на юг. В то же время возможность связи

Верхней Бирмы с внешним миром полностью контролировалось Англией, которой уже принадлежал весь приморский пояс страны.

Неустойчивость внутреннего положения бирманской монархии отмечалась всю вторую половину XIX в., особенно со времени болезни и смерти короля-реформатора Миндона, при котором, напомним, столица страны была в 1857 г. перенесена из г. Авы в новый город Мандалай. С конца 70-х гг. в состоянии мятежа против бирманского короля-сюзерена находились три шанских князя. В 1883 г. к ним присоединился один из князей кая (каренни). Начались волнения на севере страны. Участились разбои и грабежи. И все это происходило на фоне острой борьбы вокруг королевского престола, развернувшейся между сыновьями короля Миндона (а у него был 31 сын) до и после воцарения Тибо, одного из них. Престол особенно активно оспаривали сводные братья Тибо — принцы Меккхая, Тоунзе и Ньяунйан. Эти распри нередко поддерживались англичанами и французами, заинтересованными в ослаблении бирманского государства и усилении «своей» партии при королевском дворе.

Внутренние разногласия распространялись на Хлудо — Государственный совет, главный законодательный, исполнительный и судебный орган при короле (его члены — вунджи — главные министры), на министров других уровней (атвинвунов, вундау), на средние и нижние звенья феодальной администрации (мьовунов — губернаторов провинций, мьотуджи — глав городских округов и туджи — деревенских старост). Массовые казни принцев крови — претендентов и непретендентов — в начале 1879 г. не могли полностью погасить это соперничество, да и не все реальные претенденты были уничтожены (пятерым принцам крови удалось спастись). Надо сказать, что эти казни (а они повторились в 1884 г.) лишь ухудшили и без того нелицеприятный образ Тибо в глазах как собственных подданных, так и английской и вообще мировой общественности, хотя бирманские официальные лица стремились их подать как отработанный традиционный способ решения проблемы преемства в стране.

На личное соперничество в борьбе за власть в Бирме наложились политические разногласия. Конституционалисты-модернизаторы во главе с Кинвуном Минджи (1822–1908), известным реформатором при короле Миндоне, который во время своих дипломатических поездок ознакомился с развитием и образом жизни европейских народов и государств и вообще с успехами внешнего мира, считали нужным по примеру других народов проводить в Бирме модернизацию.

Им противостояла влиятельная группировка традиционалистов и абсолютистов, обогатившаяся благодаря существовавшей структуре феодальной власти, выступающая против модернизации и реформ. Традиционалистов возглавляли министры Тайнда Минджи и Хлетин Атвинвун. Соответственно, одна партия при дворе из числа членов Хлудо и министров выступала за мирное, компромиссное развитие отношений с Англией, другая — за непримиримую позицию Бирмы перед лицом усилившегося давления Англии, за отпор «английским еретикам» любой ценой.

Немаловажным, хотя и молчаливым, аргументом в споре модернизаторов и традиционалистов, миротворцев и «милитаристов» при короле выступал сам характер развития британской Нижней Бирмы после ее аннексии в 1852 г. Экономика этой части страны за истекшие три десятилетия добилась огромных успехов и процветала. Это привлекло крестьян Верхней Бирмы и другие элементы, прибывавших в Нижнюю Бирму во все возрастающем количестве хотя бы на время.

Раскол в верхах королевской Бирмы, особенно на уровне Хлудо и принцев, представлял большую опасность для страны по мере того, как тучи над Верхней Бирмой все более сгущались и угроза английского вмешательства нарастала. При дворе одержала верх военная партия. Английский ультиматум, напомним, был отклонен, хотя и в мягких выражениях.

В своей прокламации ко всем подданным Бирманской империи от 7 ноября Хлудо призвал их к бдительности, к добровольному вступлению в армию, к готовности под руководством короля дать отпор «английским иноземным варварам» и в случае английского вмешательства — «разгромить этих еретических иноземцев, не позволить им завоевать и аннексировать страну». В прокламации были сформулированы цели — «защитить религию, защитить национальную честь, защитить интересы страны»⁵. Но ход войны не оправдал этих прогнозов, бирманская армия не смогла остановить англо-индийские войска, а после 24 ноября фактически прекратила сопротивление, а затем последовала и официальная капитуляция.

Своим приказом от 27 ноября о капитуляции Хлудо — Государственный совет — показал, что верх одержала «мирная» партия, хотя очевидно, что в принятии такого приказа едва ли не решающую роль сыграла паника, в которую впала эта группировка, увидев трагические последствия войны. Еще через несколько дней — 3 декабря, уже после капитуляции — Хлудо под прямым давлением англичан

издал новый приказ, предписывающий всем бирманским войскам южнее Мандалая сдать оружие. Таким образом, Хлудо так или иначе, вольно или невольно признал свершившиеся факты.

Однако военные действия в Бирме не закончились. Захват англичанами столицы и пленение ими короля буквально потрясли бирманцев. Все это выглядело в их глазах как нечто совершенно невероятное и непостижимое. Традиционное бирманское сознание не хотело допустить, что сердце королевства оккупировано иностранными войсками, а король свергнут и увезен. И ведь все это случилось не где-нибудь, а в Бирманской империи, которая существовала с незапамятных времен и по традиции считалась центром вселенной. В течение веков бирманские правители распространяли свою власть на все четыре стороны света, покорив многие соседние народы. По традиции, идущей из древней Индии, бирманские короли вели свое происхождение от всемирной Солнечной династии, основателем которой был легендарный Махасаммата и в генеалогической линии которой Тибо был 334 371-м монархом. Король считался господином и хозяином жизни и смерти всех людей, ему принадлежали недра и воды, он был королем королей. Кроме того, и это особенно важно, он был главным покровителем и защитником буддизма, всего духовного начала страны. И вот все это вдруг перестало существовать. Бирманцы утратили само право собственности на свою страну. Неудивительно, что это воспринималось почти как конец света. Шок от событий был настолько сильным, что вызвал в первые дни и недели нечто вроде общественного оцепенения. Чувства потери от свержения короля хорошо передали стихи одного поэта — буддийского монаха:

Нет более королевского зонта (символа власти короля. — *В. В.*),

Нет более королевского дворца,

И королевского города более нет...

Лучше было бы, чтобы мы умерли⁶.

Но это состояние оказалось кратковременным. Угнетенное состояние духа бирманцев сравнительно быстро прошло и сменилось активностью, которая привела к возникновению в стране широкого вооруженного движения сопротивления английскому захвату и которая лишний раз доказывала принадлежность бирманцев к «воинственной расе»⁷.

Отдельные антианглийские вооруженные выступления произошли уже в середине — конце декабря 1885 г. Первыми руководителями

сопротивления стали принцы крови, многие подлинные или мнимые претенденты на бирманский трон, то есть те, кто в чем-то терял от свержения Тибо, а в чем-то приобретал, и прежде всего шанс, хотя бы и призрачный, на то, чтобы занять его место. На первом месте был принц Мьинзайн (сын Миндона), два «принца Чаунва» — братья Со Ян Найн и Со Ян Пайн (внуки Миндона и сыновья принца Меккхая), принцы Хтейтин Хма и Хтейтин Тейн (сыновья брата Миндона — наследного принца Канауна, главного сторонника реформ, убитого в 1866 г. в результате очередного дворцового заговора). По приказу Хлудо от 3 декабря 1885 г. все принцы крови должны были быть незамедлительно высланы из Верхней Бирмы. Многие были задержаны и депортированы. Но вышеназванная пятерка успела бежать в провинцию, став во главе неразоруженных частей бирманской армии и призвав население начать борьбу с захватчиками. Кроме того, в борьбу против англичан вступили другие принцы и претенденты — Шведжобью, Байинган, Чимьидайн, Сеча, королевская родословная которых была менее основательной, спорной и даже мнимой (как, скажем, у королевских отпрысков от наложниц).

Интересно, что высшие официальные лица при дворе не играли значительной роли в движении сопротивления. В основном они примирились с происходившим и как бы перешли от одного хозяина к другому, от одной власти к другой. Кроме некоторых членов Хлудо так поступили командующие бирманской армией Хлетин Атвинвун и Пин Атвинвун.

В отличие от ряда высших официальных чинов, главы средних и нижних звеньев феодальной администрации в округах (районах) стали во многих случаях самыми стойкими лидерами движения сопротивления. У них были наследственные должности, и по мере ослабления королевской власти в стране с конца 70-х гг. они пользовались все более возрастающей самостоятельностью и ответственностью. Среди них следует назвать У Та Джи из Паджи (одно время он служил у англичан), старосту Тейнгона, особенно же Бо Свэ, который был наследственным главой г. Минда.

Активную роль в движении сопротивления сыграли буддийские монахи, веру и общественную позицию которых иностранная оккупация так или иначе ставила под вопрос. Монахи выступали в основном как закулисные организаторы движения сопротивления. Чарльз Кроствейт, главный комиссар Британской Бирмы в период наивысшего размаха движения, писал: «Самые серьезные и глубокозадуманные

заговоры (против британской власти. — В. В.) вынашивались в монастырях или осуществлялись по инициативе буддийских монахов»⁸. Известное исключение в этом смысле представлял буддийский монах У Отама (1848–1889), который боролся против оккупантов с оружием в руках. Он действовал по приказам принца Мьинзайна и имел связь с Бо Свэ. Имя этого монаха-борца было увековечено другим монахом-патриотом, который в XX в. взял его имя и получил широкую известность в 1920-х гг. своими выступлениями против колониализма.

Основной же силой вооруженного движения было верхнебирманское крестьянство. Непосредственное участие в нем приняли многие тысячи и десятки тысяч вооруженных чем попало крестьян. В него так или иначе в разное время, в разной мере включилось население подавляющего большинства деревень, районов и округов. Движение охватило всю Верхнюю Бирму. На исторической карте, показывающей ход и распространение этого движения, вся ее территория окрашена в один, «повстанческий», цвет. Оставшиеся неразоруженными части бирманской армии, разбившиеся на группы под руководством разных лидеров, составляли боевое ядро движения сопротивления. Были открыты арсеналы и для добровольцев. Но в отличие от организованной кампании первых двух недель войны, это была в целом война партизанская, война неожиданных маневров, налетов, отходов и засад. Были нападения и на города, но они были сравнительно редкими. Основным полем борьбы была сельская местность с ее джунглями и холмами, где вооруженные партизанские группы и объединения в условиях бездорожья могли легче и незаметнее передвигаться. После проведения операции партизаны рассредоточивались по своим деревням⁹. Надо иметь в виду, что патриотическое освободительное движение сопровождалось также разгулом бандитизма (дакойтизма, если использовать англо-индийский термин).

Конечно, партизанская война была трудной для английских колонизаторов, и они этого не скрывали, но она не могла принести победу и бирманцам. Движение сопротивления было подавлено железной рукой. Столкнувшись с широким вооруженным сопротивлением населения, англичане в первое время шли на крайние жестокости, которые нашли отражение в исторической литературе. Бирманцев, захваченных с оружием, тут же расстреливали или вешали для устрашения. Целые деревни, замеченные в связях с повстанцами, сжигались. Систематически устраивались карательные экспедиции в непокорные районы, где и чинились всяческие расправы¹⁰. Именно в целях

пресечения участия крестьян в антианглийском движении сопротивления был принят «Закон 1887 г. о деревенском регулировании для Верхней Бирмы». Согласно нему, деревенский староста становился низовым звеном британской администрации и вводился принцип коллективной ответственности крестьян за правонарушения в пределах деревенских границ. Стоит также еще раз напомнить, что основной рядовой состав английской армии и полиции в Бирме состоял из индийцев, которые тем самым были орудием карательной политики Англии в чужой для них стране.

Антианглийское движение сопротивления развернулось и в вассальных Шанских княжествах, качинских и чинских районах Нижней Бирмы, населенных племенами горцев. У шанов в 1886–1887 гг. против англичан выступила так называемая Лимбинская конфедерация (по имени принца Лимбина, сына бирманского принца Канауна). У качинов своей храбростью прославился глава княжества Вунто У Аун Мья. У чинов ожесточеннее всего сопротивлялись племена сийинов. Только среди каренов движение сопротивления не развилось вследствие их давних напряженных отношений с бирманским престолом и значительной христианизации, осуществлявшейся под началом известного американского баптистского миссионера Адонирама Джадсона (1788–1850). Во время англо-бирманских войн карены нередко служили проводниками британских войск. Отдельные примеры участия каренов в движении сопротивления все же были (среди каренов — кая).

Самое поразительное состояло в том, что движение перекинулось и на юг, в Нижнюю Бирму, находившуюся под английским управлением уже более трех десятилетий. Однако оно было менее масштабным. Направлялось оно в основном пришлыми верхнебирманскими элементами. Наиболее крупные волнения в Нижней Бирме произошли в дистриктах Бассейн (Патейн), Хензада и Таравади и в треугольнике Шведжин-Папун-Ситаун.

Партизанские отряды обычно насчитывали от 100–200 до нескольких сотен человек. Бывали объединения до тысячи и более партизан. Два «принца Чаунва» собрали в районе Швебо в конце 1885 — начале 1886 г. отряд в 2000 бойцов. В осуществлении плана принца Мьинзайна по захвату г. Мандалая, намеченного на май 1886 г. и сорванного усилиями англичан, должны были участвовать несколько частей бирманских войск и группы партизан общей численностью свыше 5 тыс. человек, из них примерно 4 тыс. мушкетеров и 1150 мечников¹¹. К югу от р. Манипур в Чинских горах действовало не менее 500 повстанцев, из

которых две трети были вооружены ружьями. Чины, наряду с качинами, прославились как самые стойкие воины (что позже англичанам очень пригодилось при наборе солдат в бирманскую колониальную армию). Но дело было не в одной численности партизанских отрядов, а в той широкой поддержке, которую они получали от местного населения.

В литературе приводятся разные хронологические рамки вооруженного движения сопротивления в Бирме. Одни исследователи называют период 1885–1895 гг. (или 1896 г.). Другие, и их большинство, говорят о периоде 1885–1890 гг., и именно это представляется наиболее правильным. В эти годы укладываются основные события этого движения. 1885 г. — это, конечно, естественная точка отсчета. Далее идет пик движения в основных районах в 1886–1888 гг. Затем в них наступает спад, приводящий к умиротворению. Конечно, отмечались волнения в качинских районах в 1891–1892 гг., были экспедиции англо-индийских войск против незамиранных чинских районов в те же годы и даже позже — в 1892–1894 гг. Но это была специфическая периферия: горцы отказывались признать новую британскую администрацию, что они делали и ранее в отношении бирманских правителей, зависимость от которых была практически довольно слабой. Отдельные выступления у чинов, например, происходили до конца века, когда англичане осуществили их разоружение. Беспорядки же в качинских землях возникали периодически и позже, даже в 1914–1915 гг. Но считать эти спорадические вспышки продолжением периода вооруженного сопротивления было бы в историческом плане натяжкой.

Ход и динамика движения сопротивления в Бирме хорошо иллюстрируются статистикой англо-индийских вооруженных сил в этой стране. Экспедиционные силы генерала Прендергаста, развернутые против Бирмы в ноябре 1885 г., составляли, напомним, 10 тыс. человек. Новые обстоятельства, а именно — вспыхнувшее широкое движение вооруженного сопротивления — потребовали их увеличения. Так, в декабре 1886 г. полевая англо-индийская армия насчитывала 25 тыс. человек, в 1887 г. ее численность была доведена до 32 тыс. человек, что в три с лишним раза превышало первоначальный уровень. Кроме того, шло увеличение численности военной полиции, которая в 1886 г. составляла 16 тыс. (по батальону на каждый округ — дистрикт), а в конце 1887 г. — свыше 17 тыс. для Верхней Бирмы и 9 тыс. для Нижней Бирмы¹². Армия и полиция в период подъема сопротивления составляли, следовательно, 58 тыс. человек. Сокращение британской армии

и передача ее функций военной полиции стали происходить с апреля 1888 г., что и показывает, что пик вооруженного движения сопротивления стал проходить.

Вооруженное сопротивление Бирмы английскому завоеванию является не просто значительным событием тогдашней истории Бирмы. Потерпев поражение, оно, несмотря на это, оказало большое влияние на последующую историю, став одним из источников патриотизма и воли бирманцев к национальной свободе. В историософском смысле движение сопротивления в 1885–1890 гг. служит также ярким символом того духа «воинственной расы», о котором говорят многие бирманисты и которым действительно отмечена вообще вся история бирманцев как до, так и после английского завоевания.

3. Управление колониальной Бирмы

Начиная завоевание Верхней Бирмы, англичане еще не знали, какую форму правления они для нее изберут, колеблясь между статусом протектората и прямой аннексией. Статус протектората обязывал возвести на бирманский трон подходящую фигуру из числа оставшихся в живых принцев крови (насчет смещения ненавистного Тибо сомнений не было). Аннексия же означала бы ликвидацию бирманской монархии как таковой и введение прямого колониального правления. Неуверенность в надежности принцев крови, а также опасения по поводу возможности продолжения вмешательства Франции в бирманские дела (через сохраняющийся престол) привели к тому, что англичане свой выбор остановили на аннексии. Вследствие этого 1 января 1886 г. и было объявлено о присоединении всех территорий, управлявшихся королем Тибо, к владениям Ее императорского величества королевы Виктории. Отныне весь прежний королевский домен, все королевские монополии (леса, недра, земли) становились собственностью британской короны.

Тем не менее, оставался нерешенным вопрос о том, как осуществлять это прямое правление.

Первоначально были мысли об использовании Хлудо — Государственного совета — в качестве органа, осуществляющего волю колонизаторов и работающего под их руководством. Но Хлудо трудно было представить без короля. К тому же он дискредитировал себя в глазах бирманцев согласием на принятие продиктованных англичанами

постановлений и приказов, начиная с декабря 1885 г. В то же время не все члены Хлудо были готовы безоговорочно служить англичанам. Поэтому вскоре стало ясно, что использование Хлудо в качестве официального прикрытия английского господства было и ненадежно, и бесполезно. Вследствие этого его деятельность после 31 марта 1886 г. была прекращена, и он был распущен. Другое дело, что англичане, создавая позже свою администрацию, стали привлекать в качестве своих советников некоторых членов бывшего Хлудо, которые согласились на сотрудничество. Среди них был уже упоминавшийся Кинвун Минджи (У Каун), что наряду с предполагавшимся ранее касательством его к казням принцев крови — соперников Тибо — в 1879 г. сделало его в бирманской истории фигурой противоречивой и не до конца ясной.

В конце концов вопрос о прямом колониальном правлении был решен в чисто прагматическом плане: Бирма была включена в состав Британской Индии в качестве одной из ее провинций или, говоря проще, «прикреплена» к колониальному развитию Индии. Об этом было объявлено 26 февраля 1886 г. и официально введено с 1 марта того же года. Главным принципом такого решения был один: административное удобство и сокращение издержек управления, хотя было понятно, что Бирма — не Индия, никогда ею не была и что ее внутренние условия были во многом отличны от индийских.

Принцип удобства колониального управления Бирмы из Индии обернулся не таким узкоадминистративным, как это могло показаться на первый взгляд. Включение в Индию, продолжавшееся в общей сложности более 50 лет — до 1937 г., в одних случаях открыло, в других — сильно расширило воздействие индийского фактора в жизни Бирмы. Он действовал не только в военной области (о преобладании индийцев в колониальной армии и полиции в Бирме уже говорилось), но также в социальной, демографической, экономической, профессиональной и даже в духовно-идеологической. Иммиграция индийцев в Нижнюю Бирму, шедшая достаточно активно еще до полной аннексии страны, теперь еще больше усилилась и привела к индианизации в стране целых сфер жизни, к постепенному превращению столицы — Рангуна — в город иноземцев, по преимуществу индийцев. Достаточно назвать статистику динамики индийского населения в Бирме, чтобы понять всю сложность последствий. В 1872 г. и 1881 г. индийцев в Бирме (Нижний) было соответственно 136 тыс. и 243 тыс., что само по себе было немало. В последующие десятилетия — в 1891 г., 1901 г. и 1911 г. во всей Бирме их стало соответственно 421 тыс., 568 тыс.

и 743 тыс., но подавляющее их большинство приходилось на Нижнюю Бирму, где составляло на указанные три даты 7,6, 9,2 и 10,4% всего населения¹³. Из 150 тыс., а затем и из 200–300 и более тысяч индийских мигрантов, приезжавших ежегодно в Бирму в основном на заработки, 30–40 и более тысяч каждый год оседали в бирманской провинции¹⁴. Очевидно, что 300–400 тыс. новых иммигрантов за десятилетие представляли собой мощную конкурирующую силу на рынке труда в Бирме и усложняли картину межнациональных отношений.

Индийский фактор в жизни колониальной Бирмы, конечно, не следует рассматривать в одностороннем и только негативном для нее плане. Индия в сравнении с Бирмой была в развитых секторах более продвинута в экономической и социально-политической областях, имела больший опыт общения с внешним миром, хотя бы преимущественно через Англию, располагала более просвещенной интеллигенцией современного типа и вообще имела образ культурно-исторического «старшего брата» Бирмы. В Бирму притекали индийские профессионально-производственные кадры, индийский капитал, опыт индийской производственной жизни и освободительного движения, воздействие которого на Бирму стало в начале XX в. уже очень значительным. Но в колониальный период Бирмы сложился и другой образ Индии — Индии как дополнительного эксплуататора Бирмы, в связи с чем собственная страна бирманцев стала в их глазах не только колонией Англии, но и колонией колонии — Индии.

После аннексии Верхней Бирмы Бирма стала единой колониальной провинцией, хотя ее горные районы управлялись отдельно от собственно Бирмы. Прежнее политическое различие между Верхней и Нижней Бирмой медленно нивелировалось, и они в начале XX в. стали различаться в основном (но не исключительно) как разные природно-экономические зоны. Во главе Бирмы стоял главный комиссар, подчинявшийся вице-королю Британской Индии. Страна была разделена на административные единицы: провинции (областидивизионы), округа (дистрикты), районы (тауншипы) и деревни или группы деревень¹⁵. Каждое подразделение возглавлял соответственно комиссар, заместитель комиссара, районный чиновник (мьотуджи или мьооу) и деревенский староста (туджи). Деревня стала низовой административной единицей и деревенский староста — туджи — низовым звеном колониальной администрации и во многом основой закона и порядка в стране. На первые три уровня администрации, считая с главного комиссара, назначались исключительно британцы. Посты

заместителя комиссара (в округе — дистрикте) начали предоставляться бирманцам только в XX в. и то не сразу (с 1908 г.). На посты районного чиновника некоторое время тоже назначались британцы, но здесь в целом все же преобладали бирманцы. Деревенским же старостой — туджи — становились исключительно местные люди.

В отношении низового звена управления основополагающими событиями было принятие «Закона 1887 г. о деревенском регулировании для Верхней Бирмы» и «Бирманского закона о деревне 1889 г.». Эти законы как раз и сформулировали сферу и меру ответственности деревенского старосты и жителей деревни. Первый закон был принят еще в разгар движения сопротивления и, как уже упоминалось, ставил прежде всего задачу пресечения участия деревни в этом движении и наведения в ней порядка и дисциплины, особенно в отношении хранения и использования оружия и помощи повстанцам. Этот закон ввел малогуманный принцип коллективной ответственности за соответствующие правонарушения. Вообще же следует подчеркнуть, что принятием законов о деревне и деревенском старосте англичане сделали весьма тонкий и продуманный шаг, в результате которого они включили прежний институт туджи в новую систему территориального управления. Формально это было использованием существовавших традиционных форм, на деле же — созданием новых административных форм, только прикрывавшихся терминологическим шлейфом прошлого. Если первое предусматривало соблюдение меры в сохранении преемственности и смягчало болезненность перемен, то второе было рассчитано на ускоренное внедрение всяческих нововведений.

Таким образом, прежняя феодально-сословная система управления была заменена централизованной системой административно-территориального управления. Раньше оно велось через дисперсное подчинение тому или иному феодальному главе отдельных частей местного населения (мечников, конников, земледельцев — «своих» или «чужих»). Теперь же управление стало единым, единообразным, централизованным. Была налажена четкая иерархия и соподчинение различных уровней управления. В принципе вряд ли стоит сожалеть, даже с националистических позиций, о сломе прежней архаичной феодальной системы управления. Бирме так или иначе суждено было с ней расстаться, и первые попытки в этом направлении были приняты еще в правление Миндона. Конечно, централизация управления в Бирме в период вооруженного движения сопротивления в 1885–1890 гг. подсказывалась англичанам прежде всего военной ситуацией

и интересами установления контроля над деревней. Однако по своей сущности она выходила за рамки военных потребностей и выводила страну к основам современного территориального административного управления.

В 1897 г. Бирма вместо «главного комиссара» получила губернатора и стала провинцией Индии. Это было некоторым поднятием ее административного статуса. Тогда же при губернаторе был создан Законодательный совет, состоявший из 9 назначаемых членов, включая 4 неофициальных (то есть не из числа правительственных служащих), в их числе были 2 европейца, 1 бирманец и 1 шан. Бирманцем был уже упоминавшийся Кинвун Минджи. В 1909 г. в соответствии с общеиндийскими реформами (так называемыми «реформами Минто-Морли») Законодательный совет был расширен до 17 членов, из которых все, кроме двух, назначались, а эти двое избирались соответственно британской Торговой палатой Бирмы и британской Торговой ассоциацией Рангуна. Из состава Совета 6 были официальными, остальные — неофициальными членами (среди последних было 4 бирманца, 1 индиец и 1 китаец)¹⁶. Несколько позже было принято решение о новом расширении Законодательного совета, но это уже произошло в период Первой мировой войны.

Законодательный совет Бирмы конца XIX — начала XX в., как видно, не был выборным органом, и в этом смысле он не отличался от Хлудо. Он имел мало полномочий, хотя там выдвигались и обсуждались проекты резолюций, проводились голосования, власти отвечали на задававшиеся вопросы. В этом отношении некоторый шаг вперед по сравнению с Хлудо все же был — процедура работы в каких-то вопросах становилась квазипарламентарной. Но главное состояло в том, что Законодательный совет представлял преимущественно англичан и английские интересы.

Управление горными районами осуществлялось несколько иначе. Англичане и здесь были верховными правителями, леса и недра стали собственностью колониального государства. Но система колониальной администрации в районах, населенных этническими меньшинствами — шанами, качинами, чинами, кая и т. д., — была косвенной. С внешней стороны произошли перемены — сменился сюзерен: вместо бирманского короля стал британский губернатор. Но во внутреннем смысле перемены были небольшими либо не было никаких: управление княжествами и кланами малых народностей и племен Бирмы, как и в доколониальные времена, осуществлялось через

местные политические структуры — князей, племенных вождей и т.п. То есть в рамках признания верховного контроля новой британской власти княжества и племена пользовались, как и раньше, так сказать, феодально-племенным самоопределением и внутренним самоуправлением (автономией). В этой связи нельзя не отметить два существенных обстоятельства. Во-первых, то, что тем самым англичане добивались для себя дешевизны, стабильности и эффективности администрации малых горных народов. Во-вторых, возникает вопрос и более широкого исторического плана: не являлась ли система косвенного управления в принципе наилучшим способом увязки интересов центра и периферии, и не отвечала ли она в тот период осознававшимся интересам самих горных народов? Ведь введение в этих районах прямого колониального правления означало бы прямое разрушение основных традиций малых горных народов и племен.

Параллельно с созданием новых административных подразделений и постов шло образование новых государственных ведомств и служб. Этот процесс начался еще в 1850–1860-е гг. после захвата Нижней Бирмы, но с аннексией Верхней Бирмы стал все больше принимать общебирманский характер (хотя определенные различия между этими двумя регионами сохранялись и в этом отношении). Речь идет о создании служб и департаментов финансов (налогов), лесоводства, здравоохранения, юридической, медицинской, санитарной служб, департаментов просвещения, общественных работ, земельного кадастра, аграрной статистики, кооперативного кредита и т.п. С 70-х гг. в семи городах Нижней Бирмы появились первые муниципальные корпорации как ростки начального городского самоуправления хотя бы и на основе европейского населения. В 1883 г. две трети Рангунского муниципального совета уже избирались, и в составе 17 избранных членов были 5 бирманцев (1 карен), 5 британцев, 2 китайца, 2 индуса, 2 мусульманина и 1 представитель британской Торговой палаты¹⁷.

Среди наиболее значимых событий в этой области было создание Главного суда для Нижней Бирмы в 1900 г. (Верхняя Бирма оставалась до 1920-х гг. под контролем юридической комиссии). Тем самым процесс отделения судебной власти от исполнительной, чего не было в старой Бирме, зашел уже довольно далеко, хотя этот суд назначался и смещался английским губернатором.

Отдельно следует сказать о департаменте просвещения, созданном в Нижней Бирме еще в 1867 г. Его роль в развитии светского образования в стране на протяжении десятилетий все возрастала. До конца

XIX в. в Бирме преобладали традиционные буддийско-монастырские (так сказать, «церковно-приходские») школы. Число светских англо-бирманских школ постоянно увеличивалось, но все же отставало от числа первых. В начале XX в. число тех и других примерно сравнялось (примерно по 2500 на каждую категорию), а затем англо-бирманские светские школы вырвались вперед. В 1910/11 учебном году число их составило уже более 2600 против примерно 2200 монастырских, в 1915/16 г. — соответственно около 5000 против 3400¹⁸. Популярности светского школьного образования с английским языком способствовал новый колониальный климат в стране, обещавший лучшую работу и продвижение светски образованному человеку.

Одним из важных конкретных деяний департамента просвещения было создание основ высшего образования, олицетворением которого стал Рангунский колледж. Его начало прослеживается с 1878 г., когда на базе выпускников Рангунской средней школы, единственной в стране, стали готовить первых абитуриентов для поступления в Калькуттский университет. В 1884/85 учебном году Рангунский колледж стал формально филиалом этого университета. В 1885–1890 гг. колледж дал 4 выпускников, в 1896–1900 гг. — 23, в 1906–1910 гг. — 38, в 1911–1915 гг. — 111. Всего за период 1885–1915 гг. было выпущено «в свет» 220 человек¹⁹. Высшее образование явно становилось все более и более притягательным для бирманской элиты, поскольку обеспечивало лучшее трудоустройство, в том числе по административной линии. В 1904 г. статус колледжа был еще поднят, и в 1904–1920 гг. он носил название Государственного колледжа. С созданием Рангунского университета он стал называться Университетским колледжем, главным колледжем университета.

Уместно затронуть и вопрос о взаимодействии колониальной власти и монашеской буддийской общины — сангхи. Хорошие отношения с ней обеспечивали властям покой и порядок среди гораздо более значительной, чем сама сангха, части населения, относящегося к монахам с особым почитанием и уважением. Отсутствие таких отношений вызывало раздражение в самой сангхе и недовольство населения.

Главой буддийской сангхи в Бирме был татанабайн (примас, архиепископ), назначенный в 1883 г. еще бирманским королем, который был главным покровителем религии в стране. Смещение короля и ликвидация монархии сразу же ослабили позиции татанабайна и сангхи вообще. Понимая значение и роль сангхи в жизни бирманского общества, англичане стремились не портить с ней отношения. Но интересы

политики все же их толкали на это. Они сузили сферу компетенции татанабайна, исключив из нее Нижнюю Бирму. После аннексии Верхней Бирмы они заставляли его и других старших монахов осуждать движение сопротивления. Позже англичане создали прецедент, по которому допускалось вмешательство властей в решения духовных судов, и монахи исключались из былой неподсудности гражданскому суду. Когда в 1895 г. умер последний татанабайн, возник длительный спор вокруг его преемника. В результате татанабайн первое время так и не избирался, а когда в 1903 г. власти пошли на это, то сферой компетенции татанабайна стала только Верхняя Бирма, а его юрисдикция осталась ограничена чисто духовными вопросами. Было подтверждено, что монахи, в отличие от прошлого, были подсудны светскому суду в случае соответствующих правонарушений. Пренебрежение властей к буддийской монашеской общине сыграло свою роль: она постепенно приходила в упадок, в ней возросли разброд и шатания, в том числе мирские.

4. Экономическое развитие

Экономические мотивы были главными при английском завоевании Бирмы. Захватив страну, колонизаторы получили контроль над ее огромными природными богатствами — лесами, недрами, землями. Политическая монополия позволила им проводить экономическую политику в интересах британского капитала и извлечения наивысших прибылей. Корысть завоевателей отрицать несерьезно. Если говорить кратко, то, как и в отношении многих других колоний, эта политика означала превращение Бирмы в один из аграрно-сырьевых придатков метрополии (и вдобавок — в какой-то мере и в придаток колониальной Индии). Этот давно установившийся тезис вряд ли подлежит сегодня коренному пересмотру, так же, как и то, что наивысшие прибыли шли именно британским коммерсантам (хотя бы потому, что обмен между развитой экономикой и отсталой должен быть эквивалентным, то есть в данном случае — в пользу развитой экономики). Этот тезис опирается на давно и широко известные факты, которые невозможно опровергнуть. Другое дело, что требуется более глубокая его интерпретация. И прежде всего необходимо четко отдавать себе отчет в том, что аграрно-сырьевой тип развития в колониальной Бирме (как и в других колониях) был исторической неизбежностью. Было бы чистой утопией

ожидать что-то иное. Во-первых, вряд ли можно было предполагать, что Англия вознамерится создавать в Бирме на пустом месте мощную промышленную базу и будет торговать с ней себе в убыток. Во-вторых, оставаясь на почве реальности, нельзя было даже в принципе ожидать некоего гармоничного пропорционального развития отсталой колонии: оно не удавалось и в метрополии. В-третьих, нельзя не замечать, что аграрно-сырьевое развитие все же постепенно создавало заделы и для вторичной, промышленной, сферы хозяйства, не говоря уже о том, что в большей мере содействовало успешному развитию современной транспортной инфраструктуры и торговли. Иными словами, как с точки зрения сельского хозяйства, так и с точки зрения промышленности, транспорта, торговли и т. д. объективно имел место не экономический регресс, а экономический прогресс, и это нельзя отрицать, не сходя с позиции элементарной объективности, поэтому неправильно утверждать, что колониальный тип развития ничего не давал Бирме.

Период 1885–1914 гг. занимает в экономической истории Бирмы особое место. Это период внутренней трансформации, невиданных темпов экономического роста, освоения миллионов акров плодородных земель Нижней Бирмы и превращения страны в крупного производителя и мирового экспортера риса. Как раз рис и прославил Бирму на весь мир. Экономика колониальной Бирмы в этот период была самым динамичным сектором, а темпы и характер этого развития были уникальными не только для самой Бирмы, но и для других колониальных стран. Именно в эти десятилетия Бирма совершила переход от замкнутой потребительской экономики феодального типа к экономике открытой, рыночной и ориентированной на экспорт. Как справедливо отмечают исследователи Бирмы, именно в период после окончательной аннексии Бирмы в 1885 г. и началом Первой мировой войны возникла экономическая структура современной Бирмы²⁰. С тех пор прошло примерно столетие, а ее основы, заложенные тогда, отчетливо сохраняются.

В колониальный период Бирма превратилась в рисовую житницу Британской империи, Европы и Азии, в мирового поставщика тиковой древесины, в крупного производителя нефти, целого ряда руд, в рынок сбыта потребительских товаров Англии и Индии. А началось все с бирманского тика. Тиковые леса уже давно привлекали европейцев. С захватом Верхней Бирмы в распоряжение британского капитала непосредственно попали крупнейшие тиковые угодья. Уже к концу XIX в. из Бирмы ежегодно вывозилось свыше 270 тыс. т прекрасного

строительного материала — тиковой древесины, и страна стала крупнейшим экспортером тика в мире. Здесь ведущее место заняли такие английские компании, как «Бомбей-Бирма трейдинг корпорейшн» и «Фукар энд К°».

Но со второй половины XIX в., вскоре после захвата Нижней Бирмы, производство тика все более уступало производству риса. Уже к концу века рис вышел на первое место в экспорте страны.

Подъем производства риса и вместе с тем экономическое развитие страны началось еще после аннексии Нижней Бирмы в 1852 г. Именно Нижняя Бирма с ее чрезвычайно благоприятными условиями для сельского хозяйства стала основной базой этого развития, особенно ускорившегося после открытия Суэцкого канала в 1869 г., который революционизировал всю торговлю между Востоком и Западом, сблизив их во времени и в конце концов удешевив доставку товаров в оба конца. Первая прямая пароходная связь между Рангуном и Европой была осуществлена в 1871–1872 гг., когда в столицу Бирмы из Глазго через Суэц прибыли первые три парохода. Но условия и стимулы, толкавшие к развитию рисового хозяйства в Нижней Бирме, действовали еще до открытия Суэцкого канала. Общим благоприятным условием была отмена запрета на экспорт риса, существовавшего при бирманских королях, и, конечно, введение свободы торговли. Разумеется, свобода торговли всегда более выгодна для самых сильных ее участников, в данном случае — британцев, но как принцип она важна и выгодна для всех, в том числе и для непосредственных производителей — местных крестьян. Если же к свободе торговли добавить высокие мировые цены на товары этих производителей, то тогда возникнут главные стимулы для развития производства. Так это и было на протяжении нескольких десятилетий становления и развития товарного рисового земледелия в Нижней Бирме. В 1851–1852 гг., в год второй англо-бирманской войны и аннексии Нижней Бирмы, средняя цена 100 корзин необрушенного риса (пади) составляла в Рангуне 18 рупий, а в пятилетие 1861–1865 гг. — 40 рупий, затем в 1871–1875 гг. — 63, в 1876–1880 гг. — 89 рупий, и далее она превысила 90 рупий, а в 1911–1915 гг. — 122 рупии²¹.

Эти цены и стимулировали производство, вызвав то, что можно назвать «рисовой лихорадкой». В Нижнюю Бирму двинулись большие массы людей, в основном крестьяне из Верхней Бирмы (Нижняя Бирма со второй половины XVIII в. была слабо заселена). Они ввели в сельскохозяйственный оборот миллионы акров болот и джунглей, что привело

к росту экспорта невиданного ранее количества риса. Основными сельскохозяйственными угодьями стали низменности юга Нижней Бирмы (особенно дельты рек Иравади и Ситауна), где рис возделывался на основе муссонных дождей. Характерна была резкая динамика населения Нижней Бирмы. В 1856 г. оно оценивалось в 1,3–1,5 млн. человек, в 1872 г. составляло 2,7 млн., в 1891 г. — 4,6, в 1901 г. — 5,6 и в 1911 г. — 6,4 млн. человек²². Не менее впечатляющим был рост площадей под рисом в Нижней Бирме. В 1851–1852 гг. эти площади оценивались в 1 млн. акров, в следующие пятилетия они в среднем составляли: в 1871–1875 гг. — 2,1 млн., в 1891–1895 гг. — 5,1, в 1901–1905 гг. — 6,9, в 1911–1915 гг. — 8,2 млн. акров²³. Соответственно рос экспорт риса. В 1855 г. он едва превышал 162 тыс. т, в 1870 г. составил 374 тыс. т, в 1890 г. — уже 1,2 млн. т, в 1900–1901 гг. — 2,3 млн. т, в 1913–1914 гг. — 2 2,6 млн. т²⁴. Иными словами, за три десятилетия — с 1870 г. по начало века — население Нижней Бирмы более чем удвоилось, площади под рисом выросли в 3–4 раза, а экспорт риса поднялся почти в 6 раз. И в начале XX в. все эти показатели продолжали расти.

Введение миллионов акров не обрабатывавшихся ранее земель было достигнуто усилиями сотен тысяч и миллионов бирманских крестьян и значительных групп индийских мигрантов. Поскольку первоначальное население Нижней Бирмы было к моменту ее аннексии незначительным, ясно, что приток населения шел в основном за счет иммиграции из Верхней Бирмы, начавшейся еще до аннексии последней. Среди индийцев надо выделить сельскохозяйственных рабочих и банкиров-ростовщиков, особенно из касты чети (четтьяры). Первые помогали осилить возросший объем сезонных земледельческих работ, вторые финансировали расчистку и освоение новых земель, требовавшие немалых затрат и усилий. То, что индийские рабочие вызывали конкуренцию на рынке труда, а индийские ростовщики в годы падения цен на рис становились собственниками земель бирманских крестьян из-за неуплаты долгов, не подлежит сомнению. Но это не отменяет экономический факт реального участия разных иммигрантских групп в освоении Нижней Бирмы и превращении ее в рисовую житницу и мирового экспортера риса.

Торговля рисом стала самой важной и прибыльной монополией английского капитала в этой стране. Главной британской фирмой, связанной с экспортом бирманского риса, стала «Стил бразерс энд К^о», созданная еще в 1870 г. Источником высоких прибылей были высокие уровни мировых цен на рис и разница между внутренними

закупочными и внешними продажными ценами. Прибыль получало и крестьянское хозяйство. По имеющимся данным, прибыль большинства рисоводческих крестьянских хозяйств в рассматриваемый период (1880–1900-е гг.) составляла от 200 до 500 рупий в год²⁵, что по тем временам и для данного социального слоя было немало. Это не означало, что положение крестьян было безоблачным. Угроза шла и от периодического снижения цен на рис, а с конца 1890-х гг. — и от фактов начавшегося кое-где отчуждения крестьянских земель за долги в пользу ростовщиков. Как широкий процесс он развернулся позже, особенно в конце 20-х и в 30-е гг. XX в.

С последней трети XIX в. началось промышленное развитие Бирмы, которое достигло заметного уровня к началу Первой мировой войны. Но речь шла в основном о развитии сфер производства, связанных с первичной обработкой сельскохозяйственного и минерального сырья, и подсобных отраслей.

Наибольшее развитие получила рисоочистительная промышленность, которая стала важнейшим элементом и одновременно стимулом рисового производства в стране. До этого Бирма обходилась ручными рисорушками (толкушами или дробилками). С рисоочистки началось в Бирме постоянное применение машин. В 1859 г. в г. Бассейн (Патейн — Нижняя Бирма) была построена первая паровая рисовая мельница. Она принадлежала иностранному капиталу. В 1869 г., в год открытия Суэцкого канала, их было 13. В 1880 г. из имевшихся в стране 74 фабричных заведений насчитывалось 49 рисо-рушек. В 1900 г. в Бирме было уже 136 фабричных заведений, из них 83 рисо-рушки, а в 1910 г. — 301 фабричное предприятие, в том числе 165 рисоочистительных. Накануне Первой мировой войны, в 1913 г., из 424 всех фабричных предприятий 240 были рисо-рушками, из них 16 были расположены уже в Верхней Бирме²⁶. Главными владельцами рисовых мельниц были такие английские фирмы, как «Стил бразерс» и «Иравади флотилла К°».

Одновременно с развитием рисоочистительной промышленности строились паровые лесопилки, принадлежавшие английским компаниям «Бомбей-Бирма трейдинг корпорейшн» (конфликт которой с бирманским королем по поводу платы за вывоз тика из Верхней Бирмы стал поводом к аннексии последней), «Фукар», той же «Стил бразерс». Согласно статистике в 1892 г. их было 41, в 1901 г. — 58, в 1911 г. — 82²⁷.

Рисоочистительные и лесопильные предприятия, принадлежащие иностранному капиталу, концентрировались в Нижней Бирме, особенно в районе Рангуна и неподалеку от него.

В конце XIX в. в Бирме появились первые бирманские рисоочистительные и лесопильные предприятия, применявшие машины. Хотя это были мелкие и малопроизводительные предприятия, это был новый качественный момент в социально-экономическом развитии Бирмы. Это было началом местного промышленного предпринимательства на современной основе. Часть из них также работала на экспорт, хотя их связь с внешним рынком не была прямой, а через английские компании, что, однако, отнюдь не лишало их экономического смысла.

Заметное развитие получала добывающая промышленность. Английские промышленники со второй половины XIX в. стали проявлять все больший интерес к месторождениям нефти и древним нефтеразработкам (ручным) в Центральной Бирме, в районе Йенанджауна. В 70-х гг. они построили под Рангуном нефтеперегонный завод, работавший на сырье, которое переправлялось оттуда водным путем по Иравади. Зависимость от верхнебирманского короля так же мало устраивала английских нефтяников, как и концессионеров тика, и поэтому они решительно выступали за аннексию Верхней Бирмы. В 1886 г., сразу же после аннексии Верхней Бирмы, была основана «Бирма ойл К^о». Она и стала главным владельцем нефтяных промыслов в Верхней Бирме. Вскоре она превратилась в самую могущественную компанию не только в Бирме, но и во всей Азии (Англо-иранская нефтяная компания, созданная в 1909 г., возникла как ее филиал). Добыча бирманской нефти с 5,9 млн. галлонов в 1901 г. выросла до 254,6 млн. галлонов в 1914 г.²⁸

В первом десятилетии XX в. английский капитал приступил к разработке рудных месторождений в Бирме. Его особенно интересовали серебряно-свинцовые руды северных шанских княжеств, вольфрам княжеств Каренни (Кая) и олово Тенассерима. К началу Первой мировой войны добыча свинцовой руды составила 10,5 тыс. т, вольфрама — свыше 2,3 тыс. т²⁹.

О масштабах колониального развития Бирмы в конце XIX — начале XX в. свидетельствуют данные о внешнеторговом обороте страны в тот период. В 1866/67 финансовом году этот оборот составил 48,6 млн. рупий, в 1891/92 г. 231,7 млн., накануне же Первой мировой войны он поднялся до 668 млн. рупий³⁰. После аннексии экспорт из страны постоянно рос и регулярно превышал импорт. Основными

статьями вывоза были рис, древесина, позднее — нефть, руды. Примерно с 1905 г. экспорт нефти и нефтепродуктов обогнал экспорт древесины и прочно встал на второе после риса место. В 1900 г. из 162 млн. рупий всего экспорта рис составил 115 млн., древесина — 17 млн., нефть — 4 млн. рупий, а в 1910 г. из 302 млн. рупий — соответственно 212, 17 и 34 млн. рупий³¹. Экспорт из Бирмы в начале XX в. достиг уровня 30–40% чистого внутреннего продукта. Импорт в абсолютном выражении также непрерывно увеличивался. Главными его статьями были потребительские (в том числе хлопчатобумажные товары), машинное оборудование и другие товары производственного назначения. Нарастая с конца XIX в., их импорт в 1910 г. составлял соответственно 120, 20 и 63 млн. рупий³². Импорт хлопчатобумажных изделий и пряжи нанес большой ущерб ручному прядильно-ткацкому производству в Бирме, но население все шире и охотнее переходило на импортные штучные товары и пряжу, которые отличались дешевизной и новизной (фактор моды).

Одной из главных торговых компаний английского капитала, связанных с Бирмой, была многоотраслевая «Стил бразерс». «Иравади флотилла», державшая с 1865 г. судоходство по Иравади, также занимала значительные позиции в торговой сфере.

Огромную роль в экономическом развитии колониальной Бирмы в конце XIX — начале XX в. играл фактор быстрого роста морского и речного судоходства, а также дорожного и железнодорожного строительства. В результате основные районы страны были соединены между собой современными транспортными системами.

Колониальное производство в Бирме финансировалось на верхнем уровне английскими банками, на среднем и нижнем уровне — индийскими и китайскими финансистами-ростовщиками и отчасти — бирманскими. Конечно, большие прибыли утекали из Бирмы, но несомненно то, что значительная их часть вновь реинвестировалась в Бирме, иначе невозможно объяснить длительный и быстрый экономический рост страны в конце XIX — начале XX в.³³

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. колониальная Бирма все сильнее втягивалась в крупнотоварное производство. Цены, рынок, наемный труд и капитал становились все больше обязательными факторами экономической жизни страны. Но это был путь колониально-капиталистического развития, путь, усложненный внешним насилием и особыми противоречиями. Растущий капиталистический уклад был многоступенчатым и многослойным по своим фазам, по составу

капитала и труда. Можно сказать, что капитализм в Бирме начал развиваться как сложная «смесь» европейских, иммигрантских и туземных факторов, как некое плюралистическое противоречивое единство, соседствующее с докапиталистическими укладами, которые он размывал и подчинял.

5. Социальная структура

Социальная структура колониальной Бирмы конца XIX — начала XX в. складывалась в соответствии с новыми экономическими и политическими условиями, возникшими в стране. Принципиальным направлением социального развития стало движение от в основном феодального общества к обществу в основном капиталистического типа. Это означало, что разрушались и видоизменялись феодальные структуры и элементы и появлялись различные коммерческие, промышленные и интеллектуальные слои и группы, которые отражали и выражали потребности развивающегося колониально-капиталистического общества.

Сказать о стратегическом направлении социальных изменений, конечно, необходимо в первую очередь. Это дает историческую ориентацию в оценке этих изменений. Но при этом важно избежать европеизации восточной социальной ситуации или, напротив, преувеличения восточной специфики (как реакции на чрезмерную европеизацию подхода). Так, в условиях развивающегося колониально-капиталистического общества неуместно подчеркивание противопоставления «буржуазия — пролетариат» и вообще классового начала.

Анализ социальной структуры общества принадлежит к числу сложнейших по объему проблематики и методам исследования. Ею необходимо заниматься специально. Здесь же предпринимается попытка дать лишь самую общую характеристику социальной эволюции Бирмы в начальный колониальный период.

При рассмотрении социальной структуры Бирмы конца XIX — начала XX в. необходимо учитывать следующие моменты.

Во-первых, то, что, как и в отношении экономики, перемены начались уже после захвата Нижней Бирмы в 1852 г. Аннексия Верхней Бирмы придала некоторым изменениям общепирманский характер, но существенные различия как в экономическом, так и в социальном

плане между Нижней и Верхней Бирмой сохранялись как различия между районом в основном экспортной ориентации и районом в основном еще сохраняющегося внутреннего потребительского хозяйства. В этом смысле можно говорить как об экономическом, так и социальном дуализме Бирмы конца XIX — начала XX в. (и в более позднее время).

Во-вторых, имея в виду общий вид социальной структуры, нельзя не признать, что в период после аннексии Нижней Бирмы в середине прошлого века и до начала Первой мировой войны в этой структуре произошли разительные перемены, причем слово «разительные» отнюдь не является преувеличением. Был король, было свое разветвленное дворянство, было феодально-обязанное население, в основном крестьянство, были зажатые королевскими монополиями группы торговцев. Всего этого не стало в период 1852–1885 гг. Вместо прежней социальной структуры появилась новая, которая с точки зрения составных частей и иерархии подверглась серьезным изменениям, что стало ясно уже к началу XX в.

Наверху новой социальной пирамиды страны были представители британского капитала и бюрократии; средние этажи пирамиды занимали различные торгово-промышленные и ростовщическо-землевладельческие слои и среднее чиновничество: здесь были представлены разнородные этно-национальные группы, но в экономическом и во многом в административном отношении ведущей среди них группой были индийцы, отчасти китайцы, а собственно бирманцы («туземцы») были представлены землевладельцами, торговцами и многочисленным мелким чиновничеством на низших ступенях городской, но в основном — деревенской администрации; здесь же, внизу этой средней группы, возникали начатки современного бирманского делового класса, правда под постоянным давлением более сильных инациональных конкурентов; внизу колониальной социальной пирамиды находилось местное крестьянство, но уже в основном не прежнее социально-однородное и существовавшее на базе натурального хозяйства, а со временем все более дифференцированное и в главных экономических районах страны все более связанное с товарным экспортным земледелием (фермеры-собственники и арендаторы, сельскохозяйственные рабочие); здесь основную массу составляли местные люди, бирманцы, но было также немало индийцев; там же, внизу социальной лестницы, появились растущие слои транспортно-строительно-промышленного пролетариата (чего в принципе ранее не было, как не

было машинных производств), составленного из разных и разделенных этнических групп с большим преобладанием индийцев³⁴.

В-третьих, складывание социальной структуры колониальной Бирмы лучше всего описать в понятиях концепции плюралистического общества, ибо без этого нельзя ни правильно оценить, ни даже полностью охватить эту структуру. На этом вопросе следует остановиться специально.

Бирме (вместе с Явой) принадлежит честь быть первым объектом изучения и осмысления в плане «плюралистического общества». Это систематически начал делать с начала 1940-х гг. английский специалист по Бирме проф. Дж. С. Ферниволл³⁵.

Ввиду важности проблемы приведем основополагающие на этот счет аргументы. «В Бирме, как и на Яве, первой, вероятно, вещью, которая поражает посетителя, является разношерстная смесь — европейцев, китайцев, индийцев и местных жителей. Это в самом строгом смысле разношерстная смесь, так как они общаются, но не объединяются. Каждая группа придерживается своей собственной религии, своей собственной культуры и языка, своих собственных представлений и образа жизни. Индивидуально они встречаются друг с другом, но только на рынке, покупая и продавая товары. Это — плюралистическое общество, где различные части общества живут рядом друг с другом в рамках одного политического целого, но живут раздельно. Даже в экономической сфере имеется разделение труда на расовой (национальной) основе. Местные жители, китайцы, индийцы, европейцы — все выполняют различные функции, и в рамках каждой крупной группы имеются подгруппы, имеющие свои особые занятия»³⁶. Ферниволл в данном случае не раскрывает понятие «местных жителей» («туземцев»), а ведь при наличии многих других, кроме бирманцев, народностей и племен в стране плюралистическая структура Бирмы делается еще более многосложной. Кроме того, он не указал здесь на многонациональную сложность индийских иммигрантов в Бирме (индусы, мусульмане, сикхи и т. д.).

Суть этой концепции — в признании особой профессионально-функциональной и культурно-языковой разделенности и обособленности различных этно-национальных групп общества, складывающегося в условиях колониального господства и колониального рыночного хозяйства. Общество оказывается составленным из разнородных этнических и социальных групп, каждая из которых выполняет свои определенные экономические и иные функции, занимая в нем определенную

нишу. Индивидуально люди этих групп соприкасаются и общаются друг с другом на рынке товаров и труда, но они не смешиваются (или почти не смешиваются).

Плюрализм колониального общества в Бирме как раз и выразился в том, что европейцы, индийцы, китайцы и некоторые другие (туземные) группы были волею колониальной истории поставлены в свои определенные экономические, политические, административные, социальные, культурно-языковые и религиозные ниши, в которых они и пребывали, редко «нарушая» предписанные условиями границы этих ниш. Конечно, социальная мобильность прорывалась и в колониальном обществе, но лишь частично, с трудом на минимальном уровне, и не меняя общего соотношения и баланса разделенных и обособленных этно-национальных и социальных групп этого общества и соответствующих противоречий внутри него.

В дальнейшем основная идея Ферниволла была принята многими востоковедами и невостоковедами на Западе и получила большое распространение. Западные исследователи М. Адамс и Р. Тейлор еще более углубили и развили ее в применении к Бирме. М. Адамс выступил против упрощенного представления о плюралистическом обществе как обществе, где разные национальные группы концентрируются каждый на отдельном уровне (высшем или среднем или низшем). Он подчеркнул, что в Бирме каждая культурная группа имела в своем составе представителей различных классов, в результате чего члены различных групп имелись в разных пропорциях на большинстве уровней общей институциональной системы. Поэтому, пишет М. Адамс, в Нижней Бирме возникла не «слоеная пирамида», а «сложная и в высшей степени пестрая иерархия, в которой члены каждой культурной группы нашли тенденцию концентрироваться в той или иной нише во всех частях и на большинстве уровней»³⁷. Ключевым словом в этой интерпретации является слово «ниша», которое, на наш взгляд, действительно дает более глубокое понимание сложности плюралистического общества.

Заслугой Р. Тейлора является, как нам представляется, то, что, с одной стороны, он подчеркнул значение социальных классов в структуре плюралистического общества, а с другой — выдвинул идею бирманского «нового среднего класса» в этом обществе³⁸.

Понятие плюралистического общества, возникнув на примере Бирмы, действительно крайне важно для понимания социальной структуры страны колониальной эпохи, ибо учесть и оценить степень слож-

ности и пестроты этой структуры можно лучше всего с помощью его инструментария.

Наконец, в-четвертых, в рамках многосложного плюралистического общества главный контраст состоял в факте подчинения бирманского общества британскому колониализму. Отсюда проистекало и главное противоречие — противоречие между бирманским обществом в целом и британским колониализмом. Все это так. Но это не должно закрывать глаза на то, что в силу разных уровней (фаз) развития британского капиталистического класса, как он был представлен в колониальной Бирме, и новых бирманских предпринимательских слоев, появившихся в стране в колониальный период, прямые противоречия между ними выступали менее остро, чем противоречия этих слоев с более близкими им по уровню индийскими (и иногда китайскими) конкурентами. Например, более острыми были их противоречия не с английскими банкирами, которые обычно не финансировали бирманцев, а с индийскими финансистами-ростовщиками, которые это делали. Подобные примеры можно продолжить, распространив их также на бирманских крестьян, которые должны были не английским банкам, а индийским четгьярам, предоставлявшим займы под залог земли со сравнительно невысокими процентами и начавших в конце XIX — начале XX в. понемногу отбирать крестьянские земли за долги. Следовательно, роль индийского элемента в социальной структуре колониальной Бирмы скорее была негативной, чем роль британского колониализма. Это привело к тому, что со временем в отношениях бирманской и индийской общин в Бирме возникло напряжение, что ярко выразилось в период между двумя мировыми войнами. И вообще на примере многонациональной Бирмы лишний раз стал подтверждаться тезис, что межнациональные отношения часто значат гораздо больше, чем межклассовые, хотя национальный субстрат общества пронизывают те или иные классовые образования.

Как же в самом общем виде можно себе представить плюралистическую картину социальной структуры Бирмы, как она стала складываться в начале колониальной эпохи? Ведь по сложности и запутанности ее можно уподобить какому-нибудь мозаичному панно в духе абстракционизма.

На наш взгляд, удачную в целом попытку упорядочения классовой основы этой структуры предпринял Р. Тейлор в упоминавшейся уже работе. Там он говорит в основном о классовой структуре уже «зрелой» колониальной Бирмы (1930-е гг.), подчеркивая, что она начала

создаваться еще в конце XIX в. По мысли Р. Тейлора, классовая структура колониальной Бирмы может быть представлена в виде трехъярусной пирамиды. Вершину ее образует небольшая группа официальных лиц британского колониального правительства Бирмы и управляющие главных британских (европейских) фирм в области торговли, добычи сырья и банковского дела. Сюда же он включает и значительную часть смешанной по крови европейско-азиатской группы населения. Второй ярус составляет средний класс, о котором речь пойдет чуть ниже. А третий ярус пирамиды, ее основание, представлен громадным большинством остального населения и состоит из сельскохозяйственных рабочих и значительно меньшей группы промышленных и транспортных рабочих.

Понятие «среднего класса», по Тейлору, требует особого рассмотрения. В него он включает три сектора: во-первых, землевладельческий; во-вторых, коммерческо-торговый; оба вместе они могут быть в некоторых отношениях сравнимы с европейской буржуазией. Третий сектор составляют представители свободных профессий и государственные служащие, каковых он рассматривает как местный вариант западных «белых воротничков».

Эта трехъярусная структура создавалась с конца XIX в. и к началу XX в. уже вполне сложилась. Нужны, может быть, только некоторые поправки и пояснения к изложению этой структуры. Например, стоит отметить, что категория землевладельцев включала новый для Бирмы разряд фермеров-товаропроизводителей, еще не сильно обезземеленных, но уже обремененных долгами. Надо было бы выделить растущий слой арендаторов земли, который со временем становился все более многочисленным разрядом земледельческого населения. Недостатком является то, что автор рассматриваемой схемы говорит о категории коммерсантов и торговцев, но не упоминает промышленников, которые появились уже в конце XIX в. во всех национальных группах и которые прежде всего «напрашиваются» в буржуазную группу.

Как же теперь представить себе более сложную картину пересечения предложенной Р. Тейлором схемы классовой структуры со структурами национального характера? Насчет первого яруса все более или менее ясно: он был однородно британским (европейским). Со вторым же и третьим ярусами дело обстоит гораздо сложнее и запутаннее, ибо почти каждый входящий в них слой включал тот или иной посторонний национальный элемент, а то и несколько таких элементов. Среди землевладельцев численно господствовали, конечно, бирманцы

и другие коренные группы, но здесь были довольно многочисленные и финансово значительные группы индийцев, британцев, китайцев. В составе землевладельцев-индийцев с конца XIX в. стали, как уже говорилось, появляться представители южноиндийской ростовщической касты четти-четтьяров, дававших займы под заклад земли. Еще большие пропорции занимали индийцы (как индусы, так и мусульмане) в торгово-коммерческом секторе, где они были в финансовом отношении на втором после англичан месте, затем — китайцы, которые концентрировались особенно в деревенской торговле.

Вытеснение бирманцев из торговли, землевладения, ростовщичества и промышленно-транспортно-строительных занятий началось как раз после 1880-х гг., примерно со времени полной аннексии Бирмы. Но, как показал бирманский исследователь Аун Тун Те, вытеснение бирманских предпринимательских элементов другими национальными группами нельзя понимать как полностью свершившийся факт или как окончательный результат. Напротив, бирманское предпринимательство, несмотря на процесс подавления инациональными группами, упорно выживало и стремилось к дальнейшему развитию и поискам для себя новых ниш, причем это касалось предпринимательства не только на низшем, но и на среднем уровне. Данные 1895 г. по предприятиям торговли, промышленности, финансово-ростовщической деятельности и т.п. показали, что бирманские предприниматели разного рода нашли свою нишу в малых городах (57% всех предприятий) и в окружных (дистриктных) центрах (около 44%), в Рангуне же их доля была незначительной (менее 10%)³⁹. В 1898 г. бирманским предпринимателям в Нижней Бирме принадлежало 15% всех рисовых мельниц (европейцам — почти 64%, китайцам — 13 и индийцам — 9%)⁴⁰. В 1910 г. 19 бирманцев было включено в число виднейших предпринимателей Бирмы, причем почти половина их была занята в рисоочистительной промышленности г. Бассейн (Патейн, запад дельты р. Иравади), который на раннем этапе был главным центром этой промышленности. Некоторые из них были брокерами больших европейских фирм, а 9 человек из 19 были заняты новыми видами предпринимательской деятельности⁴¹.

Среди лиц свободных профессий и государственных служащих (чиновничества) еще с конца XIX в. преобладали индийцы, как более привыкшие к работе с британскими властями и лучше знавшие английский язык. Общее доминирование индийцев в этих сферах продолжалось десятилетиями, но с начала XX в. все же наметилась устойчивая

тенденция к росту доли бирманцев, прежде всего получивших образование и занятых в адвокатуре и культуре.

На нижнем — крестьянско-рабочем — ярусе пирамиды дело с конца XIX в. обстояло весьма сложно и со временем еще более усложнялось. Крестьяне были преимущественно коренными жителями, но в Нижней Бирме было немало и индийских хозяйств. Среди сельскохозяйственных рабочих с самого начала была велика доля индийцев, которые после уборки урожая в нижнебирманской деревне кочевали в города для сезонной же работы на рисоочистительных предприятиях. Здесь отмечались как конкуренция с бирманцами, так и известное добровольное разделение труда между ними (надо учитывать, что уровень зарплаты в Бирме был выше, чем в собственно Индии, и что к работе по найму, особенно в некоторых сферах, бирманцы были менее привычны). Среди арендаторов земли также была конкуренция между бирманцами и индийцами, причем она обострялась по мере исчерпания фонда годных к обработке земель. В промышленности почти с самого начала большую роль стали играть индийцы (и они сохранили эту роль до конца колониальной эпохи), но в ней нашлись ниши и для представителей как коренных, так и некоренных групп. В лесном хозяйстве трудились в основном представители коренных народностей. В связи с давней бирманской традицией нефтедобычи (ручной) бирманцы добились для себя устойчивой ниши на современных нефтепромыслах центральной Бирмы, и их доля в этой сфере показывала со временем тенденцию к увеличению.

Картина национального состава армии и полиции была с самого начала особенно «чужеземной» и в основном оставалась таковой на протяжении десятилетий. Основу их до конца колониальной эпохи составляли индийцы (включая непальцев), хотя в начале XX в. к службе в них стали в возрастающем количестве набирать представителей малых коренных народностей Бирмы. Бирманцам, участвовавшим в вооруженной борьбе против иностранных завоевателей, здесь не доверяли (так же, как, впрочем, и шанам).

Особый интерес представляют соображения Р. Тейлора по поводу бирманского среднего класса как нового социального образования, которого не было в доколониальную эпоху. Подобно общему для страны среднему классу он состоит из трех частей, но с определенными вариациями. Одну часть этого класса представляют занятые в торговле, коммерции и промышленности; другую часть образуют работники государственного аппарата (=чиновничество); наконец,

третью часть составляют те, кто живет сдачей земли в аренду и ростовщичеством, включая сельскохозяйственный кредит⁴². На наш взгляд, такая группировка достаточно убедительна, если внести ту поправку, что в первом случае речь идет не обо всех занятых в торговле, коммерции и промышленности, а о собственных и управляющих соответствующих предприятий (видимо, здесь допущен авторский просчет в применении термина «занятые»). Аналитическая же ценность идеи бирманского среднего класса состоит прежде всего в том, что она позволяет четче увидеть важнейшие социальные основы бирманского национализма с его освободительными тенденциями на новом этапе истории Бирмы. Особую роль в национальном пробуждении Бирмы в первые десятилетия XX в. сыграли как раз представители бирманского среднего класса, прежде всего интеллектуальные его представители, образованная его часть.

Выше говорилось, что после подавления вооруженного движения сопротивления в 1880-е гг. начался период в основном мирного экономического развития Бирмы. Плюралистическая, «чересполосная» социально-национальная структура Бирмы, которая стала складываться в конце XIX в. и была уже достаточно зрелой в начале XX в., вызывала определенные противоречия и напряженность. Но в целом это еще не нарушило общей спокойной картины развития. Интегратором такого развития начала и продолжала выступать экономика. В основе она развивалась бескризисно, если не считать временного падения цен на рис в 90-х гг. и в 1907 г. Политический же контроль над страной находился в руках колониального государства, которое твердо следило за соблюдением национального единства. И надо признать, что и в плане национального вопроса этот период был спокойным.

6. Национальное пробуждение и обновление

В начале XX в. в Бирме сложился социально-психологический климат, который лучше всего передает понятие национального пробуждения. Его можно кратко обозначить как начало подъема духа угнетенной нации, наступающее после периода его упадка или летаргии. Национальное пробуждение возникло в условиях продолжающегося колониального угнетения Бирмы и на фоне и под воздействием больших политико-правовых, социально-экономических и образовательных перемен, которые охватили страну в конце XIX — начале

XX в. и о которых говорилось выше. Отошла в прошлое пора вооруженного движения сопротивления иностранному завоеванию, прошли шок и оцепенение, вызванные в народе гибелью бирманской государственности. В стране все более утверждались новые порядки, отношения и представления, связанные с колониальным статусом страны. Все звенья управления находились в руках иностранцев, как европейцев, так и находившихся в основном на вторых ролях иммигрантов из Азии. Несмотря на то, что и бирманцы втягивались в новые отношения и имели «свою долю пирога», их положение было политически и социально-экономически подчиненным. Оглядываясь вокруг, они все более чувствовали себя уязвленными, «третьесортными» людьми в собственной стране. Горечь бирманцев вызывал и происходивший на их глазах упадок традиционных бирманских ценностей, воплощенных в культурно-буддийском комплексе. Не только среди колонизаторов, но и среди некоторых бирманцев, падких на моду, распространилось пренебрежительное отношение к бирманской культуре и традициям. Бирманский язык стал третьестепенным, традиции литературы и искусства, имевшие ранее щедрых покровителей в лице бирманских монархов, находились в упадке. Роль и значение буддийского монашества — основного носителя духовного начала и стабильности в обществе — все более уменьшались, хотя в Бирме слова «бирманец» и «буддист» всегда были синонимами, и бирманец всегда жил неотделимо от буддийских религиозных, нравственных и философских представлений и ритуалов — и жил со дня рождения до самой смерти (и даже — по буддийской доктрине — после нее) в течение, по меньшей мере, одного тысячелетия. Если бирманца лишить этих представлений и ритуалов, то он утрачивает самого себя и перестает быть настоящим бирманцем⁴³.

Все это ранило сознание бирманцев. Вот и начались импульсивные поиски самих себя, своего места под солнцем в разворачивавшемся перед ними новом мире, в мире колониальной государственности. Речь шла о поисках и осмыслении бирманской национальной идеи, утраченной в катаклизмах Бирмы с колониализмом, идеи, которая могла бы вновь осветить бирманцам смысл их существования в новых исторических условиях и указать им путь в лучшее и свободное будущее. Колониализм подчинял, подавлял, ограничивал, вызывал соответствующее недовольство и духовный протест. Но парадокс истории состоит в том, что колониализм же открывал перед бирманцем и новые возможности и перспективы. Современное просвещение, наука, новые

связи и общение людей расширяли горизонты бирманцев, получивших доступ к образованию (пусть и ограниченный). Особенно нужно выделить тот момент, что в Бирму, как и в другие колонии, переливались из метрополии определенные порядки и ценности политической демократии, пусть ограниченной и — в колониальных условиях — подконтрольной. Ведь до эпохи колониализма в Бирме не имели о ней ни малейшего представления.

Англичане требовали от бирманцев лояльности британской короне, но выступать за возрождение бирманской культуры и буддизма в Бирме в принципе никто не мешал, хотя колониальный пресс одновременно давил на буддизм и традиционную бирманскую культуру. Перед бирманцами были три альтернативы: первая — безропотно следовать в русле колониального развития с угрозой потерять свою культурную самобытность, особенно с возрастанием влияния наднациональных общин в Бирме; вторая — выступать за реставрацию старых доколониальных порядков, которые были изжиты историей, но ностальгия по которым идеализировала и частично реанимировала эти порядки в сознании части населения; наконец, третья альтернатива состояла в том, чтобы с помощью предоставляемых историей новых политических и общественных средств и институтов, пришедших с Запада, сохранить и модернизировать свое национальное культурное наследие и бытие, утвердить национальную самобытность и вдохнуть оптимистическую веру в грядущее освобождение. Верх взяла именно эта, третья, альтернатива. В результате и началось национальное пробуждение, которое затем стало перерастать в процесс национального возрождения и национально-освободительного движения, поставивших задачу избавления от иностранного колониального господства. Но это произошло позднее, после Первой мировой войны. В начале же XX в. речь шла именно о национальном пробуждении как необходимом первом этапе этого процесса.

Национальное пробуждение в Бирме было заметно по многим признакам. Оживилось внимание к культурно-религиозным, просветительским, социальным и нравственным вопросам, проблемам воспитания молодежи, развития языка, литературы, искусства и науки. Причем интерес к этим вопросам возникал не в плане простого оживления старого (так называемого «ревайализма»), а в плане адаптации старого к новым условиям. Пользуясь более поздней научной терминологией, речь во многом шла о путях модернизации культурного наследия, о синтезе традиционного начала и тогдашней современности. Но

за всем этим маячила одна главная проблема — проблема униженного статуса бирманца в окружавшем его колониальном мире и поднятия этого статуса.

Хотелось бы выделить три общественно значимых события, которые, на наш взгляд, характеризуют общую обстановку национального пробуждения и в то же время имеют свое важное продолжение в последующие годы. Первое — это создание Буддийской ассоциации молодых людей (БАМЛ). Второе — основание бирманской национальной газеты «Турия». Третье — создание Исследовательского общества Бирмы (ИОБ).

Еще в 1897 г. в Верхней Бирме, а именно в Мандалае, считавшемся центром бирманского буддизма, была создана первая светская организация защиты и распространения буддизма «Будда сасана ноггаха атин» («Буддийская миссионерская ассоциация»). Ассоциация занималась социально-просветительской деятельностью, основала школу своего имени, которая впоследствии дала Бирме ряд видных общественных деятелей. Подобные же ассоциации возникли в городах Мьинджан и Моулмейн (Моламьяйн). Мьинджанская ассоциация вскоре объединилась с мандалайской. В 1902 г. в г. Бассейн (Патейн) было создано «Общество Ашоки» (по инициативе англичанина, новообращенного в буддизм). В 1904 г. была образована Буддийская ассоциация Рангунского колледжа, остававшегося единственным высшим учебным заведением страны, где учились дети состоятельных местных семей в расчете на последующие административные назначения. В отличие от этих и других светских ассоциаций, по инициативе саядо (старшего монаха) Леди во многих городах страны после 1905 г. стали создаваться буддийские ассоциации религиозного характера, в которых изучались буддийские тексты, заповеди и правила и вообще велась пропаганда буддизма.

Кульминацией процесса образования светских буддийских ассоциаций было создание в 1906 г. Буддийской ассоциации молодых людей (БАМЛ)⁴⁴ как всебирманской национальной организации. Инициаторами создания БАМЛ были студенты Рангунского колледжа У Ба Пэ (1883–1971), У Маун Джи и У Хла Пэ. Идея организации под таким названием возникла по аналогии с Христианской ассоциацией молодых людей, существовавшей в Англии и имевшей отделения в Рангуне. Первоначально БАМЛ объединяла двадцать шесть человек. Основными целями БАМЛ было способствовать защите и развитию «расы (нации), языка, буддизма и просвещения» («Амьо, Бата, Татана,

Пьяннъя»). В программе говорилось, что «задачи БАМЛ в целом касаются благополучия бирманского буддиста в области религии, социального положения и просвещения, но наши главные усилия будут направлены на должное руководство молодежью нашей провинции, а поэтому мы надеемся на полное сочувствие всех тех, кто заинтересован в сохранении бирманского национального характера»⁴⁵.

В 1908 г. в БАМЛ пришли молодые адвокаты, только что получившие это звание, — У Мей Аун, У Пу, У Сан Ба Ба, У Ба Си, У Маун Тейн и У Сейн Хла Маун. Затем в нее стали вступать старшие чиновники государственной службы в возрасте и даже вполне лояльные колониальному правительству люди (У Пэ, У По Бье, У Тин, У Кхин, Дж. А. Маун Джи и др.)⁴⁶. Первоначально правительство не запрещало это делать своим служащим. Напротив, это как будто должно было гарантировать лояльность организации. В БАМЛ вступали даже некоторые члены Законодательного совета при губернаторе. После реформ Морли-Минто в 1909 г. ряды БАМЛ еще более расширились. В нее вошли не только бирманские адвокаты и чиновники, но и брокеры, торговцы, учителя и клерки. Стало не только модно, но и почетно состоять в БАМЛ⁴⁷.

По мере роста популярности БАМЛ создавались ее филиалы (отделения) в разных городах страны. Расширялась и ее деятельность. БАМЛ создавала школы с уклоном в бирманские предметы, библиотеки, стала издавать еженедельник на английском языке «Бирманец» и ежемесячный журнал «Бирманский буддист» на бирманском, английском языках и на языке пали, поддерживала тесные связи с основанным в 1907 г. Обществом пропаганды буддизма. Совместно с последним БАМЛ содержала типографию. В 1909–1910 гг. в БАМЛ было официально 346 членов, в Обществе пропаганды буддизма — 1210 членов. В 1910–1911 гг. БАМЛ имела уже 15 местных отделений и организаций.

Чем конкретно в обществе занималась БАМЛ? Она вела просветительскую работу среди населения, настаивала на введении бесплатного начального образования, соблюдении равенства между англичанином и бирманцем в получении образования, боролась с вредными национальными традициями (чрезмерная трата денег на праздники, церемонии и т.п.) и вообще способствовала воспитанию патриотических чувств народа.

Формально БАМЛ возникла как неполитическая организация, но она явилась и отдушinou, и прикрытием пробуждавшегося

и поднимающегося бирманского национализма, первым шагом его в направлении политической деятельности. Согласно воспоминаниям У Ба Пэ, основатели БАМЛ с самого начала думали о том, чтобы с помощью этой ассоциации распространять политические взгляды, а они у них уже тогда были вполне антиколониальные. Буддизм, просветительство во многом прикрывали национализм многих молодых членов БАМЛ. В 1908 г. даже весьма умеренный лидер БАМЛ У Мей Аун в публичной лекции заявил о «духе реформ, витающем в воздухе, о постоянно растущем требовании улучшений, сопровождаемом безошибочными признаками общественной и религиозной активности»⁴⁸. Конечно, в БАМЛ были и вполне консервативные внеполитические элементы, что позже и сказалось. Ассоциация тогда еще не требовала, а робко надеялась на реформы сверху. Она была в целом лояльна властям и даже организовывала свои конференции (первая состоялась в 1910 г., вторая — в 1914 г. с пением британского гимна «Боже, храни короля», позже была поправка — «Будда, храни короля»).

На национальное пробуждение в Бирме в начале XX в., на рост национального самосознания, на деятельность и эволюцию БАМЛ большое воздействие оказали международные события того времени. Огромное впечатление на общественность произвело поражение «европейской» России от «азиатской» Японии в войне 1904–1905 гг. Как пишет бирманский историк, «как и в других странах Азии, появление Японии в качестве великой мировой державы в Бирме приветствовалось как заря новой эры, в которой азиаты наконец станут равными в социальном и политическом отношении господствующим европейцам»⁴⁹. Буддийский монах У Отама (1879–1939) в начале века поехал в Японию. Он провел там несколько лет и вернулся на родину полный восхищения успехами Японии.

Немалый патриотический эффект произвело и сопротивление буров англичанам в англо-бурской войне 1899–1902 гг. Характерно, что имя бурского генерала Л. Бота, прославившегося партизанскими действиями против англичан, в Бирме полусерьезно связывали с именем бирманского партизанского лидера По Та, которому в период антианглийского движения сопротивления удалось-де бежать из страны. В Бирме очень переживали поражение буров. Как раз в начале века в стране были открыты первые кинотеатры, и публика громко реагировала на соответствующие кадры, рассказывавшие об успехах японской армии или о сопротивлении буров.

Особое значение для Бирмы имело развитие национального освободительного движения в Индии, составлявшей с Бирмой единое колониальное целое. Бирма в политическом отношении смотрела на Индию как на старшего брата и использовала ее опыт антиколониального движения. Хотя БАМЛ не была связана с Индийским национальным конгрессом (ИНК) организационно и национализм БАМЛ был исторически менее зрел и более робок, идейно и структурно БАМЛ была близка ИНК. Проводили свою «просветительскую» работу и индийские националисты, которых центральные власти Индии за революционные выступления ссылали в Бирму, тогда «тихую заводь» империи.

Второе большое событие общенационального звучания связано с бирманской журналистикой и печатью. 4 июля 1911 г. лидеры БАМЛ У Ба Пэ и У Хла Пэ начали выпускать бирманскую газету национальной ориентации под названием «Турия» («Солнце» — на языке пали)⁵⁰. Сначала она выходила три раза в неделю, выживая на рекламе. С 1913 г. после создания солидной издательской компании «Турия» («Сан») она стала ежедневной. До этого в Бирме выходило две ежедневных английских газеты, небольшое число еженедельников и несколько зависимых от них бирманских бюллетеней новостей. В последних помещались переводы новостей из английских газет и не было редакционных материалов. И они были, конечно, проанглийскими. Выход газеты «Турия» положил этому конец. Теперь в стране была независимая национальная газета, которая в своих редакционных статьях и комментариях ставила вопросы национальной жизни. «Турия» стала выражением пробужденного бирманского национализма и одновременно постоянным стимулятором его дальнейшего развития. Газета не была официальным органом БАМЛ, но широко освещала ее деятельность, инструктировала местные отделения и тем самым способствовала дальнейшей популяризации и росту влияния этой организации. Долгие годы редактором и издателем «Турия» были поочередно У Ба Пэ и У Хла Пэ. У Ба Пэ был связан с издательством «Турия» до середины 30-х гг. У Ба Пэ заслуженно считают не только одним из «отцов бирманского национализма», но и основателем бирманской журналистики.

Важные процессы в начале XX в. происходили в бирманской литературе⁵¹. Она больше, чем какие-либо другие источники, могла рассказать о прошлом Бирмы, о связи времен, о различных наболевших проблемах текущей жизни бирманца. Появились новые «актуальные» жанры излюбленной в Бирме драмы. Под влиянием европейского романа возник бирманский роман как совершенно новый

жанр национальной литературы (У Хла Джо и У Чжи). С особым жанром литературного творчества выступил уже упоминавшийся Такин Кодо Хмайн, который в своих «тика» (эссе или комментариях) освещал самые злободневные темы и который стал сотрудничать в газете «Турия».

Третьим важным событием начала XX в. в Бирме было создание в 1910 г. Исследовательского общества Бирмы (ИОБ) («Burma Research Society»). С 1911 г. оно стало регулярно издавать свой журнал («Journal of the Burma Research Society»).

Инициатором создания ИОБ был уже не раз упоминавшийся англичанин — тогда колониальный чиновник в Бирме, член «Индийской гражданской службы» Дж. С. Ферниволл (1878–1960), искренне любивший Бирму и ставший со временем патриархом ее научного изучения, признанным во всем научном мире. Впервые он задумался о создании этого общества еще в 1909 г., когда в его руки попал экземпляр «Журнала Сиамского общества». Это и подало ему идею о создании подобного же общества в Бирме⁵². На следующий год Дж. С. Ферниволл, бирманский адвокат У Мей Аун, президент БАМЛ, и Ш. Дюруазелль и французский преподаватель (затем — профессор) языка пали в Рангунском колледже организовали Исследовательское общество Бирмы (торжественное открытие состоялось 29 марта 1910 г.). Оно занималось изучением всех аспектов бирманского культурного прошлого: литературы, языков, археологических памятников, религии, искусств, промышленности, музыки, драмы, фольклора, обычаев⁵³. Общество стало проводить регулярные заседания, на которых зачитывались и обсуждались научные доклады. Главной же работой общества было издание научного журнала Общества, который стал выходить трижды (затем дважды) в год. Современная исследовательница культуры Бирмы, видный бирманский политик и лауреат Нобелевской премии мира 1991 г. Аун Сан Чжи отметила, что создание Общества было событием, которое позволило «рассматривать наследие Бирмы в свете современной учености»⁵⁴.

ИОБ было неполитической организацией с чисто научными интересами. Даже экономика не была первоначально включена в предметы изучения, поскольку у части тогда власть предержащих и без того были опасения, что Общество «поощрит национализм» и «подрывные тенденции». Все же губернатор Бирмы Х. Т. Уайт поддержал проект создания Общества, хотя при этом вычеркнул из проекта пункт о том, что возрастающее внимание должно быть уделено бирманской

археологии, ибо опасался критики за пренебрежительное отношение властей к памятникам старины. Он же был назван первым патроном Общества и председательствовал на некоторых его заседаниях (с тех пор традицией стало считать патроном Общества текущего главу официальной власти страны).

Надо сразу же отметить, что за многие годы материалы журнала ИОБ стали уникальной коллекцией знаний о Бирме, не имеющей себе равных. Но дело было не только и не столько в этом. В любых других условиях, скажем в независимой стране или даже в другой колонии с развитым национальным движением, создание научного общества и его журнала было бы скорее всего просто научным фактом, и было бы натяжкой причислять это к событиям общенационального значения. В Бирме это стало не просто научным фактом, а как раз событием общенационального значения, ибо такого рода научная, национально устремленная деятельность в условиях национального пробуждения была частью этого пробуждения и его дальнейшим стимулом. Поэтому роль ИОБ далеко выходила за рамки науки как таковой. ИОБ и его журнал сыграли важную роль в становлении современной бирманской науки, собирании и анализе бирманских исторических источников, в подготовке бирманских научных кадров. Ряд бирманских ученых стали участвовать в работе ИОБ и его журнала. То, что в его основании и деятельности большое участие принимали иностранцы, дела не меняло: опыт более зрелых ученых придавал большую плодотворность общей работе и не позволял сползти к национализму в науке, хотя, возможно, привносил некоторые недостатки и предрассудки европейской науки и ученых.

Разумеется, что из трех рассмотренных событий самым важным в историческом плане было создание и деятельность БАМЛ. Она стала главной осью национального пробуждения Бирмы и подвела к политической борьбе, что стало содержанием следующего периода развития Бирмы, начиная с Первой мировой войны.

* * *

В заключение главы хотелось бы остановиться на одном общем вопросе. Дж. С. Ферниволл в первой из своих двух главных работ написал: «Англия открыла Бирму миру, но не открыла мир Бирме, и бирманец был обречен жить мелкой жизнью в большом мире. Его религия и культура деградировали, и он не мог более выполнять социальных, коммерческих и промышленных функций, которые были

ранее открыты для него, какими бы ограниченными они ни были»⁵⁵. Антиколониальный пафос этого вывода в целом понятен и приемлем. Но, как представляется ныне с учетом исторической ретроспективы, либеральный английский профессор допустил все же одно преувеличение. Верно, что Англия открыла Бирму миру, но вряд ли безоговорочно верно, что она не открыла мир Бирме. Мир Бирме все же, пусть с ограничениями, был открыт. Можно пойти даже на компромиссную формулу: мир Бирме был приоткрыт. Надо сказать, что даже при приоткрытых дверях этот мир начал проникать в Бирму. Иначе быть не могло и не бывает. Если бы это было не так, не было бы в Бирме (как и в других колониях) рецепции европейских политических, социальных и идеологических ценностей и институтов, не было бы процессов, сближающих развитие колоний и метрополий. Не будь эта дверь приоткрыта, неизвестно, когда началось бы в Бирме национальное пробуждение, в каких формах оно бы проходило, не говоря уже о перспективах. Диалектика колонизации и деколонизации в том и состоит, что колонизируемый в свое время и на своей почве вооружается тем идейно-правовым и институционно-организационным инструментарием, который выработал в метрополии, и с его помощью начинает длительный процесс борьбы за национальное освобождение. Это мы и видели уже на начальном этапе этого процесса, на этапе национального пробуждения.

БИРМА В 1914–1938 гг.

1. Характеристика периода

Развитие Бирмы после аннексии всей страны Англией в 1885 г. шло вплоть до Первой мировой войны сравнительно спокойно, если не считать нескольких лет вооруженного сопротивления колонизаторам. Происходило быстрое экономическое развитие страны в колониально-капиталистическом русле, особенно на базе Нижней Бирмы, а также формирование новых социальных слоев с подключением в этот процесс и Верхней Бирмы. Политическая летаргия бирманского общества в первые два десятилетия после аннексии страны сменилась началом национального пробуждения в первые годы XX в. Шел рост современного просвещения. В целом это был период спокойного эволюционного развития, при котором противоречия между иностранными завоевателями и национальными силами еще не выявились в полной мере, а колониальная эксплуатация страны еще не приняла широких масштабов. Надо отметить, что быстрый экономический рост на протяжении нескольких десятилетий конца XIX — начала XX в., стимулированный открытым рынком и приливом иностранного капитала, давал ощутимые, хотя и неравноценные, материальные выгоды всем социальным слоям и группам Бирмы — не только британским капиталистам и индийским торговцам-ростовщикам, но и бирманским крестьянам и нарождавшимся местным предпринимателям.

В период 1914–1938 гг. положение существенно изменилось. Его уже нельзя было назвать спокойно-эволюционным. Напротив, он оказался бурным и противоречивым, особенно начиная с 30-х гг. Некоторое время после Первой мировой войны наблюдался экономический бум, до начала 30-х гг. в целом росли производство и торговля. Шел процесс формирования новых социальных слоев и групп современного и переходного типа. Сделало дальнейшие успехи развитие светского образования, в том числе на университетском уровне. Но экономическое и социальное развитие утратило плавный характер, пошло через зигзаги и спады и вскрыло нараставшие противоречия.

Неконтролируемый рынок вызвал углубление социальной дифференциации. По мере своего расширения он болезненно ударял по интересам значительных групп местных производителей, прежде всего крестьян (ускорение процесса обезземеливания, наметившегося еще в конце XIX в.). Произошло стремительное падение жизненного уровня ряда слоев народа, что подстегнуло недовольство британскими властями Бирмы. Национальное пробуждение, касавшееся прежде всего культурно-просветительных вопросов, переросло в национальный подъем, охвативший и политико-идеологическую сферу. Социально-экономической основой этого подъема стало расширяющееся осознание бирманцами своего права на отстаивание не только своих непосредственных интересов, но и своего национального своеобразия, своей идентичности в том новом мире, который им «открыл» капитализм, насильственно включив их в него. В свою очередь, это осознание расширялось тем быстрее, чем больше среди бирманцев распространялись современное образование и вообще идеи современного мира, шедшие в Бирму извне. В условиях допускавшейся законом политической свободы появились политические партии и организации, которые составили важный элемент нарождавшегося гражданского общества. Собственно говоря, развитие политического движения в Бирме в 20–30-е гг., организация его в партии и объединения на основе различных антиколониальных программ, вовлечение в движение значительных социальных слоев — все это и поставило дело национального освобождения на реальную основу и обеспечило Бирме в благоприятных международных условиях достижение государственной независимости.

Если период конца XIX — начала XX в. в Бирме был вообще беден событиями (наиболее значимыми из них были создание БАМЛ — Буддийской ассоциации молодых людей — и начало выхода первой регулярной бирманской национальной газеты «Турия»), то этап 1914–1938 гг. был буквально насыщен ими, и редкий год проходил без какого-либо события общенационального звучания. Среди них, как мы увидим ниже, были массовые антиколониальные бойкоты, попытки проведения конституционных реформ, крестьянское восстание, отделение от Индии, появление радикальных партий и групп. Эти процессы происходили уже на фоне мирового экономического кризиса конца 20 — начала 30-х гг., который приостановил экономический рост и ухудшил материальное положение многих слоев.

В эти годы шел рост бирманского национализма (под национализмом здесь понимается идеология национального самоутверждения, антиколониализм и соответствующая социально-политическая практика). Национализм стал проявляться весьма ярко и интенсивно — Бирма превратилась в одну из самых «беспокойных» провинций Британской Индии, национальный подъем в которой в целом был тогда и без этого очень высок.

2. Первая мировая война и Бирма (1914–1918 гг.)

Без учета морских боев ближайшим для Бирмы театром военных действий между силами Антанты и германского блока была Месопотамия. Но война оказала заметное влияние на ее внутреннее положение.

Бирма выступала как важный источник сырьевых ресурсов для войны и отчасти — людских. Что касается последнего, то эта провинция Индии поставила метрополии 18,6 тыс. солдат. Основную часть их составили рекруты из числа малых народов страны (каренов, шанов, качинов и чингов), а не собственно бирманцев (им еще не доверяли). Но прежде всего Бирма была крупным поставщиком продовольствия, особенно риса. Возросло значение бирманского тика — лучшей строительной древесины. Бирманский вольфрам, нефть, кожи, помимо риса и тика, также использовались в военных целях.

Вообще война очень подчеркнула стратегическое значение Бирмы для Англии. К концу войны Бирма стала давать до 1/3 мировой добычи вольфрамовой руды. Производство нефти в 1916 г. достигло почти 300 млн. галлонов. Мировые цены на стратегическое сырье в годы войны поднялись и стали основой процветания ряда английских компаний в Бирме. Благодействовали «Бирма Ойл К^о», вновь появившиеся горнорудные монополии «Моочи майнс» и «Бирма корпорейшн».

За годы войны произошло увеличение общего числа промышленных предприятий. В 1912 г. в стране насчитывалось 438 фабричных предприятий с 50,7 тыс. рабочих, в 1918 г. — 549 с 71 тыс. рабочих. Надо отметить, что условия войны создали определенную защиту внутреннему бирманскому рынку (сокращение импорта) и это стимулировало национальное предпринимательство (в сфере производства риса, древесины, кустарной продукции).

Что касается положения основных масс населения, то в годы войны оно значительно ухудшилось. Из-за колебаний в производстве и сбыте риса (все-таки свободный мировой рынок был деформирован) пострадали доходы крестьян-рисоводов. Рост внутренних цен на продовольствие и промтовары коснулся вообще многих категорий народа. Сокращение импорта ограничило не только рынок ширпотреба, но и машин и запчастей для промышленных целей. Имел место рост безработицы в избыточных отраслях.

Но дело было не только в экономике. Условия войны способствовали росту национального самосознания. Необходимость соответствующей мобилизации общественного мнения против Германии вынуждала взывать к идеалам справедливости и свободы, апеллировать к массам.

Военные условия тормозили активные проявления недовольства бирманского народа своим положением, иностранным господством. Однако следует отметить рост сопротивления деревенского населения уплате налогов татамеда (подворного) и подушного. Произошла стачка учеников государственной средней школы в Рангуне. На местах, прежде всего в деревнях, примерно с 1915 г. стали появляться общества антиколониального, политического характера. Они получили название «вунтану атинов» — патриотических (или национальных) обществ*. Первоначально они не были связаны с БАМЛ. Но когда в 1917 г. доступ в БАМЛ был расширен, вунтану атины, в основном деревенские организации, стали входить в ее общую структуру. К концу войны в БАМЛ было уже 50 местных отделений.

Здесь необходимо отметить следующее. Как указывалось выше, БАМЛ придерживалась принципа неучастия в политической деятельности и была вполне лояльна колониальным властям. Но в середине войны положение стало меняться. На авансцену БАМЛ начали выходить молодые лидеры, «младобирманцы» (У Ба Пе, У Чи Хлайн), которые проповедовали новые идеи и желали повернуть БАМЛ в политическое русло. Они были больше знакомы с современной жизнью Запада, внимательно следили за событиями в более политизированной Индии. И на очередной (пятой) конференции БАМЛ, состояв-

* «Вунтану» (пали) — «поддерживающий свою расу, нацию», то есть патриотический или национальный (см.: Herbert P. The Hsaya San Rebellion (1930–1932) Reappraised. Melbourne, 1982, с. 15, ft. 28); «атин» — общество, ассоциация.

шейся в г. Пьинмана в 1917 г., на повестку дня вышли политические вопросы.

Надо отметить, что эта конференция собралась уже после известного заявления министра по делам Индии британского правительства Э. Монтегю, сделанного им в парламенте 20 августа 1917 г. и говорившего о перспективе конституционной реформы, о «самоуправлении» и о создании «в конечном итоге ответственного правительства в Индии как неотъемлемой части Британской империи». Бирма входила в состав колониальной Индии, и это заявление о предстоящих реформах ее непосредственно касалось. Поэтому конференция БАМЛ в Пьинмане приняла решение о посылке делегации в Калькутту для встречи с Э. Монтегю и вице-королем Индии лордом Челмсфордом. Она состоялась в декабре 1917 г., и делегация БАМЛ вернулась домой, в общем удовлетворенная ее результатами.

Конференция в Пьинмане приняла также некоторые другие вполне политизированные резолюции (против расовой дискриминации, перехода земель в руки иностранцев и др.). Одна из них решительно протестовала против ношения обуви в буддийских пагодах, что позволяли себе европейцы. Этот «башмачный вопрос» вызвал повсеместное возбуждение в Бирме в 1917–1918 гг., став сильнейшим катализатором и символом растущих антиколониальных настроений в обществе.

Решения конференции стали началом политизации БАМЛ. Надежды младобирманцев на политические реформы в Бирме питались всей обстановкой в мире, в котором чем дольше шла война и рушились устои, тем шире распространялись освободительные, демократические и революционные настроения и действия. В России в результате Февральской революции пало самодержавие, затем произошел Октябрьский переворот, выдвинувший заманчивые цели радикального общественного переустройства. На глазах распадалась Османская империя. В Бирме знали и о «Четырнадцати пунктах» президента США В. Вильсона (январь 1918 г.), среди которых был пункт 14-й, предусматривавший «генеральную ассоциацию наций» с «взаимными гарантиями политической независимости и территориальной целостности в отношении как больших, так и малых государств»¹.

Особые импульсы шли в Бирму из собственно Индии. «Через» Индию в Бирму должны были прийти обещанные политические реформы. Антиколониальное движение в Индии, усилившееся с начала века, лозунги Индийского национального конгресса, деятельность

Махатмы Ганди — все это служило возбудительным примером для бирманских националистов-патриотов. Индийцы в Бирме (а их по переписи 1911 г. было здесь уже около 750 тыс. — примерно 6% населения провинции) были в ряде случаев непосредственными инициаторами или участниками антиколониальных выступлений. Стоит, например, отметить, что первая крупная забастовка рабочих в Бирме была проведена в августе 1918 г. индийскими докерами Рангунского порта.

С 1918 г. процесс политизации в Бирме резко ускорился. Он был вызван внезапным поворотом дела с политическими реформами. Опубликованный в апреле 1918 г. в Англии официальный доклад о реформах в Британской Индии, получивших название «реформ Монтегю-Челмсфорда», исключил Бирму из этих реформ. В докладе говорилось: «Бирма — не Индия. Ее народ принадлежит к другой расе, находится на другой стадии политического развития, и ее проблемы совершенно особые... Стремление к выборным институтам в Бирме не развилось... Проблема политической эволюции Бирмы должна быть оставлена для отдельного рассмотрения в будущем»². Это «своеобразное» отделение Бирмы от Индии стало ударом по надеждам политически мыслящих бирманцев. Это было также национальным унижением для Бирмы, так как исключение из конституционной реформы мотивировалось ее политической отсталостью.

3. Бирма в 1919–1922 гг.: движение за реформы и усиление политизации страны

Конституционная реформа Монтегю-Челмсфорда воплотилась в «Закон 1919 г. об управлении Индией». Он вступил в действие в 1921 г. Сохраняя основы политического и экономического контроля Англии над Индией в целом, он расширял элементы выборности и подотчетности колониальных законодательных и исполнительных органов. Восемь провинций Британской Индии получили статус так называемой «провинциальной диархии». Согласно ей, основная часть Законодательного совета избиралась путем прямых выборов. Под эгидой губернатора, сохранявшего почти абсолютную власть, осуществлялось разделение ответственности между «официальным блоком» и избранными представителями. Отрасли хозяйства и управления делились на «резервированные» (за официальным блоком) и «переданные» (избранным представителям). Так, последние были допущены

к управлению образованием, здравоохранением, сельским хозяйством, промышленностью (см. подробнее в главах об Индии).

Идея Закона 1919 г., в том числе провинциальной диархии, состояла в том, чтобы создать минимальную «представительную отдушину» в системе колониального управления Индии и тем самым ослабить национально-освободительное движение в стране. В порядке успокоения недовольных Закон обещал, что английское правительство через 10 лет вернется к рассмотрению дальнейших перспектив политической эволюции Индии. Конечно, конституционная реформа 1919 г., взятая в историческом аспекте, объективно имела и вполне позитивный смысл: она приобщала веками «беспредставительную» Индию к некоторым формальным процедурам парламентаризма, что в будущем должно было пригодиться. Однако основы власти, авторитарное вето колонизаторы полностью оставили за собой. Закон 1919 г. был далек от того, чтобы удовлетворить возросшие требования индийского национального движения, и поэтому вызвал бурный протест. В стране начался бойкот политических и экономических мероприятий и учреждений колониальной власти.

В Бирме события развивались по несколько другому, замедленному сценарию. Младобирманцы из БАМЛ добивались первоначально равного отношения к Бирме и распространения на нее принципов провинциальной диархии.

Надо сказать, что Бирме в 1918–1919 гг. угрожала не диархия, а «план Крэддака», названный по имени тогдашнего английского губернатора, план незначительных изменений в управлении страной на местном уровне и отрицавший саму идею прямых выборов. Начались публичные митинги протеста (новое явление для страны), создана Лига борьбы за реформы, посланы делегации в Англию. Всем этим руководили младобирманцы из БАМЛ. В движение включилась и часть буддийского монашества (молодежь).

Вернувшийся вскоре после войны из Индии в Бирму радикально настроенный буддийский монах У Отама (1897–1939) публично бросил лозунг «Крэддок, убирайся домой!», что было беспрецедентно для бирманского общества. Он возглавил политизацию буддийского монашества, стал центральной фигурой в организации кампаний несотрудничества и бойкотов в Бирме на индийский манер. Некоторые сравнивали его с Махатмой Ганди, и не даром за свои антиколониальные выступления он не раз сидел в тюрьме. «Его голос был первым смелым и радикальным голосом в бирманской политике, и массы толпой

шли его послушать и передавали его слова другим», — так сказал об У Отама один из наиболее известных политических деятелей Бирмы доктор Ба Мо (1893–1971) в своих мемуарах³.

В ходе агитации за реформы завершился процесс превращения БАМЛ в политическую организацию. Это важнейшее событие произошло в октябре 1920 г. на очередной (восьмой) ее конференции, состоявшейся в г. Пьи (Пром). БАМЛ была переименована в Генеральный совет бирманских ассоциаций (ГСБА), который и стал первой чисто политической организацией страны и доминировал на общественной арене все 20-е гг., оставив в истории Бирмы глубокий след. (Неполитические же элементы БАМЛ остались в рамках прежней культурно-просветительной организации, сохранившей свое название и существующей до сих пор.) Президентом ГСБА стал активный младобирманец У Чи Хлайн (1879–1952), принадлежавший к верхушке формировавшегося бирманского среднего класса и приобретший вскоре широкую популярность в стране (в 20-е гг. его называли «некоронованным королем» Бирмы). Вице-президентом стал уже упоминавшийся У Ба Пе (1883–1971). ГСБА открыл двери для всех патристических сил и быстро превратился в массовую организацию с широким социальным составом. Если в 1919 г. БАМЛ объединил не более 400 организаций, то в 1921 г. их было уже примерно 12 тыс.⁴ На конференции ГСБА участвовало до 10 тыс. одних делегатов, а гостей собралось до 100–200 тыс. В ГСБА вошли многочисленные местные деревенские общества — вунтану атины. Поэтому период ГСБА в истории Бирмы иногда называют «периодом вунтану атинов». Высшее же руководство ГСБА было в основном городским.

Конференция БАМЛ–ГСБА 1920 г. осудила «план Крэздока», выдвинула программу бойкота иностранных товаров и выборов в центральные индийские органы и потребовала вернуть бирманским крестьянам земли, захваченные у них за долги индийскими ростовщиками.

Политика ГСБА в целом была реформистской, умеренной, хотя имелись и отклонения, особенно в свете происшедших позже расколов.

Другим важнейшим событием в 1920 г. был знаменитый университетский бойкот, начавшийся 5 декабря (эта дата, меняющаяся по лунному календарю, отмечается в Бирме ежегодно как Национальный день). Бойкот возник как студенческая забастовка-протест против порядков, введенных в только что созданном тогда Рангунском университете и ограничивавших возможности обучения в нем выходцев

из бедных слоев. ГСБА поддержал бойкот и всячески способствовал его расширению. Вскоре бойкот охватил школы и перерос в широкое антиколониальное движение. Этот бойкот породил движение за национальные школы с их патриотическим уклоном и упором на изучение гуманитарных бирманских дисциплин. Была также предпринята попытка основать Национальный колледж. Финансовые затруднения и нехватка кадров, однако, явились труднопреодолимым препятствием, и движение за национальные школы в конце концов пошло на убыль. Сравнительно долгий срок продержались лишь несколько национальных школ, и одна из них воспитала будущего первого премьер-министра независимой Бирмы — У Ну (1907–1995).

Университетский бойкот всколыхнул всю страну. По выражению бирманского автора, политическая обстановка характеризовалась «волной национализма, не имеющей себе равных за все время после британского завоевания»⁵. Соппротивление колониализму нарастало. Бойкот следовал за бойкотом, распространяясь на все новые сферы, и в этом Бирма успешно брала пример с Индии.

В это время значительно активизировалось буддийское монашество. Можно без преувеличения говорить о том, что среди буддийских монахов возникло настоящее движение, представленное многочисленными местными организациями, а затем и центральной организацией, созданной в 1920–1921 гг. в лице Генерального совета Сангха саметджи (ГССС)*. ГССС стал тесно взаимодействовать с ГСБА, и не только сотрудничать, но и во многом влиять на него в сторону радикализации политики и действий. Монахи были особенно активны в деревне, с которой были больше связаны. Они поддерживали антиправительственные настроения и разжигали антианалоговые выступления крестьян. Они создавали крестьянские организации не только типа вунтану атинов, но и более радикальные, тайные общества, как «бу атины» («общества отрицания» или «несотрудничества»)**, которые применяли насильственные методы, или «экономические общества»***, создававшиеся для борьбы с индийскими ростовщиками-четгьярами, к которым за долги переходило все больше крестьянских земель. ГССС взял на

* «Сангха» (пали) — буддийская монашеская община; «саметджи» — единство, объединение.

** Буквально: общества «нет» (бирм.).

*** По-бирмански: «сibuайе атин».

себя инициативу в выдвижении общенациональных лозунгов бойкота и несотрудничества.

Активность и влияние буддийской сангхи в 20-е гг. были таковы, что некоторые бирманские исследователи пишут даже о «захвате» ГСБА сангхой, об установлении ею контроля над ГСБА⁶. Так, видимо, и обстояло дело в ряде ситуаций, например в навязывании ГСБА антианалоговой резолюции или в продвижении более удобного сангхе лидера. Нужно только подчеркнуть, что это выражало не столько «буддийский ренессанс», сколько политизацию определенных низовых слоев сангхи, и основное различие между ГСБА и ГССС состояло не столько в том, что первый был светской, а второй — монашеской организацией, сколько в том, что национализм ГСБА был в целом мирным, умеренным, можно сказать, цивилизованным или вестернизированным по формам, а национализм ГССС был порой экстремистским, фанатичным, насильственным, а иногда даже просто разжигающим темные инстинкты, хотя он также исходил из патриотических побуждений. Поэтому движение ГССС внесло новизну не в буддизм как религию, а в политическую жизнь, в условия начала национального антиколониального подъема, стремясь любыми средствами усилить его. При этом, конечно, надо учитывать, что отнюдь не всё монашество включилось в политику. Буддийская иерархия в высших и средних звеньях считала участие в политике нарушением монашеских правил, и она сохранила заметное влияние на массы монахов.

Дух политической активизации и определенной радикализации распространился и в самом ГСБА. До 1920 г. он выступал за диархию. Но затем настроения большинства, подогреваемые бойкотом в Индии и обстановкой в стране, переменялись. В результате то, о чем младобирманцы скромно просили в период подготовки конституционного закона 1919 г. для Индии, стало отвергаться в 1921 г., когда Англия согласилась ввести в Бирме диархию, и борьба в Бирме за диархию парадоксально переросла в борьбу большинства против диархии.

Конференция ГСБА, состоявшаяся в октябре 1921 г. в г. Мандалае, не приняла прямой резолюции против диархии, однако подвергла бойкоту английскую комиссию, которая занималась вопросом введения диархии в Бирме. Конференция была знаменательна тем, что в основной резолюции поставила вопрос не о диархии, а о гомруле для Бирмы, о чем-то вроде доминиона, причем слова «в пределах империи», обычные для таких формул, были исключены, и в результате в политиче-

ской истории колониальной Бирмы впервые, хотя и в неясной форме, был поставлен вопрос о независимости.

В обстановке нарастающего возбуждения в Бирме английские власти вынуждены были запоздало поспешить с введением диархии. В 1921 г. была проведена подготовительная работа. В июне 1922 г. был принят Закон о реформах в Бирме. Он был даже несколько либеральнее Закона 1919 г. для Индии. В ноябре 1922 г. были проведены выборы в Законодательный совет, а в январе 1923 г. в стране была официально введена новая система управления.

Все это произошло, однако, уже в условиях широкого неприятия диархии. Бойкот расширялся и был распространен и на выборы в Законодательный совет. ГСБА принял на этот счет специальные резолюции.

Но именно по вопросу о выборах в ГСБА в 1922 г. произошел раскол — первый из серии расколов в этой организации. Меньшинство руководства ГСБА во главе с У Ба Пэ полагало, что в них необходимо участвовать для того, чтобы использовать легальные возможности, трибуну для борьбы за национальные цели. В составе 21 человека оно вышло из ГСБА и, образовав «Партию 21-го» (или Националистическую партию), приняло участие в выборах и затем в работе законодательно-исполнительных органов диархии. В радикальных кругах ГССС и ГСБА они были окрещены «оппортунистами» и «предателями». Большинство же ГСБА во главе с У Чи Хлайном заняло позицию бойкота выборов.

В результате бойкота и отчасти апатии населения в первых выборах в Законодательный совет участвовало около 7% избирателей. Из 103 мест на выборах оспаривалось 80, остальные заполнялись назначениями губернатора. «Партия 21-го» выиграла 28 мест.

Помимо борьбы вокруг конституционных реформ и агитации в деревне, новым явлением для послевоенной Бирмы были забастовки рабочих, в основном индийцев, составлявших до 70% рабочего класса страны (по переписи 1921 г.). В 1919–1922 гг. произошло не менее 15 трудовых конфликтов с 35 тыс. участников, в том числе на нефтепромыслах в Центральной Бирме, являвшейся единственной крупной современной отраслью промышленности, где большинство рабочих составили бирманцы. В 1922 г. в районе нефтепромыслов был нелегально создан Рабочий союз Бирмы, в который вошли рабочие-бирманцы и индийцы. Он возник по инициативе левых деятелей ГСБА.

4. Бирма в 1923–1928 гг.: реформы колониального управления (введение «диархии»)

К 1923 г. первая волна широкого национального подъема в Бирме стала постепенно ослабевать. Это произошло отчасти в результате раскола в ГСБА, отчасти из-за введения реформ, которые все же отвлекли часть общественного внимания. Но говорить о стабилизации положения в последующие годы не приходится. Обстановка временами вновь накалялась.

В отличие от предшествующих лет в Бирме в этот период не отмечалось значительных событий, подобно борьбе за конституционную реформу или университетскому бойкоту.

В конституционном плане Бирма в 1923 г. получила статус диархии. Был создан в основном выборный Законодательный совет. Лидер «Партии 21-го» У Ба Пэ стал заместителем председателя Совета, его коллега по партии У Маун Джи — министром образования и здравоохранения. Остальные бирманцы, в прошлом члены БАМЛ, получили другие официальные и неофициальные должности. Идя на нововведения, англичане рассчитывали сыграть на консерватизме и карьеризме принявших диархию бирманских деятелей, в том числе бывших членов ГСБА. В определенной мере это им удалось, но было бы вряд ли правильно всех их считать марионетками губернатора.

Выборы во второй Законодательный совет (1925 г.) прошли тоже при малой активности избирателей (16,3%), но в этом случае, кроме «Партии 21-го», в выборах приняли участие «Партия гомруля», сформированная из бывших членов ГСБА (лидер — У Пу из Таравади), и «Партия сварадж» («своей власти»), которая поддерживала интересы Индии в Бирме (лидеры — У По Тун и д-р Ба Мо). Все три партии объединились в оппозиционную коалицию, названную Народной партией, для проведения совместной политики. В выборах третьего Законодательного совета (1928 г.) участвовало 18% избирателей, и в нем коалиция Народной партии сохранила свои позиции, хотя и ослабла из-за внутренних разногласий. Ее лидеры выступали против диархии и не принимали официальных постов. Надо сказать, что националисты в первом, втором и третьем Советах неоднократно выступали с критикой колониализма и с предложениями улучшения социально-экономической ситуации в стране, особенно положения крестьянства и национального предпринимательства. Однако их деятельность в Законодательном совете была полностью неэффективной.

Этих представителей в целом можно считать консервативными националистами с определенным антииндийским уклоном, придерживавшихся лозунга «Бирма для бирманцев».

ГСБА в целом продолжал линию бойкота диархии. Несмотря на выход из ГСБА ряда членов, до середины 20-х гг. он оставался единой массовой организацией, действующей совместно с монашеским ГССС. На конференцию ГСБА в 1924 г. в г. Паунде под нажимом «политических монахов» и местных организаций была принята резолюция в поддержку движения крестьян против налогов. Но это «явное грехопадение» дорого обошлось ГСБА. И без того в организации шла внутренняя борьба между радикальными и умеренными элементами. Резолюция о налогах, являвшаяся, в сущности, призывом к анархии, еще более усилила эти противоречия. Наконец, в 1925 г. произошел формальный раскол ГСБА на две организации под одним названием. Одна была умеренно-центристской. Во главе ее остался У Чи Хлайн. Другая придерживалась радикальных взглядов. Во главе ее встал У Со Тейн. Этот ГСБА настаивал на расширении тактики бойкота и перешел от требования статуса доминиона для Бирмы к требованию независимости. ГСБА У Со Тейна был теснее связан с массовым, особенно крестьянским, движением, в то время как ГСБА У Чи Хлайна отражал интересы вестернизированных городских слоев.

После раскола ГСБА произошла соответствующая перестройка и в организациях буддийских монахов. ГССС также разделился на соответствующие фракции. Одна часть его активно поддержала радикальный ГСБА.

В 1923–1928 гг. продолжало развиваться забастовочное движение. Надо сказать, что после окончания Первой мировой войны вплоть до начала мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. в стране продолжался промышленный рост. В 1928 г. число фабричных предприятий в Бирме составляло 968 и 101,6 тыс. занятых на них (в 1919 г. соответственно 567 и 77,4 тыс.)⁷. С 63 в 1921 г. до 369 в 1929 г. возросла численность горнорудных предприятий. Число работников на них, считая вместе с нефтепромыслами, увеличилось за те годы примерно с 25 до 40–45 тыс. человек. За 1921–1928 гг. в Бирме было официально зарегистрировано 58 трудовых конфликтов, в которых участвовало примерно 95 тыс. рабочих и служащих. В числе их была первая в истории страны забастовка рабочих-бирманцев, происшедшая в 1923 г. на нефтепромыслах Центральной Бирмы, где они составляли национальное большинство (среди рабочих). В забастовке, имевшей

экономический характер, приняло участие 6,5 тыс. рабочих-бирманцев (индийцы не участвовали). Она длилась около 5 месяцев и была самой крупной забастовкой в стране. Она закончилась неустойчивым компромиссом. В 1926 г. несколько тысяч нефтяников вновь объявили забастовку, но она была подавлена. Так или иначе, но уже в 1926 г. в Бирме вступил в действие общеиндийский закон о профсоюзах, легализовавший профсоюзную деятельность. Однако в силу структуры и слабости рабочего класса в целом собственно рабочие профсоюзы появились в Бирме лишь в 30-х гг.

Политико-идеологически Бирма в эти годы оставалась изолированной от внешнего мира. Самые крепкие связи существовали лишь с Индией. Возможно, на их основе (а возможно, как-то иначе) в бирманских газетах «Непидо» (г. Мандалай) и «Рангун мейл» в те годы появились статьи, в которых с симпатией рассказывалось об Октябрьской революции, о Ленине, о коммунизме.

Центральным местом массового движения в Бирме в середине 20-х гг. стала деревня. Крестьянские волнения под руководством различных обществ происходили фактически непрерывно. Крестьяне отказывались платить налоги, игнорировали местные власти, совершали нападения на деревенских старост, иностранцев, особенно индийских ростовщиков-четтьяров. Некоторые тайные крестьянские общества (типа «бу атинов»), выдвигали политические требования — установление «своей власти», достижение независимости. В 1924—1925 гг. в северных и средних округах Нижней Бирмы произошел «взрыв политического беззакония», как сообщалось в официальных отчетах. В 1926 г. в Верхней Бирме вспыхнуло антианглийское восстание под руководством буддийского монаха. В 1927 г. в традиционно беспокойном Таравади и вокруг него возросло сопротивление крестьян властям. Надо сказать, что болевыми точками в экономическом положении крестьян были налоги и неуклонный процесс обезземеливания. Налоги считались несправедливыми, а потеря земли крестьянами за долги приводила к деклассированию, к разрушению привычного традиционного уклада жизни. В 1927 г. помещикам и ростовщикам в стране в целом принадлежало почти 20% сельскохозяйственных земель, а в Нижней Бирме — рисовой житнице — около 27%⁸. В самых же рисопроизводящих районах Нижней Бирмы в их руках оказалось 40–60% земли, причем до половины ее принадлежало собственникам-абсентеистам, среди которых самыми крупными были индийские ростовщики-четтьяры. Неудивительно, что все это подготавливало «взрывной материал»

в деревне, учитывая интенсивную националистическую агитацию, проводимую радикальным монашеством в крестьянской среде⁹.

5. Бирма в 1929–1933 гг. Мировой экономический кризис и антиколониальное крестьянское восстание

Мировой экономический кризис 1929–1933 гг. был важным рубежом и для бирманской истории. Он оказал глубокое воздействие на экономику страны, на социальные условия и на политическое положение. Как и в ряде других колоний, он стал одновременно и новым, серьезным испытанием для колониализма.

Если после некоторой заминки в начале века и частично в годы Первой мировой войны экономика Бирмы на колониальной основе все же продолжала в целом неуклонно развиваться, то с началом мирового экономического кризиса этот рост приостановился, экономика во многих отношениях сделала попятный ход, и восстановление ее произошло лишь к началу Второй мировой войны, да и то не полностью. От кризиса пострадали, хотя и в разной степени, все социальные слои и группы страны — от иностранных и местных предпринимателей до рабочего класса, крестьянства всех категорий и интеллигенции. Падение цен, замедление и падение производства в основных отраслях, рост безработицы (открытой и скрытой), падение доходов и уровня жизни рабочих и служащих, разорение крестьян, ремесленников, банкротства национальных предпринимателей, тяготы студенчества и лиц свободных профессий — все это в полной мере затронуло бирманское общество.

В эти годы особенно резко усилился процесс пролетаризации крестьянства вследствие обезземеливания. Непосредственным агентом обезземеливания выступали ростовщики, особенно индийские четъяры. К ним переходили крестьянские земли в результате просрочки платежей по долгам, ибо в годы падения цен у крестьян не было даже прежних мизерных средств. В этих условиях возросло и налоговое бремя.

Падение цен на рис в Бирме — главную экспортную культуру, с производством и обработкой которой были связаны миллионы крестьянских семей, — началось еще в 1926–1927 гг. В середине 20-х гг. закупочная цена 100 корзин падди (необрушенного риса) составляла

180–200 рупий. В 1929 г. за них платили 160, в 1930 г. — 130, а в 1931 г. (июнь) — 64 рупии. Между тем при цене 150 рупий за 100-корзин издержки крестьянского рисового хозяйства становились выше его доходов, и оно разорялось. Разорение стало массовым, оно затронуло сотни тысяч человек. Это было хорошо видно по разрушению крестьянского землевладения, особенно четтьярского. С 1928 г. по 1933 г. крестьянское землевладение, по данным официальных отчетов, сократилось с 7,6 до 6,3 млн. акров, а ростовщическо-помещичье увеличилось с 3 до 4,5 млн. акров. В 1931–1934 гг. крестьяне ежегодно теряли по несколько сот тысяч акров. Это походило на социальный переворот в сельском масштабе. В таких масштабах обезземеливание не происходило ни в одной из стран Юго-Восточной Азии. Неудивительно, что «взрывные» формы крестьянского движения в Бирме в этих условиях вполне соответствовали и «взрывным» формам социальной трансформации крестьянства.

В 1930–1932 гг. в Бирме вспыхнуло крупное антиколониальное крестьянское восстание. По своему размаху оно не имело себе равных не только в других странах Юго-Восточной Азии, но и в соседних регионах. Длительная, хотя довольно запутанная, политическая борьба происходила тогда в Бирме и вокруг будущего конституционного статуса страны и ее связей с Индией.

Крестьянское восстание не было стихийным выступлением. Оно было организовано и планировалось заранее. Во главе восставших стояли организации «галонов». Галон (гаруда) — по бирманской мифологии — сказочная птица, в поединке убивающая дракона-нага. Птица галон в данном случае выступала символом бирманского патриота, борющегося за свободу страны против иностранного угнетения, олицетворенного драконом-нага.

Организацию галонов создал и возглавил Сая Сан, который и был руководителем восстания. В 20-х гг. он входил в радикальный ГСБА У Со Тейна. Затем, разочаровавшись, он вышел из ГСБА и в 1929–1930 гг. приступил к созданию своей тайной организации, призванной возглавить восстание. В организацию вошли и уже существовавшие деревенские общества. В подготовке и проведении восстания важную роль сыграли и некоторые буддийские монахи.

Наличие центральной повстанческой организации серьезно отличало восстание 1930–1932 гг. от прошлых выступлений крестьян. Существенным было также то, что главные цели повстанцев носили не аграрный, а общеполитический характер. Основной целью восстания

было освобождение Бирмы от иностранного господства и восстановление ее независимости. Непосредственными лозунгами были отмена несправедливых налогов, свободное пользование лесом для крестьянских нужд и т.п. Начавшись 22 декабря 1930 г. в традиционно беспокойном округе Таравади, восстание быстро распространилось по другим округам Нижней Бирмы и перекинулось в Верхнюю. Вскоре после начала восстания лидер галонов Сая Сан в соответствии со стародавней традицией бирманских повстанцев провозгласил себя королем Бирмы и заложил новую королевскую столицу в джунглях.

Отряды повстанцев, вооруженные пиками, секачами и небольшим количеством старинных или самодельных ружей и пушек, первоначально придерживались тактики открытых нападений. Однако это привело их к большим потерям (широко распространенная магическая татуировка ради «неуязвимости» в бою и различные амулеты, конечно, не помогали), и они были вынуждены перейти к тактике партизанской войны. Они устраивали налеты на деревни, жгли податные списки, отменяли долги ростовщикам, уничтожали имущество богачей, особенно индийских ростовщиков, нападали на пункты охраны лесов, железнодорожные станции, разрушали мосты, линии связи. Первыми мишенями восставших стали деревенские старосты — местное олицетворение иноземной власти. За первый (главный) год восстания 38 старост было убито и 250 ранено¹⁰. Наибольший размах восстание приняло в июне–июле 1931 г., когда оно, по подсчетам английских военных, охватило территорию примерно в 400 км с севера на юг и свыше 150 км с востока на запад.

Восстание не получило поддержки со стороны народа, однако симпатии к нему, сочувствие к крестьянам были широко распространены в Бирме. Вместе с тем оно вызвало большую тревогу колониальных властей. Они были вынуждены перебросить в Бирму армейские подкрепления из Индии и приложили огромные усилия, чтобы как можно скорее потушить этот пожар. Свыше 1300 повстанцев были убиты, неизвестное число ранено, 9 тыс. были вынуждены сдаться, были взяты в плен или арестованы. Схвачен был и сам Сая Сан. Он и еще 125 повстанцев после суда были повешены, 1389 получили тюремные сроки или были сосланы на каторгу¹¹. Сая Сан мужественно и спокойно принял смерть (16 ноября 1931 г.). Незадолго до казни он завещал причитавшийся ему небольшой гонорар за свою книгу по медицине на создание библиотеки. Среди первых закупленных книг была левая литература — работы В. Ленина, Л. Троцкого, К. Маркса. Библиотека имени

Сая Сана существует и сейчас. Сая Сан вошел в историю Бирмы как один из национальных героев-мучеников, как наиболее выдающийся вождь бирманского крестьянства. Он широко почитается среди народа и на официальном уровне.

Главными причинами поражения антиколониального крестьянского восстания 1930–1932 гг. были неравенство сил, военное превосходство колониальных властей, крайняя необеспеченность восставших оружием, недостаточная организованность и координация их сил, отсутствие поддержки восстания городами. К числу причин поражения следует отнести также отсталость и ограниченность идеологии повстанцев, которая предстала в большой мере еще в традиционном, в сущности средневековом виде. Советская историография всегда подчеркивала патриотический, антиколониальный, освободительный характер этого восстания, но исходила из того, что благородные главные цели восстания изначально были исторически обречены. В западной бирманистике имел большое хождение взгляд на него как на «взрыв средневековья» или «последний вздох традиционной Бирмы». В последнее время было высказано мнение, что это «восстание возвестило скорее новую эпоху, чем последний вздох старой», поскольку подготовило путь для будущей независимой современной Бирмы и вдохновило новые прогрессивные силы¹².

Накануне и тем более в годы восстания политическая обстановка в Бирме была очень напряженной. В марте 1929 г. Бирму посетил апостол «ненасильственного несотрудничества» с империализмом Махатма Ганди, пользовавшийся большим авторитетом и в бирманском народе. В апреле того же года умер в тюрьме буддийский монах-патриот У Визара, последователь У Отама. Его смерть вызвала общественное негодование в адрес колониальной власти. В мае 1930 г. в Рангунском порту произошли индийско-бирманские столкновения (убито и ранено было около 3 тыс. человек). Они отмечались уже в годы экономического кризиса на почве усилившейся конкуренции в среде докеров разных национальностей. Участились забастовки рабочих в других отраслях. Произошли существенные перемены в ведущих национальных политических организациях Бирмы.

В 1929 г. от ГСБА, возглавлявшегося У Со Тейном, откололся новый ГСБА во главе с более умеренным У Су. Таким образом, с учетом ГСБА У Чи Хлайна стало три ГСБА, то есть политические силы были полностью раздроблены (считалось, что численность сторонников всех трех ГСБА могла составлять 1,5–2 млн. человек).

С начала крестьянского восстания положение еще больше изменилось к худшему. ГСБА У Со Тейна был запрещен властями, а два других ГСБА от восстания открестились, что спасло их от официального запрещения. Однако эти три ГСБА в начале 30-х гг. утратили былой авторитет и поддержку снизу, поскольку отошли от массовой борьбы. К 1933 г. ГСБА в основном исчерпали себя. Период социально-нерасчлененного, недифференцированного освободительного движения на этом закончился.

Исторические условия заставили уйти одни политические организации, но вызвали к жизни другие. Здесь речь пойдет прежде всего о «Добама асиайоун» (Ассоциации «Наша Бирма»). Она первоначально возникла как небольшой кружок патриотически настроенной бирманской университетской молодежи, исполненной решимости бороться за освобождение Бирмы от иностранного господства. Считается, что «Добама асиайоун» (ДА) появилась в 1930 г. во время индо-бирманских столкновений в Рангунском порту (есть даже версия, что название ее происходит от боевых выкриков бирманских докеров «Наша Бирма!»). Члены ДА стали вскоре добавлять к своему имени обращение «такин» («господин», аналогично индийскому «саиб»), подчеркивая этим, что подлинными господами, хозяевами Бирмы являются сами бирманцы. Это обращение (со своим несколько сомнительным оттенком национального высокомерия при употреблении в «своей» среде) вошло затем в личные имена ряда членов этой организации (навсегда или временно). Поэтому ДА называют часто просто партией такинов, а ее членов — такинами. Один из такинов сочинил песню «Добама», в которой вспоминалась былая слава Бирмы, походы королевской армии, а нынешняя молодежь призывалась к борьбе за освобождение страны от иностранного господства. (Эта песня стала государственным гимном Бирмы после достижения ею независимости.)

Такины резко критиковали консерватизм и оппортунизм руководства ГСБА и других партий. На идеологию первых такинов оказали воздействие различные западные и восточные теории. Такины увлекались Руссо, Гарибальди, Ницше, фабианцами. Первый глава ДА Ба Таун был поклонником Ницше. Самое непосредственное влияние на такинов в первоначальный период оказали ирландские националисты с их радикальными требованиями и тактикой («Шин фейн» и «Ирландская республиканская армия»). Но со временем в «Добама» особое распространение получила левая, революционная идеология,

и страной особого почитания левых такинов стал Советский Союз с его лозунгами социализма.

В начальный период движения такинов (1930–1932 гг.) их связи были еще очень слабыми даже в рамках Рангунского университета. Они расширились только после начала в 1933 г. тесного сотрудничества «Добама» с Союзом студентов Рангунского университета и Всебирманской лигой молодежи (созданы тоже в 1930 г.). Новый этап деятельности «Добама» начался с середины 30-х гг., когда такины вышли за пределы университетского городка, «пошли в народ».

На политическое положение Бирмы в рассматриваемое время большое влияние оказал вопрос об отделении (или неотделении) от Индии. Он очень будоражил страну. Индийская конституционная комиссия во главе с Дж. Саймоном, назначенная английским правительством в 1927 г. и работавшая в 1928–1930 гг. в собственно Индии и в Бирме, опубликовала в июне 1930 г. свой доклад. Он рекомендовал осуществить в собственно Индии частичные политические реформы вместо требуемого народом создания ответственного правительства. Что касается Бирмы, то авторы доклада высказались за ее немедленное отделение от Индии, причем, как и прежде, полностью обошли вопрос о каких-либо политических реформах. Это и накалило политические страсти.

Взгляды бирманских противников отделения в конце 20–30-х гг. сводились к следующему: мы — против отделения, если ему не сопутствуют соответствующие политические реформы (не меньшие, чем для собственно Индии); мы за немедленное отделение, если это сопровождается предоставлением Бирме статуса доминиона или независимости. Сторонники отделения рассуждали так: отделение от Индии независимо от условий было бы благом для Бирмы, поэтому мы — за немедленное отделение; мы также за статус доминиона для Бирмы, но его можно получить и после отделения.

Таким образом, «чистых» противников отделения среди бирманцев, в сущности, не было. Они появились постольку, поскольку реформы замалчивались или признавались недостаточными.

Столкнувшись с оппозицией отделению, английское правительство было вынуждено собрать в конце 1931 — начале 1932 г. в Лондоне специальную конференцию «круглого стола» по Бирме. Но на ней договориться не удалось: бирманские делегаты выступали за статус доминиона, а англичане обещали только конституцию колониального типа. Чтобы спасти положение, английское правительство решило

передать вопрос на усмотрение самих бирманцев на предстоящих в ноябре 1932 г. выборах в четвертый Законодательный совет. Бирме был предложен выбор: отделиться от Индии на основе предложенной властями колониальной конституции или остаться в составе Индии без права выхода из нее.

Вопреки всем ожиданиям выборы дали большой перевес противникам отделения. В них приняли участие оба ГСБА, которые ранее бойкотировали колониальные органы. Вместе с другими группами они создали Лигу противников отделения, которая и победила. Были сведения, что победа не обошлась без индийских денег. В Лиге, как и во всей кампании, выдвинулся д-р Ба Мо, получивший известность во время суда над Сая Саном, на котором он выступил в качестве адвоката.

Результаты выборов стали неожиданностью и для английских властей. Но в этой сложной ситуации Лондон получил веское основание передать вопрос о новой конституции для Бирмы на рассмотрение английского парламента. Бирманские группировки в Законодательном совете смирились с такой перспективой. В таких условиях рождалась новая колониальная конституция — «Закон 1935 г. об управлении Бирмой».

6. Бирма перед Второй мировой войной (1934–1939 гг.). Конституция 1935 г., административное отделение от Индии, введение колониальной автономии; дальнейшая радикализация антиколониального движения в стране

«Закон 1935 г. об управлении Бирмой», принятый британским парламентом и увязанный с соответствующим законом по Индии, предусматривал как отделение Бирмы от Индии, так и новое конституционное устройство страны. Он вступил в силу с 1 апреля 1937 г.

Порядки, вводившиеся в Бирме Законом 1935 г., гарантировали сохранение колониального статуса страны. Только теперь управление Бирмой осуществлялось не Дели, а непосредственно Лондоном. В то же время во внутреннее управление страной были внесены изменения, которые можно охарактеризовать как ограниченную колониальными рамками внутреннюю автономию.

Избирательное право расширялось (распространялось на 23% населения). Создавался двухпалатный законодательный орган,

состоящий из палаты представителей и сената. В палату представителей — нижнюю палату — избиралось 132 депутата, из них 40 — по куриальной системе (от нацменьшинств, в том числе от каренов, индийцев, европейцев, от деловых кругов, университета). Сенат, состоящий из 36 членов, наполовину назначался губернатором, наполовину избирался нижней палатой. Создавался также Совет министров, назначаемый губернатором, но формально ответственный перед палатой представителей. Однако при существовании полностью выборной палаты представителей и Совета министров, ответственного перед ней, губернатор располагал такими прерогативами, которые делали автономию не только строго контролируемой, но и сугубо ограниченной. В руках губернатора сохранялись основные пружины исполнительной и законодательной власти. Ни один законопроект не обретал силы закона без одобрения губернатором (или английским правительством). В обход парламента губернатор имел широкую законодательную компетенцию и мог самолично прекращать работу любого выборного органа, но и в нормальных условиях сферой его исключительной ответственности были оборона, внешние связи, охрана закона и порядка, финансово-таможенная политика. В его исключительном ведении оставались так называемые «исключенные районы», населенные малыми народами Бирмы (шанами, качинами, чинами, каренниками и др.) и составлявшие более 40% территории страны и около 14% населения. Поэтому, хотя колониальный парламент и правительство получили возможность рассматривать определенные внутренние проблемы страны, возможность принятия по ним решений сужалась бдительным контролем со стороны «европейского блока» с союзниками, который и без губернатора держал в парламенте баланс сил. Так что серьезный «выход за рамки» был невозможен. Зато новые условия стимулировали в бирманской политической верхушке гонку за высокооплачиваемыми правительственными постами и расцвет оппортунизма и коррупции вообще. Что касается отделения Бирмы от Индии, то, хотя оно административно осуществлялось, реальные проблемы взаимоотношений двух стран, особенно индийской иммиграции в Бирме, остались для страны большим грузом на долгие десятилетия.

Внутренняя автономия, которую получила Бирма, разумеется, носила колониальный характер. Неудивительно, что она, подобно диархии, встретила резкую критику среди националистов, особенно левых. Однако она все же была принята верхами и практически заработала. К тому же автономия стала определенной политической школой

в плане дальнейшего приобщения Бирмы к парламентской процедуре. В ее рамках и в рамках англо-индийских законов в стране провозглашалась значительная свобода общественно-политической деятельности, в том числе левых сил. (Забегая вперед, отметим, что выборы в Учредительное собрание Бирмы в 1947 г., накануне провозглашения независимости, проводились на основе конституции 1935 г. — значит, она все же не оказалась неприемлемой.)

На выборах 1936 г. по Закону 1935 г. наибольшее число мест получила группировка У Ба Пэ, представленная объединением остатков старых партий («Союзом пяти цветков»), которые все переживали глубокий упадок. Вновь созданная партия «Синьета» («Бедняков» или «Пролетариев») во главе с д-ром Ба Мо была на втором месте. Но именно д-ру Ба Мо в результате комбинации сил удалось стать первым премьер-министром. Он занимал этот пост с апреля 1937 г. по февраль 1939 г. У Чи Хлайн из уважения к прошлым заслугам был избран спикером палаты представителей. В последнюю были также избраны 3 представителя от левой группы «Комин-кочин» («Свой правитель — свой род») во главе с Такином Мья, будущим руководителем Социалистической партии. Эта группа была парламентским ответвлением «Добама асиайоун», партии такинов.

Движение такинов стало развиваться в середине 30-х гг., особенно во второй их половине, когда «Добама асиайоун» из небольшого интеллигентско-студенческого кружка начала превращаться в массовую организацию с обширными связями, а на ее политическую линию стал оказывать значительное влияние марксизм, особенно в его большевистской и коминтерновской трактовках. Левые члены ДА создали в 1937 г. в Рангуне «Книжный клуб красного дракона», где обсуждались революционные теории и практика, издавалась левая литература. Стали регулярными (с 1935 г.) легально проводившиеся конференции ДА. Поддержал ДА видный писатель и патриот Кодо Хмайи (У Лун) (1876–1964), который также стал такином (патроном ДА). Такины были решительными противниками колониальной конституции и откровенно говорили о том, что ведут борьбу за полную независимость Бирмы.

Как уже отмечалось, такины пользовались большим влиянием первоначально в студенческой среде. Из нее вышли такие такины, как Аун Сан (1915–1947), ставший в 1938 г. генеральным секретарем ДА, Ну, Чжо Ньейн. Такины приняли активное участие во втором университетском бойкоте в 1936 г. Эта акция, носившая антиколониальный характер, снова прогремела на всю страну как вызов колонизаторам.

В 1935–1939 гг. такины развили большую политико-организационную работу среди рабочих и крестьян. Именно в эти годы был создан ряд профсоюзов, в том числе профсоюз нефтяников — самого крупного отряда рабочих Бирмы, и ряд крестьянских союзов, а потом и их всебирманское объединение. Сама организация такинов все более укреплялась. Ее отделения возникли и действовали в большинстве округов, районов и городов. У ДА был широкий социальный состав. Наряду с левыми и умеренными в нее входили и вполне правые националисты (например, группа Такина Ба Сейна, отколовшаяся в 1938 г. от основной ДА). Такинами были будущие коммунисты — Со, Тан Тун, Тейн Пэ (Тейн Пэ Мьин). Такином стал Шу Маун — в будущем генерал Не Вин. Вообще, ДА можно рассматривать как кузницу политических кадров будущей Бирмы — из ДА, объединявшей «новых» националистов почти всех оттенков, вышло большинство политических деятелей независимой Бирмы — от крайне левых и левых до умеренных и правых (крайне правых в Бирме очень немного).

Под руководством «Добама асияюун» развернулось движение 1938–1939 гг. или, как его называют в Бирме на основе бирманского летоисчисления, «революция 1300 г.». Это движение началось крупнейшей забастовкой нефтяников Центральной Бирмы, выдвинувших в основном экономические требования. Они мужественно держались в течение многих месяцев, а затем в конце 1938 — начале 1939 г. совершили «голодный поход» в Рангун. Движение поддержало крестьянство Нижней Бирмы, рабочие других предприятий, студенты, городская беднота, ремесленники, бирманские предприниматели. Довольно активную роль играли и буддийские монахи, но в этих новых условиях они уже не были ведущей силой и, во всяком случае, не руководили движением в целом. В течение 1938–1939 гг. вся Бирма бурлила, в различных местах, особенно в Рангуне и Мандалае, вспыхивали экономические и политические забастовки, митинги, демонстрации, бойкоты¹³. Участники движения требовали отмены колониальной конституции, законов о труде, земельной реформы.

Колониальные власти предприняли репрессии (под удобным прикрытием бирманского премьер-министра — д-ра Ба Мо). Произошли кровавые столкновения бастующих и демонстрантов с полицией и войсками. Сотни людей были арестованы. Еще летом 1938 г. обстановка в стране усложнилась в связи с тем, что националистическими силами были спровоцированы индийско-бирманские столкновения на антимусульманской почве (из 1 млн. индийцев в Бирме примерно половина

была мусульманами). Здесь надо сказать, что некоторые буддийские монашеские элементы сыграли неприглядную роль разжигателей конфликта. В результате всех этих событий правительство д-ра Ба Мо в феврале 1939 г. было вынуждено уйти в отставку. Его преемником стал У Пу (из Яметина), один из лидеров «Партии 21-го» и сподвижников У Ба Пэ по более поздним консервативным политическим группировкам.

В ходе общественного подъема в январе 1939 г. в Рангуне под руководством левых деятелей ДА была создана Всебирманская крестьянская организация. Примерно тогда же началась работа по формированию Всебирманского конгресса профсоюзов, который был официально провозглашен в январе 1940 г. Обе организации под влиянием левых такинов провозгласили в качестве цели борьбы социализм.

Характерно, что вся эта деятельность ДА и ее организаций, включая издательскую, проходила легально, в условиях допускаемой законом политической свободы. Это, разумеется, не исключало довольно тщательного наблюдения со стороны полиции (нелегальная деятельность легальной организации — это другой вопрос). Можно сказать, что национально-освободительные силы Бирмы максимально использовали эту свободу и прошли первую серьезную школу развернутой общественно-политической деятельности. Еще никогда политическая жизнь в стране не была столь активной, как в конце 30-х гг.

15 августа 1939 г. считается днем основания Коммунистической партии Бирмы (КПБ). Это произошло в Рангуне на встрече группы левых такинов, рабочих и студенческих лидеров. Генеральным секретарем КПБ стал Такин Аун Сан, генеральный секретарь «Добама аси-айоун». В подготовке и создании КПБ важную роль сыграли связи с компартией Индии. В отличие от ДА, коммунисты были на нелегальном положении. Однако они оставались в ДА и продолжали работать в других организациях. Но деятельность КПБ как организации тогда не развернулась. Она не продемонстрировала тогда ни организационной сплоченности, ни стабильности, ни тактического единства, особенно в условиях усложнившейся внутренней и международной обстановки в связи с начавшейся Второй мировой войной, когда ее деятели разошлись по ряду вопросов идеологии и практической деятельности. Скорее всего в 1939 г. речь шла о попытке создания компартии: была образована небольшая коммунистическая ячейка, которая вскоре распалась¹⁴.

БИРМА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939–1945 гг.)¹

1. Первый период войны (1939–1941 гг.)

Бирма была вовлечена во Вторую мировую войну как колония, без ее согласия. Так же было и в Первую мировую войну. Но прошедшие с той поры четверть века ясно показали те разительные перемены, которые произошли в стране. Тогда Бирма смолчала. Теперь она уже не могла не только смолчать, но и смириться. Сформировались новые социально-политические силы, возникли уже осознающие себя элементы гражданского общества, которые не просто отказались быть пешкой британского колониализма в международной политике, но и бросили ему вызов.

Бирманское общественное мнение было на стороне жертв фашистской агрессии. Но Бирма сама была поработана. Мирное движение 1938–1939 гг. за свободу оказалось безрезультатным. Однако к началу Второй мировой войны обстановка в стране вновь обострилась². В конце сентября 1939 г. «Добама асиайоун» призвала к созданию единого фронта борьбы за независимость. В октябре 1939 г. по инициативе ДА и его генсека Такина Аун Сана был создан Блок свободы Бирмы. В нем участвовали «Добама асиайоун», партия «Синьета», несколько других групп. Президентом блока («анашином» — вождем, «диктатором») был избран бывший премьер и лидер «Синьета» д-р Ба Мо, генеральным секретарем — Такин Аун Сан. Блок выдвинул три основных требования: признание Англией права Бирмы на независимость (с гарантией предоставления ее хотя бы после войны), подготовка к созыву Учредительного собрания и немедленная передача особых полномочий губернатора кабинету министров. Только при признании права Бирмы на независимость национальные силы обещали Англии свое сотрудничество в войне. Блок свободы (характерно было само название организации) начал энергичную кампанию пропаганды своей

программы. По всей стране снова прошли митинги и демонстрации, возросла оппозиция колониальному господству.

Блок свободы был инициатором «резолуции независимости», принятой палатой представителей в феврале 1940 г. Резолюция в окончательном виде была смягчена, но все равно содержала пункт о необходимости признания Бирмы в качестве «независимой нации». Даже некоторые министры не могли игнорировать настроения в стране и парламенте. Так, один из них — У Со, лидер созданной в 1938 г. правоцентристской партии «Мьочи» («Патриотической»), выступил с требованием созыва Учредительного собрания.

Весной–летом 1940 г. обстановка все более накалялась, начался новый массовый политический подъем. Прошли конференции крестьянского союза и профсоюзов Бирмы, выдвинувшие радикальные политические и экономические цели. Был опубликован манифест «Добама асиайоун», в котором в числе других были пункты о создании «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» и о национализации земли, лесов, транспорта, шахт, банков, всей крупной промышленности.

В марте 1940 г. делегация ДА побывала на сессии Индийского национального конгресса в Рамгаре. Она стремилась к установлению тесных связей с ним и выработке общей линии по отношению к колониализму (стоял вопрос о начале совместной кампании гражданского неповиновения). 1 апреля в Бирме был проведен «день борьбы за отмену конституции». В мае прошла очередная конференция «Добама асиайоун» (в г. Таравади). По предложению Такина Ну была принята резолюция, в которой ДА предлагала английскому правительству свое сотрудничество в войне при условии гарантий предоставления Бирме независимости после войны, в противном случае ДА от сотрудничества отказывалась и начинала кампанию гражданского неповиновения. Таким образом, главная политическая партия страны официально поставила вопрос о независимости Бирмы.

Решения таравадской конференции ДА еще больше подтолкнули политическую активность национально-патриотических сил. Как в центре, так и на местах, куда также направлялись лидеры оппозиции, проводились массовые антиправительственные акции. Руководители ДА, Блока свободы, массовых организаций (а в ряде случаев одновременно и коммунисты) лично выступали с резкими антиколониальными речами (такины Аун Сан, Ну, Со, Тан Тун, д-р Ба Мо). Все боль-

шее распространение получало убеждение (и формула политического поведения), что «трудности для Англии — шанс для Бирмы».

28 июня 1940 г. Блок свободы провел массовый митинг в Джубили-холле, крупнейшем общественном зале Рангуна. В нем участвовали руководители политической оппозиции, включая такинов Аун Сана, Ну и д-ра Ба Мо. Они снова потребовали предоставить Бирме независимость и призвали к кампании гражданского неповиновения, если Бирме будет отказано. В речах лидеров «Синьеты» прозвучал призыв добыть оружие за границей и использовать его в борьбе за свободу. Д-р Ба Мо вышел из состава парламента. Антиколониальные выступления в июне–августе широко распространились по периферии.

Все это происходило и говорилось в то время, когда после падения Франции в июне 1940 г. началась «битва за Англию» и судьба самой метрополии оказалась под вопросом. К тому же крайне тяжелая ситуация сложилась для Англии и в ее главной колонии — Индии, где национально-освободительное движение резко активизировалось. Наступил переломный момент. Колониальные власти решили ответить ударом по оппозиционным силам Бирмы и развязали против них массовые репрессии. Они опирались на принятый в 1940 г. «Закон об обороне Бирмы», дававший им неограниченные полномочия для преследования подрывных элементов. Существовавшие политические свободы были сведены к нулю. Главными объектами репрессий были «Добама» и Блок свободы. В течение двух месяцев полиция арестовала большое число ведущих активистов этих организаций (в том числе такинов Со, Ну, Тан Туна, д-ра Ба Мо). Был выдан ордер и на арест Такина Аун Сана, но он успел уйти в подполье.

Эти репрессии «прикрывались» премьер-министром-бирманцем, которым в сентябре 1940 г. стал У Со. Он уже давно метил на этот высокий пост, опираясь на свою партию «Мьочи» («Патриотическая»). Он был националистом, придерживавшимся правой ориентации, но прежде всего он был карьеристом, не гнушавшимся никаких средств. Став премьером, он «позабыл» свои требования независимости Бирмы, сменив их на требование статуса доминиона, и поддержал репрессии против такинов, сторонников д-ра Ба Мо и других националистов, которых он считал не без основания своими политическими конкурентами. Уместно заметить, что английский губернатор и весь «официальный блок» сочли возможным допустить этого скользкого политика на пост премьер-министра.

2. Политика прагматического сотрудничества с Японией лево- и праворадикальных групп в расчете на создание национальной армии

Репрессии имели парадоксальные последствия. Самое главное состояло в том, что они подтолкнули бирманских националистов к сотрудничеству с Японией — основным противником Англии на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Другой парадокс был в том, что репрессии сузили круг возможных антифашистов в Бирме, поскольку среди активных националистов были и такие. Между тем Англии тогда было явно выгодно иметь в Бирме не прояпонцев, а именно антифашистов³.

Японские милитаристы, разрабатывавшие планы вторжения в страны Юго-Восточной Азии, «заповедник» европейско-американского империализма, активизировали установление связей с бирманскими националистами в 1939 г., после открытия «Бирманской дороги» — шоссейной дороги (которая могла использоваться круглый год), соединявшей юго-восточную провинцию Китая Юньнань с терминалом бирманской железной дороги в г. Лашо, на северо-востоке Бирмы. «Бирманская дорога» позволила Западу усилить военное снабжение Китая, первой жертвы японской агрессии. Особенно активно Япония стала действовать в Бирме после начала Второй мировой войны. В 1940–1941 гг. связи Японии и бирманских националистов уже обрели конкретные формы.

Япония, зная об антианглийских настроениях бирманских националистов, склоняла их к сотрудничеству в общей борьбе против «белой расы» и обещала свою помощь в достижении Бирмой независимости. Это вызвало большой отклик в Бирме, гораздо более широкий и активный, чем в других странах Юго-Восточной Азии. Такая постановка вопроса импонировала не только правым, но и многим левым элементам бирманских националистов. Это вытекало из черт бирманского национализма и из конкретного уровня характера и результатов тогдашнего антиколониального движения в Бирме. Бирманских националистов особенно привлекло то, что Япония обещала помощь в создании бирманских вооруженных сил, которые, естественно, рассматривались как орудие и гарант своей власти. К тому же существовавшая армия Бирмы была чужда большинству населения страны не только потому, что была инструментом английского колониализма, но

и потому, что в ее составе собственно бирманцы составляли в 1938 г. всего 2,5% (159 человек), а в офицерском корпусе и того меньше — 1,4% (4 человека)⁴.

Бирмано-японские связи в период Второй мировой войны — это целая эпопея, оставившая большой след в истории страны и в общественном сознании. Особое место занимают события, касавшиеся установления сотрудничества бирманских националистов и Японии в период подготовки японского вторжения в Бирму. Они были во многом трагичны, но некоторые не лишены и романтического флёра.

На путь тайных связей с Японией вступили не только деятели правого фланга (д-р Ба Мо, У Со), но и такины ДА, причем не только правые (фракция такинов Ба Сейна и Тун Оу), но и левые (основная фракция во главе с Такином Аун Саном). И если правые националисты типа д-ра Ба Мо могли привлечь Японию своей социально-политической надежностью, то левые — как элементы, которые могли сделать для нее «черновую» силовую работу и представлять более широкую опору, по крайней мере — вначале. В 1939 г. (возможно, в начале 1940 г.) внутри ДА возникла тайная группировка под названием Народная революционная партия (НРП), ставшая центром подпольной деятельности бирманских националистов (потому и называвшаяся иногда просто «подпольем»). Во главе ее стали многие руководители ДА, близких к ней студенческих организаций и некоторые члены упоминавшейся выше коммунистической ячейки*. Проанализировав обстановку в Бирме, лидеры НРП пришли к выводу, что обычными мирными средствами независимости страны не добьешься и что нужна иностранная помощь, помощь оружием, чтобы в благоприятных условиях ослабления Англии начать освободительную революцию и сбросить колониальный гнет. В конкретных условиях разраставшейся Второй мировой войны единственным источником этой внешней помощи стала Япония (из Индии, как оказалось, она не могла поступить, контакты с Китаем, даже с его компартией, не получились или не развились).

* В руководстве НРП называют обычно такинов Мья, Ба Хейна, Хла Пе (Бо Ле Я), Чи, Ну, Чжо Ньейна, Ба Свэ, Хла Мауна (Бо Зе Я) и Тун Свэ. Но некоторые включают в число лидеров НРП также и Такина Аун Сана.

3. Создание «Армии независимости Бирмы» (декабрь 1941 г). Оккупация Бирмы Японией (к маю 1942 г.)⁵

В результате установления тайных контактов со специальной организацией «Минами Кикан» («Разведывательной группой Минами» — по псевдониму полковника Сузуки), являвшейся органом японской разведки, было достигнуто соглашение о сотрудничестве бирманских националистов с японской стороной (Такин Аун Сан в конце 1940 — начале 1941 г. находился тайно в Японии). Соглашение предусматривало предоставление бирманским националистам оружия, денег и посылку в Японию и некоторые страны ЮВА группы молодых бирманцев для военного обучения под руководством японских инструкторов. Соглашение исходило из того, что в Бирме начнется антианглийское восстание и она провозгласит независимость, которую поддержит Япония.

Такин Аун Сан в начале 1941 г. на короткий срок тайно вернулся в Бирму. Соглашение с Японией было одобрено НРП («Подпольем»). В соответствии с ним в марте—июне 1941 г. из Бирмы была по частям секретно вывезена группа молодых людей для военного обучения. Всего их было в конечном итоге тридцать. Они-то и составили легендарную в Бирме группу «Тридцати товарищей»*, ставшую историческим источником элитарных военных, государственных, политических, предпринимательских кадров будущей независимой Бирмы. «Тридцать товарищей» (ТТ) представляли обе фракции ДА (с преобладанием группы Такина Аун Сана) и студенческих активистов. ТТ, доставленные сначала в Японию, проходили затем обучение на оккупированном Японией китайском острове Хайнань. После прохождения обучения ТТ в октябре 1941 г. они были переброшены на остров Тайвань, затем — в Сайгон (Вьетнам), а в декабре того же года, уже после нападения на Пёрл-Харбор и начала войны на Тихом океане, в Бангкок, столицу Таиланда, над которым Япония установила свой контроль. Здесь под началом «Минами Кикан» приступили к созданию бирманской добровольческой армии из числа проживавших в этой стране бирманцев. 27–28 декабря 1941 г. была официально провозглашена Армия

* По-бирмански «йебо тоунзе» («йебо» означает «боец», «соратник», «товарищ» — последнее в современном бирманском политическом языке иногда является также формой обращения), тоунзе = 30.

независимости Бирмы (АНБ)* — основа будущих вооруженных сил независимой Бирмы. Был проведен парад набранных к тому времени добровольцев, произнесена присяга. В те дни АНБ состояла из офицеров «Минами Кикан», «Тридцати товарищей» и примерно 200 добровольцев. Верховным командующим АНБ стал полковник Сузуки. ТТ также получили соответствующие офицерские чины. Главным среди ТТ был Такин Аун Сан. ТТ в соответствии с бирманской традицией приняли воинственные имена. Такин Хла Пе стал Бо Ле Я («предводитель правой руки»), Такин Хла Мьяйн — Бо Ян Аун («победитель всех врагов»), Такин Шу Маун — Бо Не Вин («яркое солнце»)**. Полковник Сузуки принял бирманское имя Бо Мо Чжо («гроза»). Такин Аун Сан тоже взял имя Бо Те За («могущественный предводитель»), но оно не прижилось, и он остался сначала Бо Аун Саном, а затем и Боджоу (генерал-майором) или просто Аун Саном. Под таким именем он и известен в Бирме. «Тридцать товарищей» дали торжественную клятву бороться за независимость Бирмы, отпив из чаши, куда они накапали свою кровь. Они уже знали о том, что Япония начала войну на Тихом океане, и рвались войти в Бирму как ее освободители. В качестве своего флага АНБ приняла трехцветный красно-зелено-желтый флаг ДА с танцующим павлином в круге посередине.

31 декабря АНБ, увеличив численность за два-три дня до 3,7 тыс. человек, вышла из Бангкока в составе 15-й японской армии, двинувшейся на запад, к бирманской границе. Многочисленные сторонники Народной революционной партии внутри Бирмы (а ее отделения были созданы едва ли не в каждом дистрикте) с нетерпением ждали новостей и сигнала от своих военных лидеров в Таиланде, чтобы начать антианглийское восстание.

В переговорах, которые премьер-министр колониальной Бирмы У Со вел в октябре–ноябре 1941 г. с правительством У. Черчилля в Англии, Бирме было снова отказано даже в обещании предоставить ей статус доминиона после войны. «Атлантическая хартия», подписанная президентом Ф. Рузвельтом и премьер-министром У. Черчиллем 14 августа 1941 г. и говорившая в числе прочего об «уважении прав наций выбирать свою форму правления» и о «желании восстановить

* По-бирмански «Бама лулайе тамадо»; английский эквивалент — «Burma Independence Army» (BIA).

** Частичка «Бо» перед именем в общем смысле означает «командир» и говорит о принадлежности человека к офицерскому сословию; конкретно в смысле военного звания она означает «лейтенант».

суверенные права и самоуправление народов, которые были насильственно лишены их», не касалась порабощенных народов Британской империи, и Бирмы в частности. Никто не знает, заявили ему, когда Бирма получит самоуправление. Разочарованный безрезультатностью переговоров и предвидя тупиковость своей перспективы в Бирме, охваченной прояпонскими иллюзиями, У Со по пути домой предался Японии. Во время остановки в Португалии, уже в ходе начавшейся японской агрессии на Тихом океане, он связался с местными японскими дипломатами и, по данным английской разведки, сообщил им, что он лично будет содействовать японской армии в ее вторжении в Бирму. По прибытии через несколько дней в Египет он был задержан английскими властями, после чего все четыре года войны провел в Уганде под арестом.

Нельзя не признать, что бескомпромиссность колониальной политики Англии в Бирме вполне соответствовала коварству бирманского колониального премьера: они, так сказать, «стоили» друг друга.

Но парадоксальность положения в Бирме в 1941 г. этим не ограничилась. Нападение фашистской Германии на Советский Союз изменило диспозицию и соотношение сил в мире. Внесло оно изменения и в положение в Бирме. Во-первых, Великобритания стала одним из двух важнейших союзников СССР в антифашистской коалиции, а левые националисты еще с предвоенных пор очень симпатизировали СССР как стране социализма. Во-вторых, нападение Германии на СССР укрепило позиции бирманских антифашистов в политическом спектре самой Бирмы. Наиболее же активной и решительной их частью были коммунистические или марксистские элементы, большинство которых, как уже говорилось выше, колониальные власти упрятали в тюрьмы (и среди них такинов Со, Ба Хейна, Тейн Пэ /Тейн Пэ Мьина/, Чжо Сейна). Но после 22 июня 1941 г. они, находясь в тюрьмах, стали еще более энергично проповедовать невозможность сотрудничества с фашизмом, какими бы доводами это сотрудничество ни оправдывалось, и необходимость сотрудничества в войне с силами антифашистской коалиции и прежде всего с Великобританией, отложив вопрос достижения Бирмой независимости на послевоенное время. Однако эти доводы шли от еще очень немногочисленной группы, и в создавшейся ситуации в стране они не имели ни убедительной силы, ни практического эффекта.

Бирме предстояло пройти через новую оккупацию и самой извлечь исторические уроки.

4. Бирма в годы японской оккупации (1942 г. — середина 1945 г.).

Отказ Японии от первоначальных обещаний о независимости Бирмы. Политика ограбления и угнетения страны оккупантами

Годы японской оккупации были самым крупным рубежом истории Бирмы за все время после английского завоевания. Казалось бы, замена одного иностранного оккупанта другим не столь уж много значит для страны. Но это было не так ни по прямым, но по косвенным последствиям. Это были годы насильственной смены власти, резких перемен в различных структурах государства и общества, крупных разрушений, перемещений больших групп населения.

Ко времени японского вторжения английские власти в Бирме оказались в полной политической изоляции. Им не на кого было опереться. С учетом того, что они явно недооценили военные силы Японии и плохо подготовились к обороне, это не могло не закончиться для них военно-политическим поражением, и последнее произошло так быстро, что кто-либо мог себе представить, в том числе и сама Япония. Правда, можно сказать, что агрессор на первых порах всегда добивается успеха. Кроме того, надо помнить, что Великобритании было заведомо тяжело вести войну на трех фронтах — в Европе, Африке и Азии.

В Бирме ограниченные военные действия Япония начала уже 11 декабря, через несколько дней после нападения на Пёрл-Харбор⁶. Виктория-Пойнт с аэродромом (на крайнем юге страны) был занят 15 декабря, уже будучи оставленным английскими войсками. Первая и разрушительная бомбардировка Рангуна японской авиацией произошла 23 декабря. 20 января 1942 г. японская 15-я армия, сосредоточенная на тайландско-бирманской границе и насчитывавшая первоначально 50–75 тыс. человек, начала вторжение в Бирму. Вместе с ней выступила и Армия независимости Бирмы.

Теннассерим (вытянутая полосой восточная часть Южной Бирмы, прилегающая к тайландской границе) был занят неожиданно легко уже к концу января 1942 г. Это внесло изменения в дальнейший ход операций, ускорив темп японского наступления. Развивая его, японские войска форсировали реки Салуин и Ситаун и вошли в Нижнюю Бирму. Уже 8 марта был взят Рангун. Накануне он тоже был оставлен

английскими войсками, взорвавшими при уходе портовые сооружения, электростанцию, нефтеперерабатывающий завод и другие стратегические объекты (англичане приняли при отступлении тактику «выжженной земли»). В течение марта–апреля была занята Центральная Бирма, в том числе район нефтепромыслов, которые англичане также подорвали. 1 мая в руках японцев оказалась старая столица Бирмы — Мандалай, которую их авиация перед этим подвергла жестокой бомбардировке, вызвавшей многочисленные пожары. Город горел 27 суток, и его основная часть, включая ценнейший историко-культурный памятник страны — деревянный дворец бирманских королей, — сгорела дотла. Тогда же японские войска оккупировали обширные Шанские княжества с их горнорудными разработками и металлургией. Город Мьичина (на севере страны) они взяли 7 мая. На западном направлении они в мае же вышли к границам Индии. Вне японской оккупации остался лишь крайний север Бирмы. Сюда отошли китайские войска, которые по согласованию с англо-американскими союзниками Китай ранее ввел в Бирму (в количестве 50 тыс.) для укрепления ее обороны.

Таким образом, примерно за четыре месяца почти вся Бирма была оккупирована вооруженными силами Японии. Но это сказать было бы недостаточно, ибо в военных операциях, как уже упоминалось, участвовала и Армия независимости Бирмы.

АНБ участвовала как в разведывательных операциях, проводке и диверсиях, так и непосредственно в боях. Она первой вошла на территорию Бирмы (из Таиланда). Она всегда стремилась первой входить в бирманские деревни и города. Ее с энтузиазмом, с кличем «Добама!» («Наша Бирма!») встречало местное население, которое видело в ней зародыш и опору независимой, бирманской власти. В нее стали вливаться многочисленные добровольцы, часть из них — специально подготовленные Подпольем. В мае 1942 г. 4-тысячный отряд АНБ стал 23-тысячным. Японцы снабдили АНБ лишь несколькими тысячами единиц оружия, но АНБ захватила его в большом количестве на поле боя (японская армия старалась упредить ее в этом).

Отношения между АНБ и Японией с начала вторжения вступили в практическую фазу и сразу же возникли противоречия и проблемы. С одной стороны, сотрудничество продолжалось. АНБ и Японию объединяла общая цель — ликвидация английского господства в Бирме. С другой стороны, вне этой общей цели интересы расходились, при этом чем дальше, тем сильнее. Если главной задачей АНБ было

завоевание независимости для Бирмы, то целью Японии было осуществление военной оккупации страны и установление своего непосредственного контроля над ней. Япония стала «забывать» о своем обещании признать независимость Бирмы. Но этого, естественно, никак не могли «забыть» лидеры АНБ. Собственно, они и до вторжения не были полностью ослеплены японскими обещаниями и, обсуждая возможный ход событий, делали упор на свои самостоятельные инициативные действия, на координацию действий АНБ и бирманского подполья в тылу, на серию восстаний, на явочное провозглашение независимости Бирмы.

Хотя верховный контроль над АНБ исходил от японской стороны, действия ее частей после начала вторжения на территорию Бирмы стали с самого начала выходить за рамки предписанного японцами, приобретая именно национально-освободительный характер. АНБ стремилась сыграть самостоятельную роль в освобождении Бирмы.

Высший пост в АНБ занимал Бо Аун Сан. Он находился в главной колонне наступавших войск (вместе с Бо Се Ча и Такином Тун Оу). Среди бирманских командиров других частей были Бо Не Вин, Бо Ле Я, Бо Ян Найн, Бо Ла Яун. Бо Не Вин был уже в январе направлен с группой в бирманский тыл и в начале февраля добрался до Рангуна, еще находившегося под английским контролем, с целью координации действий Подполья и АНБ и подготовки захвата Рангуна. АНБ вела и успешные боевые операции. Она отважно атаковала английские войска на реке Ситаун и в дельте Иравади. Героический ореол АНБ обрела после ожесточенных боев у г. Шуэдаун (по близости от г. Пьи /Пром/), где бирманскими силами командовал Бо Ян Аун (за что он заслужил сравнение с бирманским генералом Маха Бандулой времен первой англо-бирманской войны). Британские войска вынуждены были отступить с большими потерями, но и бирманцы потеряли 1300 человек.

Части АНБ, входя в бирманские деревни и города, сразу же создавали «административные комитеты свободной Бирмы» как местные органы власти. Иногда их образовывало местное Подполье еще до прихода АНБ. Это должно было вести к созданию верховной бирманской власти, к провозглашению независимости.

Надо подчеркнуть, что в результате отступления английских войск происходили большие перемены в социально-политической, экономической, национальной структуре Бирмы. Из страны эвакуировалось (в основном — бежало) в целом около полумиллиона человек, главным образом в Индию, отчасти в Китай. Страну покинули

верхи колониального аппарата, английские бизнесмены, чиновники-индийцы, большое число индийских торговцев, предпринимателей, ростовщиков, лиц свободных профессий. Несколько десятков тысяч бирманских китайцев бежало к китайской границе. Тем самым в Бирме освободились управленческие, предпринимательские и другие ниши, которые ранее бирманцам были недоступны или труднодоступны. Основную часть беженцев составляли трудовые слои индийских иммигрантов. Это освобождало многие занятые ими рабочие места. Бирманцы, естественно, никуда не уезжали и стремились воспользоваться открывшимися возможностями повышения своего служебного статуса и элементарно трудоустроиться. Вместе с английским губернатором (Р. Дорман-Смитом) в Индию эвакуировалась лишь небольшая группа высших бирманских чиновников во главе с новым премьер-министром У По Туном, который сменил арестованного У Со. Это правительство не имело никаких полномочий, так как в чрезвычайных условиях войны вся полнота законодательной и исполнительной власти перешла к губернатору (это предусматривалось конституцией 1935 г.). Ставкой английского губернатора в изгнании и его правительства стал индийский курортный город Симла.

Так что уже на начальном этапе войны Бирма была «готова» к замене власти. Однако хотя центральным вопросом бирмано-японского соглашения о сотрудничестве был вопрос о признании независимости Бирмы, он стал камнем преткновения в отношениях между бирманскими националистами и Японией. В ходе наступления японской армии разрешение этого вопроса встречало все большее ее сопротивление. Она все более подозрительно стала смотреть на действия АНБ, на ее политическую устремленность, на создание «административных комитетов». Провозглашение же независимости Бирмы все время откладывалось. Японское командование не решило АНБ провозгласить независимость Бирмы в г. Моламьяйне (север Тенассерима), как было предварительно намечено после начала вторжения. Это был первый удар по надеждам бирманских националистов. Провозглашение независимости было перенесено в Рангун. Но в столицу Бирмы первыми ускоренно вошли японские войска, и они не допустили этой акции. Это был второй удар.

Было видно, что чем легче шла и завершалась оккупация Бирмы, тем решительнее японская сторона игнорировала свои обещания. Наконец, японское командование в середине марта 1942 г. официально

заявило о том, что Бирма сможет получить независимость только после окончания войны⁷.

В начале апреля 1942 г. японцы создали так называемую «центральную бирманскую администрацию» во главе с Такином Тун Оу (правым такином, единственным невоенным членом группы «Тридцати товарищей»). В нее были включены также Бо Аун Сан, Такин Мья и Бо Се Ча. «Центральная администрация» была непосредственно подчинена японскому командованию, реальный смысл ее создания состоял в том, чтобы объединить и подчинить (под своим началом) те многочисленные местные «административные комитеты», которые были в явочном порядке образованы повсюду и которые вызывали растущие опасения у японской армии. Эта «центральная администрация» просуществовала всего три месяца. С точки зрения японцев, она была малоэффективна, а у бирманцев — непопулярна, поскольку ее возглавлял правый деятель.

Тем временем военная оккупация Бирмы Японией была завершена. 4 июня 1942 г. главнокомандующий японской армией собрал бирманских политических и военных деятелей и объявил о том, что японская военная администрация взяла на себя управление всей Бирмой. «Центральная бирманская администрация» и местные «административные комитеты», созданные АНБ и такинами, распускались. О независимости Бирмы и речи не шло. Из бирманских деятелей был создан комитет, который должен был подготовить создание некоей бирманской гражданской администрации, которая бы тесно сотрудничала с японским командованием. Комитет возглавил д-р Ба Мо, который, подобно другим бирманским оппозиционерам, арестованным английскими властями, бежал из тюрьмы в ходе отступления англичан и ожидал прихода японцев. Поскольку он уже давно имел контакты с Японией, то не было ничего удивительного в том, что в результате оккупации Бирмы он стал ключевой фигурой для японцев.

1 августа 1942 г. в Рангуне была создана «бирманская центральная исполнительная администрация» во главе с д-ром Ба Мо. Она была полностью подчинена японской армии и ее главной задачей было содействие окончательной победе в «войне за Великую Восточную Азию». В «бирманскую центральную администрацию» вошли ближайшие коллеги д-ра Ба Мо по партии «Синьета» (д-р Тейн Маун и У Сейн), два такина от ДА (близкий к коммунистам Такин Тан Тун — как министр сельского хозяйства и Такин Мья, лидер Народной революционной партии — как министр «политической координации»), два члена от

правой группы такинов (Такин Тун Оу и Такин Ба Сейн) и несколько политических деятелей других направлений. Власть этой администрации была крайне ограниченной, и японские советники контролировали ее деятельность на всех уровнях.

Чуть раньше, в конце июля 1942 г., произошло драматическое событие, которое было третьим ударом по надеждам бирманских националистов. Все части Армии независимости Бирмы были собраны в нескольких пунктах сосредоточения, разоружены и распущены японским командованием. Вместо АНБ в августе того же года оно учредило Армию обороны Бирмы (АОБ)*. Численность ее была низведена до 3–4 тыс. человек, включая новых рекрутов. Одновременно японское командование распустило «Минами Кикан», а его глава — полковник Сузуки, впавший в немилость в связи с конфликтами с командованием, был отозван в Японию (в ранге генерал-майора)⁸. Распуск АНБ был осуществлен под предлогом ее излишней раздутости и недисциплинированности. Был использован и тот прискорбный факт, что отряды АНБ приняли активное участие в каренско-бирманских столкновениях в мае–июне 1942 г., приведших к кровопролитию. Эти столкновения произошли при попытке АНБ разоружить группы каренов, которые считались «верными союзниками» англичан. Критика в адрес АНБ была в некоторых отношениях, видимо, небезосновательной. Однако суть всей акции была, конечно, сугубо политической: японское командование хотело резко сократить АНБ и поставить ее под свой контроль. Само же изменение названия АНБ на АОБ переориентировало бирманские вооруженные силы и общественное мнение в стране с задачи достижения Бирмой независимости на задачу ее обороны, то есть на ведение войны вместе с Японией. Верховным командующим АОБ был назначен Бо Аун Сан (вместо Сузуки), он получил генеральский чин и теперь именовался Боджоу Аун Саном, а начальником штаба стал Бо Ле Я. Этот жест был рассчитан на то, чтобы как-то укрепить узы бирманской военной верхушки с Японией.

Так в течение 1942 г. обернулся вопрос с независимостью Бирмы. Тактика Японии в нем оказалась очень близка английской: и Япония, и Англия откладывали его решение на «потом», на послевоенное время. Однако разница, по существу, состояла в том, что японцы говорили все же о независимости Бирмы, в то время как англичане — только

* По-бирмански «Бама какуэйе тамадо» («английский вариант — «Burma Defence Army» /BDA/).

о «самоуправлении», причем даже последние слова «после войны» считали излишним уточнением, которое стесняло их свободу действий. Эта разница по смыслу была существенной. Условия войны заставляли Японию обещать Бирме более щедрый вариант, чем Англия, ибо она нуждалась в бирманском сотрудничестве именно во время войны. Но тактически эта «щедрость» японской позиции сводилась на нет из-за туманности самого понятия «после войны».

Главное же состояло в том, что, независимо от тех или иных обещаний, в Бирме в результате японского вторжения был создан оккупационный военно-колониальный режим. Как показали первые месяцы оккупации, это был режим беззастенчивого экономического ограбления страны и жестокого политического угнетения ее народа.

Японская армия экспроприировала оставшуюся английскую собственность, организовала вывоз в Японию (пока этому не помешала морская блокада союзников) сохранившегося оборудования и природных ресурсов, ввела бумажные оккупационные деньги, которыми «бесплатно» расплачивалась с населением за товары и услуги. Оккупанты стали систематически проводить реквизиции скота, транспорта, другой собственности населения. Они ввели принудительные культуры в земледелии, в широких масштабах практиковали рабский труд населения в своих целях. В «трудовые армии» в годы войны было насильственно набрано до 800 тыс. бирманских рабочих и крестьян. В мировую историю вошла трагическая эпопея строительства «железной дороги смерти» между Бирмой и Таиландом, которое Япония осуществляла с помощью десятков тысяч бирманских рабов и английских военнопленных. Грабительская экономическая политика Японии позволяла ей содержать в Бирме большую армию и получать без особых усилий даровые барыши. И все это на фоне огромных разрушений, вызванных военными действиями. Будучи вскоре отрезанная морской блокадой союзников от мирового рынка, Бирма в полной мере столкнулась с разрухой, безработицей, нищетой широких слоев народа. Правда, изоляция от мирового рынка и исход иностранцев из страны в 1942 г. в какой-то мере стимулировали национальное предпринимательство, но оно на базе разрухи не могло по-настоящему развиваться.

В политической же сфере гнет оккупантов был особенно жесток. Население Бирмы поначалу встречало японские войска, как и АНБ, с радостными приветствиями и надеждой, видя в них своих освободителей. Но проявленные сразу же оккупантами высокомерие, грубость, а вскоре и жестокое обращение в духе худших феодально-самурайских

традиций (начиная с «примитивных» пощечин по каждому поводу) потрясли бирманцев, вызвали у них отвращение и способствовали весьма быстрому изживанию у них иллюзий относительно «азиатского братства» и «освободительной миссии» Японии в Бирме. В Бирме стала свирепствовать японская военная полиция («Кемпетей»), которая уже в первые месяцы оккупации стала арестовывать людей, применять пытки и уничтожать их по подозрению в сопротивлении Японии. Особенно ненавистны ей были, естественно, антифашисты и вообще левые, коммунисты, но доставалось и людям, связанным с ДА, АНБ и АОБ.

Японский оккупационный режим в Бирме отличался таким бесчеловечным отношением к людям, что на его фоне английские колониальные порядки, против которых боролись бирманцы, выглядели милым либерализмом, во всяком случае — порядками, регулируемые законами.

Как же в таких условиях чувствовали и вели себя те бирманские националисты, которые пошли на сотрудничество с Японией? Их положение стало и трудным, и сложным. К ним в целом, скорее всего, нельзя применять европейское понятие «коллорабационистов». Большинство их решило сотрудничать с Японией в сугубо прагматических национальных целях — добиться с иностранной помощью свержения английского колониального господства и провозгласить независимость Бирмы. Но факт сотрудничества все же был, и поэтому они должны были нести ответственность за результаты этого сотрудничества, в том числе за все осложнения и неудачи. Выбрав сомнительные средства борьбы, бирманские националисты должны были пройти полный круг надежд и разочарований и вернуться к той точке, с которой можно было с новой надеждой и по более надежному пути идти к независимости.

Как говорилось выше, уже в ходе оккупации бирманские националисты убедились, что события пошли не в том направлении, как они рассчитывали. И в конце апреля — самом начале мая 1942 г., когда оккупация Бирмы Японией завершилась, в деревне Кабайн под Мандалаем состоялась встреча видных такинских руководителей. На ней присутствовали такины Ну, Со, Чжо Сейн, Мья Твин, только что бежавшие из мандалайской тюрьмы, а также такины Тейн Пэ (Мьин) и Чжо Ньейн. Последний привез с собой послание от такинов Аун Сана и Тан Туна, которые не смогли прибыть. На встрече были высказаны различные взгляды на то, что делать дальше в создавшихся условиях.

Такины Со и Тейн Пэ говорили о том, что единственно правильным путем к независимости должны быть антияпонское движение сопротивления и налаживание сотрудничества с союзниками. Такины Ну и Чжо Ньейн считали, что Япония, возможно, еще предоставит Бирме независимость, но допускали сотрудничество с союзниками при условии, что Англия даст обещание предоставить статус независимости (или доминиона) после войны. Информация от Такина Тан Туна состояла в том, что нужно начинать антияпонское движение сопротивления в сотрудничестве с союзниками, но при этом необходима тщательная тайная подготовка. Такин Аун Сан в своем послании делал упор на первоочередность строительства собственных бирманских вооруженных сил как основу освободительного движения. На встрече было решено направить тайно за границу специальную группу для установления связей с союзниками⁹. В нее вошли Такин Тейн Пэ (Тейн Пэ Мьин) и Такин Тин Швэ. Они отправились в долгий и трудный пеший переход через джунгли и горы в Индию (после первоначальной неудачи попасть в Китай). Сначала группу возглавлял Такин Со, но он остался в Бирме для организации движения сопротивления и перешел на нелегальное положение. Такин Тейн Пэ стал в Индии главным представителем бирманского антифашистского движения, сделавшим исключительно много для разъяснения подлинных целей освободительных сил Бирмы и установления реальных связей и взаимодействия с союзниками, особенно когда подошло время их контрнаступления в Бирме и открытого восстания бирманского народа против японских оккупантов.

Встреча в Кабайне состоялась на ранней стадии японской оккупации, но она отразила те позиции, расстановку и соотношение различных элементов освободительного движения, которые развились и усилились позднее. С самого начала между ними возникли серьезные принципиальные и тактические разногласия, которые нельзя было сразу преодолеть. Среди бирманских политиков были и «постепеновцы», и рвущиеся в бой радикалы-максималисты, «просоюзнические» («прозападные») элементы, и те, кто так или иначе служил при японцах. Если не считать зарубежную группу Такина Тейн Пэ в Индии, обозначались две главные группы: нелегалы-подпольщики, которые были готовы начать вооруженное движение сопротивления, и «легальная» группа, внешне сотрудничающая с японцами, но выжидающая благоприятных условий для выступления. Первую возглавлял Такин Со, вторую — Бо Аун Сан. Первую можно обозначить как центр

движения сопротивления «снизу», вторую — как потенциальный центр движения сопротивления «сверху». Разрешение разногласий и противоречий между ними заняло немало времени, ибо единый общий центр, единый национальный антифашистский фронт удалось создать только во второй половине 1944 г. Правда, и до этого между различными группами и деятелями существовали и поддерживались контакты в обмен информацией, хотя не обходилось и без конфликтов.

Фигура д-ра Ба Мо, поставленного японцами во главе гражданской администрации, кажется наиболее уязвимой в плане обвинений в коллаборационизме. Он в большей мере, чем другие, уже по своей должности содействовал прикрытию японского господства (он нес ответственность, например, за создание в стране «трудовых армий»). В его мировоззрении и поведении, особенно в стремлении к личному возвеличиванию, было немало черт вождя, роль которого вполне вписывалась в рамки государства, созданного под эгидой японского милитаризма. Но д-р Ба Мо, тем не менее, был и оставался националистом. Его посвятили в планы антияпонского движения сопротивления. Ему доверяли, и он не предал своих радикальных коллег (были случаи, когда он спасал патриотов от рук японской военной полиции). Поэтому такины как правого, так и левого направления одобрили его назначение премьером прояпонской администрации и сами входили в ее состав. Это не только давало им легальное прикрытие, но и расширяло возможности работы по созданию единства национальных сил. По той же причине такины приняли предложение д-ра Ба Мо об объединении их партий в единую организацию «Добама-Синьета асияйоун», что произошло в ноябре 1942 г. Это была единственная разрешенная оккупантами политическая организация в стране. Ее «вождем» («анашином») стал сам д-р Ба Мо, генеральным секретарем — Такин Ну.

Аун Сан формально не входил в администрацию д-ра Ба Мо, но с созданием Армии обороны Бирмы и назначением ее главнокомандующим он в чине полковника стал контролировать важнейший и мощнейший рычаг потенциального движения сопротивления японским оккупантам.

5. Провозглашение Японией формальной независимости Бирмы (август 1943 г.)

Условия для активизации и сплочения национально-патриотических сил Бирмы на пути борьбы с японскими оккупантами

начали складываться в 1943 г. Огромную роль здесь сыграли военные успехи сил антигитлеровской коалиции, которые подрывали позиции Японии как части фашистского блока. 1943 г. — это год завершения Сталинградской битвы, сражения на Курской дуге, изменивших ход войны. Это — год высадки союзников в Италии и вывода ее из войны. Это был также год создания союзниками юговостоазиатского командования во главе с Луи Маунтбэттеном*, занимавшегося подготовкой освобождения Бирмы в числе других оккупированных Японией стран. К этому следует добавить, что уже в 1943 г. англо-американские союзники начали господствовать на тихоокеанских морских коммуникациях после успешных морских сражений в середине и конце 1942 г. Правда, 1943 г. начался для Англии неудачно завершенной военной операцией в Северном Аракане (Западная Бирма), предпринятой еще в конце 1942 г. Но это была уже одна из последних английских военных неудач в Бирме.

Перемены в стратегическом положении Японии в захваченных ею странах Юго-Восточной Азии, неустойчивое внутреннее положение в некоторых из них, прежде всего на Филиппинах и в Бирме, заставили ее принять важные политические решения. Уже в январе 1943 г. премьер-министр Японии Х. Тодзио заявил в японском парламенте

* Маунтбэттен Луи (1900–1979). Английский военный и государственный деятель. Правнук королевы Виктории. Служил на флоте с 1916 г., став адмиралом флота. В 1943–1946 гг. был верховным главнокомандующим силами союзников в Юго-Восточной Азии. Руководитель разгрома японских войск в Бирме в 1944–1945 гг. (вместе с командующим 14-й английской армией фельдмаршалом Уильямом Слимом). Л. Маунтбэттен — выдающаяся военнополитическая фигура в истории военных и послевоенных англо-бирманских отношений в ходе английской «реконкисты» Бирмы. Он выступал против негибкого, негативного официального английского курса в отношении АЛНС и Аун Сана и способствовал линии на сотрудничество и компромисс с ними, что содействовало достижению мирными средствами независимости Бирмы. Получил в 1947 г. английский титул графа Бирманского («1st Earl Mountbatten of Burma»). В 1947 г. он был последним вице-королем Индии перед и во время раздела Индии на доминионы Индия и Пакистан с последующей независимостью их как республик в составе Содружества наций. С 1948 г. он служил в Генеральном штабе Англии, командующим средиземноморским флотом, в 1954–1959 гг. он — 1-й лорд Адмиралтейства, в 1959–1965 гг. — председатель Комитета начальников штабов и начальник имперского штаба обороны. Имел интерес к общественным вопросам. Убит ирландским террористом во время морской рыбалки на яхте недалеко от своего летнего дома в Ирландии. (См.: Penguin Encyclopedia. L., 2004, с. 1042; Oxford English Reference Dictionary. Oxford, N.Y., 1966, с. 945; Советская историческая энциклопедия, т. 9. М., 1966, кол. 186–187.)

о том, что не позднее чем через год Филиппины и Бирма станут независимыми. Что касается Бирмы, то в марте 1943 г. бирманские лидеры, в том числе д-р Ба Мо и Бо Аун Сан, были приглашены в Токио для выработки соответствующей процедуры. С ними заигрывали, они были награждены высшими японскими именами. В мае 1943 г. японские власти создали в Рангуне «комитет по подготовке независимости Бирмы» во главе с д-ром Ба Мо. В него вошло 25 человек, из них 12 были членами «бирманской центральной администрации», остальные — видные политические, общественные деятели, предприниматели, служащие довоенного правительства¹⁰. Комитет под наблюдением японцев выработал и принял 1 августа 1943 г. Конституцию Бирмы. В ней говорилось, что «Бирма является полностью независимым и суверенным государством», «равным с другими членами сообщества суверенных государств, образующих Великую Восточно-Азиатскую сферу процветания». Все prerogatives власти сосредоточивались в главе государства («адипади») — верховном правителе, который назначает Совет министров и Государственный (Тайный) совет. По конституции он же объявлялся и верховным главнокомандующим вооруженных сил Бирмы. Армия обороны Бирмы (АОБ) переименовывалась в Национальную армию Бирмы*. Государственным языком объявлялся бирманский. Эти основные статьи свидетельствовали, во-первых, о том, что впервые после завоевания Бирмы в XIX в. провозглашалась формальная государственная независимость страны, во-вторых, что статус бирманского государства четко связывался с пребыванием в сфере японских владений в Восточной и Юго-Восточной Азии, и в-третьих, что в Бирме устанавливался режим личной власти тоталитарного типа.

1 августа 1943 г. было сформировано правительство Бирмы. Главой государства стал д-р Ба Мо, он же стал также и премьер-министром. Среди министров были Такин Мья (запремьера), Боджоу (генерал-майор) Аун Сан (министр обороны), Такин Тан Тун (министр сельского хозяйства), Такин Ну (министр иностранных дел). Главнокомандующим Национальной армией Бирмы (НАБ) на короткое время был назначен Бо Не Вин¹¹.

Независимость Бирмы 1943 г. была связана жесткой зависимостью от Японии в военной и экономической сфере (что определялось

* По-бирмански «Бама тамадо», английский эквивалент «Burma National Army» (BNA).

специальными соглашениями) и системой японских советников, которые были приставлены ко всем бирманским министерствам и учреждениям. Поэтому формальная ликвидация японской военной администрации, объявленная вместе с провозглашением независимости Бирмы, мало что значила, особенно при сохранении огромной японской армии и военного положения в стране.

И все же провозглашение независимости Бирмы в 1943 г. нельзя считать пустым актом. Это было немаловажное событие в той общей цепочке событий, которые вели к восстановлению бирманской государственности. Этот акт способствовал дальнейшему утверждению в общественном сознании бирманцев национально-государственной идеи, дал возможность бирманским политикам хотя бы подержаться за руль государственной власти и ощутить ее возбуждающее политическое прикосновение. Ведь беда была, конечно, не в самом статусе независимости, кем бы он ни был признан, а в том, что эта независимость была жестко ограничена японской оккупацией. Задача, следовательно, состояла в том, чтобы развернуть борьбу против этой оккупации и избавиться от нее. Во всяком случае, как бы ни оценивать «независимость 1943 г.» по фактическому положению, всякая новая постановка вопроса о статусе Бирмы не могла уже не учитывать этот юридическо-политический факт. В этом смысле японская «независимость 1943 г.», предоставленная Бирме, была миной замедленного действия, подложенной под будущую колониальную политику Англии в этой стране.

Вместе с тем провозглашение Японией независимости Бирмы в августе 1943 г. уже запаздывало как фактор надежного укрепления японских позиций в этой стране. Против Японии продолжал с нарастающей силой действовать сам ход Второй мировой войны, в которой фашистские государства терпели поражения. Внутри Бирмы усиливались антияпонские настроения, росли симпатии к антифашистской коалиции и, самое главное, формировались элементы движения сопротивления японским оккупантам.

Практическое начало этому движению положили бирманские коммунисты, ведущей фигурой среди которых в годы японской оккупации стал Такин Со (1905–1989). Бежав из тюрем или скрываясь от оккупантов, они первыми еще в 1942 г. призвали к движению сопротивления и вскоре приступили к его организации, в том числе создавая партизанские группы. В этом несомненная историческая заслуга коммунистов перед Бирмой (как бы они через несколько лет ни испортили свой

образ патриотов тем, что ввергли страну в пучину преступной «гражданской» войны против своего национального правительства). Это был первый очаг движения сопротивления. Вторым — была Армия обороны (затем Национальная армия) Бирмы. Личный состав ее был готов немедленно начать движение сопротивления, так как молодые офицеры считали, что Япония предала их (так называемая «младоармейская группа сопротивления»). Наконец, третьим очагом потенциально была Народная революционная партия. Правда, инерция сотрудничества с Японией в 1941–1942 гг. притупила ее активность и радикализм, и она остановилась на «антибританской фазе» политического мышления. Все это относилось и к высшему руководству АОБ–НАБ, в том числе, по-видимому, и к самому Аун Сану, хотя своей честностью и прямоотой он снискал себе широкое уважение и авторитет, в том числе среди национальных меньшинств, в отношениях с которыми у бирманцев были проблемы (в особенности с каренами). Надо сказать, что для «пробуждения» и активизации НРП и высшего руководства армии в «антияпонском» направлении хорошим лекарством была резкая и устыжающая критика со стороны Такина Со, который в силу своего политического опыта и написанных им книг и брошюр имел среди «левой» молодежи статус Учителя («саяджи») (так к нему нередко и обращались).

6. Создание бирманскими патриотами подпольной Антифашистской лиги народной свободы во главе с Аун Саном (август 1944 г.)¹²

В 1943–1944 гг. контакты и связи между различными группами патриотов-националистов шли по нарастающей. Это привело к объединению и образованию Антифашистской лиги народной свободы (АЛНС), хотя в первое время она называлась Антифашистской лигой (АФЛ) или организацией (АФО). Это произошло на тайной конференции, на которой были представлены компартия, Народная революционная партия и Национальная армия Бирмы. Конференция проходила 4–6 августа 1944 г. в штаб-квартире образцового батальона НАБ в г. Пегу (под Рангуном). Президентом Лиги был избран Аун Сан, генеральным секретарем — Такин Тан Тун, политическим руководителем — Такин Со. Они составили Высший совет АЛНС. Но в него вскоре были включены еще шесть человек: Бо Не Вин, Бо Ле Я, карен Со Ча До, такины

Чи, Чжо Ньейн, Ба Свэ. В Военный совет вошли Бо Не Вин, Бо Зе Я, Со Ча До, Бо Ян Аун, Бо Йе Ту, Бо Аун Джи и Бо Маун Маун (по три представителя из трех компонентов АЛНС)*. Такин Ну, пацифист и буддист по своим взглядам и убеждениям, не был тогда привлечен к АЛНС и ее мероприятиям, но ему полностью доверяли и советовались с ним. АЛНС приняла Манифест-программу борьбы с японским фашизмом, освобождения Бирмы и проведения демократических реформ.

В АЛНС были представлены основные социально-политические силы и организации страны. Лига стала первым в Бирме подлинно единым национальным фронтом. Адипади Ба Мо был информирован о создании АЛНС, но присоединиться к ней отказался, видимо считая, что его судьба уже тесно связана с японцами, но он и не выдал ее.

По существу, с созданием АЛНС и ее руководящих органов было образовано невидимое параллельное правительство Бирмы с реальной властью, которая в чем-то исходила из официальных государственных структур (армия, министерства, связь, транспорт), а в чем-то тайным образом выходила далеко за их пределы.

Складывание АЛНС в боевую организацию было завершено к концу 1944 г., хотя она продолжала действовать нелегально, а ряд ее ведущих лидеров сохранял внешнюю лояльность японским оккупантам (Аун Сан, Такин Тан Тун). Партизанское движение, теперь получившее поддержку единой общепирманской организации, значительно усилилось и охватывало все новые районы. Важнейший резерв движения сопротивления — Национальная армия Бирмы — постепенно приводился в боевую готовность. Стремление к единению разных частей АЛНС было вначале столь сильным, а роль КПБ столь активной и влиятельной, что генеральный секретарь КПБ Такин Со принял в октябре 1944 г. решение об объединении КПБ и НРП (с ее отделениями в армии) в единую компартию Бирмы и о кооптации в состав ЦК КПБ в качестве новых членов-такинов Чжо Ньейна, Ба Свэ, Не Вина и Аун Сана¹³. Но это объединение не сложилось ввиду реальных разногласий между партнерами, и решение о нем было одним из первых проявлений волюнтаризма и авантюризма импульсивного Такина Со, которыми так «услан» его политический путь.

Руководство движения сопротивления через своего представителя в Индии (Такин Тейн Пэ) установило связь с союзным командованием

* У Маун Маун — будущий автор используемой в настоящей работе книги по истории националистического движения в Бирме в 40-е гг. (см. библиографию).

в Индии. Контакты, обмен информацией, выяснение позиций привели к тому, что бирманские освободительные силы в лице АЛНС превращались из «предателей» Англии в партнеров по изгнанию японских оккупантов из Бирмы, а фактически — в военных союзников. Созданная в 1943 г. в Индии специальная английская секретная служба — «часть 136», первоначально имевшая связи только с лояльными проанглийскими элементами в Бирме преимущественно в среде нацменьшинств и организовывавшая разведку и диверсии в японском тылу, установила во второй половине войны контакты с бирманским сопротивлением и в конце концов стала снабжать АЛНС ограниченным количеством оружия. Лига начала координировать свои планы вооруженного восстания с союзным командованием.

7. Общенациональное антияпонское восстание бирманской армии и партизан под руководством АЛНС 27 марта 1945 г. в координации с союзными войсками¹⁴

Военная ситуация на бирманском фронте к началу 1945 г. сильно изменилась. Надо подчеркнуть, что к этому времени резко изменился и ход всей мировой войны: в Европе близился полный разгром фашистской Германии. Японское наступление на границах Индии в 1944 г. потерпело неудачу и не предотвратило генерального наступления на Бирму союзников. Оно началось в январе 1945 г. с запада и севера и успешно развивалось. 14-я британская армия под командованием генерала У. Слима уже 21 марта заняла Мандалай.

В этих условиях пришло время для вооруженного выступления АЛНС — общенационального восстания против японских оккупантов. Костяком его была Национальная армия Бирмы. 17 марта 1945 г. части НАБ после военного парада в Рангуне на лугу у западных склонов холма, на котором расположена пагода Швэдагоун, ушли в поход «громить врага», как сказал в своей речи на параде министр обороны Аун Сан. Хотя у японского командования были подозрения в отношении лояльности НАБ и военная ситуация в стране складывалась не в его пользу, оно должно было рисковать — и рискнуло: а вдруг НАБ все же выступит на его стороне? Но этого не произошло. 27 марта 1945 г. гарнизоны НАБ, насчитывавшие 11,5 тыс. человек и расположенные примерно в двадцати пунктах страны, подняли восстание против японских оккупантов. Руководителем его стал Аун Сан, который 23 марта

покинул Рангун, разорвав отношения с японскими оккупантами. То же самое сделало большинство руководителей движения сопротивления, занимавших при японцах официальные посты. Адипади Ба Мо и Такину Ну руководители сопротивления поручили остаться на легальном положении, чтобы при необходимости защищать интересы движения.

Как и планировалось, 27 марта 1945 г. Национальная армия Бирмы под руководством Аун Сана развернула военные действия против японских оккупационных войск. Страна была разделена на 8 военных зон, находившихся под началом других офицеров НАБ и руководителей АЛНС. Бои охватили районы Пьи, Аланмо, Пьинманы, Таунгу, Пегу, где действовали также партизанские отряды. Одновременно выступили партизанские группы в районах дельты Иравади — в Пьяпоне, Маубине, Бассейне, Инсейне и др.¹⁵

Антифашистская лига с помощью установленных ее тайных контактов с союзным командованием в Индии поставила его в известность о подготовке к восстанию и дате его начала. Союзная военно-разведывательная «часть 136», действовавшая в подполье на территории Бирмы, стала с конца 1944 г. снабжать силы АЛНС стрелковым оружием. Потом по приказу одного из генералов ставки Маунтбэттена передача оружия Лиге была прекращена (под предлогом якобы отсутствия оперативной ценности этого восстания для союзной армии). Но в начале 1945 г. верховный главнокомандующий силами союзников в Юго-Восточной Азии генерал Маунтбэттен дал указание продолжить снабжение оружием бирманских партизан, правда, в ограниченном количестве. Английский военный кабинет согласился с решением Маунтбэттена, однако не преминул подчеркнуть, что не придает «сколько-нибудь большого значения» вкладу Лиги в освобождение Бирмы и при этом считает обязательной последующую сдачу оружия английским властям. По имеющимся данным, речь шла о передаче Лиге всего около 3 тыс. единиц стрелкового оружия¹⁶.

Бирманские вооруженные силы внесли, несомненно, весомый вклад в освобождение страны от японских оккупантов. Эти силы насчитывали многие тысячи регулярных бойцов и партизан. В восстании приняли участие не только те, кто имел огнестрельное оружие, но и многие патриоты, вооруженные самодельным оружием, секачами, пиками, луками.

Патриотические вооруженные силы участвовали не менее чем в тысяче боев. Они разрезали коммуникации врага, уничтожали

отдельные гарнизоны. В тылу японских войск восставшие дезорганизовывали их оборону, вызывали панику среди оккупантов. В официальном отчете Маунтбэттена указывалось, что, «атакуя изолированные гарнизоны и линии связи и поддерживая давление на японцев, бирманская армия связала большое количество вражеских войск, которые иначе могли быть использованы для блокирования 14-й армии союзников в ее наступлении на Рангун»¹⁷.

В результате бирманского восстания изменилась тактико-стратегическая обстановка в Бирме. Оказывая сопротивление, японские войска постепенно откатывались к юго-востоку, преследуемые союзными войсками и бирманскими силами. Создались условия для быстрого наступления 14-й английской армии на юг, к Рангуну, и на восток. 1 мая силы бирманского сопротивления первыми вошли в Рангун, который уже оставили японские войска. В городе были сразу же развешаны флаги АЛНС — красное полотнище с белой звездой. НАБ и партизанские отряды продолжали участвовать в преследовании и изгнании японских войск из Бирмы вплоть до их капитуляции в августе, подписания Японией акта о капитуляции 2 сентября 1945 г., а затем и в вылавливании отбившихся. Надо сказать, что после начала восстания японская армия в Бирме устраивала особо жестокие расправы с местным населением и оставила о себе напоследок самые тяжелые воспоминания.

8. Политическое положение в Бирме в последние месяцы войны на Тихом океане (май–август 1945 г.)

Вооруженное восстание бирманских патриотов против японских оккупантов имело не только большое военное значение. Еще более серьезными были его политические последствия. Восстание явилось крупнейшей вехой в истории освободительного движения бирманского народа. Оно мобилизовало вокруг повстанческого центра — Антифашистской лиги народной свободы — широкие массы. В ходе восстания Лига вышла из подполья. В освобожденных деревнях и городах (городках) создавались легальные местные организации Лиги с первичными элементами местной администрации, которые стремились наладить законность и порядок. Флаг АЛНС вывешивался

в населенных пунктах, символизируя национальный подъем и единство патриотических сил в борьбе за свободу.

Руководство АЛНС в ходе восстания выступало в роли временного национального правительства, а отделения Лиги — в роли местных властей. Но одновременно в ходе продвижения вперед союзной 14-й армии и изгнания японцев все новые и новые районы, города и деревни ставились под управление английских властей.

Таким образом, в ходе изгнания из Бирмы японских оккупантов в стране возникала обстановка своеобразного двоевластия¹⁸. По-видимому, речь здесь идет скорее о тенденции к двоевластию и проявлению ее больше всего в локальных условиях, на местах, поскольку именно там концентрировались силы НАБ и партизан. По мере освобождения Бирмы от японских войск эта тенденция ослабевала и переходила из сферы, так сказать, неофициального «явочного соревнования» за установление «своей» власти в тех или иных районах в сферу политического противостояния бирманских патриотических сил и английского колониализма в плане принципиального политического решения вопроса о независимости Бирмы.

В целом период мая–августа 1945 г. в Бирме можно считать месяцами военного союзничества бирманских национальных сил с союзным командованием. Это союзничество-сотрудничество с самого начала было противоречивым, но практически тогда удавалось найти по ряду конкретных вопросов компромиссные решения, хотя иногда и ограничивавшие бирманскую сторону с точки зрения ее первоначальных требований. Немаловажной стороной было именно то, что разрешение противоречий носило мирный характер, и это создавало прецеденты на будущее.

Когда 16 мая 1945 г. президент АЛНС и главнокомандующий НАБ Аун Сан впервые встретился с командующим 14-й армией союзников генералом У. Слимом, он заявил последнему, что представляет временное правительство Бирмы, созданное Антифашистской лигой, в котором он, Аун Сан, занимает пост военного министра¹⁹. Генерал Слим отклонил эту претензию и предложил включить НАБ в вооруженные силы Англии в Бирме. Аун Сан не принял этого предложения. Уже в этом противопоставлении позиций двух сторон таилось зерно последующих противоречий между Англией и Бирмой в борьбе последней за независимость. Аун Сан соглашался поставить НАБ под союзный контроль только в том случае, если она будет признана в качестве союзника. Несколько позже так и произошло, и в параде победы

15 июня 1945 г. в Рангуне НАБ участвовала как «союзник» (временный) со своим флагом (флагом АЛНС). Правда, по договоренности с английским командованием в интересах сотрудничества НАБ была переименована в Патриотические бирманские силы (ПБС)*, что, естественно, снижало ее статус. Но в этом и других вопросах приходилось учитывать новую обстановку.

Характерно, что, несмотря на то, что на встрече Аун Сана со Слимом стороны не приняли главных позиций друг друга, они выразили свое взаимное уважение и стремление сотрудничать в освобождении и восстановлении Бирмы. Аун Сан произвел на Слива впечатление «подлинного патриота и уравновешенного реалиста — каковые черты не всегда сочетаются... Самое большое впечатление на меня произвела его честность... Я мог бы вести дела с Аун Саном», — заканчивает Слим свои воспоминания об этой встрече²⁰.

* * *

Уже говорилось, что, выйдя из подполья, Антифашистская лига быстро превращалась в ведущую общенациональную политическую организацию. Как рассказал Аун Сан в своем интервью прессе, в состав Лиги в мае 1945 г. входили компартия Бирмы, Народная революционная партия и Национальная армия Бирмы. Кроме этого костяка, в Лигу вступили партия «Мьочи», Фабианская лига, ДА и «Махабама». Беспартийными членами Лиги, кроме НАБ, были Ассоциация писателей, монашеские организации, Женская лига, Всебирманская лига молодежи. Ассоциация учителей, Араканский национальный конгресс, Каренская центральная организация, Шанская ассоциация, некоторые члены Индийской национальной армии и китайские партизаны, оставшиеся в Бирме после 1942 г.²¹ Общее число организованных членов Лиги превысило тогда 200 тыс., из них крупнейшими были Всебирманская лига молодежи (50 тыс. человек) и НАБ (10 тыс.)²². (Имеются данные, что в конце 1944 г. Лига, находясь тогда на нелегальном положении, имела до 50 тыс. членов, а НАБ — 15 тыс.)²³ Высший совет Антифашистской лиги по выходе из подполья был расширен с 9 до 19, а затем и до 36 членов²⁴.

Опубликованные в мае, а затем в августе 1945 г. новые программные документы АЛНС требовали создания в стране национального правительства, созыва Учредительного собрания, независимости

* По-бирмански «Мьочи бама тамадо» (английский вариант — «Patriotic Burmese Forces» /PBF/).

страны. Бирма хочет быть только «полностью независимой — ни больше, ни меньше того», — говорилось в Заявлении АЛНС от 14 мая. В решениях АЛНС, сформулированных в так называемой Нетуейнской декларации от 19 августа того же года, подчеркивалось, что «народы Бирмы полностью едины в том, чтобы предпринять решительные усилия для создания свободной Бирмы в свободном мире»²⁵ (см. об этом в след. главе).

Но английское правительство (тогда еще консервативное правительство У. Черчилля, рьяного имперского колониялиста, выступавшего против «разбазаривания» империи) выступило 15 мая со своей программой, изложенной в «Белой книге для Бирмы», которая обсуждалась в английском парламенте в начале июня того же года. Согласно этой программе, в стране после окончания военных действий вводился гражданский губернаторский режим, то есть власть верховного политического представителя Англии. Такой режим предусматривался Конституцией 1935 г. в чрезвычайных условиях, но это означало, что статус Бирмы понижался не только по сравнению с юридическим статусом страны при японцах в 1943–1945 гг., но и со статусом в предвоенные годы, когда действовала колониальная автономия. Губернаторский режим планировался до конца 1948 г., а затем предусматривалась стадия подготовки «полного самоуправления в пределах Бирманской империи», то есть статус доминиона, а затем — стадия его предоставления. Последние две стадии трактовались весьма неопределенно и без указания сроков²⁶.

Политическая программа «Белой книги» тесно переплеталась с ее экономическими планами, представленными серией «проектов», которые были разработаны колониальным эмигрантским правительством Бирмы во время войны на индийском курорте Симле в 1942–1945 гг. Эти проекты охватывали основные отрасли хозяйства Бирмы и были направлены на восстановление позиций британского капитала в стране, понесшего большие потери во время войны и стремившегося вернуть былую мощь. При этом предусматривалась щедрая финансовая помощь правительства Англии.

При обсуждении «Белой книги» английские официальные лица подтвердили свою прежнюю линию и в аграрном вопросе. Единственно законными собственниками земли в Бирме объявлялись те, кто владел ею до декабря 1941 г., то есть включая индийских ростовщиков — четтьяров.

Таким образом, налицо было резкое изначальное противоречие двух программ для Бирмы — бирманской и английской.

Какой же был выход из этого положения и к чему могло привести это противостояние?

К вооруженному варианту, логически рассуждая, могло бы привести и безоговорочное настояние Аун Сана на своем заявлении генералу Слиму в мае 1945 г. о том, что Лига представляет национальное правительство Бирмы, то есть нечто, с самого начала «союзничества», отрицавшее «законное» возвращение англичан в Бирму. Но фактически это заявление Аун Сана было скорее всего политическим зондажем, рассчитанным на испытание твердости позиций самой Англии в бирманском вопросе и прощупывание возможных перспектив дальнейших контактов бирманских националистов и английских колониялистов по вопросу о будущем Бирмы как независимой страны. Говоря иначе, Аун Сан и Лига в целом исходили тогда из первоочередности политических переговоров с Англией, прежде чем принимать решение о вооруженной борьбе за свободу, теперь — против англичан. Ведь ультимативность постановки вопроса о существовании независимого бирманского правительства в 1945 г. означала бы не только вероятность продления и расширения войны в стране на неопределенное время и совершенно неопределенную перспективу, но и новые неисчислимые жертвы и тяготы бирманского народа, и без того пережившего разрушительную войну и оккупацию.

Вариант перехода Бирмы к вооруженной борьбе против Англии после изгнания японских оккупантов в 1945 г. был возможен только гипотетически. На самом деле у бирманской стороны не было реальных материальных ресурсов (достаточного количества оружия, транспортных средств и продовольствия) для ведения новой войны. Не было и психологического настроя для этого «перескакивания» с одной войны на другую (накопившаяся усталость от прошлой войны). Даже военная ослабленность Англии в результате Второй мировой войны не сулила бирманской стороне очевидной военной победы.

9. Мирный курс борьбы за освобождение Бирмы от английского колониализма. II съезд компартии.

Кое-что о «браудеризме»

Военный вариант, то есть вооруженное столкновение АЛНС и английских властей, теоретически не исключался, особенно потому,

что у АЛНС были вооруженные силы регулярного и нерегулярного рода и немало разнообразного мелкого оружия. В АЛНС, НАБ-ПБС и НРП набирало силу течение, которое было готово пойти на вооруженный конфликт — теперь с английской армией.

Благом для Бирмы и ее народа было то, что в АЛНС тогда возобладал взгляд на мирные способы борьбы, и в качестве генерального курса был избран путь политической борьбы за свободу. Именно в этом духе были составлены принципиальные документы АЛНС.

Наиболее влиятельной политической силой АЛНС была компартия. Ее позиция многое предопределяла в Лиге. В июле 1945 г. эта партия, воспользовавшись восстановленными в Бирме условиями элементарной политической демократии (хотя военная администрация еще оставалась), провела свой второй съезд. (Это был первый и единственный за всю историю легальный съезд КПБ.) Съезд выдвинул программу мирного развития революции в Бирме. Усилия партии были направлены на работу в массовых организациях. Что касается руководства, то съезд избрал на пост генерального секретаря Такина Тейн Пэ (Тейн Пэ Мьина), представителя бирманского движения сопротивления в Индии, много сделавшего для укрепления международных позиций этого движения и связей его с антифашистской коалицией.

На съезде присутствовало 120 делегатов. С основным докладом выступил Такин Тан Тун — председатель КПБ. В нем говорилось, что в результате Второй мировой войны силы Великобритании были серьезно подорваны и британский империализм вступил в стадию упадка, указывая в качестве аргумента и на поражение консервативной партии Англии на только что прошедших парламентских выборах, и на приход к власти лейбористского правительства. Он также отметил, что конференции союзников в Тегеране, Ялте и Потсдаме заложили прочную основу мира и сотрудничества всех народов в рамках Объединенных наций. Он подчеркнул, что противоречия между англичанами и бирманцами должны быть разрешены мирным, демократическим путем, приведя к полной независимости Бирмы. Такин Тан Тун отверг идею ведения вооруженной борьбы против Англии, считая ее вредной для интересов Бирмы и призвав всех членов партии к сотрудничеству с британской военной администрацией. Говоря о политической программе партии, Такин Тан Тун выдвинул три главных задачи: 1) успешное завершение военных операций против японских сил в Бирме; 2) активное участие КПБ в процессе восстановле-

ния и возрождения Бирмы; 3) борьба за скорое создание временного национального правительства²⁷.

Выступление на съезде генерального секретаря КПБ Такина Со было выдержано в тех же миролюбивых тонах, хотя он в результате съезда потерял свой высокий пост в партии.

Таким образом, бирманские коммунисты исходили тогда из мирного развития событий. Еще накануне съезда в июне 1945 г. в своем заявлении компартия сформулировала задачу разрешать противоречия между Бирмой и Великобританией «в рамках мира, который основан на мировой демократии и союзе между США и СССР»²⁸.

Теперь несколько пояснений о «браудеризме». Стоит сказать, что постановка вопроса о «мирной линии» не имела чисто бирманского происхождения. Она была, так сказать, диффузией новых международных реалий. В ходе Второй мировой войны, создания и деятельности антифашистской коалиции, в обстановке кануна перехода к миру и мирному строительству получили некоторое распространение, в том числе и среди коммунистов, взгляды о наступлении новой эры мира и братства народов и их систем, об ослаблении или изживании прежних социальных антагонизмов. Большую роль в возникновении этих взглядов сыграл фактор антифашистского союза и военного сотрудничества СССР и США. Они получили известность и распространение прежде всего в самих США, в Индии, среди европейских левых и в Бирме, причем и среди левых, и умеренных политических сил.

Несомненно, это предмет специального научно-политического исследования. Было ли это временное поветрие, прямое влияние новой обстановки в мире, или же это были иллюзии, связанные с установлением всеобщего мира и надежды на конец войн и тоталитарных режимов? А может быть, эти взгляды были попыткой внести новые взгляды на революцию, в том числе антиколониальную? Или это был протест против закоренелого догматизма революционной теории, в принципе не склонной к социально-политическим компромиссам? Говоря иначе, не было ли это выражением стремления к демократии и либерализму, к реформам, в том числе в коммунизме, отказа от его нетерпимости к инакомыслию, кастовости и гегемонизма?

Вполне возможно, что все эти названные объяснения и предположения сыграли свою роль в формировании «мирных мыслей» и «мирной линии» во взглядах общественности, в том числе и в коммунизме, в период окончания Второй мировой войны. Наиболее полное выражение и разработка этих идей и взглядов получили в компартии США,

и особенно в лице тогдашнего генерального секретаря этой партии Эрла Браудера (1891–1973), система таких взглядов и само течение были в международном коммунистическом движении окрещены «браудеризмом». Поскольку «браудеризм» коснулся и Бирмы, приходится сделать на этот счет несколько разъяснений и комментариев.

Эрл Браудер родился в семье служащего. В 1906–1912 гг. был членом социалистической партии, в 1920 г. вступил в компартию США и в 1921 г. был избран членом ее ЦК. В 1921–1925 гг. — зампредседателя Лиги профсоюзной пропаганды. В 1930 г. стал генеральным секретарем ЦК компартии США. В 1935 г. был избран членом исполкома Коминтерна. В 1939–1942 гг. в течение ряда месяцев отбывал тюремное заключение. Написал книги «Тегеран: наш путь в войне и мире» (1944 г.), «Маркс и Америка» (1958 г.) и др. В 1944 г. на XII съезде компартии США под его влиянием была принята резолюция о роспуске компартии и замене ее «Коммунистической политической ассоциацией». Как указывалось позже в советских изданиях, Браудер выступал за «классовый мир» и «классовое сотрудничество», заявлял о «прогрессивности» капитализма США, об «американской исключительности» и считал, что в США дело шло к созданию «национального единства». Он был подвергнут резкой критике в мировом коммунистическом движении, возглавлявшемся ВКП(б), был обвинен в оппортунизме и ревизионизме. В 1945 г. XIII съезд компартии США отверг «оппортунистическую» политику Браудера и восстановил компартию. В феврале 1946 г. он был исключен из партии, но от своих взглядов не отказался²⁹.

«Браудеризм» как термин и понятие использовался в политической полемике в Бирме в 1945 г. все же в ограниченной и специфической форме. Речь тогда шла в основном о выборе вооруженных или мирных методов борьбы с Великобританией. В 1945 г. на II съезде компартии Бирмы верх одержали сторонники мирной линии, хотя имелись и ее противники, выступавшие за вооруженные методы борьбы. Были даже такие, кто в своих взглядах доходил до абсурда и считал, что Бирме нужно было вести вооруженную борьбу одновременно как против Японии, так и Англии (что на практике было самоубийственной авантюрой). Позже, в начале 1946 г., вопрос о «браудеризме» в бирманской компартии всплыл вновь, привел к разногласиям и расколу в компартии и отразился в более широких политических рамках (АЛНС). А затем «браудеризм» в политике бирманских коммунистов, говоря условно, превратился из «правого уклона» (или «уклончика») лета

1945 г. в левацкий уклон 1946 г. и особенно 1948 г. Так в Бирме «браудеризм» парадоксально перерос в чистый «антибраудеризм», причем в извращенной форме — вооруженной борьбе против первого национального правительства по достижении страной независимости.

Интересно отметить другой парадокс, а именно то, что англичане, возвращавшиеся в 1945 г. в Бирму, также не желали военного столкновения с бирманскими национальными силами и выступали за мирное развитие событий (это было чем-то вроде «колониального браудеризма»). И если еще забежать вперед, то надо признать, что «мирная линия» двух противостоящих сторон в Бирме в 1945–1947 гг. была выдержана до конца, до ухода англичан из страны, и доказала свою историческую правоту, будучи в создавшихся условиях стратегическим и тактическим выигрышем и для Бирмы, и для лейбористской Англии*.

Надо полагать, что идею «мирного пути» в освободительном движении бирманские коммунисты и левые получили от «браудеризма»

* Можно сказать, что с историко-идеологической точки зрения «браудеризм», как ревизионистское течение в коммунизме в конце Второй мировой войны, появился как бы слишком рано для того, чтобы как-то обосноваться и тем более — утвердиться в международном плане. Мировой коммунизм был тогда поглощен проблемами войны и союзничества, а сам «браудеризм» выглядел тогда довольно одиноким и изолированным оппонентом перед лицом ленинско-сталинско-коминтерновского марксизма, казавшегося непоколебимым. Кроме того, слабостью «браудеризма» было то, что он исходил из идеи американской исключительности. Это сужало сферу его воздействия. Для того, чтобы «браудеризм» обрел силу и известность в более широком международном плане, не хватало определенных объективных условий. Так, международному коммунизму требовалось пройти еще долгий путь — путь пересмотра ряда заскорузлых догм марксизма-ленинизма, в том числе абсолютизацию классового подхода, укоренившиеся в сознании собственную непогрешимость, политический гегемонизм и уверенность в заведомом превосходстве над всеми другими общественными теориями и системами.

После войны коммунизму предстояло еще пережить югославский ревизионизм, хрущевский антисталинизм, еврокоммунизм в ряде стран, антикоммунистические восстания в Венгрии, Польше и ГДР, наконец, перестройку в СССР, распад его и крах коммунистической системы в России и в странах Центральной и Восточной Европы, — события и процессы, обозначившие в совокупности общий кризис коммунизма как идеологии и системы. В целом же напрашивается вывод, что мировое коммунистическое движение к концу Второй мировой войны еще не доросло для глубокого осознания перемен в мире (мешала застилающая глаза пьянящая радость трудной и заслуженной победы) и выйти на путь мирных решений задач мировой революции, внутренних демократических реформ в самом коммунизме и мирного сосуществования разных идеологий, систем и государств.

через контакты с индийскими коммунистами в 1945 г. «Мирный путь» в Бирме в плане отношений с английской колониальной метрополией с 1945 г. и вплоть до обретения страной государственной независимости в 1948 г. был уникальным явлением для стран Юго-Восточной и Восточной Азии в тот период. Ситуация в Китае, Вьетнаме и на Филиппинах развивалась в послевоенные годы в прямо противоположном направлении в форме затяжной вооруженной борьбы по принципу: революционная война является высшим выражением развития революции.

10. Практика англо-бирманского военного союзничества и компромисса. Особая роль периода японской оккупации и борьбы с ней для перспектив освобождения Бирмы от колониализма

Надо отметить, что уже в мае 1945 г. до съезда компартия Бирмы в составе АЛНС активно проводила курс на мирное развитие событий и сотрудничества с союзными силами. Об этом четко говорилось в документе, лично подписанным ее генеральным секретарем Такином Тан Туном 25 мая. Он назывался «Политика и ближайшая программа АЛНС». Конечной целью АЛНС объявлялось достижение права на самоопределение для Бирмы — выработка собственной конституции Учредительным собранием, избранным на основе всеобщего избирательного права. В то же время подчеркивалось, что, поскольку война против Японии еще не окончилась, бирманцы будут продолжать оказывать максимальную поддержку союзным властям в полном согласии с ними и под их командованием. Бирманские «регулярные и иррегулярные силы» будут продолжать борьбу против японского милитаризма как внутри Бирмы, так и, возможно, за ее пределами («после необходимой подготовки»). Наряду с этим Лига предлагала сотрудничество с английскими властями в восстановлении и реконструкции Бирмы. Указывалось, в частности, на то, что она немедленно начнет кампанию за увеличение производства продовольствия. Но при этом подчеркивалось, что до выработки Учредительным собранием национальной конституции задачи национальной реконструкции, как и мобилизации всей страны в войне против Японии, могут быть и будут лучше и быстрее

всего решены национальным правительством, в достаточной мере представляющим демократическое общественное мнение страны³⁰.

Другой важный документ Лиги вышел примерно тогда же под названием «Программа национальной реконструкции посредством национальных усилий»³¹. В нем конкретизировалась политика Лиги в отношении местной власти, армии и массовых организаций. Говорилось, в частности, о создании Лигой административных комитетов на разных уровнях, рассматривавшихся как местные органы власти. Они должны были сотрудничать с представителями английских военных властей в восстановлении порядка, налаживании разрушенного производства, оказании медицинской помощи населению и т.п. В городах и деревнях предполагалось создать отряды местной гвардии (национальной милиции), подчиненной английским военным властям, но находящейся под командованием начальников-бирманцев. Важнейшей частью документа были вопросы организации крестьянских и рабочих союзов как органов защиты экономических интересов трудящихся. Напомним, что их создание в общенациональных масштабах было начато еще перед войной.

Как видно из приведенных фактов, АЛНС, идеологически возглавлявшаяся тогда компартией, отстаивала принципиальные национальные требования, направленные на достижение независимости Бирмы, стремилась найти общий язык с английскими союзными властями, сотрудничать с ними в решении текущих проблем, возникших после освобождения страны от японских оккупантов. Это была попытка добиться взаимопонимания и сотрудничества с союзниками и генеральная линия на мирное решение англо-бирманских политических противоречий.

Со своей стороны, английские власти, возвращавшиеся в Бирму, избегали на первых порах заострять общественное внимание на принципиальных вопросах. Несмотря на колониалистскую программу, изложенную в «Белой книге», они проводили политику временного «сглаживания углов». Это вызывалось их стремлением как можно быстрее и безболезненнее для себя завершить реокупацию Бирмы с тем, чтобы после этого приступить к осуществлению своих основных реставрационных задач в этой стране. Именно поэтому английские правящие круги не выступили открыто и сразу против освободительной программы Антифашистской лиги, сформулированной в мае 1945 г.

Однако тактика временного «сглаживания углов» весной–летом 1945 г. не заходила столь далеко, чтобы признавать официальной организацией Антифашистскую лигу и ее вооруженные силы.

Особенно активно английские власти стремились к ликвидации вооруженных сил Лиги. Влиятельная группа среди официальных английских лиц требовала объявить АЛНС и ее армию вне закона, а Аун Сана арестовать и судить как коллаборациониста³². Эта точка зрения имела хождение прежде всего в кругах колониальной гражданской службы Бирмы, подчиненной в то время военному командованию. Но верховный главнокомандующий Маунтбэттен продолжал считать, что в тех условиях для Англии было бы невыгодно столь прямо обострять отношения с Лигой, принимавшей активное участие в борьбе против японских оккупантов и пользовавшейся широкой народной поддержкой. Английские военные круги опасались открыто восстать против себя «10 тысяч вооруженных бирманцев, организованных в роты и батальоны, находившиеся под командованием собственных офицеров»³³. Было подсчитано, что операция по подавлению НАБ потребовала бы около двух английских дивизий, что тогда английское командование не могло себе позволить. К тому же Антифашистскую лигу и ее регулярную армию поддерживали бы десятки тысяч вооруженных и невооруженных бирманских партизан, и английской армии, по существу, пришлось бы вести войну на два фронта.

22 мая 1945 г. начальники военных штабов в Англии поддержали решение Маунтбэттена о нецелесообразности прямого запрещения НАБ и предложили следующий план ее ликвидации, предусматривавший две фазы. На первой фазе английское командование должно было продолжать использовать бирманские национальные войска в военных действиях против Японии. После их окончания оно должно было установить контроль над НАБ, добиться ее разоружения, причем допускалось на известных условиях включение некоторой части НАБ в официальные вооруженные силы колониальной Бирмы³⁴.

В течение июня 1945 г. вопрос о НАБ поднимался английским командованием несколько раз. Это было вызвано участвовавшими тренингами между представителями английских военных властей и органами Лиги и отрядами Национальной армии. Английские власти стремились форсировать согласие лидеров Лиги на план роспуска, разоружения и частичного включения НАБ в вооруженные силы колониальной Бирмы. Однако руководство АЛНС, высказывая свое желание сотрудничать с английскими военными властями в вопросах войны

против Японии и даже соглашаясь в принципе на будущий роспуск своих вооруженных сил, практически не предпринимало к этому никаких шагов, затягивая решение вопроса. Руководство Лиги понимало замыслы англичан и не хотело ослаблять свои позиции в свете возможных осложнений отношений с ними, когда давление военного фактора могло бы содействовать достижению политических уступок от англичан. Так, как уже указывалось, оно настояло на участии НАБ в параде победы в Рангуне 15 июня в качестве «временного союзника» английских вооруженных сил. С другой стороны, единственное чего в то время добилось английское командование (23 июля 1945 г.), это переименование НАБ в «Патриотические бирманские силы», что, как выше подчеркивалось, было попыткой принизить статус НАБ.

Первоначальный отказ английских властей признать АЛНС в качестве подлинного представителя бирманского народа и их стремление низвести Лигу до третьестепенной политической группировки были продемонстрированы на совещании, которое устроил губернатор Дорман-Смит на борту военного корабля «Камберленд» в рангунской гавани 20 июня 1945 г. Английские власти сделали попытку «утопить» представителей АЛНС в массе реакционных и умеренных бирманских политиков, присутствие которых должно было показать «широко представительный характер» этого совещания. Из 21 бирманца, прибывшего на борт корабля, только два представляли Лигу (Аун Сан и Такин Тан Тун). Среди других были давнишние колониальные чиновники Бирмы (вроде У По Тина, У Тин Ту, У Пу). На этом совещании Дорман-Смит выступил с похвальным словом в адрес английского плана восстановления колониального правления в Бирме и ничего не сказал о требованиях Лиги, ее программе освобождения от колониализма, уже опубликованной в печати³⁵.

Но встреча на «Камберленде» была самообманом английского губернатора. Игнорировать Антифашистскую лигу как главный фактор новой расстановки политических сил и фигур в Бирме было уже невозможно.

* * *

Мирный путь дальнейшей борьбы Бирмы за свободу, как видно, отнюдь не исключал ни острых противоречий, ни напряженных ситуаций. И это показали ближайшие месяцы. Но этот путь привел Бирму за довольно короткий срок к желанной цели — государственной независимости страны. Противоборство сил национального освобождения

и английского колониализма носило в основном мирный характер. В этом противостоянии должен был уступить колониализм.

В этой предстоящей победе бирманского освободительного движения главным условием было достижение широкого единства национальных сил. И здесь приходится подчеркнуть вообще особую роль периода японской оккупации в новейшей истории Бирмы. Надо признать, что, несмотря на условия оккупации, военных действий и разрухи, в этот период произошел самый высокий до тех пор взлет бирманского национализма. Имела место беспрецедентная мобилизация, функциональная организация и объединение основных освободительных сил. Эти силы демократизировались по составу и радикализировались по применявшимся ими политико-тактическим средствам. Япония была в конце концов вынуждена пойти на провозглашение и признание конституционно оформленной государственной независимости Бирмы, хотя бы и при сохранении мощных оккупационных рычагов практического контроля над нею. В результате родилась разоренная экономически, угнетенная политическим прессом оккупантов, но возвысившаяся новым национальным духом страна, духовно новая Бирма, в отношении которой довоенная политика Англии была не только уже неуместна по времени, но и неприемлема по существу. Поэтому годы японской оккупации стали кануном последнего этапа борьбы Бирмы за ликвидацию колониального ига и достижения подлинной государственной независимости. И не будь тех общенациональных структурных изменений, которые произошли в те годы, еще неизвестно, когда бы Бирма добилась независимости и в каком бы виде это произошло.

Необходимо сказать и о международном аспекте положения Бирмы в те годы. Через Вторую мировую войну, невольное или вольное участие в ней Бирма оказалась тесно включенной во всемирный поток истории. Такого в ее собственной истории еще не было. Объективно это было большим благом для страны. В условиях общего ослабления колониализма и возросшим духом свободы Бирма смогла выступить в послевоенные годы в одном ряду с другими колониями, активизировавшими борьбу за независимость.

ОТ ЯПОНСКОЙ ОККУПАЦИИ К АНГЛИЙСКОЙ РЕОККУПАЦИИ: НАЧАЛО ПОСЛЕВОЕННОГО ЭТАПА НА ПУТИ БИРМЫ К НЕЗАВИСИМОСТИ (АВГУСТ — КОНЕЦ 1945 г.)

1. Перемены во внешнем и внутреннем положении Бирмы в послевоенных условиях. Конец периода «союзничества»

Разгром и капитуляция Японии в августе 1945 г. означали конец тихоокеанской войны и Второй мировой войны. Что касается непосредственного положения Бирмы — самом активном сухопутном фронте войны на Тихом океане в регионе Юго-Восточной Азии, то указанные события прежде всего означали освобождение этой страны от японских оккупантов, возвращение англичан и создание, как казалось, новых, возможно, более благоприятных условий для дела национального освобождения, к которому стремились бирманские патриотические силы. С конца тридцатых и начала сороковых годов у Бирмы было два угнетателя: Англия и Япония. В результате войны Япония силовым образом начисто «выпала из игры». Теперь осталась «только» Англия. По историческому стечению обстоятельств на последнем отрезке войны английские военные власти и бирманские патриотические силы действовали совместно. Это, как уже отмечалось, породило странное на первый взгляд англо-бирманское «военное союзничество». Теоретически, во всяком случае, мог возникнуть вопрос о возможности перехода этого «военного союзничества» в мирное политико-гражданское русло. Но жизнь показала иллюзорность применения этой формулы в полной мере. В послевоенных условиях оказалось реальным не сохранение «союзнических» отношений, а возникновение смешанных и неустойчивых контактов между английскими властями и патриотическими силами Бирмы. На практике «температура» этих взаимоотношений была временами опасно высокой и грозила взрывом,

ибо они затрагивали кардинальную проблему будущего статуса Бирмы, то есть быть Бирме свободной или нет.

Здесь следует особо подчеркнуть, что на эту проблему и условия ее решения было совершенно необходимо смотреть с более широких международных позиций, в рамках которых англо-бирманские отношения составили лишь один элемент, пусть и значительный сам по себе.

Речь идет о том, что Бирме, как и другим азиатским колониям, объективно способствовали новые международные условия, возникшие в результате победы антифашистской коалиции над германским фашизмом и японским милитаризмом и всеобщего распространения в мире духа свободы. На положение в Бирме благоприятно повлияло мощное развитие освободительного движения в соседней Индии, которое заставило англичан принять решение об уходе из последней. Этим в принципе предвосхищалось и аналогичное решение Англии в отношении Бирмы, находившейся в одном с Индией стратегическом пространстве. Но непосредственные толчки к такому решению шли, конечно, из самой Бирмы, охваченной также массовым освободительным движением, причем с угрозой антианглийского вооруженного выступления (при наличии созданных за годы японской оккупации бирманской армии (НАБ) и партизанских отрядов).

Характерным для Бирмы было то, что освободительное движение в стране, несмотря на его растущую массовость и интенсивность, оставалось в целом в рамках мирного политического процесса, способствовавшего решению вопроса о независимости Бирмы путем переговоров, хотя и при наличии ультимативных заявлений и угроз со стороны бирманского политического руководства, давления и шантажа со стороны английских властей.

* * *

События и процессы в Бирме после изгнания японцев вызывались наличием старых и новых противоречий в рамках отношений Бирмы и английского колониализма, а также ряда внутрибирманских проблем. Главным было противоречие национальных сил Бирмы с силами английской метрополии. Это и вылилось в их принципиальное противостояние, продолжавшееся в разных формах с августа 1945 г. и вплоть до конца 1947 г., причем с бирманской стороны оно имело наступательный характер, а с английской стороны — постепенное отступление, пусть с колебаниями, задержками и тактическими уловками. Бирманские националисты в руководстве АЛНС во главе

с Аун Саном с самого начала поставили вопрос о создании национального правительства (или — временно — подобного ему) и скорейшего провозглашения независимости Бирмы. Англичане сначала делали все, чтобы вернуть страну к довоенному колониальному статусу, а когда это стало невозможно, то попытались свести перемены к удержанию Бирмы в империи на правах доминиона. Однако и последнее у них не получилось — пришлось идти на полный уход из страны и признание ее в договорном порядке полностью независимым государством вне империи.

Следует отметить также противоречия между собственно бирманской частью освободительных сил и некоторыми довольно значительными кругами малых народов и племен Бирмы по вопросу о том, в какой форме будут сочетаться в будущей независимой Бирме интересы бирманского национального центра и малых этносов страны (автономия, федерация и т. п.). Так карены, представленные Каренским национальным союзом (КНС или KNU по-английски), выступали в послевоенные годы с четко сепаратистской программой отделения от Бирмы и дальнейшего существования (предположительно) под протекторатом Англии. Каренские сепаратисты делали ставку на свою особую «историческую» дружбу с Англией, так же как и на то, что в руководстве КНС ведущие позиции заняла каренская баптистская верхушка, обращенная в христианство по мере колонизации Бирмы и считавшаяся, как указывалось ранее, «верным другом» Англии. Сепаратистско-автономистские настроения были распространены и среди некоторых других малых народов Бирмы.

Хотя Антифашистская лига народной свободы оставалась в 1945 г. единой политической организацией, внутри нее стали проявляться разногласия, в частности между правым флангом бирманских политиков в АЛНС и вне ее с левыми и умеренными силами Лиги и страны в целом. Эти политики представляли туземную бюрократическую верхушку с сохранившимися от прошлого служебными и личными связями с английской колониальной администрацией и рассчитывали быть приглашенными английскими патронами к «пирогу» новой колониальной власти в Бирме, что сказалось уже в октябре 1945 г. при формировании первого марионеточного Исполнительного совета при английском губернаторе. Угроза со стороны бирманских правых продолжала существовать и позже. Их стремились активно использовать колонизаторы для противодействия и ослабления АЛНС.

Следует сказать также о противоречиях внутри Лиги между левым и умеренным центром ее во главе с Аун Саном и радикальным ее крылом под началом коммунистов (Такин Со, Такин Тан Тун). Это привело сначала к расколу компартии, а затем и к исключению компартии из АЛНС, то есть к расколу прежнего единого фронта.

Как уже отмечалось выше, в июне 1945 г. в результате парламентских выборов в Великобритании к власти пришла лейбористская партия во главе с Клементом Эттли, сменившая консервативную партию Уинстона Черчилля. Значило ли это что-нибудь для Бирмы? На здравый взгляд — значило. На Бирму ранее полностью распространялось знаменитое заявление тогдашнего английского премьера У. Черчилля в 1942 г. о том, что «мы намерены удержать то, что является нашей собственностью... Я стал премьер-министром его величества не для того, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи»¹. В мае 1945 г. консервативное правительство выпустило уже упоминавшуюся «Белую книгу» для Бирмы. Это была одна политика, одна линия поведения, вполне и явственно колониалистская. Если мы посмотрим на результаты политики лейбористского правительства К. Эттли в отношении Бирмы с июня 1945 г. и до конца 1947 г., то увидим, что при сопротивлении и закулисной работе против Бирмы английской стороны в то время все же начался демонтаж английского колониального правления в этой стране, который и привел в конце концов к согласованному провозглашению Бирмой и Англией полной государственной независимости Бирмы вне империи. Такой поворот событий в Бирме, несмотря на компромиссность (иногда — кажущуюся) некоторых положений договора о независимости, все же нельзя считать «империализмом» или его проявлением. Это на деле был конец английского империализма в этой стране. Линия глашатая Британской империи У. Черчилля фактически полностью разошлась с политикой лейбористского правительства К. Эттли.

Иными словами, подъем освободительного движения в Бирме с 1945 г. происходил в условиях противоречий или разногласий в самом британском правительстве. Оно было вынуждено тогда отступить и готовиться к уходу из Бирмы. Это способствовало более спокойному достижению Бирмой независимости. Соглашение о независимости Бирмы было подписано именно в Англии именно при лейбористском правительстве, в то время как консервативная оппозиция во главе с У. Черчиллем подвергла соглашение резкой критике и обвинила пра-

вительство в разбазаривании империи и отвергла сам законопроект о независимости Бирмы².

* * *

После капитуляции Японии в августе 1945 г. практически закончился период военно-союзнических отношений между бирманскими освободительными силами и английскими властями. События в оставшиеся месяцы 1945 г. показали, что наступил этап политического противостояния в Бирме двух сторон, причем оно то усиливалось, то несколько ослаблялось, а затем вновь обострялось вплоть до угрозы перехода политической борьбы в вооруженное столкновение.

2. Нетуейнская декларация (август 1945 г.)

Уже в августе 1945 г., сразу после капитуляции Японии, Антифашистская лига провела важнейшие мероприятия, которые свидетельствовали о ее решимости приступить к осуществлению своей программы достижения Бирмой независимости. 10–12 августа Аун Сан созвал офицеров штаба бирманской армии (тамадо) и командующих зонами для обсуждения обстановки в связи с приближением конца войны. Вслед за этим (16–18 августа) состоялась сессия Высшего Совета Лиги, на которую были приглашены и прибыли представители всех политических партий, групп и организаций и отдельные деятели, входившие или не входившие в Лигу. На сессии председательствовал Аун Сан, секретарем был Такин Тан Тун³. Она явилась общенациональной ассамблеей, которая имела полное основание говорить и принимать решения от имени народа Бирмы. Сессия приняла резолюции по самым актуальным вопросам: о международном положении, об армии Бирмы, об Учредительном собрании, о национальном единстве.

Мировая война, говорилось в первой резолюции, окончилась. «Свободолюбивые народы достигли победы в освободительной войне, возглавленной Советским Союзом, США, Англией и Китаем». «Народ Бирмы находится в долгу у народов и армии Советского Союза, США, Англии и Китая...» АЛНС верит, что в ближайшем будущем полную свободу обретет Индия. Но «демократический мир», в соответствии с принципами Объединенных наций, должен признать и законное право на свободу бирманского народа, понесшего тяжелые жертвы в этой войне. Народ Бирмы надеется, что все страны помогут ему

восстановить свою родину, создать «народное правительство» и занять достойное место в семье наций. Бирма хочет созвать Учредительное собрание для выработки национальной конституции и создать временное национальное правительство. Как свободная страна, говорилось далее в резолюции, Бирма желает быть приглашенной на мирную конференцию. В резолюцию также было внесено требование о скорейшей ликвидации английской военной администрации. «Народы Бирмы полностью едины в том, чтобы предпринять решительные усилия для создания свободной Бирмы в свободном мире».

В резолюции о бирманских вооруженных силах говорилось, что, поскольку старой Бирмы практически больше не существует, нельзя восстанавливать колониальную бирманскую армию и распускать реально существующие и показавшие себя на деле «Патриотические бирманские силы» (ПБС). Вместо старой (колониальной) армии резолюция предлагала создать новую армию Бирмы с ядром из ПБС и местных патриотических частей и отменить решение об их роспуске, на чем настаивало английское командование.

Резолюция об Учредительном собрании особенно остро ставила вопрос о политическом будущем Бирмы. Бирманские патриоты «должны немедленно создать временное правительство», которое должно стать «национальным правительством, представляющим в достаточной мере демократическую часть общественного мнения в стране». Временное правительство будет иметь полномочия в вопросах внешней политики, финансов, экономики, внутренней безопасности. Оно также должно облегчить проведение выборов в Учредительное собрание, выработать как проект конституции для будущего правительства свободной Бирмы, так и проект соответствующего соглашения между Бирмой и Англией.

Резолюции были затем обсуждены и единодушно одобрены на массовом митинге бирманских патриотов, созванном в Рангуне 19 августа. Решения митинга вошли в историю под названием Нетуейнской декларации*.

Массовый митинг 19 августа, проходивший под председательством Аун Сана, стал наиболее серьезной политической демонстрацией бирманского народа со времени общенационального восстания в марте 1945 г. Митинг прошел под лозунгом предоставления Бирме полной свободы и показал единодушную поддержку населением

* «Нетуейн» (по-бирмански «солнце») — название кинотеатра в Рангуне.

Нетуейнской декларации*. Решения декларации были поддержаны на многочисленных митингах, состоявшихся в конце августа в разных районах страны.

Как видно, АЛНС в едином составе выдвинула мирный курс борьбы за независимость — путем переговоров с английским правительством.

3. Конференция в Канди, введение гражданской администрации и создание Народной добровольческой организации (НДО)

Мирный курс руководства АЛНС нашел свое выражение в англо-бирманских переговорах по военным вопросам 6–7 сентября 1945 г. в Канди (Цейлон), где находилась ставка Л. Маунтбэттена. Лигу представляла делегация из 11 человек, в числе которых были Аун Сан, Такин Тан Тун, Не Вин, Ле Я, У Ба Пэ, Маун Маун. В результате переговоров была достигнута договоренность о роспуске «Патриотических бирманских сил», о «сборе оружия» от населения и включении части ПБС в состав регулярных войск Бирмы, находившихся под английским командованием. С бирманской стороны это соглашение подписали Аун Сан и Такин Тан Тун, со стороны союзного командования — Луи Маунтбэттен. По возвращении делегации в Бирму оно было одобрено Высшим советом Лиги. Соглашение предусматривало включение в армию Бирмы минимум 5,2 тыс. солдат и 210 офицеров ПБС (большинство включалось в 3, 4 и 5-й пехотные батальоны) («Burma rifles»)⁴.

Соглашение в Канди с исторической точки зрения можно оценить двояко. С учетом принятого АЛНС мирного курса это было общим компромиссом сторон — прокладывался мирный путь к независимости. Но для части участников освободительного движения — это было «соглашением с империализмом», разоружением перед лицом вернувшихся в страну колонизаторов, не собиравшихся менять старый статус Бирмы — колонии. Приходилось учитывать и фактор прямого давления английских властей. В частности, в случае отказа

* Именно на этом митинге было принято настоящее «полное» название АЛНС, именовавшейся до этого «Антифашистской организацией» (АФО).

АЛНС согласиться на роспуск ПБС они угрожали неограниченно долго сохранять военную администрацию в стране⁵.

Однако на практике, пытаясь создать новую бирманскую армию, английские власти столкнулись с тем, что вместо прежних вооруженных сил (НАБ, ПБС) АЛНС вскоре создала массовую организацию полувоенного типа, известную в литературе как «Народная добровольческая организация» (НДО)*. В нее вошли основная часть не принятых в регулярную армию солдат и офицеров НАБ — ПБС, а также многочисленные партизаны, оказавшиеся вне армии, без работы и средств к существованию в разрушенной войной стране. Эти участники движения сопротивления и составили НДО, возглавленную Аун Саном. Принимая мирный путь борьбы за свободу, руководство Лиги не хотело и не могло оставить национальное движение совсем безоружным и в лице НДО придало ему мощный собственный военизированный резерв.

Согласно принятому уставу, основными задачами НДО были: объединить и использовать бывший персонал Патриотических бирманских сил, который по различным причинам не мог продолжать службу в армии; заботиться о том, чтобы основная первоначальная цель — достижение «законными средствами» полной свободы Бирмы — не «пропала из виду»; продолжать военное обучение этого персонала, а также обучать военному делу всех тех граждан, которые этого хотят; сотрудничать с властями в подавлении преступности и поддержании закона и порядка в стране; готовить солдат, обученных военному делу, ко времени, когда Бирма достигнет стадии свободной нации, с тем чтобы они вошли в регулярную армию Бирмы или образовали иррегулярные силы, которые также будут необходимы для обороны страны. НДО, говорилось также в уставе, должны заботиться о благосостоянии членов организации и их семей⁶.

Местные отделения НДО стали оказывать помощь и поддержку крестьянам в обеспечении их сельскохозяйственными орудиями и даже участвовать в обработке принадлежавших им земель.

НДО, объединившая многочисленных участников движения сопротивления и возглавленная кадровыми офицерами, сохранила за собой значительное количество стрелкового оружия и имела опыт ведения войны. В социальном отношении НДО представляла в основном

* По-бирмански она называется «Пьиду йебо апуэ» («Союз или партия народных товарищей»).

демократические низы бирманской деревни. НДО стала массовой организацией, насчитывающей десятки тысяч полувооруженных членов.

Английский профессор-бирманист Ферниволл писал, что «НДО была бы страшной в партизанской войне против британской армии и в то же время она была бы не менее страшной для любого бирманского правительства, которое не смогло бы добиться ее лояльности»⁷. (Вторая часть цитированной фразы ученого оказалась буквально пророческой для Бирмы первых лет независимости, когда основная часть НДО перешла на сторону антиправительственных повстанцев.) Численность НДО оценивалась в литературе по-разному — от 30 и 50 тыс. до 800 тыс.⁸

Надо подчеркнуть политический аспект положения и связей НДО. Состоявшая в основном из пролетарских и полупролетарских элементов бирманской деревни, НДО стала одной из массовых опор компартии в АЛНС. Часть солдат и офицеров движения сопротивления сами стали коммунистами или близкими к ним.

Появление и деятельность народных добровольцев вызвали резкую отрицательную реакцию английских властей. Особенно их возмущали публичные строевые учения НДО (с муляжами оружия) и различные акции в виде протестных антиколониальных демонстраций.

Формирование НДО началось в условиях введения в Бирме английской гражданской администрации и краха переговоров АЛНС с губернатором о вхождении представителей Лиги в первый Исполнительный совет.

* * *

Сразу после возвращения бирманской делегации из Канди, еще в период существования в стране военной администрации, руководство Лиги обратилось к английскому губернатору с письмом. Имея в виду скорый переход полномочий в руки гражданских властей, Высший совет АЛНС снова разъяснял свои требования в отношении временного правительства и его функций. При этом Лига опиралась на положения Нетуейнской декларации. Центральным моментом в требованиях Лиги в этом письме была бирманизация Исполнительного совета при губернаторе и назначение его членов по рекомендации АЛНС⁹.

Бирманская общественность горячо поддерживала принципы Нетуейнской декларации и политику Лиги. В конце сентября в Рангуне на митинге, организованном недавно созданным Всебирманским конгрессом профсоюзов (под руководством компартии), было выдвинуто

требование (в числе других) создания национального правительства и выработки конституции свободной Бирмы.

В начале октября в резолюциях сессии Высшего совета Лиги вновь был поставлен вопрос, касавшийся восстановления гражданского правления в стране. В специальной резолюции Лиги была выражена симпатия народам Индокитая и Индонезии, боровшимся за независимость.

Тем временем английские власти вынужденно готовились к переходу к гражданской администрации. Гражданское правление было возобновлено 16 октября 1945 г. на подавляющей части территории Бирмы (за исключением некоторых ее крайних восточных районов). Всю полноту власти военное командование передало английскому губернатору Бирмы Дорман-Смиту, твердому колониалисту-консерватору, в годы японской оккупации возглавлявшему в Индии так называемое правительство Бирмы «в изгнании».

Переход к гражданским формам правления в Бирме был по окончании войны, конечно, неминуем. Но беда была в том, что этот переход стал восстановлением колониальных порядков в их худшем виде: губернатору предоставлялись неограниченные диктаторские права (по статье 139-й конституции 1935 г.). Такой переход к гражданской администрации вызвал широкое возмущение в Бирме. А ведь административные перемены в Бирме были осуществлены уже после победы лейбористов в Англии на парламентских выборах 1945 г. Получалось так, что английское правительство стало лейбористским, а его колониальный губернатор в Бирме оставался, согласно инструкциям Лондона, прямым исполнителем английской колонизаторской «Белой книги», не говоря уже о том, что он был рьяным консерватором. Необходимо отметить, что и сам Дорман-Смит публично заявлял позднее, в 1946 г., что после окончания войны в Бирме была введена «наиболее примитивная форма колониального правительства»¹⁰. Но в момент введения этой самой «примитивной формы» он счел возможным заявить, что «битва за свободу Бирмы ... окончена»¹¹.

АЛНС немедленно выступила с заявлением, где давался отпор позициям английского губернатора и политике, которую он собирался осуществлять.

Вскоре состоялась встреча руководства Лиги с английским губернатором. Лига заявила, что, хотя предложения последнего об Исполнительном совете «намного ниже того, что отвечает законному желанию страны», она хочет сделать попытку найти компромисс. Так, она предложила начать с превращения Исполнительного совета во

временное национальное правительство с тем, чтобы повести страну к «суверенному Учредительному собранию». Лига настаивала на введении в Исполнительный совет, состоявший из 15 членов, 11 своих представителей. Остальные 4 места отдавались на усмотрение губернатора. Лига заявила, что ее представители в Исполнительном совете должны проводить установки ее Высшего совета и отчитываться перед ним, и резервировала за собой право распределять между ними портфели, настаивая в особенности на портфеле советника по внутренним делам¹². Главными задачами представителей Лиги в Исполнительном совете были: создание условий для успешного проведения всеобщих свободных выборов и превращение этих выборов в выборы Учредительного собрания с целью выработки новой, демократической конституции Бирмы. В текущих вопросах представители Лиги в Исполнительном совете должны отражать национальные интересы и заставить Совет реагировать на общественное мнение и инициативы, выражаемые такими демократическими органами, как АЛНС, крестьянские союзы, профсоюзы, молодежные организации и национальная пресса.

В списке советников (членов Исполнительного совета), предложенных Лигой 24 октября, были Аун Сан, У Ба Пэ, У Ба Он и У Эй (эти двое из партии «Мьочи»), А. Разак (бирманский мусульманин, участник движения сопротивления), У Мья из Яметина (член партии «Синьета»), Такин Мья (председатель социалистической партии), Тейн Пэ (генеральный секретарь компартии), 2 представителя национальных меньшинств (каренов) — Манн Ба Кхайн и Со Ба У Джи, и У Нью Тун (активный участник движения сопротивления). Шестеро из них ранее уже были министрами. В состав предложенных были включены несколько правых и умеренных политиков, и не все из них входили в Высший совет Лиги.

25 октября губернатор ответил, что не может согласиться ни на число, ни на персональный состав советников, предложенных Лигой, ни на принцип распределения портфелей. Он принял только 7 кандидатур АЛНС (среди отклоненных был и коммунист Тейн Пэ) и отказался передать портфель советника по внутренним делам представителю Лиги. В связи с этим Высший совет АЛНС снял свои кандидатуры и отказался участвовать в таком Исполнительном совете. В отношениях Лиги с губернатором начался открытый конфликт.

К середине ноября 1945 г. сформированный губернатором Исполнительный совет состоял из трех англичан, трех представителей

нацменьшинств и 5 бирманцев. Среди бирманских членов Совета были такие довоенные проанглийские бюрократы, как По Тун, Тун Аун Джо и Пу, а также два члена партии «Мьочи». Некоторые из них вышли из состава АЛНС.

В целом состав первого Исполнительно совета показал, что это был, в сущности, марионеточный орган при губернаторе. Ни массы, ни их признанные организации никакого голоса в нем не имели. Наличие такого Совета просто прикрывало политику восстановления колониальной системы в Бирме.

К концу 1945 г. губернатор сформировал и Законодательный совет (34 члена). Лига в нем участия также не приняла. Его влияние на положение в стране было минимальным.

Для того, чтобы информировать народ о сущности конфликта между Лигой и губернатором, руководители Лиги в начале ноября 1945 г. предприняли поездки по стране. Массовые митинги были созваны в 27 городах Бирмы, и везде политика АЛНС получила всеобщее одобрение.

Прошли митинги и в Рангуне. 18 ноября под председательством Аун Сана состоялся грандиозный митинг народа у пагоды Швэдагоун. Это был самый большой митинг из всех когда-либо проходивших в столице Бирмы. Участники митинга протестовали против антидемократических действий губернатора и потребовали от Лондона немедленно распустить существующий Исполнительный совет, принять предложения АЛНС по Совету и провести всеобщие выборы в Учредительное собрание.

Выступавшие с речами Аун Сан и Такин Тан Тун рассказали о соглашении в Канди и проанализировали политическую обстановку в стране. Аун Сан заявил, что Лига, желая мирного урегулирования, все еще готова к дружественному соглашению с губернатором. В противном случае, сказал он, ответом англичанам будет общенациональная борьба. Такин Тан Тун критиковал планы восстановления экономических позиций империализма в Бирме и предсказал, что скоро будут созданы единые организации трудящихся, которые войдут в Лигу¹³.

1946 ГОД — ПРОТИВОСТОЯНИЕ БИРМАНСКИХ ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И АНГЛИЙСКОГО КОЛОНИАЛИЗМА (ЯНВАРЬ — НОЯБРЬ)

1. Первый съезд АЛНС (январь 1946 г.)

В конце 1945 — начале 1946 г. АЛНС продолжала сохранять единство своих рядов. Коммунисты по-прежнему играли важную роль в ее руководстве и политике. Левый центр Лиги, неудовлетворенный и раздраженный неуступчивостью колонизаторов, оставался на позициях неизбежности дальнейшей борьбы с Англией в рамках общего мирного курса. Левый центр представляли Аун Сан и его сторонники и созданная в сентябре 1945 г. Социалистическая партия Бирмы (на основе бывшей Народной революционной партии). Некоторые правые политики покинули Лигу ради постов в Исполнительном совете, однако правонационалистические партии продолжали быть членами Лиги.

Главным, что определяло единство АЛНС, оставалось сотрудничество коммунистов и левого центра во главе с Аун Саном. Правда, между коммунистами, социалистами и Аун Саном уже в тот период возникли разногласия и противоречия. Входя в Лигу и поддерживая ее вместе с социалистической партией, компартия настаивала на своей идейной и организационной обособленности (что сразу же определило слабость единого фронта). Компартия стремилась создать и поставить под свой единоличный контроль профсоюзы и крестьянские союзы и использовать их в своих политических целях. Это затрагивало интересы социалистов и АЛНС в целом и привело к их соперничеству в борьбе за влияние на массы. Что касается Аун Сана, то он, разделяя ряд идей марксизма и социализма, выступал прежде всего за единство АЛНС и Бирмы, против сектантства и фракционности и осуждал все, что подрывало единый фронт и тем самым ослабляло борьбу за главную цель — независимость Бирмы.

Первый всебирманский съезд АЛНС состоялся в Рангуне на склонах пагоды Швэдагоун 17–19 января 1946 г. В нем приняли участие 1200 избранных делегатов, а также представителей от неполитических организаций (крестьянских и рабочих союзов, Лиги молодежи, женщин, союза базарных торговцев и ассоциации молодых буддийских монахов). Заседания проходили в течение трех дней в большом «заяте» пагоды (пристанище и место отдыха для паломников). Там обсуждались основные решения съезда. За этими заседаниями последовали еще три дня массовых митингов, на которых решения съезда получили общественную поддержку. По данным тогдашних газет, на эти митинги пришло до 400 тыс. человек, по сведениям английского губернатора — 300 тыс.¹ В любом случае съезд Антифашистской лиги был отмечен небывалой активностью и поддержкой народа. Только Лига могла среди всех других организаций снискать такую популярность.

Съездом Лиги было получено до 400 проектов различных резолюций, особенно многочисленных — с мест. Специальный комитет съезда по резолюциям и представители мест договорились о том, что на голосование будут поставлены 16 проектов, и они затем и были одобрены².

Здесь нужно подчеркнуть, что вся работа и решения съезда АЛНС, в отличие от предыдущих конференций Лиги, обладали теперь легитимностью. Она исходила от самого факта проведения съезда как высшего органа АЛНС — самой массовой общественно-политической организации Бирмы.

Съезд проходил под председательством Аун Сана, который произнес большую вступительную речь, направленную против колониализма. Дни империализма, особенно в Азии, сказал он, сочтены, «Азию, омоложенную и прогрессивную, нельзя было игнорировать в международных совещаниях», голос этой Азии становится все громче и громче, он раздается в Индонезии, Индокитае, Бирме, Индии и в других странах³. Вместе с тем Аун Сан подверг резкой критике политику английских властей в отношении Бирмы. Он назвал курс Англии на восстановление своих позиций в экономике Бирмы «экономическим фашизмом» и осудил политические махинации английского губернатора, отказавшегося от предоставления Лиге требуемого числа мест и портфелей в Исполнительном совете и включившего в него оппортунистов и старых колониальных служаков.

Выдвинутая съездом программа действий имела исключительно важное значение для дальнейшей борьбы Бирмы за независимость.

В принятых политических резолюциях была отвергнута (теперь уже с высоты съезда Лиги) колонизаторская «Белая книга» английского правительства 1945 г., остававшаяся основой его стратегии в Бирме. Съезд снова выдвинул требование о немедленном проведении всеобщих выборов в Учредительное собрание, о создании временного национального правительства перед окончательной передачей власти в руки бирманского народа. Была также принята резолюция о единстве «горных» (пограничных) народов, находившихся под особым управлением английского губернатора и собственно Бирмы⁴.

Первый съезд АЛНС известен особенно тем, что с ним связывается требование Бирмы о полной независимости, а не статуса доминиона. Английское же правительство, заявил Аун Сан на съезде, продолжает выступать со своей «Белой книгой», в которой содержатся туманные обещания «обетованной земли» — статус доминиона без указания точного срока его предоставления⁵.

Требование «полной независимости, а не статуса доминиона» было повторено в последующих выступлениях и документах АЛНС. Так, говоря о решениях первого съезда АЛНС, Аун Сан сказал в своей речи на заседании Высшего совета Лиги 16 мая 1946 г.: «Мы хотим полной независимости и не хотим никакого статуса в Британской империи». Но тут же добавил, что «мы готовы даже войти в Британское содружество наций, если за нами признают право на полную независимость»⁶. Он подчеркнул этот тезис на конференции АЛНС 23 мая 1947 г., когда уже разрабатывалась конституция будущей Бирмы*.

Курс АЛНС на полную независимость прослеживался на протяжении всей послевоенной истории Бирмы 1946–1947 гг. Он нашел юридическое выражение в конституции независимой Бирмы и англо-бирманском договоре о независимости конца 1947 г. И здесь нужно подчеркнуть инициативную роль первого съезда АЛНС, который решительно отверг идею доминиона для Бирмы.

Эта идея, обсуждавшаяся в Бирме еще с довоенных пор, в послевоенный период была подорвана двумя факторами. Во-первых, она была обесценена самим английским правительством, в принципе вроде бы согласившимся предоставить Бирме статус доминиона, однако в каком-то неопределенном будущем. Эта игра Англии на «оттяжку» идеи доминиона не могла понравиться даже умеренным бирманским националистам, которые не без основания могли считать ее пустой

* См. главу IX подробнее.

приманкой, удаляющейся по мере приближения к ней. Можно предположить, что если бы после освобождения Бирмы от японцев в 1945 г. Англия согласилась сразу, скажем на следующий год, предоставить Бирме статус доминиона, то та могла пойти на этот вариант, может быть, и не единодушно: ведь лучше «синица в руке, чем журавль в небе». Но этого не произошло. Во-вторых, главное препятствие идее доминиона исходило от левых сил и вообще от «горячих» бирманских националистов и революционеров, которым претила сама мысль, что Бирма может сохранить связи с ненавистной Британской империей. Они стремились к полной независимости. Эти взгляды и возобладали в Бирме в 1946–1947 гг. и материализовались 4 января 1948 г.

На съезде АЛНС был принят ряд других важных резолюций, особенно по экономическому положению в стране, бедствовавшей от военной разрухи и политики вернувшихся в страну английских властей. Резолюции осудили эту политику и отвергли английские планы по восстановлению колониальной экономики. В резолюции по сельскому хозяйству была выдвинута программа помощи крестьянству, включавшая перераспределение земли, аренды, сельского кредита, импорта сельскохозяйственного инвентаря. По рабочему вопросу съезд потребовал соблюдения прав рабочих, установления минимальной зарплаты. Другие резолюции касались социальных услуг и благосостояния населения, военных репараций, иммиграции, вхождения Бирмы в международные организации, защиты Народной добровольческой организации от репрессий властей. Одна из резолюций требовала, чтобы АЛНС послала делегацию в Лондон с тем, чтобы добиться изменения политики Англии в отношении Бирмы в соответствии с решением съезда Лиги (Лондон это предложение тогда сразу же отверг)⁷.

2. Политическое положение в стране весной–летом 1946 г. и усиление требований независимости Бирмы

Решения съезда АЛНС, накалявшаяся политическая атмосфера в стране вызвали дальнейшее обострение англо-бирманских отношений. Это противостояние, наметившееся с провала переговоров АЛНС с губернатором по поводу формирования первого Исполнительного совета, шло после съезда по нарастающей весь 1946 г.

Политическое противоборство с английскими властями переплеталось с внутрибирманской политико-идеологической борьбой, с межнациональными проблемами, и все это происходило на фоне тяжелейшего экономического положения народа, особенно его беднейших и пострадавших от войны крестьянских и городских слоев.

Следует отметить, что экономическая обстановка в стране была очень тяжелой (хотя, по-видимому, положение было во многом схожим и в других странах Юго-Восточной Азии к окончанию японской оккупации). Неудивительно, что уровень производства (ВВП — валового внутреннего продукта) составлял в 1946 г. только 61% от довоенного, в 1947 г. — 72%⁸. Из 1027 постоянных и сезонных фабричных заведений, имевшихся в 1940 г., в 1946 г. было зарегистрировано всего 355, причем не все действовали. На них числилось около 31,5 рабочих против 89,4 в 1940 г. В горнодобывающей промышленности осталось лишь 82 действующих рудника (против 601 в довоенное время). Производство нефти вследствие разрушений нефтепромыслов было ничтожным — 513 тыс. галлонов против 276 млн. галлонов в 1939 г. Транспортная система почти вся была разрушена. Крупный речной флот (столь важный для этой «речной» страны) полностью отсутствовал. Из 242 локомотивов, имевшихся к началу японского вторжения, осталось всего 32.

Основа экономики страны — сельское хозяйство — переживало глубокий упадок. Посевные площади под рисом составляли в 1946 г. около 7 млн. акров (несколько больше половины предвоенных). Риса, основного продукта питания, было собрано всего 2,8 млн. т вместо предвоенных 7 млн. т⁹. Резко сократился экспорт — почти в 5 раз (по тоннажу), вывоз риса в 1946 г. составил примерно 900 тыс. т против довоенных 3,2 млн. т¹⁰.

Выступая в конце апреля 1946 г. на пресс-конференции, а 16 мая — на сессии Высшего совета АЛНС, Аун Сан подробно осветил обострившиеся противоречия между Англией и Бирмой. Он подчеркнул, что за прошедшие после введения колониальной английской администрации 5–6 месяцев экономическое и политическое положение населения ухудшилось. Народ обнищал (вследствие послевоенной смены валют), в сельском хозяйстве царил хаос, продовольственная проблема вследствие хищнической политики выкачки из страны риса усложнилась. Нехватка риса чувствовалась даже в «самых рисовых» округах Бирмы. Разоряемые налогами, которые вновь взыскивались силой, арендной платой, по существу, насильственной скупкой

риса, крестьяне забрасывали свое хозяйство. Отношения между арендаторами и помещиками достигли чрезвычайной остроты, арендаторов стали вновь сгонять с земли. Не соглашаясь с лозунгом «Долой налоги и ренту!», Аун Сан, однако, подчеркнул закономерность того, что в создавшихся условиях в деревне идет кампания именно под этим лозунгом.

Аун Сан указал и на тяжелое положение наёмных рабочих, вынужденных бастовать на предприятиях, хозяева которых отказывались улучшить их судьбу. Госслужащие тоже не были обеспечены средствами к жизни, а бирманские предприниматели — отстранены от участия в экономике страны английской политикой поддержки своих компаний.

Президент АЛНС остановился также и на политическом положении в Бирме. В стране, отметил он, усиливаются политические преследования, гражданские свободы урезаны, сохраняются чрезвычайные законы, как «закон об обороне», на основе которого арестовано большое число честных политиков и граждан. Власти пытаются нанести удар и по Народной добровольческой организации.

Особую остроту англо-бирманским отношениям после съезда АЛНС придавала именно проблема НДО, особенно регулярные публичные строевые учения народных добровольцев в униформе и их антиколониальная направленность. Англичане прибегли к репрессиям, к арестам их больших групп. В ряде районов полиция избивала и расстреливала участников массовых демонстраций. Особенно серьезный инцидент произошел в уезде Тантабин (неподалеку от Рангуна). Здесь 18 мая 1946 г. состоялась демонстрация, организованная в знак протеста против репрессий. Ее участники требовали освобождения местных народных добровольцев, арестованных властями. Полиция открыла огонь по демонстрантам, в результате чего три человека были убиты. Похороны жертв расстрела вылились в еще более решительное выступление народа¹¹.

Аун Сан на съезде АЛНС и после него неоднократно обращался к вопросу НДО и ее преследованием властями. Ведь он был не только президентом АЛНС, но и главнокомандующим НДО, выступавшим в ее защиту. Особенно резко он это сделал в своей речи на Высшем совете АЛНС 16 мая 1946 г., в которой подчеркнул, что НДО действовала и действует согласно своему уставу и не замечена в каких-либо актах насилия¹².

Английский колониализм пока держал Бирму под контролем. Он располагал центральной колониальной администрацией в стране, связанной с правительством в Лондоне. Он сохранял в Бирме свои войска и полицию, начал восстанавливать свои экономические позиции. Но полноты реальной власти, как до войны, он не имел. Власть колонизаторов была фактически парализована широкой народной оппозицией, сплоченной вокруг АЛНС. Казалось бы, тревожные сигналы, идущие из Бирмы (особенно в секретных депешах губернатора), должны были побудить лейбористское правительство к пересмотру политики «Белой книги». Однако вплоть до лета 1946 г. оно продолжало настаивать на осуществлении своей прежней колониалистской программы. Англия сама вела дело к обострению борьбы в Бирме. Губернатор Дорман-Смит думал не о том, как совместно с АЛНС и Аун Саном решить проблемы страны на основе мирного соглашения, а как подорвать престиж АЛНС в бирманском народе, навредить ей и попытаться опереться на реакционных бирманских деятелей, готовых к «замещению» Аун Сана и АЛНС в качестве политического противовеса.

С этой целью колониальные власти в начале 1946 г. разрешили вернуться в Бирму таким правым политикам, как У Со, Такин Ба Сейн, Тун Оу, а позже — Ба Мо. Некоторые из них (Тун Оу и Ба Сейн) были сразу же введены в колониальные органы и начали, как и ожидалось, кампанию против АЛНС и ее руководства. Все они стали реорганизовывать свои полуразвалившиеся партии (У Со — «Мьочи», правые таины — новую «Добама», Ба Мо — «Махабама»). Наибольшую активность развил У Со, довоенный колониальный премьер (1940–1941), находившийся в дружественных отношениях с Дорман-Смитом еще со времени своего премьерства. У Со сначала тоже вошел в Исполнительный совет, но затем, признав его непопулярность в народе, решил шантажировать англичан. Он заявил о своем несогласии с «Белой книгой» и потребовал точного указания времени, когда Бирме будет предоставлен статус доминиона. В противном случае он угрожал выходом из Исполнительного совета, что он вскоре и сделал, не дождавшись ответа на свой «ультиматум»¹³. Англичане, конечно, знали о темных сторонах натуры У Со, готового предать любого союзника, но связи с ним не прерывали. У Со ненавидел Аун Сана за то, что тот своей честной борьбой стал фактически лидером Бирмы, отрезав ему путь к власти. В то же время английские колониальные чиновники во главе с Дорман-Смитом, а также старые работники имперских министерств в Лондоне со своей стороны ненавидели Аун Сана,

который всей своей деятельностью после войны разрушал их реставраторские планы и проекты. Поэтому противостояние У Со Аун Сану было выгодно наиболее реакционным кругам английских колонизаторов, которые видели в У Со не столько плохо управляемого бирманского оппортуниста и вождистски настроенного правого националиста, сколько их союзника по борьбе с Аун Саном и АЛНС.

Более того, в начале 1946 г. правящие круги Англии готовили арест самого Аун Сана якобы за «военные преступления» (ему приписывалась расправа с лояльным Англии бирманцем индийского происхождения во время японского вторжения в Бирму в начале 1942 г. и вхождения в страну отрядов «Армии независимости Бирмы»). В апреле 1946 г. эта акция должна была вот-вот произойти, и Лондон уже дал на нее санкцию, но вдруг в Англии спохватились и арест Аун Сана отменили¹⁴. Бирманские источники сообщают, что, как уже не раз, не обошлось без вмешательства верховного главнокомандующего Л. Маунтбэттена, выступавшего против этой предполагаемой акции¹⁵. Как и раньше, Маунтбэттен исходил из необходимости проведения линии на прагматическое сотрудничество английских властей с АЛНС и Аун Саном. Расчет делался на то, что «мягкое» отношение с бирманским руководством поможет удержать Бирму в статусе доминиона и будет более успешным, чем политика репрессий в отношении АЛНС и Аун Сана. Но такой «мягкий» подход Маунтбэттена не изменил основной курс Бирмы на полную независимость.

Объясняя причины отказа английских властей от ареста Аун Сана, бирманский историк У Маун Маун, прямой участник и свидетель событий в Бирме 40-х гг., взглянул на вопрос шире. Он написал следующее: «Простой факт состоял в том, что в течение всех этих месяцев 1946 г. правительство его величества избегало арестовывать Аун Сана из-за страха, что эта акция станет спусковым крючком к общенациональному восстанию. В условиях столь недавно закончившейся Второй мировой войны Британия не имела ни воли, ни средств попытаться подавить большое восстание в своей отдаленной колонии»¹⁶.

В обстановке политического тупика по вопросу продвижения Бирмы к независимости и обострения отношений между АЛНС и английскими властями в течение первого полугодия 1946 г. в выступлениях Аун Сана стали звучать более жесткие нотки в адрес колонизаторов. Еще на первом съезде АЛНС в январе он сказал, что «если нам не будет предоставлено... законных средств для решения судьбы нашего народа, мы сами проложим себе путь к власти и свободе»,

и при этом он перешел к «задачам по организации и мобилизации всего народа на борьбу за достижение общих национальных целей»¹⁷. В мае 1946 г. на сессии Высшего совета АЛНС Аун Сан высказался более резко: «После того как мы детально рассмотрели положение в нашей стране, вы можете спросить, что же, по моему мнению, надо делать, чтобы преодолеть существующий тупик и как можно быстрее двинуться к поставленной цели достижения национальной независимости. Мое мнение предельно просто... Если для достижения провозглашенной нами цели будут открыты законные возможности, мы постараемся прежде всего исчерпать их. Но это не значит, что мы не должны готовиться к другому. Ибо сейчас, после всего что произошло в нашей стране, мы чувствуем, что вообще можем не достигнуть поставленной цели, применяя только легальные средства. Мы должны готовиться и к нелегальной борьбе за нашу свободу, если это станет необходимым. Это не значит, что такая борьба неизбежна. От британской стороны зависит, изберет она этот путь или нет»¹⁸.

Несколько ниже Аун Сан вновь вернулся к этой теме. «Будет ли борьба, если она придет, насильственной или ненасильственной? Что касается нас, мы будем стремиться к мирной борьбе, так как не хотим вовсе насилия и кровопролития. Но и тут не только мы несем на себе ответственность. Она лежит также и на другой стороне»¹⁹.

Затронул Аун Сан этот вопрос и в судьбоносный 1947 г. на конференции АЛНС 23 мая, которая стала подготовительным этапом к заседаниям Учредительного (конституционного) собрания. Это произошло за три месяца до его подлого убийства. В выступлении на этой конференции Аун Сан, в частности, сказал: «Если мы сумеем получить на пути мирных действий столько же, сколько на пути насилия, вы можете не сомневаться, что мы пойдем к свободе дорогой мира, что бы другие ни говорили обо мне или об этом пути. Но если единственным путем к свободе явится путь насилия, мы им пойдем»²⁰. Этому вопросу Аун Сан коснулся в связи с проблемой урегулирования будущих отношений с Великобританией, которая в тот момент формально-юридически и фактически еще была колониальным хозяином Бирмы.

Характерно, что и в начале противостояния Англии в 1946 г. и незадолго до своей гибели, когда путь к свободе Бирмы был уже приоткрыт, основой тактики Аун Сана и АЛНС оставалась мирная, легальная, ненасильственная борьба в ее разнообразных формах и при массовом размахе. О нелегальных насильственных методах говорилось в порядке предупреждения противной стороне — Англии — о необходимости

принятия ею главных требований Бирмы о полной независимости. В случае отказа Англии выполнить эти требования борьба за свободу со стороны Бирмы могла принять насильственный характер.

Надо признать, что угроза применения Бирмой, АЛНС насильственных методов борьбы была в определенной мере демонстрационным средством давления на Англию с тем, чтобы заставить ее скорее уйти из Бирмы на более выгодных для нее условиях. Бирманское руководство не хотело военного столкновения с колонизаторами и исходило из возможности мирного соглашения с Англией. Последняя, в сущности, тоже не хотела такого столкновения и также стремилась к достижению мирного соглашения с бирманским руководством, но на своих условиях — удержания Бирмы в империи, предоставив ей статус доминиона. Иными словами, обе стороны по разным причинам желали избежать вооруженного столкновения, но при этом каждая из них имела свои конечные цели. Разница была именно в этих целях и размере взаимных уступок сторон, а не в принципиальном различии в отношении к военным методам разрешения противоречий.

Вышесказанное ни в коей мере не означает преуменьшения степени противостояния бирманской стороны и английских властей с конца 1945 г. и до конца 1946 г. В течение этого периода оно стало настолько острым, что и привело АЛНС и Аун Сана к предупреждению об угрозе перехода борьбы в Бирме в насильственную фазу. Видимо, это произвело впечатление на колониальные власти и ускорило достижение англо-бирманских соглашений и урегулирования к концу 1947 г. Тем самым был найден мирный выход из тупиковой ситуации.

* * *

Наряду с обострением отношений АЛНС с метрополией, усиливались и внутрибирманские противоречия. Главным из них было противостояние в АЛНС, в основном между центральным руководством АЛНС и его коммунистической частью. Развитие событий привело сначала к расколу в компартии Бирмы.

В феврале—марте 1946 г. состоялся пленум ЦК КПБ. В центре внимания стоял вопрос о развитии национально-освободительной революции в Бирме. Пленум осудил решение второго съезда партии (июль 1945 г.) о мирном развитии революции как правый уклон («браудеризм»). Однако на съезде обнаружилось, что в партии не было единства по вопросу об отношении к АЛНС, об оценке ее революционных возможностей. Большинство членов ЦК считало, что партия должна

остаться в Лиге, меньшинство же настаивало на разрыве с ней. Эти разногласия и привели к расколу КПБ²¹.

В марте 1946 г. группа членов ЦК во главе с Такином Со выделилась из КПБ и создала свою отдельную партийную организацию под названием «Бирманская коммунистическая партия Красного флага». Она порвала с АЛНС и всеми, кто в нее входил, и первой в послевоенной Бирме ушла в джунгли, приняв тактику вооруженной партизанской борьбы, основывавшейся на воинственной и непримиримой левосектантской линии²². Из «своих» деревень в джунглях и горах она совершала террористические налеты на сельские власти, полицейские посты. Несмотря на то, что группировка «Красного флага» была немногочисленной, она разжигала народное недовольство и будоражила политическую и социальную обстановку в ряде районов Нижней Бирмы в направлении открытого столкновения с властями наперекор позиции АЛНС и большинству, пока сохранявшемуся в компартии Бирмы. Воинственная позиция «Красного флага» разлагающе влияла и на это большинство, которое вскоре само стало постепенно отходить от тактики единого фронта и двигаться к левому сектантству.

Об этих, казалось бы, узкопартийных позициях КПБ приходится говорить специально, потому что они характеризуют сложный комплекс идейно-политических и организационных противоречий, существовавших в стране в условиях обострившейся борьбы за независимость на финальном ее этапе.

Примерно одновременно вышли на поверхность и противоречия внутри АЛНС. Напомним, что еще на съезде Лиги в январе 1946 г. поднималась тема пересмотра ее устава. Этот вопрос был специально рассмотрен на второй сессии Высшего совета АЛНС 16 мая того же года. На сессии возобладаало мнение, что вместо политических партий в Лиге должны быть представлены лишь массовые организации на основе индивидуального или коллективного членства. Члены же политических партий должны входить в Лигу только индивидуально или как участники массовых организаций. На такой основе, заявил Аун Сан на сессии, Лига будет «прочнее» и «четче», чем в ее нынешней «туманной форме многопартийного единого фронта»²³. Устав АЛНС был соответствующим образом изменен.

Подобное изменение в уставе было направлено, во-первых, на ограничение самостоятельной деятельности КПБ в Лиге, которая была и воспринималась единым фронтом, а не организацией компартии. Иными словами, новый устав стремился поставить рамки гегемонизму

компартии, которая иногда свои лозунги и решения объявляла от имени АЛНС. Во-вторых, оно выражало объективные централизаторские тенденции в строительстве и управлении разросшейся и пестрой по составу организации: руководство АЛНС во главе с Аун Саном стремилось иметь один центр управления и контроля над ней. В-третьих, среди части руководства АЛНС, возглавлявшегося Аун Саном, могли возникнуть опасения по поводу того, что через компартию, составлявшую идейно-политическую часть международного коммунистического движения, которому подчиняются его национальные отряды, страна могла оказаться под чуждым иностранным влиянием. Этому мог препятствовать нормальный национализм.

В июне–июле 1946 г. большинство руководства Лиги запретило партиям — членам Лиги — выступать от ее имени. В августе была запрещена деятельность компартии Бирмы в сельских отделениях Лиги²⁴. Это обострило обстановку внутри Лиги. В августе ушел в отставку с поста генерального секретаря АЛНС Такин Тан Тун. В сентябре на этот пост был избран социалист Чжо Ньейн. Но компартия пока сохраняла свое представительство в Лиге. Заместителем генсека Лиги был избран коммунист Тейн Пэ, будучи освобожден от должности генерального секретаря компартии Бирмы²⁵. Однако внутри АЛНС образовалась трещина, как и в отношениях Лиги и компартии. Правда, на состоявшейся в июле 1946 г. конференции компартии Бирмы говорилось о необходимости борьбы в партии как против правого, так и против левого уклона и подчеркивалась роль АЛНС как единого фронта, поскольку АЛНС включает в себя антиимпериалистические силы и силы, борющиеся за новую демократию²⁶. (По-видимому, после раскола руководство КПБ было серьезно растеряно и предлагало забивать «голы» по очереди как в «левые», так и «правые» ворота.)

3. Подготовка лейбористского правительства к перемене прежнего курса в Бирме

Несмотря ни на что, ход освободительной борьбы в Бирме продолжал нарастать и в июле, и в августе 1946 г., 26 июля был проведен «день борьбы против репрессий правительства». В Рангуне состоялась двадцатитысячная демонстрация, возглавленная рабочими порта. Рабочие и служащие готовились к всеобщей забастовке, идеи которой витали в обострившейся обстановке отношений с Англией — деревня

бурлила, крестьяне отказывались подчиняться властям и помещикам. Народные добровольцы продолжали протестовать против ограничений, наложенных против них властями. Они открыто проводили свои военные учения.

Вся страна поднималась на борьбу с колониализмом. Обстановка с каждой неделей становилась все напряженной. Появились сообщения, что английские деловые круги стали втайне разрабатывать планы бегства из Бирмы на случай народного восстания²⁷.

В сложившихся условиях лейбористское правительство Англии встало на путь определенных уступок АЛНС, иначе позиции британского капитала в Бирме оказывались под все большей угрозой. При этом оно опиралось в значительной мере на свой опыт в Индии, где в июле—августе 1946 г. руководство Национального конгресса после длительных колебаний согласилось с предложением Англии войти во временное правительство при английском вице-короле²⁸.

Летом 1946 г. состоялись закрытые совещания по бирманскому вопросу с участием премьер-министра Клементы Эттли. Губернатор Бирмы Дорман-Смит был вызван в Лондон; он отправился туда в середине июня морем и прибыл через месяц. Тем временем Эттли провел консультации с лордом Л. Маунтбэттенем. Последний предлагал сменить губернатора Бирмы и пойти на компромисс с президентом АЛНС²⁹. В том же направлении действовала и группа левых лейбористов — членов парламента (Томас Драйберг, Дороти Вудмен, Вудро Уайат и др.), которые поддерживали неофициальные контакты с АЛНС и раньше своего партийного руководства поняли бесперспективность и опасность для Англии продолжения прежней политики в отношении АЛНС.

В результате английское правительство решило назначить нового губернатора Бирмы. Им стал Хьюберт Ранс, бывший глава военной администрации в Бирме при штабе Маунтбэттена. Это решение было принято по рекомендации Маунтбэттена фактически еще до прибытия в Англию Дорман-Смита, настолько положение в колонии оказалось серьезным. Так что он был отозван с должности в отпуск и после него уже не был востребован властями.

31 июля 1946 г. Ранс был официально назначен в новой должности и в конце августа прибыл в Рангун.

4. Всеобщая политическая стачка.

Создание нового Исполнительного совета.

Раскол АЛНС

25 августа, за несколько дней до прибытия в Бирму нового английского губернатора, АЛНС объявила о прекращении на один день всей работы в Рангуне и проведении массовой демонстрации. На большом митинге в столице участники потребовали немедленного прекращения репрессий. Выступивший на митинге президент АЛНС вновь выдвинул основные политические требования Лиги к английскому правительству, сформулированные в Нетуейнской декларации и в резолюциях первого съезда Лиги: создание ответственного национального демократического правительства и избрание на основе всеобщего избирательного права суверенного Учредительного собрания, которое должно решить дальнейшую политическую судьбу Бирмы³⁰.

В первых числах сентября 1946 г. началась серия забастовок рабочих иностранных фирм («Бирма трейд», «Бирма ойл», «Стил бразерс» и др.), служащих почты, типографий и других государственных учреждений и железных дорог. Забастовки возникли на почве экономических требований, но затем приняли и политическую направленность. Не работало радио, закрылись учебные заведения. Бросили службу и объявили забастовку даже рангунские полицейские. Охрану порядка взяла на себя Народная добровольческая организация. В середине сентября начались беспорядки в Инсейнской тюрьме (под Рангуном). Забастовки в стране, распространившись на многие города и деревни, вылились во всеобщую политическую стачку. Она возглавлялась АЛНС, но энергичными ее организаторами (через связи с профсоюзами) были коммунисты. В Рангуне состоялась мощная политическая демонстрация под руководством АЛНС. Солдаты движения сопротивления, одетые в военную форму, прошли по улицам столицы, поддержанные многотысячными толпами народа. Во главе процессии шли Аун Сан и другие лидеры Лиги. Стачка парализовала административную и экономическую жизнь Бирмы. Исполнительный совет, созданный еще при прежнем губернаторе в 1945 г., был вынужден уйти в отставку.

Английские власти столкнулись с новым острым кризисом. Перед лицом этого кризиса, быстро растущего массового движения, они были вынуждены в сентябре 1946 г. пойти на переговоры с лидерами АЛНС по вопросу о формировании нового Исполнительного совета

и вхождении в него представителей Лиги, на чем неоднократно настаивала АЛНС. Тогда же энергичную кампанию за создание нового Совета под своим руководством развернул и У Со, пытаясь воспользоваться ситуацией и дорваться до власти³¹.

Переговоры лидеров Лиги и правых партий с новым губернатором Хьюбертом Рансом завершились 24 сентября 1946 г. соглашением о новом «коалиционном» Исполнительном совете, который и был назначен 27 сентября. В него вошли Аун Сан (в должности заместителя председателя Совета, то есть губернатора Ранса, с портфелем советника («министра») по вопросам обороны и внешних отношений), Такин Мья (внутренние дела), У Ба Пэ (торговля и снабжение), коммунист Тейн Пэ (сельское хозяйство, но он занимал этот пост всего несколько дней), карен Манн Ба Кайн (промышленность и труд), У Аун Зан Вей (социальные услуги), старый колониальный бюрократ У Тин Ту (финансы и налоги), Маун Джи (общественные работы). Несколько позже в Совет были включены У Со и лидер Каренского национального союза (КНС) Со Ба У Джи³².

Следовательно, АЛНС не получила и в новом Совете большинства мест. Совет не получил статуса национального (временного) правительства. Кроме того, он должен был функционировать в рамках колониального совета министров Бирмы 1937–1941 гг., а значит, при наличии у губернатора формального права вето на решение Совета. В соглашении не предусматривались согласованные англо-бирманские меры по продвижению вперед самого острого для всей Бирмы вопроса о независимости.

И все же это соглашение было компромиссом более выгодным для АЛНС и освободительных сил страны; оно было ограниченной, но новой уступкой английских властей. Во-первых, вице-председателем Совета стал президент массовой и мощной антиколониальной организации — АЛНС, последовательно требовавшей полной независимости Бирмы. Как вице-председатель Совета и «советник» («министр») по обороне и внешним вопросам он мог претендовать (и претендовал) на контроль как в этих сферах, так и в целом в вопросах внутренней политики Совета («вице-премьера»). Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что новый английский губернатор Х. Ранс обещал не применять право вето на решения Совета (и по указанию высших властей, видимо, действительно не применял его).

Надо признать, что общего удовлетворения новым статусом Исполнительного совета не было: недовольство и критика соглашения

были и внутри АЛНС, и в прессе, и в рядах бастующих и демонстрантов. Негативные варианты решения состояли в срыве компромиссного соглашения по Совету, в выходе из него АЛНС и, возможно, в вынесении антиколониальной борьбы на улицы с угрозой перехода ее в вооруженную форму, чего в общем не хотели и опасались как руководство АЛНС, так и колониальные власти. Были ли позитивные варианты решения выхода из нового тупика? Как показали события, они состояли в сохранении компромисса по Совету и в использовании новой позиции АЛНС и особенно самого Аун Сана в этом Совете как законной «правительственной формы» для дальнейших жестких переговоров с английской стороной о практических мерах продвижения к независимости Бирмы. При этом, как всегда, руководство АЛНС опиралось на широкую и активную поддержку внутри АЛНС и ее организаций и населения в целом. Обстановка в стране в ходе всеобщей забастовки и создания Совета говорила о том, что грядут новые массовые выступления с требованием независимости.

Катализатором обострения политического положения в стране в осенние месяцы 1946 г. (сентябрь–октябрь) явились позиция и деятельность компартии Бирмы. Это же стало причиной и новой расстановки политических сил.

Компартия первоначально выделила своего представителя для участия в Совете от имени АЛНС. Но при этом она оговорила свое участие рядом условий, которыми стремилась обязать членов Лиги, входивших в Совет, придерживаться ранее провозглашенной программы достижения независимости, в том числе требования созыва Учредительного собрания и превращения Исполнительного совета во временное национальное правительство³³. Все эти требования содержались и в Нетуейнской декларации, и в решениях первого съезда АЛНС и неоднократно повторялись на всех антиимпериалистических митингах в Бирме. Но разница состояла в том, что компартия нарушила этику единого фронта в ответственный политический момент и выступила с резкой публичной критикой руководства Лиги в прессе. Критика содержала едва скрытые обвинения в «соглашательстве с империализмом»³⁴. Это вызвало возмущение Аун Сана и его сподвижников в Лиге и привело к радикальным решениям АЛНС в отношении компартии. Приходилось учитывать, что выпады компартии против Лиги и Аун Сана происходили и до этого, накапливая негативный материал для взаимных отношений.

Критика Лиги Аун Сана со стороны компартии особенно усилилась в связи со стремлением Аун Сана добиться прекращения всеобщей забастовки и выхода на работу на основе урегулирования экономических и социально-политических требований трудящихся. В начале октября всеобщая забастовка пошла на спад и затем прекратилась. Правда, дополнительную забастовку объявил Всебирманский конгресс профсоюзов, находившийся под руководством компартии. Он объявил ее, как пишет У Маун Маун, с целью добиться установления контроля компартии над единым фронтом³⁵. Это обострило конфликт в АЛНС, который все нарастал. Руководство Лиги резко осудило публичную критику АЛНС и Аун Сана со стороны компартии. По его мнению, действия компартии означали открытый вызов единству АЛНС и прямую угрозу ее раскола перед лицом английских властей. Все это заставило руководство Лиги принять жесткие решения.

10 октября Исполком Лиги постановил исключить компартию Бирмы из АЛНС. 3 ноября Высший совет Лиги утвердил это решение. 22 октября по решению компартии ее представитель вышел из Исполнительного совета при губернаторе, что определило ее разрыв с АЛНС. История противостояния компартии и АЛНС, руководства и той и другой подошла к своему завершению осенью 1946 г. Разрыв двух левых флангов в АЛНС стал окончательным. Они более никогда не восстанавливали своего организационно-политического единства³⁶.

После исключения компартии из Лиги отношения между КПБ и АЛНС еще более обострились. На публичную критику и оскорбления со стороны компартии Лига дала КПБ официальную публичную отповедь с перечислением ее «грехов», ошибок, фактов раздувания собственной роли и принижения руководства АЛНС, особенно же последние действия компартии по подрыву единства и престижа Лиги и ее руководства.

Были, несомненно, и другие стороны разногласий в конфликте АЛНС и компартии: политические (борьба за влияние и власть), тактические (как выгоднее практически действовать в Бирме), личные (отношения лидеров двух организаций друг к другу, возможное соперничество и ревность их на почве борьбы за преобладание и руководящую роль).

Но как представляется, если на вопрос посмотреть поглубже, в основе конфликта АЛНС и компартии в 1946 г. было иногда видимое, иногда скрытое столкновение, с одной стороны, собственно

бирманского освободительного национализма (АЛНС), а с другой — революционного интернационализма коммунистического типа (КПБ). Первая концентрировалась в основном на своих внутренних национальных задачах. Вторая — действовала с обязательным оглядом на мировую революцию и прямо или косвенно подчинялась мировым революционным коммунистическим центрам. Отсюда и противоречия двух рассматриваемых организаций: идеологические, политические, практические. Упрощая, можно сказать, что произошла коллизия коренного бирманского национализма с пришлым интернационализмом (в данном случае одетом в бирманские одежды). Эти два фланга не смогли ужиться под крышей единой АЛНС, и один из них — «интернациональный» — был исключен национальным, который оказался сильнее, а другой — слабее. Компартия явно переоценила свои силы и влияние. Что касается АЛНС, то ход соперничества с КПБ в конце 1946 г. показал не только ее превосходство, но и исключительную популярность Аун Сана, который стал не только политическим лидером освободительных сил, но и превратился в государственную фигуру почти национального масштаба*.

Аун Сана с течением времени все более тяготили, как бы сейчас сказали, гегемонизм КПБ, ее навязанный извне схематизм и наставническое поведение в отношении АЛНС, и особенно стремление компартии играть самостоятельную руководящую роль в Лиге, поучая и оттесняя Аун Сана и его коллег, идеологически «обрабатывая» их и в конце концов доведя дело до публичной подрывной критики АЛНС и Аун Сана. Аун Сан и его окружение все более опасались зависимости компартии от иностранных руководящих коммунистических центров и возможности утраты Бирмой собственной бирманской национальной основы. Тема мировой революции и расширения зоны ее влияния была очень актуальна в коммунистическом мире после Второй мировой войны, что вызывало новое напряжение в международных отношениях и играх в них великих держав. Бирма в этих больших геополитических играх могла, не желая этого, просто превратиться в одну из международных пешек, ходы которых навязывались извне «Большим братом». Буддийская Бирма всегда хотела быть сама собой, малой, но независимой от кого бы то ни было страной, идущей своим путем. Она доказала это своей многовековой историей.

* Говоря «почти», автор учитывает, что северо-восточные («исключенные») районы Бирмы на тот момент еще находились под прямым контролем губернатора.

После исключения компартии из Лиги отношения между КПБ и АЛНС еще более обострились. Этому способствовала обстановка взаимной критики и обвинений и превращение компартии из прикрытой оппозиции внутри Лиги в, так сказать, полноценную «внешнюю» политическую оппозицию. В октябре 1946 г. Аун Сан заявил, что он ведет борьбу на три фронта: против имперской бюрократии, подрывных сил, действующих против АЛНС, и коммунистов³⁷.

После раскола единой АЛНС могли возникнуть пессимистические опасения, что он ослабил не только руководящий центр борьбы за независимость, но и само движение, поскольку раздробил его. Такой точки зрения придерживался и автор в ранние годы³⁸. Но дело обстояло не совсем так. Конечно, в численно-организационном отношении Лига изменилась: она стала меньше. Но стала меньше и компартия, поскольку часть коммунистов поддержала Аун Сана («коммунисты Аун Сана»). Но суть дела не сводилась к численным изменениям. Сбросив обузу коммунистической критики и подножек, Лига получила возможность действовать самостоятельно и решительно, спрямив свою линию действий и упрочив ее. В этом смысле, как скоро показали события, освободительное движение в Бирме пошло быстрее и эффективнее вперед. Освободившееся место компартии в Лиге заняла социалистическая партия, которая стала участником единой политической коалиции АЛНС-соцпартия.

Что касается роли компартии после раскола АЛНС, то она была вольна как критиковать Лигу, так и поддерживать какие-то ее действия, особенно те, которые бесспорно способствовали отступлению англичан из Бирмы, начавшемуся в конце 1946 г.

ВЫДВИЖЕНИЕ АНТИФАШИСТСКОЙ ЛИГОЙ ТРЕБОВАНИЯ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ БИРМЕ НЕЗАВИСИМОСТИ В ТЕЧЕНИЕ ГОДА И ВЫНУЖДЕННОЕ ПРИНЯТИЕ ЕГО АНГЛИЕЙ

1. Положение в Бирме в конце 1946 г.

Раскол в руководстве освободительной борьбой не остановил ее общего нарастания. Кризис английского господства в Бирме продолжал углубляться. АЛНС и компартия действовали теперь порознь и иногда резко критиковали друг друга. Лейтмотивом критики АЛНС со стороны компартии было стандартное обвинение в «соглашательстве с империализмом». АЛНС же обвиняла коммунистов в раскольничестве, в призывах к насилию, в поведении в духе «Большого брата». Но в целом политическая борьба в стране за свободу усиливалась. Народ требовал скорейшего решения вопроса о независимости страны. Действовал и пример Индии, где национальные силы к этому времени уже получили статус «переходного временного национального правительства»¹, то есть юридически и политически вырвались вперед по сравнению с АЛНС.

Антифашистская лига уже в начале ноября 1946 г. приняла ряд решений, свидетельствовавших о том, что она не удовлетворена темпом и ходом политического процесса в рамках сложившихся отношений с английскими властями и своей ролью в Исполнительном совете. Лига требовала обеспечить вступление Бирмы в ООН, установить дипломатические отношения с другими странами, передать в руки бирманцев управление экономикой и, наконец, превратить выборы в апреле 1947 г. (на которые английские власти согласились на базе колониальной конституции 1935 г.) в выборы Учредительного (конституционного) собрания. Лига потребовала также вывести «иностранные» войска из страны и сохранить в ее составе «пограничные районы» — предмет вожделений английских властей, предполагавших

возможность разделения Бирмы, и источник сепаратистских настроений среди некоторых малых народов страны.

10 ноября 1947 г. Антифашистская лига сформулировала свои требования Англии в категоричной, фактически ультимативной форме. Английское правительство должно было не позднее 31 января 1947 г. сделать заявление о том, что в течение одного года Бирма станет полностью независимой. На предстоявших в апреле выборах следовало избрать именно Учредительное собрание Бирмы с тем, чтобы определить ее будущую судьбу как независимой страны. Все экономические проекты колонизаторов должны были быть пересмотрены или отменены. Что касается Исполнительного совета, то Лига потребовала его признания в качестве национального правительства. Лига заявила, что она будет ждать согласия английского правительства на все эти требования до конца января 1947 г., а в случае их непринятия ее представители выйдут из Исполнительного совета, тем самым вызвав новый «правительственный кризис» в Бирме, грозящий непредсказуемыми последствиями.

Английская печать в конце 1946 г. прямо сообщала о том, что в любой момент в Бирме возможен политический взрыв². 18 декабря 1946 г. министр по делам Бирмы в Лондоне получил доклад английского губернатора и командующего войсками в Бирме, которые «сигнализировали» начальству, что «силы, находившиеся в распоряжении правительства его величества, недостаточны для того, чтобы держать ситуацию под контролем»³. Министр пришел к выводу, что он не видит альтернативы, кроме как согласиться с позицией АЛНС на то, что независимая Бирма после принятия новой конституции будет иметь право выйти из Содружества⁴. К сожалению, не все в Англии тогда придерживались такой точки зрения.

20 декабря 1946 г. произошло знаменательное событие: премьер-министр Великобритании Клемент Эттли выступил с заявлением об английской политике в Бирме, точнее, об изменении ее. Он признал возможность пересмотра программы «Белой книги» 1945 г. и заявил, что пришло-де время выполнить обещание о предоставлении Бирме самоуправления, данное ей в 1931 г. Эта увязка с историей была явно пустой натяжкой. Но суть нового заявления Англии по бирманскому вопросу состояла в том, что в нем получило формально-юридическое признание права Бирмы избрать по своему усмотрению независимость «либо внутри, либо вне Содружества». «Мы не желаем, — сказал Эттли, — удерживать в Содружестве и империи народы, которые

этого не хотят». Английский премьер предложил бирманским лидерам прибыть в Лондон для переговоров, чтобы решить вопрос о будущем Бирмы⁵.

Консервативная оппозиция во главе с У. Черчиллем встретила заявление Эттли враждебно. Новый курс лейбористов в Бирме Черчилль назвал «бегством», «неуклонным и бесстыдным процессом лишения себя всего того, что было приобретено многими поколениями»⁶.

Заявление Эттли о свободе выбора будущего Бирмы было, конечно, принципиальным отходом Англии от политики старого колониализма в отношении этой страны. Но оно только приоткрыло ворота в независимый мир. Войти в него на практике еще требовало больших усилий и борьбы бирманской стороны.

Принцип свободного выбора — остаться в Содружестве или выйти из него — был общим условием, через скрытые преграды которого Бирме предстояло пробиться. Например, Эттли в заявлении не обмолвился ни о сроках, ни об условиях получения Бирмой независимости. Это шло вразрез с ноябрьскими требованиями АЛНС и практически означало сохранение за Англией больших возможностей для маневрирования и торга. Всего этого не могли не видеть лидеры Лиги. 23 декабря 1946 г. АЛНС опубликовала заявление, в котором указывалось, что выступление Эттли требует разъяснения в ряде пунктов и что оно не представляет для Лиги «безусловно приемлемой основы». Лига вновь повторила свой ультиматум, что в случае непринятия ее требований к 31 января 1947 г. ее представители выйдут из Исполнительного совета⁷.

2. Лондонское соглашение по Бирме (январь 1947 г.)

Тем не менее предложение английского премьера о переговорах в Лондоне было в конце концов принято руководством АЛНС, что свидетельствовало о наличии в нем достаточно разумных политиков, во главе которых стоял Аун Сан.

В начале января 1947 г. в Лондон отправилась делегация Исполнительного совета. В нее вошли Аун Сан, Такин Мья, У Чжо Ньейн, У Тин Ту, У Со и Такин Ба Сейна.

Бирманский народ, массовые организации трудящихся встретили изменения позиции Англии в отношении Бирмы с какими-то ожиданиями, но больше с подозрением и опасениями того, что поведение

колонизаторов окажется новыми маневрами с их стороны. Накануне англо-бирманских переговоров в Лондоне, начавшихся 13 января, в ходе их и после их окончания в столице Бирмы и других городах, а также в сельских районах прошли многочисленные массовые митинги, демонстрации и забастовки. Народ требовал предоставления Бирме реальной независимости вместо пока все еще неясных обещаний. С 10 по 17 января прошла «неделя демонстраций», в которой приняло участие десять основных массовых организаций страны (это в совокупности сотни тысяч человек). Эта кампания была проведена под руководством Лиги, стремившейся усилить свои позиции в Лондоне. В деревнях народные добровольцы и социалисты подготовились к вооруженным действиям. 15 января началась забастовка студентов Рангунского университета, продолжавшаяся до конца месяца. Компартия Бирмы активно участвовала в организации этих выступлений, считая их важнейшим средством давления на Англию и на бирманскую делегацию в Лондоне.

Январский подъем освободительной борьбы народа вел к всеобщей политической стачке. Корреспондент агентства Рейтер 17 января 1947 г. сообщал, что «торговля, коммерческая жизнь ... парализованы, а государственные учреждения, школы, высшие и средние учебные заведения, банки, деловые предприятия и фабрики, хотя официально и не закрывались, абсолютно пусты. Даже рангунский телеграф не работает»⁸.

Именно на фоне этих событий и проходили в атмосфере секретности лондонские переговоры. Они затянулись на две недели. Текст соглашения был подписан 27 января и на следующий день опубликован. Под ним стояли подписи Аун Сана и Эттли, вследствие чего январское соглашение известно обычно как «соглашение Аун Сан — Эттли».

В преамбуле соглашения говорилось, что оно посвящено «методам, при помощи которых народ Бирмы может достичь своей независимости как можно скорее, выходя или не выходя из Содружества»⁹. Тем самым документ формально подтверждал право Бирмы на полную независимость. Но в нем не указывались ни срок, ни конкретные условия ее предоставления. Соглашение предусматривало неопределенный «переходный период», причем Англия настояла на том, чтобы в течение этого периода в Бирме сохранялись прежние конституционные порядки и форма правления. Новым было то, что Исполнительный совет приобретал статус «переходного правительства» и Англия обещала не вмешиваться в его деятельность.

Конечно, юридическое подтверждение права Бирмы на полную независимость было крупным прорывом. Важным моментом фактически надо считать и приобретение Исполнительным советом статуса «переходного правительства», позволявшего Бирме устанавливать дипломатические отношения с другими странами.

Но главной принципиальной уступкой, на которую было вынуждено пойти английское правительство (кроме подтверждения права Бирмы на возможный выход из Содружества), явилось его согласие на превращение апрельских выборов в Бирме в выборы Учредительного собрания, то есть конституционной ассамблеи, призванной решать государственную судьбу страны. Но тем самым Англия пошла «ва-банк»: ведь она «рисковала Бирмой», Учредительное собрание которой скорее всего должно было высказаться за полную независимость Бирмы. Почему же Англия пошла на это? Дело было в том, что в создавшейся в Бирме обстановке альтернативой для Англии стало бы антиколониальное восстание в этой стране, что все равно означало конец английского господства. Так что выбора для Англии не было: нужно было отступить и договариваться с АЛНС мирным путем. Так это в действительности и произошло.

Большое место в соглашении заняла проблема «пограничных районов». Английская сторона формально признала возможность соединения этих районов с собственно Бирмой на основе их свободного согласия. Однако англичане потребовали доказательств наличия такового. Поэтому соглашение предусматривало проведение специальной конференции представителей собственно Бирмы, «горных народов» и английского правительства.

Таким образом, «соглашение Аун Сан — Эттли» напрямую не решило вопрос о независимости Бирмы. Но баланс сил был теперь нарушен в пользу Бирмы, а у Англии оставался призрачный шанс склонить бирманское руководство к принятию Бирмой статуса доминиона.

Надо признать, что реакция в Бирме на лондонское соглашение было противоречивой. Народ ожидал конкретного решения вопроса о независимости страны. Но этого пока не произошло, возникла новая отяжка. Поэтому в стране продолжались выступления антиколониального характера с требованием независимости. Отчасти недовольные были и в самой делегации АЛНС. Правые элементы, пользуясь настроениями народа, усилили критику Лиги. Некоторые правые бирманские участники переговоров (У Со, Такин Ба Сейн) даже демонстративно

отказались подписать лондонское соглашение. Компартия тоже отрицательно отнеслась к соглашению, критикуя его слева и рассчитывая, видимо, на то, чтобы поднять свой пошатнувшийся престиж после исключения из АЛНС. Словом, обстановка в Бирме, как и перед началом лондонских переговоров, была тревожной. Относительное спокойствие в Рангуне восстановилось лишь в марте 1947 г.

Аун Сан, вернувшись из Лондона, неоднократно обращался к массам, убеждая, что лондонское соглашение означает «радикальную переориентацию английской политики»¹⁰, что это было «большим шагом вперед в направлении цели — независимости». «Мы не получили 100% того, чего хотели, — говорил он, — но мы имеем теперь правительство, которое является народным*. Скоро соберется Учредительное собрание, которое выработает проект конституции независимой Бирмы... Перед нами открыт путь к свободе»¹¹.

С высоты прошедших с тех пор лет и зная благоприятный для Бирмы финал ее борьбы за независимость, было ясно, что «соглашение Аун Сан — Эттли» было компромиссом, компромиссом мирным и в то же время принципиальным, но разумным и в основе выгодным для Бирмы в существовавшей тогда обстановке. Стоит отметить, что через несколько месяцев ЦК компартии Бирмы в своей резолюции от 30 июля 1947 г. заявит, что партия преуменьшала тогда серьезность уступок, вырванных у империализма народно-освободительным движением¹².

3. Решение вопроса о государственной целостности Бирмы

В соответствии с лондонским соглашением 9–12 февраля 1947 г. в местечке Панлон, в шанских княжествах, была проведена конференция, обсудившая проблему взаимоотношений собственно Бирмы и «горных народов». В ней участвовали члены Исполнительного совета и лидеры АЛНС, включая Аун Сана, представители шанских князей, чинов и качинов, а также английского правительства.

Каренская верхушка во главе с лидерами сепаратистского Каренского национального союза (КНС) отказалась участвовать

* Судя по всему, Аун Сан назвал тогдашнее правительство «народным» из-за поднятия статуса Исполнительного совета до «переходного, временного» правительства.

в конференции. На ней присутствовали только представители княжеств Каренни (Кая), да и то в качестве наблюдателей. В день окончания конференции лидеры КНС демонстративно послали К. Эттли телеграмму, в которой просили удовлетворить их просьбу о создании «сепаратного Каренского государства в Британской империи»¹³. Так что, с одной стороны, представительство на конференции некоторых народов, особенно каренов, было неполным, а с другой стороны, проявился их специфически «имперский» сепаратизм. Это ослабляло единство народов Бирмы перед лицом колониализма, который видел в сепаратистах своих союзников по решению всей бирманской проблемы.

12 февраля участники конференции подписали соглашение, известное под названием Панлонского. В нем говорилось, что «шаны, качины и чины быстрее достигнут свободы в результате своего немедленного сотрудничества с переходным бирманским правительством»¹⁴. Соглашением предусматривалось создание Высшего совета объединенных горных народов с введением их представителя в Исполнительный совет. Тем самым достигалось единство «пограничных районов» с собственно Бирмой в государственном отношении (хотя, как указывалось выше, единство пока неполное). Одновременно Панлонское соглашение подчеркивало право окраин на автономию, что отражало извечное стремление «горных народов» к самостоятельной жизни и самоуправлению. Следует, однако, подчеркнуть, что в пунктах об автономии нашли свое выражение также сепаратистские и антидемократические позиции феодалов окраин. Эти настроения были наиболее сильны у шанских князей. Под автономией они хотели видеть прежде всего сохранение в княжествах феодальных порядков и изоляцию княжеств от общепанланских настроений и движений за проведение демократических преобразований.

Панлонская конференция не решила, да и не могла решить полностью всей сложной и запутанной проблемы взаимоотношений народов Бирмы, особенно при долгом отрыве малых народов страны от собственно Бирмы.

В марте–апреле 1947 г. началась работа комиссии, предусмотренной конференцией, по обследованию «пограничных районов». Председателем ее был англичанин Рис-Уильямс. Собственно Бирму и «пограничные районы» поровну представляли восемь членов комиссии. Среди них были вице-председатель АЛНС Такин Ну, член Исполнительного совета У Тин Ту, шанский князь княжества Монбун, чин У Вум Ко Хо, член Каренского национального союза (КНС) Со

Санки¹⁵. Комиссия должна была, до созыва Учредительного собрания, рассмотреть вопрос о том, как приобщить «пограничные районы» к выработке новой конституции страны.

Опрос комиссией различных организаций и представителей «пограничных районов» показал, что подавляющая часть населения окраин решила связать свою судьбу с Бирмой на пути освобождения ее от колонизаторов. Конгресс народной свободы шанских княжеств, Качинская лига молодежи, Каренская лига молодежи и большинство представителей других меньшинств заявили членам комиссии, что их народы хотят на основе автономии или даже административного включения (например, чинов) войти в состав единого бирманского государства и получать его помощь. За исключением двух шанских княжеств, все княжества и районы «без колебания выразили желание, чтобы их представители ... приняли участие в работе Учредительного собрания». Но комиссия подчеркнула (явно в угоду сепаратистам), что участие представителей «пограничных районов» в Учредительном собрании еще «не должно рассматриваться как их обязательство вступить в союз или федерацию с Бирмой». Поддерживая феодально-племенную верхушку окраин, комиссия рекомендовала также, чтобы форма правления на окраинах не могла быть изменена без согласия большинства Учредительного собрания и большинства представителей окраин в этом органе.

В целом работа комиссии свидетельствовала о важном успехе антиколониальных демократических сил Бирмы, об укреплении в этой полиэтничной стране центростремительных тенденций. АЛНС сумела внушить доверие большинству народов окраин, убедить их во взаимовыгодности и естественной необходимости сохранения единства Бирмы.

Необходимо отметить исключительно важную, личную роль Аун Сана, главы АЛНС и переходного правительства в усилиях по сплочению малых и крупных народов Бирмы в рамках единого государства. Аун Сан был очень популярен не только среди бирманцев, но и малых народов страны, которые доверяли и верили ему и его открытым и честным заявлениям о свободе и единстве Бирмы. Если что и не получилось сразу, то вина здесь была в противодействовавших единству Бирмы как остатков прошлой колониальной политики разделения разных народов страны, так и присутствию в привычках и мышлении феодально-племенных вождей некоторых народов Бирмы стойких эле-

ментов «особости», «отделенности» (особенно это касается каренов и шанов).

Но надо сразу же сказать, что были и силы, шедшие против общего течения, прежде всего Каренский национальный союз. Он постоянно настаивал на своей сепаратистской программе и угрожал, что в случае выхода Бирмы из империи карены выделятся из состава страны и перейдут под прямую опеку Англии. Подобной линии придерживались и феодалы Каренни, хотя они согласились на участие в Учредительном собрании.

Сепаратистские настроения среди каренов подогревались английскими противниками перемен в Бирме, не желавшими видеть распада «прежней» Бирмы и тормозившими решение вопроса о государственном единстве будущей Бирмы. От этих старых «английских друзей» каренов Каренский национальный союз получал материальную и моральную поддержку, выступая в качестве орудия национального раскола Бирмы. В целях насильственного осуществления своей сепаратистской программы КНС начал, не без помощи своих иностранных доброжелателей, создавать собственные вооруженные силы, получившие название Каренской национальной организации обороны (КНОО или в английском варианте — KNDO).

Но среди каренов, особенно молодых, имелись силы, поддерживавшие АЛНС. Так, лидер Каренской лиги молодежи Со Сан По Тин заявил весной 1947 г. по поводу «каренской проблемы» следующее: «Большинство каренов выступает за единую Бирму. Я считаю требование о сепаратном “Каренистане” совершенно неосуществимым. В делах обороны, внешних сношений и финансов каренский народ не может стоять на собственных ногах»¹⁶. Однако каренские сепаратисты особенно и не собирались «стоять на собственных ногах» и откровенно опирались на традиционные силы империи. Играя на национально-автономных чувствах, они добились поддержки среди каренов Тенассерима (юго-востока Бирмы), дельты Иравади и княжеств Каренни.

Проблема взаимоотношений национального большинства и этнических меньшинств Бирмы могла и должна была решаться с учетом исторического опыта и конкретно складывающихся новых условий только на основе общепбирманского государственного союза, областной автономии и общепбирманских же демократических преобразований. К счастью для Бирмы, большинство ее народов накануне избрания главного органа, призванного решить вопрос о будущем статусе

Бирмы — Учредительного собрания, — выступило в пользу сохранения государственной целостности своей общей родины.

4. Выборы в Учредительное собрание и принятие конституции независимого Бирманского Союза

Выборы в Учредительное собрание происходили в основных районах страны 9 апреля 1947 г. в обстановке острой внутривнутриполитической борьбы. Правые партии — «Мьочи», «Добама» и «Махабама», объединившись в союз «Независимость сначала», выборы бойкотировали. Бойкотировал их и Каренский национальный союз под тем предлогом, что его требования о сепаратном каренском государстве были отрицательно встречены Лигой, и вообще-де число мест, выделенных Лигой в Учредительном собрании, было для каренов недостаточно. Компартия «Красного флага» также отказалась принять участие в выборах. Главной политической позитивной силой, которая выступала на выборах, была АЛНС. Что же до компартии Бирмы, то она приняла в них ограниченное участие¹⁷.

Всего в Учредительное собрание было избрано 210 депутатов. Из них подавляющее большинство (194) прошло по спискам Лиги. Коммунисты, выставив 25 кандидатов, причем только в округах, где баллотировались, на их взгляд, «правые», получили 7 мандатов. Остальные места разделили между собой англо-бирманцы и независимые. Каренская Лига молодежи, союзница АЛНС, получила большинство из 24 мест, выделенных специально для каренов дельты (условно говоря — «бирманских каренов»). Сверх 210 депутатов в Собрание было включено еще 45 человек, назначенных представлять «пограничные районы»*.

Как уже отмечалось, выборы в апреле 1947 г. происходили на основе ограниченного избирательного права, предусмотренного конституцией 1935 г. В голосовании приняли участие 43–45% из 6 млн. избирателей¹⁸.

Вскоре после заключения «соглашения Аун Сан — Эттли», Панлонской конференции, подготовки выборов в Учредительное

* Среди этих 45 представителей было 26 от шанских княжеств, 7 — от Качинского горного района, 6 — от Чинского и Араканского горных районов, 2 — от княжества Каренни (Кая), 4 — от других районов.

собрание и их проведения левая критическая позиция компартии в отношении АЛНС несколько смягчилась. Факты говорили сами за себя: Лига добилась перелома в отношениях Лондона к проблеме независимости, а процесс подготовки государственной независимости Бирмы всё нарастал. В этих условиях коммунисты оказывались где-то позади этого процесса. Они явно уступили пальму политического первенства Лиге и, больше того, невольно оказались в одной компании с крайне правыми бирманскими элементами, выступавшими против лондонского соглашения и особенно против АЛНС и Аун Сана. Стоит сказать, что вскоре после раскола Лиги, и особенно после лондонских переговоров, настроения правых, а также некоторых умеренных элементов в пользу оставления Бирмы в империи (статус доминиона) усилились. Сторонники доминиона образовали в Учредительном собрании маленькую, но влиятельную группу¹⁹. На них-то и могли рассчитывать английские власти, хотя с учетом реального соотношения сил «за» и «против» доминиона сторонники последних были в явном меньшинстве.

19–23 мая 1947 г., вскоре после выборов, под председательством Аун Сана состоялась конференция АЛНС, которая имела исторический характер и была фактически съездом Лиги. На конференции был обсужден и одобрен первоначальный проект новой конституции Бирмы, подготовленный специальным комитетом во главе с председателем Социалистической партии Такином Мья. Конференция началась торжественной клятвой членов Учредительного собрания от АЛНС быть верными Бирме и ее народу. Церемония клятвы происходила у огромного панно, посвященного павшим героям борьбы за свободу²⁰.

На конференции Аун Сан выступил с большой, многочасовой речью, в которой изложил свое кредо в вопросах борьбы за независимость, высказался в пользу республиканской формы правления будущего государства и заявил об отношении к проблеме доминиона. Вместе с тем Аун Сан рассматривал в своей речи более широкие проблемы — капитализма, социализма, революции, роли государства в развитии будущей свободной Бирмы и др. Эта речь была и осталась самым полным и широким изложением мировоззрения Аун Сана, его понимания проблем современной ему политики, идеологии, экономики, внешних отношений. Это делало Аун Сана выдающимся политиком и государственным деятелем страны, который решительно вел к созданию нового, независимого бирманского государства и стремился

добиться для него и его народа социального прогресса на путях, как он выразился, «новой демократии». Эта демократия еще несвободна от капитализма, но государство должно стремиться держать в руках основные средства производства и услуги. Если оно не в состоянии управлять всеми ими, они могут быть отданы в аренду капиталистам. Однако все капиталистические монополии должны быть запрещены, а помещичье землевладение — уничтожено (национализировано)²¹.

В своей речи на конференции Аун Сан призвал к всемерной поддержке Учредительного собрания. «Мы должны мобилизовать в его поддержку всю силу народных масс, ведя, с одной стороны, всевозможную политическую, организационную и экономическую подготовку, а с другой — всевозможную подготовку для установления различных отношений с Индией, Китаем, другими странами Юго-Восточной Азии; это мы должны сочетать со всевозможной подготовкой в области обороны и восстановления нашей страны объединенными усилиями правительства и народа». Прозвучали и более жесткие слова Аун Сана как предупреждение английским властям против попыток помешать Бирме на ее пути к независимости: «Если мы сумеем получить на пути мирных действий столько же, сколько на пути насилия, вы можете не сомневаться в том, что мы пойдем к свободе дорогой мира, что бы ни говорили обо мне или об этом пути. Но если единственным путем к свободе явится путь насилия, мы им пойдем»²².

В принятой конференцией АЛНС резолюции содержались два фундаментальных принципа будущего устройства Бирмы. В ней говорилось прежде всего о «твердой и торжественной решимости объявить Бирму независимой суверенной республикой». Это означало, что будущая Бирма не видит себя в составе Британской империи или Содружества, главой которых являлся английский монарх. Второй фундаментальный момент проекта состоял в том, что сохранялось государственное единство Бирмы (то есть единство «министерской Бирмы» и «пограничных районов»). Многие положения резолюции после дальнейших обсуждений вошли впоследствии в конституцию Бирманского Союза. Решения конференции, названные «директивой о независимости», а также рассмотренный конференцией проект конституции были переданы для дальнейшего обсуждения в Учредительное собрание²³.

Первая сессия Учредительного собрания открылась 9 июня 1947 г. Председателем его был избран вице-президент АЛНС Такин Ну, ставший на дополнительных выборах (после смерти одного из депутатов) также членом Учредительного собрания. В честь открытия сессии

в Рангуне состоялась 50-тысячная демонстрация. На сессии присутствовали все депутаты Собрания, за исключением представителей княжеств Каренни (Кая), еще сомневавшихся в том, какой путь избрать.

16 июня Учредительное собрание единодушно приняло «резолюцию о независимости» из 7 пунктов, выдвинутую Аун Саном и составленную на основе майских решений АЛНС. За резолюцию голосовали также коммунисты и представители «пограничных районов». Эта резолюция и стала проектом новой конституции Бирмы²⁴. Аун Сан заявил, что окончательная выработка конституции будет завершена в сентябре 1947 г. и предложил приступить к переговорам с английским правительством о передаче власти на базе решения Учредительного собрания. «Если передача власти не будет произведена мирным путем, посредством переговоров, — подчеркнул Аун Сан, — то мы прибегнем к другим средствам»²⁵.

Сессия закончилась 18 июня. Вторая сессия Учредительного собрания по конституционному вопросу состоялась 29 июля — 16 августа 1947 г. На ней был утвержден доработанный проект конституции и передан в конституционный комитет для окончательного редактирования с тем, чтобы на своей третьей сессии в сентябре 1947 г. Учредительное собрание могло его в последний раз обсудить и принять. По представлению главы правительства, которым стал Такин Ну, Учредительное собрание приняло новую конституцию — конституцию «суверенной независимой республики под названием Бирманский Союз»²⁶. Новая конституция 4 января 1948 г. была окончательно утверждена бирманским временным парламентом, как стало отныне называться прежнее Учредительное собрание.

5. Доминион или все же независимость: борьба вокруг статуса Бирмы в 1947 г.

Идея самоуправляющегося доминиона, члена Британской империи или (после Первой мировой войны) Британского Содружества Наций оживилась в 20–30-е гг. XX в. В 1926 г. и 1931 г. были проведены имперские конференции, которые привели в 1931 г. к принятию «Вестминстерского статута», который стал юридическим оформлением нового статуса доминиона в империи (Содружестве). Он предоставлял доминионам полную самостоятельность во внутренней и внешней политике, констатировал их равенство с Великобританией (тогда были

только «белые» доминионы), давал право создавать свой дипломатический корпус и быть представленными в Лиге Наций²⁷.

После Второй мировой войны проблема статуса доминиона, как и самой Британской империи (Содружества), претерпела дальнейшие изменения, приведя к появлению «небелых» доминионов, а в целом — к подрыву и краху империи. Здесь центральную роль сыграло превращение Британской Индии в два доминиона — Индию и Пакистан — а затем их провозглашение независимыми республиками, что взорвало прежнюю систему главенства в Содружестве и в каждом доминионе английского монарха. Параллельно с трансформацией Индии и Пакистана в доминионы, а затем и в республики английское правительство прилагало настойчивые усилия, чтобы на этом «индийском фоне» направить освободительное движение в Бирме также в русло доминиона, чтобы сохранить с ней (как и с Индией) возможно более широкие связи. С этой целью и была Бирме в 1945 г. навязана «Белая книга». Но идея доминиона была в целом отрицательно воспринята в Бирме и в конце концов отвергнута. В отличие от Индии, Бирма сразу же вышла из империи (Содружества), по конституции провозгласив себя республикой.

Но, так или иначе, до конца 1947 г. вопрос о доминионе как бы висел над политической жизнью Бирмы. Основное давление «за» доминион исходило, конечно, от самой Англии. Выше говорилось, что из старых бирманских политиков сформировалась группа сторонников доминиона. Но не они определяли дело. Большинство руководства АЛНС, а потом и Учредительного собрания выступало за независимую Бирму, против статуса доминиона и за выход из империи (Содружества). Идти против такого большинства было трудно. Губернатор Бирмы Ранс писал позже, что вице-президент АЛНС Такин Ну говорил Аун Сану о практической невозможности принять решение в пользу доминиона. Он сказал при этом, что «любая попытка принять статус доминиона расколел АЛНС, усилит коммунистов Тан Туна... а возможно, приведет к падению Лиги»²⁸ (напомним, что компартия почти всегда высказывалась против статуса доминиона).

Выше говорилось о том, что АЛНС и ее лидеры после I съезда Лиги постоянно выступали против предлагаемого Бирме статуса доминиона и требовали полной независимости страны. На конференции АЛНС 23 мая 1947 г. этот тезис Аун Сан развернул подробнее. Он сказал, обращаясь к делегатам: «Есть один вопрос, который не должен вызвать никакой путаницы, это — вопрос о том, решит ли АЛНС

в пользу полной независимости или статуса доминиона. Первый съезд АЛНС, который был до настоящего времени единственным съездом такого рода, высказался только за полную независимость и отверг любую форму доминиона. Ввиду столь ясной резолюции, принятой столь авторитетным органом, мы не можем вновь открывать вопрос, каковы бы ни могли быть сравнительные достоинства этого вопроса...» Правда, в завершение темы Аун Сан добавил: «Но если мы станем независимой суверенной нацией, то это будет другой вопрос, вопрос о вступлении Бирмы в члены Содружества суверенных наций. Сейчас же, когда Бирма еще вырабатывает свою конституцию, этот вопрос преждевременен. Я должен отложить его рассмотрение на более поздний срок»²⁹.

Однако процитированная выше мысль Аун Сана о возможности в определенных условиях вхождения Бирмы в «Содружество суверенных наций» так и осталась сугубо теоретической посылкой, не получившей какого-либо практического развития, ибо вариант с доминионом в Бирме явно «не проходил» ни перед 1948 г., ни после достижения независимости.

Та же судьба постигла и несколько отличный проект вице-президента АЛНС Такина Ну по поводу решения бирманской проблемы. Он считал, что Бирма и Англия сначала должны были подписать договор о передаче власти Бирме, то есть о превращении Бирмы на какой-то короткий срок в доминион (по типу Индии), как мостик к независимости, или же провозглашении ее полностью независимой. После этого английское правительство должно было созвать конференцию доминионов и колоний, становящихся доминионами или независимыми, и на этой конференции создать «федерацию», членами которой стали бы страны, вроде Бирмы, и суверенные нации без потери своей независимости. То есть статус доминиона для Бирмы Такин Ну рассматривал как временный переход на пути превращения ее в независимое государство, входящее затем в новое равноправное Содружество наций («федерацию») ³⁰.

Вряд ли стоит подчеркивать, что английские власти в 1947 г. никак не были заинтересованы в планах Такина Ну о создании новой «федерации», когда на глазах рушилась Британская империя, прежде всего с превращением Индии и Пакистана в доминионы (а затем в независимые республики). К тому же вряд ли кто в английской метрополии знал тогда точно, что нужно в этих условиях дальше делать с империей или

ее остатками. Неудивительно, что переговоры Такина Ну с английским правительством окончились безрезультатно.

Неудача переговоров Такина Ну с англичанами по бирманскому вопросу предопределялась не только крупными внешними факторами развала Британской империи в связи с приобретением статуса доминиона Индией и Пакистаном, самых крупных и населенных стран империи, но и позицией самой Бирмы получить полную независимость и тем самым покинуть империю. Англии были в конце концов не нужны такие «исчезающие» партнеры — члены империи, на которых нельзя было положиться. Но надо сказать, что не только в Англии, но и в самой Бирме переговоры Такина Ну с метрополией по вопросу статуса Бирмы особого внимания и интереса не вызывали. На взгляды Такина Ну на этот счет смотрели скорее всего как на навязчивую идею уважаемого человека со своими причудами и налетом идеализма.

Можно задать вопрос, каковы могли быть позитивные аргументы у бирманских сторонников доминиона или тех, кто имел сомнения на этот счет? Возможно, что отчасти были правы те, кто считал, что, если бы Бирма в статусе нового доминиона или полной независимости сохранила связи и место в Содружестве, это могло быть ей полезно, выгодно и дешевле в плане усилий по восстановлению страны после страшных разрушений военных лет и особенно в связи с проблемами модернизации страны и общества, решение которых в изоляции очень затруднено. В этом смысле участие Бирмы в Содружестве наций, где была создана известная система взаимосвязей, взаимопомощи и поддержки одних членов другими, более экономически развитыми, могло быть для нее одним из факторов ускорения восстановления и развития и, во всяком случае — стабилизации положения в нестабильной стране. Можно предположить гипотетически, что, если бы вопрос о независимости Бирмы и Содружестве решался на несколько лет позднее, когда Индия и Пакистан объявляли себя суверенными республиками и остались в Содружестве наций, тот же вариант с независимостью и участием в Содружестве мог иметь место и с Бирмой. Ведь нельзя забывать, что Содружество наций в послеимперский период — это действительно добровольная и независимая международная ассоциация (или, как называют некоторые, «клуб», сложившийся исторически) и в этой ассоциации-клубе каждый участник сохраняет полный суверенитет.

Но все это относится к области гипотез, которые касаются времени, которое для Бирмы в 1947 г. так и не наступило. Для бирманского

народа главное тогда было получить полную независимость и порвать с империей. Это ему и удалось: независимость стала историческим достижением страны. Неучастие в Содружестве наций было, скорее всего, минусом для Бирмы, который осложнил ее политическую и социально-экономическую стабильность после достижения независимости. В последнем случае сыграли свою роль изоляционистские настроения, вытекавшие во многом из буддизма с его индивидуалистическими установками.

По нашему мнению, уникальный случай с достижением Бирмой независимости и разрывом с империей (Содружеством) имеет две основные подоплеки: а) непреклонное стремление Бирмы добиться полной независимости и выйти из империи; б) сочетание во времени процесса борьбы за освобождение Бирмы с аналогичным, но куда более грандиозным по масштабам процессом в Британской Индии, причем события в Индии, с одной стороны, вдохновляли бирманцев на борьбу, а с другой стороны, как бы заслонили столь же радикальные события в сравнительно малой Бирме. То есть Бирма, опираясь на свою волю к освобождению от Англии и на поддержку, которую она черпала в борьбе индийского народа, смогла, как она сама хотела, добиться полной государственной независимости и избежать связи с империей или Содружеством, которые она даже в новых условиях распада колониализма считала для себя бременем и, вероятно, угрозой новой зависимости. Правда, с этим можно и не соглашаться, тем более что бремя и угрозы новой зависимости после достижения ею свободы пришли к Бирме совсем из других стран.

Что касается позиции британских властей в сложнейшей для них обстановке «бунтующих» Индии и Бирмы, то они все свое основное внимание в 1946–1947 гг. уделили урегулированию в Индии, а Бирма при всей своей важности была для них на втором плане. Во второй половине 1947 г., уже после раздела Индии на доминионы, столкнувшись с твердым требованием бирманцев провозгласить полную независимость, Англия была вынуждена, так сказать, «махнуть рукой» на Бирму и согласиться на «уход» из нее (ведь из Индии в августе 1947 г. «ушли»!), полную независимость и отказ от участия в Содружестве. Тем самым и с английской стороны проблема доминиона для Бирмы была «снята историей» и, отпав как таковая, более всерьез не возникала.

6. Политические убийства в Рангуне и новое обострение положения в стране

Во второй половине июня 1947 г. в соответствии с решением Учредительного собрания в Лондон была направлена миссия доброй воли во главе с Такином Ну, председателем собрания и вице-президентом АЛНС. Миссия прибыла в Лондон 23 июня. 27 июня АЛНС выступила с официальным заявлением, в котором говорилось, что «конечной целью Бирмы является полная независимость вне Британского Содружества» и что в задачу миссии входит «получение статуса доминиона для нынешнего переходного правительства Бирмы» (то есть Исполнительного совета)³¹. Со своей стороны правящие круги Англии, как сообщала английская печать, пытались во время переговоров сделать решающую попытку оставить Бирму в империи³².

Лондонские переговоры формально завершились 2 июля без принятия какого-либо согласованного решения, и Такин Ну отбыл в Рангун для доклада Исполнительному совету и руководству АЛНС. Было ясно, что английское правительство тогда еще отказывалось пойти на удовлетворение этих требований бирманской стороны. Переговоры между метрополией и лидерами Бирмы должны были быть продолжены и неофициально продолжались. Результаты их стали известны уже после трагических событий, происшедших в Бирме 19 июля 1947 г.

В тот день в Рангуне было совершено беспрецедентное политическое преступление. Утром 19 июля группа вооруженных автоматами неизвестных людей подъехала на машине к зданию Секретариата, где происходило очередное заседание Исполнительного совета, сняла небольшую охрану и, ворвавшись в зал заседаний, в упор расстреляла членов совета. Наповал были убиты Аун Сан, Такин Мья, У Ба Вин (старший брат Аун Сана), Абдул Разак, Манн Ба Кайн. У Ба Чо и князь Монбуна позднее умерли от полученных ран.

Таким образом, за несколько мгновений были физически уничтожены ведущие члены совета и лидеры основных политических организаций Бирмы. Страна была буквально обезглавлена. Неслыханное по масштабу и наглости политическое убийство потрясло Бирму и поразило мир: жертвой убийств пали не отдельный министр или лидер, а почти все члены тогдашнего правительства.

Полиции без труда удалось установить, что убийцы скрывались в доме лидера партии «Мьочи» У Со. В тот же день здесь обнаружили наспех перекрашенную машину, которой пользовались преступники.

Ее номер и оружие убийц извлекли со дна соседнего озера. У Со и его наемников сразу арестовали³³. Всего было арестовано несколько сот человек, главным образом члены правых оппозиционных партий «Мьочи» и «Добама», но и некоторые английские военные.

Следствие и суд неопровержимо доказали, что заговор и убийство членов правительства АЛНС были организованы и осуществлены группой У Со под его прямым руководством. Заговор готовился в течение месяца. В июне–июле 1947 г. заговорщики по поддельному заказу приобрели большое количество английского армейского оружия. Решение об уничтожении Аун Сана было принято 15 июля. Обвинение в убийстве было официально предъявлено У Со в конце сентября 1947 г. В декабре того же года бирманский суд вынес У Со смертный приговор. В мае 1948 г. он был повешен.

Основные детали событий и объяснение политических и личных мотивов действий У Со изложены в ряде работ бирманских, западных и отечественных исследований Бирмы³⁴.

Автор данной книги разделяет многие положения и акценты разных бирманистов, с симпатией относившихся к борьбе Бирмы за свободу. Одни выводы и оценки в этих работах сделаны по горячим следам, другие — на некотором отдалении от событий. Но при этом автор полагает, что убийство Аун Сана и вся политико-персональная ситуация вокруг этого события остаются делом достаточно запутанным, невыясненным до конца, скорее всего потому, что эта тема затрагивала чувствительные государственные интересы и интересы личностей двух стран — Англии и Бирмы*.

У Со, один из богатейших бирманцев, рвался к власти на протяжении всей своей политической жизни, не брезгуя никакими средствами. Это был по складу политический авантюрист и весьма грязная фигура в нравственном отношении. В водовороте политической борьбы, развернувшейся в Бирме в 1946–1947 гг., когда страна находилась накануне изменения своего статуса, У Со удвоил усилия, чтобы вновь выйти на авансцену и стать главным контрагентом колониальных властей³⁵. Но на его пути стояло возросшее и организованное

* Десятилетия, прошедшие после события 19 июля 1947 г., как бы «заштриховали» историю, отодвинули ее далекое прошлое, ослабили интерес к ней и живую когда-то связь с острейшим периодом в истории Бирмы, с финалом борьбы за ее независимость. История «передала» все тогдашнее трагическое дело в долгий ящик различных архивов. Можно предположить, что эта тема возникнет вновь в историографии к 100-летию гибели Аун Сана.

массовое патриотическое движение и АЛНС во главе с Аун Саном. Лейбористское правительство было вынуждено в 1947 г. признать политическое главенство Лиги и искать с ней соглашение. Шансы У Со все более падали. Не помогли ему и попытки борьбы против Лиги со лжепатриотических позиций, попытки обвинить ее в соглашательстве. Летом 1947 г. стало очевидно, что власть в стране будет передана в той или иной форме именно в руки руководства АЛНС, а У Со и его группа будут ходом обстоятельств отброшены в сторону.

Напомним, что английские колониальные власти сами доставили У Со в начале 1946 г. в Бирму из мест его заключения в Африке скорее всего для того, чтобы укрепить силы правых в стране против набиравшей популярность АЛНС. С довоенных лет У Со имел репутацию противника демократических сил Бирмы, которые он преследовал в полной «гармонии» с колонизаторами. У Со, как заявил в английской палате общин в 1945 г. лейборист Томас Драйберг, находился «в очень большом фаворе у высших должностных британских лиц в Бирме», рассматривавших его в качестве «сильной личности»³⁶. Уже говорилось об узах, которые связывали У Со с губернатором Бирмы Дорман-Смитом еще с довоенных пор, когда первый был колониальным премьером (1940–1941 гг.). Вскоре после возвращения из ссылки У Со был введен в Исполнительный совет. Во время лондонских переговоров в январе 1947 г. У Со и Такина Ба Сейна, отказавшихся подписать соглашение «Аун Сан — Эттли», обхаживали реакционные консервативные деятели Британии, среди которых был и тогда уже отставной губернатор Бирмы. У Со публично заявлял, что Аун Сан долго не удержится и что он, У Со, «ждет удобного момента»³⁷.

13 июля Аун Сан в публичном выступлении еще раз повторил требование полной независимости Бирмы и отверг вариант со статусом доминиона³⁸. Когда У Со увидел, что все его попытки вырваться вперед рухнули, он решил уничтожить Аун Сана, своего главного противника, и других лидеров АЛНС в расчете на то, что после акции с расстрелом тогдашнего правительства, в наступившем политико-психологическом хаосе он получит приглашение английского губернатора стать во главе нового Исполнительного совета (как-никак он был до войны колониальным премьер-министром), а следы убийства будут замечены. Одновременно У Со планировал организовать восстания против Лиги и в районах.

Но такой финал для У Со не получился. Его авантюризм, наглость, непринятие освободительного национального процесса в Бирме и целей последнего подвели его, и он кончил жизнь на виселице.

Все же возникает вопрос, как могло произойти злодеяние, организованное У Со, и кто за него несет ответственность — конкретную политическую и перед историей?

В преступлении 19 июля 1947 г. обращают на себя внимание два обстоятельства, которые в какой-то мере раскрывают его внутренний механизм. Во-первых, это то, что оружием У Со снабжали из английских военных складов английские военные — по меньшей мере, капитан Вивиан и майор Янг. То есть были личные связи У Со с некоторыми «нужными» англичанами, занимавшимися поставками оружия. В данном случае продажа оружия оформлялась по фальшивым документам (якобы для нужд полиции). Получается, что эти английские «оружейники» действовали против мирного переговорного курса, которым официально шло в 1947 г. английское лейбористское правительство в своих отношениях с АЛНС и Аун Саном. Во-вторых, изучение материалов преступления, проведенное У Маун Мауном по архивным данным много позже, привело его к более широкому выводу. В своей книге он пишет: «При расследовании преступления почти сразу же после его совершения стала очевидным серьезная вовлеченность местного британского военного персонала как на низшем уровне, так и, возможно, на уровне штабов командования, если не официальные санкции более высокого уровня, чем военное командование Бирмы и наземные силы зоны Юго-Восточной Азии»³⁹.

Автор цитаты выражается в отношении персонала «высокого уровня» довольно осторожно, но политически его мысль вполне определена: были английские круги разного уровня, которые занимали, что касается АЛНС и Аун Сана, антибирманскую позицию. Роль одних представителей метрополии была активной, других — пассивной или выжидательной. Характерно, что высокие чины, особенно в английской армии, включая известного английского фельдмаршала Монтгомери («Монти»)*, сильно постарались, чтобы выгородить

* В этом случае, что касается отношения к Аун Сану, Монтгомери был явным «антагонистом» упоминавшегося уже не раз лорда Маунтбэттена, который хотя бы в тактическом смысле симпатизировал Аун Сану. Для Монтгомери и некоторых других английских военных и политиков Аун Сан был и оставался «предателем», став в 1941–1944 гг. на путь сотрудничества с японцами.

английскую армию в целом и свести дело к участию двух офицеров, которые, правда, были отданы под суд и осуждены за связи с У Со, а остальных, так или иначе замешанных в событиях, освободить от расследований, перевести в другую страну и на другие посты, и тем самым замять дело. Факты свидетельствовали определенно о вовлеченности «английского персонала» в июльскую трагедию в Бирме прежде всего в вопросе снабжения оружием заговорщиков и убийц. Но не только. Имелась и едва прикрытая, но выходившая наружу явная политическая подоплека всего дела, которая с английской стороны всемерно отбрасывалась, приуменьшалась и искажалась.

* * *

О продаже группе У Со английского оружия было известно заранее. Мер против этого принято не было (сознательно, по халатности или из-за личной выгоды продавцов оружия — неизвестно). Более того, если бы система связи и информация звеньев английской тогда еще власти работала честно и ответственно, убийства можно было даже предотвратить. Но этой четкости и ответственности проявлено не было. Можно говорить даже о преступной задержке информации, когда важные сведения о продаже оружия группе У Со и заговоре пролежали несколько дней без движения в кабинете английского майора и не были доведены до сведения высших английских властей в Бирме⁴⁰.

Вице-президент АЛНС Такин Ну, согласно сообщению агентства Рейтер от 23 июля 1947 г., заявил, что о подготовке покушения было известно еще до совершения убийств. Однако никаких мер не последовало, даже охрана здания Секретариата не была усилена. Члены Исполнительного совета всерьез не охранялись.

Все это говорит о том, что подспудные колониальные элементы, имевшие влияние и власть, были политически заинтересованы в У Со, оберегали заговорщиков, открывая им путь для прямых действий. Это не могло не окрылять У Со и позволило ему осуществить злодейский замысел. Упоминавшийся левый лейборист Драйберг, сочувственно относившийся к борьбе бирманцев за свободу, счел необходимым подчеркнуть в своем выступлении в палате общин 21 июля 1947 г., что «моральная вина за убийства лежит, возможно, в меньшей степени на жестоких убийцах в Рангуне, чем на самодовольных консервативных джентльменах в Англии, которые подстрекали У Со к предательству и саботажу»⁴¹. В резолюции ЦК компартии Бирмы от 30 июля 1947 г. (в дни, когда убийство Аун Сана привело к потеплению отношений

КПБ с АЛНС) говорилось резко о том, что «фашистский переворот» в Бирме «определенно готовился консервативными кругами империализма» и что заговор осуществляется местной реакцией в сообщничестве с британскими военными, бюрократами и монополистами⁴².

В любом случае английская сторона не хотела принимать на себя ответственность за июльскую трагедию 1947 г.

Как же в целом можно себе представить логику и поведение английских властей перед лицом этой трагедии и ее последствий? По-видимому, правильное всего исходить из того, что английские правящие круги в дни летнего кризиса в Бирме были расколоты и потеряны. Надо помнить о том, что часть верхов была консерваторами, рьяными колониалистами, а другая часть, связанная с правящей лейбористской партией — занимала умеренные позиции в отношении Бирмы, выступала за переговоры с Аун Саном и его соратниками и преемниками с учетом общих требований АЛНС и с надеждой (почти призрачной), что еще, может быть, удастся удержать Бирму в статусе доминиона (как конечную цель). Кое-кто из консерваторов радовался устранению Аун Сана. Умеренные же лейбористы и прогрессисты после гибели Аун Сана опасались того, что хрупкая конструкция переговоров Англии с АЛНС, с таким трудом, противоречиями и компромиссами выстроенная в 1947 г. и уже нацеленная на достижение англо-бирманского финального урегулирования, может рухнуть, и тогда наступит период опасной неопределенности и непредсказуемости ближайших и отдаленных последствий. Ведь можно было ожидать хаоса, восстания, государственного раскола Бирмы, тупика в бирмано-английских отношениях и, возможно, даже разрыва между Бирмой и Англией.

* * *

Убийство Аун Сана вызвало в Бирме всенародное возмущение. Англичане опасались восстания, антианглийских погромов и, со своей стороны, угрожали срывом дальнейших переговоров о независимости, если бирманское руководство не сможет предотвратить эти погромы. Этот срыв был бы опасен как для английских властей (неопределенность положения и перспективы), так и для бирманцев. Ведь главной ставкой переговоров для бирманцев была независимость Бирмы и ее будущее.

Утрата Аун Сана была особенно чувствительна для Бирмы. Он был наиболее авторитетным, популярным и широко мыслящим

лидером левоцентристской ориентации. Он прожил всего 32 года, но успел за свою короткую жизнь, особенно политически интенсивную в 1945 г. — первой половине 1947 г., стать по праву архитектором независимости Бирмы. Поэтому после смерти он был провозглашен национальным героем Бирмы, память о котором чтит весь народ, все честные граждане страны. День 19 июля ежегодно отмечается в Бирме как «день мучеников».

Убийство Аун Сана и других лидеров АЛНС вызвало дальнейший подъем борьбы за независимость Бирмы, способствовало сплочению всех патриотических сил в едином порыве покончить как можно скорее с английским господством. Похороны Аун Сана 20 июля вылились в грандиозную политическую демонстрацию, в которой приняло участие 100 тыс. человек. Вся страна готовилась к решительным выступлениям против колонизаторов: профсоюзы, крестьянские организации, средние слои объявляли забастовку или «дни борьбы».

* * *

Трагические события 1947 г., связанные с убийством Аун Сана, оставили большое темное пятно на политике английских властей в Бирме на решающем отрезке ее борьбы за независимость. Время безостановочно течет, заслоняя прошлые события, и это пятно может временно уйти из памяти. Но только временно, не совсем. Когда невольно память все же возвращает нас к этим событиям, это пятно вновь оживает в сознании, и вновь и вновь поражаешься тому, что тогдашние английские власти могли предотвратить это преступление. Могли, но не сделали этого. Что-то было не так, очень не так. То, что английские власти во второй половине 1947 г. все же сдержали свое обещание признать Бирму независимой с выходом из империи, частично их прощает. Но только частично. Предоставление Бирме независимости все равно было неизбежным. Но темное пятно от 19 июля 1947 г. все равно сохраняется в истории бирмано-английских отношений и из истории выпасть не может.

7. Соглашение Ну — Эттли и образование временного национального правительства

Каковы бы ни были расчеты бирманских реакционеров и крайних колониалистских сил, убийство лидеров АЛНС не улучшило,

а ухудшило положение Англии в Бирме. В создавшихся новых условиях лейбористскому правительству, хотя и не сразу, пришлось пойти на решающие уступки Бирме.

20 июля английский губернатор Ранс обратился к Такину Ну, старшему соратнику Аун Сана по антиимпериалистической борьбе с 30-х гг., с просьбой сформировать и возглавить новый Исполнительный совет. Такин Ну, вице-президент АЛНС, вскоре избранный ее главой — президентом, и одновременно председатель Учредительного собрания, принял это предложение. В течение 20–21 июля совет был создан. В него вошло большинство оставшихся в живых членов предыдущего совета, включая социалиста У Чжо Ньейна и У Тин У. Среди новых членов были Бо Ле Я, социалист Такин Тин, У Мья из Хензады, шанский князь Сао Кун Чо и др.⁴³

В первые дни 20-х чисел июля наметился парадоксальный на первый взгляд поворот в политике Англии в отношении Бирмы. 21 июля, на третий день после убийств, английский премьер-министр Клемент Эттли сообщил в Палате общин, что Бирма не является доминионом и британские войска в Бирме, находящиеся под контролем английского губернатора, «несут ответственность за поддержание внутренней безопасности и порядка». К. Эттли, следовательно, рассматривал Бирму как колонию со всеми вытекающими из этого последствиями⁴⁴. Но уже 24 июля, вновь выступив в Палате общин, Эттли заявил нечто противоположное, что можно назвать началом решающего поворота в английской политике в отношении Бирмы. Он сказал, что имевшие место переговоры между Англией и бирманскими лидерами касались «передачи власти в Бирме» и будущих англо-бирманских отношений. Стороны решили предпринять немедленные шаги для обмена миссиями в целях достижения временного соглашения об обороне, финансах, гражданстве, торговых отношениях и договорных обязательствах между двумя странами в связи с передачей власти. «Предварительные заключения» по этим вопросам должны быть сделаны по возможности ко времени завершения Учредительным собранием работы по составлению новой конституции Бирмы. Английское правительство обещало также внести на рассмотрение следующей сессии британского парламента (осенью 1947 г.) законодательные предложения по поводу передачи власти и стремиться привести их через парламент как можно скорее. Что касается будущих отношений между Бирмой и Англией, если окончательным решением Учредительного собрания будет решение о независимости Бирмы с выходом из империи, то целью «обеих стран

будет поддержание самых сердечных отношений» и принятие «всех возможных мер» в этом направлении⁴⁵.

Подчеркнем, что именно независимость с выходом Бирмы из империи было главным требованием бирманского руководства с конца 1946 г., и теперь Англия заявляла, что готова его удовлетворить. Это было, конечно, пока самой важной политической уступкой Лондона. Но и это было не все.

Английское правительство заявило также, что пока, до передачи власти, оно соглашалось на превращение нынешнего Исполнительного совета во временное правительство Бирмы. Глава совета становился премьер-министром, а члены — министрами⁴⁶. По существу, последнее означало, что Бирма получала статус доминиона (в этом смысле Лондон следовал своей политике в Индии, тоже получившей статус доминиона, то есть Бирма начинала «догонять» Индию, боясь все время отстать от нее именно по государственному статусу). 2 августа 1947 г. в Бирме был сформирован первый кабинет, ставший уже временным национальным правительством Бирмы на правах правительства доминиона.

Это произошло примерно за две недели до провозглашения Индии и Пакистана доминионами. Что касается Бирмы, то здесь надо подчеркнуть, что в плане требований бирманской стороны статус доминиона не был конечным требованием, он воспринимался ею как временный переходный статус до провозглашения страной независимости по готовившейся Учредительным собранием конституции независимой Бирмы. Другой вопрос, что английская сторона, соглашаясь в принципе на независимость Бирмы, надеялась в оставшееся время уговорить ее остаться в империи на положении доминиона, как это сделали некоторые другие колонии Англии.

Содержание нового англо-бирманского соглашения, как об этом было сообщено в заявлении Эттли 24 июля, свидетельствовало о дальнейшем отступлении английского колониализма из Бирмы. Англии вновь пришлось признать суверенность Учредительного собрания, его правомочность решать вопрос о выходе или оставлении страны в империи; Англия была вынуждена дать обещание о передаче власти в Бирме к определенной дате и согласиться на создание временного национального правительства.

После заявления от 24 июля правящие круги Англии могли действовать лишь в двух направлениях: или попытаться удержать Бирму на положении доминиона, статус которого она фактически получала

уже на том этапе, или добиваться каких-то наиболее выгодных для себя условий «ухода» в случае признания полной независимости Бирмы.

29 июля 1947 г. открылась вторая сессия Учредительного собрания, которая работала до 16 августа. На ней был утвержден проект конституции Бирманского Союза. В основе его лежала резолюция первой сессии Учредительного собрания, предложенная Аун Саном. Утвержденный проект был направлен в конституционный комитет для окончательного редактирования, с тем чтобы в сентябре 1947 г. Учредительное собрание на своей третьей сессии могло в последний раз обсудить его и принять. Новым председателем Учредительного собрания вместо Такина Ну был избран шанский князь Сао Шуэ Тай.

Премьер-министром первого национального правительства Бирмы на правах правительства доминиона стал Такин Ну, его заместителем и министром обороны — Бо Ле Я, министром иностранных дел — У Тин Ту, министром внутренних дел — У Чжо Ньейн. Министерские посты получили также другие члены последнего Исполнительного совета. Большинство портфелей в новом кабинете принадлежало лидерам АЛНС и Социалистической партии.

В обстановке, сложившейся после убийства Аун Сана и заключения соглашения Ну — Эттли, компартия Бирмы приняла решение изменить свою прежнюю тактику⁴⁷. ЦК КПБ вновь поднял вопрос о восстановлении единства с АЛНС, а также пересмотрел свое отношение к правительству Бирмы. «Если мы не изменим нашей тактической линии и будем продолжать действовать по-прежнему, сектантски, — говорилось в резолюции ЦК от 30 июля, — имеется реальная опасность, что не только наша партия будет полностью раздавлена, но и все национальное движение будет подорвано...» В резолюции ставился вопрос об участии коммунистов в новом правительстве.

По инициативе коммунистов начались были новые переговоры компартии с руководством АЛНС. Состоялись встречи лидеров обеих сторон⁴⁸. Компартия согласилась с тем, чтобы, войдя в Лигу, не критиковать ее извне⁴⁹. Центральным вопросом переговоров было создание коалиционного правительства на период до провозглашения независимости⁵⁰. Лидеры АЛНС и КПБ совершили совместные поездки по районам в целях пресечения террористической деятельности, усилившейся в Бирме в то время.

Но переговоры затягивались, вопрос о вступлении компартии в АЛНС оставался открытым. Взаимные подозрения, уменьшившиеся было в начале переговоров, все же сохранялись и в последующие

недели возросли. Руководство АЛНС обвиняло коммунистов в том, что, публично осуждая терроризм, они тайно рекомендуют своим сторонникам не сдавать оружие и способствуют беспорядкам в стране⁵¹. У коммунистов же усиливались подозрения в отношении позиции Лиги на начавшихся англо-бирманских переговорах об условиях передачи власти.

8. Англо-бирманские переговоры об условиях передачи власти в Бирме и принятие конституции Бирманского Союза

Переговоры об условиях передачи власти в Бирме проходили секретно то в Рангуне, то в Лондоне, велись различными полномочными миссиями и растянулись на три месяца — с августа по октябрь 1947 г. Начались они в Рангуне во второй половине августа с переговоров по военным вопросам. 29 августа министр обороны Бирмы Бо Ле Я и заместитель министра обороны Англии Д. Фримен подписали «соглашение об обороне», текст которого был опубликован только в октябре как составная часть общего англо-бирманского договора.

Начало переговоров о передаче власти в Бирме свидетельствовало о том, что надежды английских правящих кругов на оставление Бирмы в империи рухнули. Лондонская «Таймс» в редакционной статье от начала сентября писала: «Многие бирманские лидеры пришли к тому мнению, что их страна получила бы наиболее прочные преимущества, оставаясь в Содружестве, но пропаганда в пользу юридически оформленной независимости зашла слишком далеко, чтобы можно было повернуть назад»⁵².

1 сентября 1947 г. в Бирму прибыла английская миссия во главе с лордом Листоуэллом для обсуждения дальнейших мероприятий по передаче власти. Глава миссии подтвердил, что английское правительство намеревалось осуществить эту передачу к концу 1947 г.⁵³ В печати не называли конкретные вопросы, обсуждавшиеся в ходе переговоров бирманского правительства с этой миссией. Однако было известно, что переговоры касались самых ответственных статей будущего англо-бирманского договора и форм отношений между Англией и Бирмой.

В конце сентября в Лондон была направлена для переговоров по финансовым вопросам бирманская делегация во главе с министром иностранных дел временного правительства У Тин Ту. В английской

прессе подчеркивалось, что целью этих переговоров было «устранение сомнений» английского правительства в вопросе об английской собственности в Бирме и создание «прочной основы для торговых отношений между Англией и Бирмой»⁵⁴. Результаты этих переговоров также были зафиксированы в англо-бирманском договоре о независимости Бирмы.

В период англо-бирманских переговоров, с середины по конец сентября, состоялась третья сессия Учредительного собрания. Она была созвана 15 сентября, а 24 сентября Учредительное собрание единодушно приняло новую конституцию — основной закон независимой Бирмы⁵⁵. Это был исторический день — юридического, правового рождения независимой Бирмы.

Конституция провозглашала Бирму независимой республикой под названием Бирманский Союз. Республика включала в себя всю территорию страны, находившуюся в ведении английского губернатора, в том числе протекторат Каренни (Кая). Новая конституция должна была быть утверждена бирманским парламентом. В связи с этим мы рассмотрим основные положения и черты ее в главе X настоящей работы. Сейчас же отметим только ее республиканский, парламентский, союзный по структуре страны и демократический по правовой основе характер (хотя термин «демократия» и производные от него в конституции не употреблялись)*.

Новая конституция получила широкое одобрение в Бирме. За нее голосовали и коммунисты вместе с другими депутатами Учредительного собрания.

9. Англо-бирманский договор о независимости Бирмы от 17 октября 1947 г.

Секретные переговоры между Англией и Бирмой, проходившие в августе–октябре 1947 г., привели к подписанию англо-бирманского

* Объяснить последнее затруднительно. Но этот «пропуск» являлся вряд ли простым упущением авторов конституции. Возможно, что объяснение может быть увязано с нежеланием как-то даже косвенно ассоциировать независимую Бирму с государственной системой Британии, которая внутри была демократической, а внешне — по отношению к ее бывшим заморским владениям — колонизаторской. Возможно также, что уточнение названия политической системы новой Бирмы было отложено на будущее. Однако в других документах и в политической лексике независимой Бирмы термин «демократия» широко применялся, и, как правило, в положительном смысле.

договора о независимости Бирмы⁵⁶. Он был подписан 17 октября в Лондоне Клементом Эттли — с английской стороны и Такином Ну — с бирманской как главами правительств и подлежал ратификации английским парламентом и временным парламентом Бирмы.

Таким образом, Англии пришлось принять «вариант независимости», как того и добивались освободительные силы Бирмы.

Английская буржуазия, наиболее старая и опытная «колониальная» буржуазия, поняла, что для сохранения в Бирме своего влияния (а она, несмотря ни на что, не переставала стремиться к этому) ей нужно отступить мирно, договорившись с лидерами бирманского национального движения⁵⁷. В этом английские правящие круги проявили политическую гибкость и до известной степени широту подхода, которых не хватало послевоенным правительствам Франции или Голландии. Осознав необходимость компромисса с бирманским освободительным движением, Англия должна была прежде всего пойти на признание нового независимого государственного статуса Бирмы, требование предоставления которого объединяло большинство бирманского народа и этнических меньшинств.

Первая (главная) статья договора констатировала, что английское правительство признавало «республику Бирманский Союз в качестве полностью независимого суверенного государства». Остальные статьи, несмотря на свою специфически конкретную важность, были производными, второстепенными, сопутствующими главному политическому содержанию договора.

Договор предоставлял Бирме независимость и обязывал Англию вывести из нее возможно скорее свои войска. Англия, уходя из Бирмы, сохраняла в ней некоторое ограниченное военное влияние в виде комбинированной военной миссии сроком на три года, после чего с годичным предупреждением миссия могла быть закрыта (что через несколько лет и произошло). Миссия должна была заниматься обучением бирманской армии. В военном соглашении говорилось, что Англия «согласна обеспечить» эту миссию Бирме, а Бирма «согласна ее принять от правительства Соединенного Королевства и ни от какого другого правительства вне Британского Содружества».

В статье 4 соглашения говорилось также, что посылка этой миссии в Бирму и обучение ее персоналом бирманских вооруженных сил осуществлялись «в соответствии с пожеланиями правительства Бирмы», с чем английское правительство «согласилось»⁵⁸. Нужно отметить, что бирманская армия была создана по модели британской

и в принципе британский инструктаж для нее был естественен, во всяком случае — уместным.

В договоре имелся ряд финансово-экономических и юридических статей, налагающих на Бирму некоторые обязательства. Так, Бирма обязывалась платить пенсии и компенсации британским чиновникам, служившим в Бирме (статья 5). Она должна была выплачивать так называемый «индийский долг», возникший в результате отделения Бирмы от Индии по закону 1935 г., что вытекало из статьи 2. Бирма должна была также выплачивать займы, предоставленные английским правительством правительству Бирмы на восстановление экономики (осуществление «проектов», а также на покрытие дефицита колониального правительства) (статья 6). Фиксировались также обязательства нового правительства Бирмы по контрактам своего предшественника с британскими подданными и компаниями (статья 7). В обмене нотами, приложенными к докладу, Такин Ну писал К. Эттли, что его правительство стремится, как и английское, к достижению взаимно-удовлетворительного договора о торговле и мореплавании и не будет принимать действий, наносящих ущерб существующим интересам Англии в Бирме в законном ведении бизнеса или осуществлении профессиональной деятельности; если же в Бирме будут приняты меры согласно политике государственного социализма, провозглашенной в конституции, то будут осуществлены соответствующие предварительные консультации, а в случае национализации Бирма выплатит соответствующей стороне «справедливую компенсацию» (обмен нотами № 2)⁵⁹.

Из приведенных данных виден как раз компромиссный характер договора. Четко обозначена статья о признании независимости Бирмы. В то же время достаточно ясно и то, что некоторые статьи бирманцы могли воспринимать как несправедливые или затрагивающие интересы Бирмы (платежи английским властям, принятие британской военной миссии, помехи возможной политике национализации иностранных компаний и др.).

Поэтому реакция в Бирме на англо-бирманский договор была противоречивой: Бирма добилась признания независимости, но не велика ли цена? Особо резкую критику со стороны левых сил вызвали военно-экономические положения договора.

Договор получил одобрение АЛНС и был внесен ее правительством на утверждение временного парламента Бирмы в начале января 1948 г. Такин Ну, глава Лиги и правительства, заявил, что англо-

бирманский договор «воплощает полные права, позволяющие осуществить желания бирманского народа»⁶⁰.

Компартия Бирмы начала широкую общественную кампанию против договора. Разногласия между АЛНС и КПБ в вопросе оценки этого договора привели к новому обострению отношений между ними и в конечном итоге — к разрыву переговоров о единстве (середина ноября). (Позже, как мы увидим, разногласия между ними еще более углубились и вылились в затяжную гражданскую войну.)

Генеральный секретарь ЦК КПБ заявил в ноябре 1947 г., после разрыва переговоров с Лигой, что англо-бирманский договор не дает достаточных гарантий независимости Бирмы и обвинил «правые элементы» АЛНС в нарушении национальной солидарности и служении интересам империализма. Он сказал, что «агенты империализма» пытаются удержать Бирму под иностранным господством как в военной, так и в экономической области, прикрывая это господство внешним покровом независимости⁶¹.

Критика коммунистов в адрес АЛНС свидетельствовала о том, что они начали очередной раунд демагогической риторики против правящей партии, стремясь вновь очернить ее и вырваться самим на передний план политики. Больше того, эта критика была предательской потому, что была направлена против бирманского национального временного правительства и прозвучала буквально за считанные недели до формального провозглашения Бирмой независимости, когда это правительство реально встало во главе страны как самостоятельная сила, а не как часть губернаторской администрации.

Стоит сразу же подчеркнуть, что военные статьи договора в начале 50-х гг. отпали в связи с отказом Бирмы от английской военной миссии. Что касается долгов Бирмы, то они были частично сокращены, а оставшиеся были растянуты по большим срокам. Конечно, они были все равно обременительны для слаборазвитой и разрушенной войной экономики. Но правительство Бирмы пошло на признание долгов Индии и Англии. Можно говорить о какой-то несправедливости в отношении Бирмы (с точки зрения прошлых отношений метрополии и колонии), но с финансово-юридической стороны, формально, долги Бирмы были реальны и зафиксированы, и их Бирма в течение ряда лет регулярно погашала⁶².

«Бунт леваков» против договора Бирмы с Англией был конъюнктурно-политической акцией, и ближайшая история фактически сняла с повестки дня все их возражения.

Тем временем в конце октября 1947 г. английское правительство внесло на рассмотрение парламента «Законопроект о независимости Бирмы», в котором ставился вопрос о признании государственного суверенитета Бирмы вне Британской империи. 5 ноября в Палате общин состоялось обсуждение этого законопроекта. Премьер-министр К. Эттли выразил сожаление по поводу решения Бирмы выйти из империи и выступил с обоснованием политики своего правительства в отношении Бирмы. Разъяснив основные пункты англо-бирманского договора, который, как он отметил, был подписан с учетом интересов Англии в Бирме, Эттли выразил надежду на тесные дружественные связи между двумя странами⁶³.

Как и следовало ожидать, консервативная оппозиция враждебно встретила законопроект лейбористского правительства. Черчилль, выступая в прениях первым, заявил, что в свое время необходимо было перевести британские войска в Бирму из Палестины, чтобы обеспечить «путем упорядоченных и размеренных мероприятий» передачу власти бирманскому правительству на базе доминиона. Он обрушился на бирманских лидеров, обвинив их в неспособности к самоуправлению, и утверждал, что англо-бирманский договор не обеспечивает защиты английских интересов. Заявив, что лейбористское правительство разбазаривает империю, Черчилль отверг законопроект. Бывший премьер был поддержан другими консерваторами⁶⁴.

Но лейбористы решительно отстаивали англо-бирманский договор как документ, который, предоставляя Бирме независимость, защищал интересы Англии.

Законопроект был принят большинством палаты в 288 голосов против 114⁶⁵.

После прохождения всех парламентских стадий и утверждения королем законопроект 10 декабря 1947 г. обрел силу закона. Он получил название «Акт о независимости Бирмы». В нем указывалось, что в назначенный день (он определялся Бирмой) «Бирма станет независимой страной, не составляющей часть владений Его Величества»⁶⁶.

Обсуждение англо-бирманского договора во временном бирманском парламенте состоялось в начале января 1948 г. Правительство Бирмы внесло предложение ратифицировать договор. Депутаты правящей организации (АЛНС), составлявшие подавляющее большинство, поддержали это предложение. От коммунистической фракции

выступил депутат Тан Пэ. Он приветствовал пункт англо-бирманского договора, в котором говорилось о признании независимости Бирмы, но подверг резкой критике «закабеляющие Бирму» военные и экономические положения договора. По этим причинам он рекомендовал отклонить предложение правительства о ратификации договора, а сам договор пересмотреть⁶⁷. Но предложение правительства было принято подавляющим большинством голосов. Не все депутаты согласились с условиями англо-бирманского договора, однако его главная притягательность состояла в том, что он признавал государственную независимость Бирмы.

Официальное провозглашение независимости Бирмы произошло 4 января 1948 г. Это стало началом новой исторической эпохи для Бирмы и ее народа.

ПАРЛАМЕНТСКИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ БИРМЫ (1948 г. — НАЧАЛО МАРТА 1962 г.)

1. Провозглашение независимости Бирманского Союза

Выбор времени провозглашения независимости Бирмы был неслучайным. Дату и часы этого события определили астрологи — 4 января 1948 г., в 4 часа 20 минут утра.

Независимость Бирмы (Бирманского Союза — по новой конституции страны) была торжественно провозглашена в Рангуне у правительственной резиденции с опусканием английского и поднятием бирманского флага, а также возле священной пагоды Швэдагоун, где собрались большие толпы народа. На церемонии присутствовали шанский князь Сао Швэ Тай, ставший первым президентом Бирманского Союза, и последний английский губернатор Бирмы Х. Ранс. Экс-губернатор вскоре удалился, чтобы навсегда покинуть страну. На церемонии также присутствовали руководители компартии Бирмы. Английские войска прошли на церемонии маршем прощания с тем, чтобы потом эвакуироваться из страны, согласно военному соглашению двух правительств. Вообще, передача власти в Бирме базировалась на достаточно четких правовых англо-бирманских документах. Главным был англо-бирманский договор от 17 октября 1947 г. о признании независимости Бирмы¹.

Тогда же, 4 января 1948 г., состоялось торжественное заседание «временного парламента», как теперь стало именоваться Учредительное собрание (до первых выборов). На нем был ратифицирован англо-бирманский договор о независимости с соглашениями об обороне и финансах (255 голосов против 7). Первым президентом страны (пока тоже «временным») стал упомянутый Сао Швэ Тай. Первым премьер-министром независимой Бирмы был избран Такин Ну, президент АЛНС и глава прежнего переходного правительства. Правительство Бирманского Союза было сформировано в основном из уже известных ранее деятелей АЛНС, включавшей в себя социалистическую партию и представителей малых народов страны.

В тот же день новое бирманское правительство опубликовало Декларацию независимости Бирмы с поздравлением бирманскому народу по поводу этой исторической даты. В Декларации подчеркивалось, что «полная свобода является нашим прирожденным правом»². Тогда же были опубликованы торжественные обязательства правительства сохранять единство страны, быть верным заветам Аун Сана в устройстве новой жизни³.

Выступая 4 января на сессии парламента, временный президент Бирманского Союза Сао Швэ Тай, отражая мнения и решения бирманского руководства в целом, высказался по принципам будущей политики страны. Он сказал, что «главным направлением политики будет настоятельное стремление к установлению Бирманского Союза как социалистического государства, что предусматривает запрещение и ликвидацию капитализма и права собственности на средства производства самого народа. Эта политика, — продолжал президент, — ни в коем случае не означает незаконной экспроприации собственности у ее владельцев, но нацелена на достижение счастья и процветания всех людей без исключения. Страна может быть по-настоящему великой только в том случае, если нет классовой дискриминации и все люди имеют свою долю в общей гармонии и процветании»⁴.

Эта цитата — только иллюстрация того важного момента, что восприятие социалистических представлений дошло до официальных инстанций нового бирманского государства и, как отмечалось в данной работе ранее, отражало широкое распространение социалистических идей (неважно каких — левых, правых и других в разных сочетаниях) среди политически активной части бирманцев. Поэтому в мировой бирманистике и утвердилось мнение, что Бирма к концу колониальной эпохи и достижению независимости была «левой страной» или даже одной из первых после Второй мировой войны «левых» экс-колониальных стран.

В день провозглашения независимости выступил премьер-министр Бирмы Такин Ну. В своем радиопослании нации он счел нужным сказать следующие слова: «Мы в Бирме шли своим собственным путем, пока вездесущий Запад не вторгся в нашу историю. Но в этот торжественный день, когда мы вновь обрели свою независимость, мы не должны затаить горечь и негодование. Мы не смогли бы вечно развивать нашу культуру и поддерживать наш образ жизни без связей с внешним миром — миром, который даже тогда делался все теснее благодаря развитию паровозного и железнодорожного транспорта.

Столкновению с Западом суждено было случиться, и если мы в этом столкновении на время потеряли свою независимость, мы приобрели знание мира и мы получили время и возможность подравнять нашу цивилизацию, образ жизни к требованиям этого мира, хотя мы озаботились тем, чтобы в этом процессе не потерять нашей индивидуальной самобытности и принципов, которые нам дороги»⁵.

В связи с ратификацией 4 января 1948 г. англо-бирманского договора о независимости от 17 октября 1947 г. нужно только повторить наш тезис о его компромиссности, выраженной как в форме, так и в существе договора. Полная государственная независимость Бирмы вне империи получила открытое юридическое и законодательное подтверждение. И в этом — повторим вновь — было самое главное. В этом состояла суть победы Бирмы над английским колониализмом. Выше указывалось, что некоторые пункты договора вызывали возражение или недовольство в некоторых кругах бирманцев (военные и финансовые статьи). Но здесь компромиссы были скорее словесными, чем затрагивающими жизненные интересы новой Бирмы. Причем не будет преувеличением сказать, что эти пункты не столько ущемляли суверенные права Бирмы, сколько были рассчитаны на «успокоение» английской «имперской» общественности, встревоженной и обеспокоенной развалом Британской империи. Во всяком случае, Бирма по англо-бирманскому договору получила все то, чего она добивалась по меньшей мере с 1945 г., а фактически еще ранее.

Возвратясь в Рангун из Англии после завершения англо-бирманских переговоров о независимости Бирмы, Такин Ну заявил на пресс-конференции, что английское правительство, «не торгуясь», пошло на уступки в отношении 90% вопросов, поднятых бирманской стороной, и что было достигнуто наиболее удовлетворительное соглашение по всем вопросам⁶.

Главное состояло в том, что Бирма смогла в течение 1945–1947 гг. прийти к независимости и добиться ее мирным путем. Этот вариант был непохож на ситуацию в Индонезии в 1945–1949 гг. или во Вьетнаме в 1945–1950 гг., которые столкнулись не только с длительным упрямством колониальных властей по вопросу независимости этих стран, но и с развязыванием там кровавых войн. Правда, в июле 1947 г. и Бирме (тогда еще «английской») не удалось избежать кровавой драмы с убийством Аун Сана, не без попустительства английской консервативно-колониалистской группы, стремившейся силой удержать Бирму в империи. Но убийство Аун Сана и ряда его

соратников не смогло остановить неумолимое движение страны к полной независимости.

Что касается нескольких неблагоприятных пунктов англо-бирманского договора о независимости, то о них было рассказано в предыдущей главе. Эти пункты, подчеркнем еще раз, не были существенны для бирманской независимости, и через несколько лет их действие было ходом событий и дипломатией сведено на нет (как военное соглашение) или минимизировано (как в отношении финансовых долгов)⁷. Так что большой шум о якобы «новом закабалении Бирмы» в результате англо-бирманского договора о независимости, поднятый леваками, был в основе своей политической пропагандой против бирманского правительства в попытках самим прорваться к власти.

Есть ли объяснения в целом относительно мирному и «спокойному» движению Бирмы к независимости в 1945–1947 гг. по сравнению с некоторыми другими европейскими колониями в Юго-Восточной Азии в тот период? Думается, что есть, и они сводятся к двум основным моментам: к специфике внутреннего положения и внешнего «колонизаторского» фактора.

Что касается первого, то суть дела, на наш взгляд, заключалась в том, что объединенный фронт бирманских патриотических сил в лице Антифашистской лиги народной свободы стабилизировался после 1946 г. в виде достаточно широкой и в то же время левоцентристской умеренной коалиции. АЛНС во главе с Аун Саном сумела отсеять главные экстремистские силы в лице двух компартий (КПБ с председателем Такином Тан Туном и БКП, возглавлявшейся Такином Со), которые, правда, потеряли при этом часть своих сторонников, что ослабило обе компартии. Но АЛНС при этом сохранила свою основную левую или левоцентристскую ориентацию. АЛНС и сама применяла методы массивного давления на английскую сторону, но делала это в необходимых случаях. Конечно, большую роль во всем этом сыграла личность Аун Сана, которого любили и уважали в Бирме все, кроме коммунистов-экстремистов и небольших правых групп, за честность, прямоту и высокие моральные качества (то, что по-английски называется «*integrity*»). После гибели Аун Сана его преемником стал Такин Ну — также честный политик, литератор, интеллектуал и к тому же очень набожный буддист — старший сподвижник Аун Сана еще по антиколониальному студенческому движению в 30-е гг. Он и довел АЛНС и страну до независимости по проложенному еще при Аун Сане пути.

Внешний же благоприятный для Бирмы фактор состоял в том, что английский колониализм в целом являл собой, на наш взгляд, колониализм более мягкий, чем, скажем, голландский или французский, он был более «правовым», «юридическим» и, можно сказать, институциональным. Возможно, что это проистекало от твердой установленности в самой Великобритании демократических институтов и процедур, которые существовали в течение столетий. Это, по-видимому, как-то и «переливалось» в английскую колониальную практику, хотя в ряде случаев в XIX–XX вв. отмечалась и достаточная жестокость завоевателей. Несомненно также то, что на поведение английской стороны в плане принципиальных уступок Бирме в конце 40-х гг. повлиял непреложный факт готовившегося еще более грандиозного ухода англичан из Индии, на фоне которого потеря Бирмы не казалась им уж столь трагически тяжелой. Зная бирманскую историю, и особенно бирмано-индийские отношения, можно утверждать, что, уйдя англичане из Индии и оставшись в Бирме, в последней произошел бы мощный всплеск вооруженного сопротивления (а у Бирмы в этом отношении был неплохой опыт в японский период).

Еще один аспект объясняет специфику англо-бирманских отношений в 1945–1947 гг. Его можно условно назвать «внутренним и внешним» одновременно. Речь идет о том, что из двух возможных контрагентов англичан в Бирме — АЛНС и КПБ — им заведомо предпочтительнее была АЛНС, которая не имела внешних менторов и спонсоров ни в каком международном центре, будь-то левом или правом. АЛНС действовала самостоятельно. О компартиях Бирмы этого сказать было нельзя. По заведенному порядку вещей компартии разных стран так или иначе были идеологически и морально связаны с тем, что в завуалированном виде называлось «международным коммунистическим движением», во главе которого стояла в основном КПСС, а в региональном азиатском аспекте — КПК и частично компартия Индии. Когда будут рассекречены соответствующие коммунистические архивы, мы, несомненно, узнаем много нового, хотя по прошествии полувека с конца Второй мировой войны принципиальная ситуация в ЮВА в этом аспекте стала и так достаточно ясной. Так или иначе, самостоятельная антиколониальная линия АЛНС была выгодна для Англии, и это толкало последнюю к договоренности с АЛНС. Это же, разумеется, было выгодно и самой АЛНС и Бирме в целом.

В атмосфере всеобщего радостного ожидания независимости и особенно после достижения ее политическая «погода» в стране

начала «портиться», причем — по нарастающей. Обнажились старые и особенно новые противоречия. Правительство АЛНС стало подвергаться резкой критике оппонентов с громким обвинением в «служении» империализму, в «сделке» с ним по поводу договора о независимости и самой независимости. Некоторые из них выступали с националистических позиций.

Кто же были эти оппоненты? Их можно разбить на три группы. К первой относились коммунисты. Ко второй — каренские сепаратисты. К третьей — мелкие правые группы, отставленные историей в сторону от главного потока событий. Наиболее активными и враждебными АЛНС и ее курсу были первые две, и среди них — коммунисты.

С весны 1947 г., особенно после убийства Аун Сана и его сподвижников по правительству, наметилась тенденция к политическому сближению АЛНС и компартии Бирмы. Напомним, что на почве противостояния гегемонизму компартии летом 1946 г. был смещён с поста генсека Лиги глава компартии Такин Тан Тун и заменен лидером социалистической партии — У Чжо Ньейном, а в ноябре того же года по тем же причинам компартия была исключена из Лиги. Тем самым единственной и при этом ведущей политической партией — членом Лиги — стала социалистическая партия — главный партийный политический соперник компартии в АЛНС. Это означало разрыв и дальнейшее ухудшение отношений сторон и вообще усложнение и «запутывание» положения в стране. Казалось, интересы сторон на практически наметившемся пути к независимости (благодаря АЛНС и лично Аун Сану) действительно требовали объединения сил и преодоления ненужных противоречий. Начались было даже переговоры между АЛНС и компартией (по инициативе Такина Ну). Но из этого вновь ничего не получилось. Рубежным в отношениях сторон явилось подписание в Лондоне англо-бирманского договора о независимости, который, как говорилось выше, компартия отвергла как «закабаляющий» Бирму. На сессии временного парламента 4 января 1948 г. маленькая группа депутатов-коммунистов предложила даже отклонить ратификацию договора, а сам договор — пересмотреть⁸. Но этого, как уже упоминалось, тоже не получилось. Дальше — больше. Критика правительства Лиги со стороны коммунистов усилилась до предела: независимость страны была объявлена «фальшивой», а само правительство даже «фашистским». Все это чрезвычайно обострило политическое положение в стране. Самое же главное заключалось в последствиях: на третьем месяце независимости Бирмы компартия (Такина

Тан Туна) ушла в подполье и начала вооруженную борьбу за свержение правительства АЛНС. В стране началась гражданская война (о чем подробнее речь пойдет ниже).

Говоря о коммунистах, стоит добавить, что вторая компартия Бирмы (руководитель Такин Со), отколовшаяся от основной в 1946 г. по обвинению последней в недостаточной революционности, уже с тех пор выступала за прямые действия против правительства и устраивала против местных властей отдельные вооруженные вылазки. Но сил у нее было мало и в балансе гражданской войны она в военном отношении являлась величиной незначительной. Лидер второй компартии был в основном «теоретическим» революционером-комбинатором различных эфемерных союзов, антиправительственных или «антиревизионистских» (в отношении основной компартии и даже отчасти против мирового коммунистического движения).

На втором месте в лагере антиправительственных сил с конца 1947 г. находилась большая часть сепаратистски настроенного каренского этнического меньшинства. Каренские сепаратисты выступали против англо-бирманского договора и независимости Бирмы «только» в том смысле, что, будучи отчасти историческими союзниками Англии по завоеванию Бирмы и в значительной мере (это касается верхушки) перейдя в христианство (большинство каренов — буддисты или анимисты), они стремились получить от Англии за свою лояльность «отдельную» каренскую независимость в составе Британской империи, а не находиться в составе «бирманской» Бирмы. Это им не удалось, но вскоре после достижения Бирмой независимости они подняли антиправительственное восстание, которое по организованности, сплоченности и вооруженности заняло в условиях гражданской войны в стране сначала первое, а потом второе место в разряде повстанческих сил. (Забегая вперед, отметим, что оно тлело в Бирме по меньшей мере до начала XXI в., а одна из причин такой долговременности — в симпатиях и поддержке разных внешних английских и других сил, симпатизирующих «лояльным каренам».)

Что касается мелких правых партий, групп и личностей, то их оппозиция договору о независимости была слабой, хотя и крикливой, но вскоре перешла в обычную мелкую политическую оппозицию правых элементов против правящей партии с левыми наклонностями.

Вся эта тактика коммунистов и правых в 1947–1948 гг. по поводу независимости Бирмы и ее условий уже давно забыта и трижды перечеркнута историей как в принципе надуманное и конъюнктурное дело.

Серьезной аргументации, по существу, у них не было. Коммунистами руководил только политический расчет — как можно сильнее взвинтить обстановку в стране, вызвать недовольство народа правительством АЛНС и подготовить свои ряды для вооруженного выступления и «делания революции» по коммунистической схеме. Своим отношением к независимости Бирмы оппозиция так или иначе скомпрометировала себя в истории страны.

Какой бы критикой ни сопровождалось достижение Бирмой независимости в 1948 г., независимости государственной, юридически оформленной и очень скоро признанной во всем мире⁹, она была прежде всего непреложным фактом. На этот факт не могли оказать отрицательное влияние ни последующие события внутренней жизни страны, ни противоречия ее политического развития, ни ее социально-экономическая отсталость, ни близкое еще дыхание колониальной эпохи. Слабость, недостаточная компетентность пришедшего к власти национального руководства, то, что основная часть жизни его членов прошла в колониальный период, как и то, что внутренние противоречия в стране могли вызвать неожиданные и иногда резкие повороты в характере политики правящих сил — все это не имеет никакого отношения к реальности нового независимого государственно-правового статуса Бирмы с 1948 г., который просто не мог быть отменен кем бы то ни было или чем бы то ни было.

Достижение Бирмой политической независимости в 1948 г. было крупнейшим и важнейшим историческим событием после ее утраты страной в XIX в. — событием, которое открыло перед ней новые горизонты и перспективы. Принципиальное, «рубежное» значение этого события нужно подчеркнуть дополнительно не только потому, что независимость Бирмы в 1948 г. пытались поставить под вопрос и отрицать политические противники первого национального правительства (и прежде всего коммунисты), но и некоторые (правда, очень немногочисленные) исследователи бирманской истории.

Автору известны два примера на этот счет. Серьезный бирманский ученый Майкл Аун-Твин, специалист по древней истории Бирмы, эмигрант, проживающий и работающий в последние десятилетия в США, утверждает, что независимость Бирмы 1948 г. — это «миф», «псевдо-независимость» и что «1948 г. и последующее десятилетие увековечили [в Бирме] колониальные ценности»¹⁰. Другой, тоже известный специалист по истории Бирмы Роберт Тейлор, американец по происхождению, постоянно проживающий и работающий в Великобритании,

считает возможным дать периодизацию истории государства в Бирме и тем самым новой и новейшей истории страны так, что дата «1948 г.» как бы пропадает, она не упоминается как разделительная линия хотя бы по формально-хронологическим соображениям. Период 1825–1942 гг. истории Бирмы у него именуется «рационализацией государства» (речь идет об утверждении колониальных государства и порядков), период 1942–1962 гг. назван периодом «смещения государства» (то есть государство как бы рухнуло, «пропало»), период 1962–1987 гг. определяется как этап «нового утверждения государства» (это период прихода к власти милитаризма в виде военно-социалистической диктатуры)¹¹. Иными словами, имеет место не только игнорирование важнейшего исторического факта достижения Бирмой государственной независимости, но и «утопление» его либо в колониальной истории страны вообще, либо в ярких бликах от контраста с установлением в стране в 1962 г. жесткого милитаризованного антидемократического режима, к которому у Р. Тейлора проглядывается явное предпочтение.

Разумеется, исследователи имеют полное право на свои выводы и оценки при анализе материала, как, кстати, и право на критику. На наш взгляд, в приведенных выше мнениях ученых-бирманистов есть некоторые методологические слабости. В одном случае они проистекают от чрезмерной абсолютизации идеи традиционализма и недоучете объективности и всеобщности процессов модернизации, которые проходят в разное время, в разных доступных формах и степенях, причем необязательно сразу и во всем успешно. В то же время при всех критических подходах к колониализму «демонизация» его сейчас вряд ли оправдана и плодотворна. В другом случае речь идет, как представляется, о недостатке внимания и даже пренебрежении к гражданским демократическим формам развития бирманского постколониального общества и, напротив, пристрастие и, можно сказать, предпочтительное отношение к милитаризованному, военно-социалистическому пути эволюции (революции). В целом оба примера могут быть истолкованы также как отражение или проявление левачества у определенного слоя интеллектуалов на Западе, у которых наблюдается усталость от современного западного общества, от его демократии и тяга либо к традиционализму, либо к радикализму и жестким авторитарным военным порядкам, что, в сущности, отрицает демократию и ее ценности. Эти два уважаемых в сфере востоковедения ученых показали высокий профессионализм в своих основных работах, но, увы, «споткнулись» на вопросе бирманской независимости 1948 г.

2. Конституция 1947 г.

Конституция независимого Бирманского Союза была, как уже указывалось, единодушно принята 24 сентября 1947 г. депутатами Учредительного собрания, большинство депутатов которого были членами АЛНС. Обсуждение ее проекта происходило в июне 1947 г. при самом деятельном участии Аун Сана, сформулировавшего ее основные принципы. Эти принципы и легли в проект, а затем воплотились в самой конституции, которая была введена в действие в День независимости 4 января 1948 г.

Надо сказать, что конституция Бирмы — интересный документ как с точки зрения своего социально-политического содержания, так и времени, в котором она создавалась и была утверждена.

Доктор Маун Маун (1924–1994) — крупный бирманский ученый-правовед, а затем государственный деятель высокого уровня в команде генерала Не Вина (волею судеб он даже стал последним президентом страны в течение последнего месяца перед вторичным военным «переворотом» в сентябре 1988 г.) — кратко и очень ясно охарактеризовал основные черты конституции 1947 г. в своей книге. Главной задачей авторов этой конституции, писал он, было найти пути и средства «соединения лучшего из всех миров. Это — государственный социализм без грубого нарушения свобод и прав отдельного человека в демократическом обществе; детальное перечисление основных прав и их гарантий, а также директивные принципы, выражающие социалистический дух конституции; парламентское правительство и верховенство закона; федеральная структура государства, в которой меньшинства и различные этнические группы могут чувствовать себя счастливо, пользуясь определенной автономией при сильном центральном правительстве, которое обеспечивает единство Союза и его силу; разделение властей с гарантией против того, чтобы исполнительная и судебная власти не становились слишком свободными и независимыми от законодательной»¹².

Понятно, что приведенная характеристика конституции 1947 г. является оценкой ее принципов, изложенных в свободном стиле. Но принципы — принципами. Они далеко неплохи, как, по-видимому, во всех или почти во всех конституциях. Главное же в том, как они осуществляются в жизни, осуществляются ли вообще, а если осуществляются, то как проходит их адаптация к конкретным условиям страны. (Последнее особенно важно, если источниками той или иной

конституции были другие конституции со всеми своими национальными особенностями.) Что касается бирманской конституции 1947 г., то до нее прецедентов в стране не было, и ее составители должны были изучать и применять обширный международный конституционный опыт. Так оно и было на самом деле. Действительно, при составлении конституции чаще всего заимствовались определенные элементы из конституций Югославии, Ирландии, США. Принципы парламентской демократии пришли также из Великобритании. Имелись следы влияния и других конституций¹³. (Здесь к этому неполному перечислению, по нашему мнению, следовало бы добавить и советскую конституцию, которую д-р Маун Маун не назвал, вероятно, по политическим соображениям.)

По конституции 1947 г., опиравшейся на Панлонские соглашения и англо-бирманский договор о независимости, Бирманский Союз включил в себя все территории и народы колониальной Бирмы, то есть все, что ранее находилось в ведении английского губернатора, а также княжества Каренни (Кая), которые были английским договорным протекторатом¹⁴. То есть из состава Бирмы в пользу бывших колонизаторов или кого бы то ни было ничего «не выпало», и этот позитивный момент надо подчеркнуть, имея в виду практику противоположного свойства в 40–50-е гг. в Индонезии и Вьетнаме.

В составе «губернаторской» Бирмы, помимо «собственно Бирмы» — районов основного расселения бирманцев и основной части территории страны, находились также так называемые «исключенные» или «пограничные районы», населенные в основном этническими меньшинствами и управлявшиеся губернатором отдельно от «собственно Бирмы» (нечто вроде административной сегрегации). По конституции Бирманский Союз состоял из этих «собственно Бирмы» и «пограничных районов». Но они получили автономию и стали называться «союзными государствами» (или штатами). Они отчасти существовали ранее в виде феодальных княжеств (Шанские, Каренни /Кая/), отчасти были созданы вновь на краях «собственно Бирмы» (которая вследствие этого несколько сократилась). Среди созданных вновь были Качинское государство (штат), полуавтономное Чинское и находившееся в процессе обещанного создания Каренское государство (на будущем месте которого было создано временное образование — Котулей). Позже к созданному Каренскому государству на основе конституционных поправок были добавлены еще два «союзных государства» — Монское и Араканское (Ракхайн). Всего их в 70-х гг.

стало 7, как и число областей в «собственно Бирме» (некое конституционное численно-административное равенство). Более мелкие этносы получили нечто вроде местной автономии. Что касается «бирманской» «собственно Бирмы», то в государственном отношении она не выделялась в составе Бирманского Союза в отдельную конституционную единицу (как и русские районы в Российской Федерации), и это создавало определенное внутреннее напряжение и проблемы («неравенство статусов» различных народов).

Здесь также нужно упомянуть о зафиксированном в X главе конституции праве на выход из Союза, касавшемся, правда, только двух союзных государств Бирмы — Шанского и Каренни (Кая). При этом начать процесс выхода можно было только через 10 лет после введения в действие конституции и в согласии с трудновыполнимой процедурой. Это право было выполнено в конституции с тем, чтобы снять сомнения и беспокойство пограничных народов по поводу их объединения с бирманцами в одном Союзе. Больше того, будучи уступкой бирманского центра этнической периферии, она вроде бы согласовывалась с общедемократическим принципом самоопределения народов (который сейчас многими оспаривается). Однако эта глава и статьи способствовали усилению недоверия между центром и периферией, росту сепаратистских движений в стране, что стало предлогом к появлению в Бирме позже военной диктатуры.

Так или иначе, независимая Бирма стала союзным государством, или говоря иначе — федерацией, хотя бы неполной, ограниченной, но по типу государства — все же федерацией (или «квазифедерацией» — как бы федерацией). Но термин «федерация» в конституции нигде не употребляется. На этот счет возможны два объяснения: 1) термин «федерация» еще не подходил к условиям Бирмы; 2) этот термин мог получить более либеральное толкование, чем «союз», а это могло подтолкнуть центробежные силы способствовать ослаблению государственной структуры.

С точки зрения статуса, образования и внутренней структуры Бирманского Союза самое главное, по конституции, состояло в том, что Бирма полностью сохранила все свои земли и народы, не утратив ничего. Это банальное на первый взгляд положение является, по существу, чрезвычайно важным, и эта важность была отражена в конституции 1947 г., в чем ее историческая заслуга (как бы не относиться к некоторым отдельным ее статьям спорного содержания).

В плане основ государственной власти Бирма, по конституции, представляла собой парламентскую республику. Высшим законодательным органом объявлялся парламент, состоявший из двух палат — палаты депутатов и палаты национальностей. Право избирать получили все граждане с 18 лет, а быть избранными — с 21 года. Имущественный и другие цензы отменялись. Признавалось право отзыва депутата. Число членов палаты национальностей было определено в 125 человек, палаты депутатов — в два раза больше — 250 человек. Представительство в палате национальностей квотировалось по размерам составлявших Бирму союзных государств, включая «собственно Бирму». Палата национальностей в отличие от палаты депутатов частично избиралась недемократическим путем (так, Шанские князья «избирали» своих представителей в палату из своей среды). Обе палаты считались равноправными в отношении законодательной инициативы и утверждения законов, за исключением финансовых. Президенту Союза, как представителю законодательной власти, отводилась ограниченная роль (церемонии, право подписи, помилование).

Высшим органом исполнительной власти провозглашалось правительство Союза, которое, как и во многих странах, было главным инструментом реальной власти. Премьер-министр избирался палатой депутатов, а члены кабинета назначались самим премьером. Правительство несло коллективную ответственность перед палатой депутатов. Иными словами, премьер был представителем партии (или коалиции) большинства и смещался (вместе с кабинетом), если это большинство утрачивалось. Был ясно виден приоритет палаты депутатов в отношении правительства, хотя членом его могли быть представители любой палаты.

Большое место в системе власти занимала судебная власть, органы юстиции. Это, по-видимому, было заимствовано из британской системы судебной власти (плюс местная специфика). Судьи в своей деятельности объявлялись независимыми. Они выдвигались правительством, получали одобрение парламента, и решение об их назначении подписывалось президентом. Главным представителем юстиции в стране и вместе с тем главным юридическим советником правительства был генеральный атторней (что-то вроде генерального прокурора), который назначался президентом по рекомендации премьер-министра, как и ряд других судей высокого ранга (Верховный суд, Высокий суд). Юридическая система в стране предусматривала

принцип неприкосновенности личности. (Забегая вперед, отметим, что даже в условиях начавшейся в 1948 г. ожесточенной гражданской войны с массовыми арестами удавалось в ряде случаев применять этот принцип и по письменному постановлению суда освобождать превентивно арестованного по недостаточным для суда основаниям.)¹⁵

Таким образом, в организации конституционной власти в стране достаточно ясно проявился выборный, демократический принцип ее образования и разделения. Это подтвердили прошедшие в 1951–1952 гг., 1956 г. и 1960 г. парламентские выборы. Но это не значит, что демократия не имела функциональных отклонений. К принципу выборной демократии примыкал принцип федеральной (или полуфедеральной) общегосударственной структуры Бирмы, о чем уже говорилось.

Однако этим не ограничивались демократические положения конституции. Ее принципы распространялись также в сфере индивидуальных прав и экономической политики. Так, запрещалась дискриминация граждан по рождению, религии, полу или расе (национальности). Никто не мог быть лишен личной свободы, неприкосновенности жилища и своей собственности иначе, чем по закону. Каждый гражданин страны получал право на свободное выражение своих мыслей, на мирные собрания и создание организаций в рамках закона*. Провозглашалась свобода совести и право каждого исповедовать свою религию. Буддизм был признан религией большинства, но не был провозглашен государственной религией (каковой он, к сожалению, был объявлен позже).

В экономической сфере гарантировалось право частной собственности и частной инициативы, но частные монополистические организации, наносящие вред интересам национальной экономики, запрещались. Да и сама частная собственность могла быть ограничена или даже национализирована, если этого требовали общественные интересы, при выплате компенсации.

В аграрной сфере конституция 1947 г. содержала не менее реформаторские идеи. Так, государство объявлялось верховным собственником всех земель. Оно получало право регулировать, изменять или отменять права держания земли или возвращать себе владение любой землей и распределять ее для коллективного или кооперативного

* Будучи в конце 50-х гг. в годичной научной командировке в Бирме, автор лично мог убедиться в наличии свободной прессы в стране, осуществлении права на свободу выражения, мирные демонстрации и передвижение по стране (кроме закрытых повстанческих зон).

ведения хозяйства или среди сельскохозяйственных арендаторов. Конституция заявляла, что не может быть крупных земельных владений ни на какой основе, а максимальный размер частного земельного держания будет своевременно определен законом.

Что касается рабочих, то конституция говорила о помощи государства в создании рабочих организаций для защиты от экономической эксплуатации. Говорилось также о том, что государство будет защищать рабочих с тем, чтобы обеспечить право на свои объединения, сокращение рабочего дня, гарантировать отдых и улучшить условия труда. Подчеркивалось, что, как только позволят обстоятельства, будут приняты планы создания жилищного и социального страхования.

В конституцию была включена глава (IV) «Директивные принципы государственной политики» как направление деятельности государства, но еще не подкрепленные законодательством. Здесь говорилось о правах на труд, поддержание в старости, праве на отдых и образование. Все это могло реализоваться лишь в будущем.

Достоинны внимания и уважения статьи конституции, касавшиеся международных отношений. В них Бирманский Союз отвергал войну как инструмент национальной политики и принимал признанные принципы международного права как правило своего поведения в отношениях с иностранными государствами. Бирма подтвердила свою преданность идеалам мира и дружественного сотрудничества наций, основанных на международной справедливости и морали.

В заключение анализа конституции 1947 г. вернёмся к ее преамбуле, выделенной в особую часть документа. В ней подчеркивается, что Учредительное собрание, принимая и вводя конституцию, делает это для поддержания социального порядка на основе вечных принципов Справедливости, Свободы и Равенства, гарантируя всем гражданам Справедливость — социальную, экономическую и политическую; Свободу — мысли, выражения, мнения, веры, обрядов, занятия, объединения и действия; Равенство — статуса, возможностей и перед законом.

Напомним, что, выступая в День независимости 4 января 1948 г. на сессии парламента, президент Сао Швэ Тай сказал о том, что главным направлением политики независимой Бирмы будет стремление к созданию «социалистического государства».

Таким образом, очевидно, что в основе конституции Бирмы 1947 г. лежали принципы демократической организации государственного и общественного строя с достаточно широким соприкосновением

с рядом социальных проблем и тем, что позже было названо правами человека. Это, на наш взгляд, именно так, какие бы слабости этой конституции и ее применения ни прослеживались. С учетом сделанных ранее и подтвержденных после достижения независимости заявлений и решений руководства Бирмы о социалистических устремлениях в развитии страны можно сказать, что, в сущности, речь шла о какой-то постколониальной форме социал-демократического плана, или демократического социализма, или же о том, что потом стало обозначаться формулой «социальное государство», что бы это на практике ни означало.

Можно задать вопрос, а стоило ли уделять столько внимания рассмотрению уже давно не действующей конституции? Но, во-первых, в рамках исторического исследования то или иное рассмотрение конституции 1947 г. было необходимо: ведь, несмотря на ее конечную отмену и критику различных ее пунктов, она действовала в течение примерно 14 лет, и весь этот период в историографии Бирмы (бирманской и международной) называется, так или иначе, «периодом парламентской демократии», «демократическим периодом». Во-вторых, без анализа первой конституции независимой Бирмы невозможно правильно понять или оценить все последующие этапы истории страны, ни, что особенно важно, разобраться в проблемах и задачах, вставших перед Бирмой в течение 10–15 лет конца XX в. и начала XXI в. после краха невиновского «бирманского пути к социализму», крайней милитаризации постневиновского режима и его постоянного кризисного состояния на политическом уровне (на почве подавления новой военной хунтой сил демократической оппозиции режиму). В-третьих, политические ценности первой конституции Бирмы — это ценности республиканского парламентаризма, выборной демократии, гражданских и личных свобод (равнозначных более позднему понятию «прав человека»). И эти ценности с тех пор широко распространились в мире, стали универсальными. Бирма со своей конституцией 1947 г. была одним из пионеров постколониальной демократизации и внесла свой вклад в ее распространение. То, что конституционный демократический режим модели 1947 г. в Бирме не выжил — это другой вопрос. Неудача отнюдь не всегда опрокидывает сами принципы. Иными словами, конституция Бирмы 1947 г. — это не только прошлое страны, она по-своему обращена и в будущее как своими основными демократическими принципами, так и своими слабостями и недостатками.

В конституции 1947 г. есть парадоксальные моменты. Об одном из них выше уже говорилось — конституция избежала термина «федерация», притом что федеративные черты в ней все же четко обозначились. За термином «федерация» руководство Бирмы увидело дополнительную угрозу государственной целостности Бирмы (признание равенства частей федерации) и отвергло его на том этапе. Бирманисты знали об этой «федералобоязни» конституции 1947 г. и давно ее отметили и объяснили¹⁶. Но более поразительным оказалось то, что в тексте конституции ни разу не был употреблен термин «демократия» (или его производные). Надо признать, что до последнего времени исследователи Бирмы этого как-то не замечали и проходили мимо. Впервые это отметила американская бирманистка Мэри Кэллахен. В своей статье в международном сборнике, посвященном Бирме, она четко указала на этот факт¹⁷. Ее объяснение сводится к тому, что лидеры Бирмы при достижении независимости страны не интересовались «продвижением идей либеральной демократии», а думали об «антилиберальных условиях для строительства сильного государства»¹⁸. Как одно из возможных объяснений это можно понять и как-то учесть: желание своего «сильного государства» естественно по своей идее. Но тогда все равно получается, что, с одной стороны, в конституции 1947 г. изложены принципы выборной демократии, парламентской системы, разделение властей, гражданские и политические свободы, а с другой стороны, это-де «не демократия», во всяком случае нечто, не заслуживающее такого названия? Ситуация явно нелогичная.

С высоты прошедших с 1947 г. десятилетий мы могли неоднократно убедиться в том, что при широком распространении демократии в мире после Второй мировой войны появились десятки различных ее форм, в том числе «урезанные», «полудемократии», симбиозные формы демократии и авторитаризма и т. д. И в этом свете бирманская конституция 1947 г., рожденная на заре демократического импульса на Востоке, уже тогда могла и должна была быть отнесена в своей основе к демократическим. Собственно, так и сделали с разными оговорками ученые-бирманисты во многих странах, включая саму Бирму. Недаром в историографии для периода 1948–1962 гг. закрепился термин «демократическая эра» Бирмы, «парламентская демократия».

В упомянутой статье М. Кэллахен говорится об «искривлениях во времени» и «искривленном времени» (метафора довольно сложная, но по идее понятная). Используя ее, можно сказать, что авторы конституции 1947 г. сами допустили «искривление» понятий: изложить

демократические принципы и не желать назвать их «демократическими», «демократией» — это очевидное недоразумение. Возможно, что речь идет не только о том, что пишет М. Кэллахен, а также о том, что авторы конституции в конце 1940-х гг., накануне разрыва с колониальным прошлым, просто не хотели оставлять в конституции никаких следов ассоциации страны с колониалистским империалистическим государством, именуемым демократией. В любом случае, можно сделать вывод о том, что — да, термина «демократия» в конституции 1947 г. действительно не было, но не было там и его понятийного отрицания, что весьма существенно для оценки реального типа конституции, как конституции, повторимся, в основе своей демократической. Неудивительно, что официальная политическая линия руководства независимой Бирмы в период 1948–1962 гг. была направлена на развитие демократии в стране и строительство демократического бирманского государства, чему в тот период не противоречили заявления о социализме, поскольку имелся в виду, в сущности, «демократический социализм».

3. Первоочередные задачи

Правительству Такина Ну, первому премьер-министру независимой Бирмы, пришлось решать невероятно сложный и трудный комплекс задач. Это был поистине клубок взаимосвязанных, переплетающихся проблем, среди которых нельзя было с легкостью выделить единственно первоочередную, ибо в тех условиях все они казались таковыми. Действительно, с чего было начинать — со строительства политического каркаса государственности или с элементарного улучшения крайне бедственного положения разрушенной войной экономики? Приоритет политики подчеркивался чуть ли не с самого начала независимости раскатами приближавшейся гражданской войны, вспыхнувшей уже в марте 1948 г. А первоочередность экономических задач диктовалась тем, что в условиях послевоенной экономической разрухи они затрагивали коренные интересы широчайших масс, и без того горько натерпевшихся от войны. На практике же правительству АЛНС пришлось заниматься либо всем одновременно, либо отдельными, наиболее острыми, проблемами. Во всем этом было давление объективной необходимости, но разброс проблем заранее усложнял их

решение, а то и приводил к неудачам. Проблемой был сам недостаток у бирманцев опыта руководства своей страной.

Какие же проблемы независимой Бирмы были на деле приоритетными? Среди главных была проблема становления национальной политической власти, всей структуры новой бирманской государственности. Национальной власти нужно было реально создать и овладеть рычагами управления страной (впервые без англичан!), найти и обучить кадры (как и для всех других сфер деятельности государства и общества). Речь также шла об особо острой и деликатной общегосударственной проблеме установления прочных конституционных связей между различными этническими частями Бирманского Союза, связей союзного центра и обширной периферией в лице союзных (автономных) государств (штатов).

С другой стороны, неотложными были также проблемы экономикосоциальной сферы, где перед правительством стояли долговременные задачи послевоенного восстановления и развития (с некоей заданной спервоначалу плановой и социалистической направленностью), а также система мер деколонизации, национализации и социально-экономических реформ различного характера. Особое внимание бирманское правительство вынуждено было уделять решению аграрной проблемы в целях ликвидации крупного помещичьего землевладения (особенно иностранного — индийского) и наделения земель безземельных крестьян.

Отдельной и специфической задачей нового государства и правительства был выход страны на международную арену, становление и реализация в теории и на практике ее внешней политики, которой ранее вообще не было. Здесь сложностью было налаживание внешних связей Бирмы с различными группами и лидерами государств, только что расколотых «холодной войной» на два враждебных блока — один под эгидой СССР, другой — США. Трудности такого же рода создавались для Бирмы и в рамках ООН, куда она была принята в апреле 1948 г.

Вышеперечисленные задачи нового бирманского правительства стали необходимыми минимальными приоритетами для страны. Но они были серьезными, и их было достаточно много. Поэтому, когда одна из задач вдруг «заваливалась», срывалась, соотношение приоритетов также менялось. Как это и получилось в первые годы независимости. Так, в реальной жизни, уже на третьем месяце независимости, оказалось, что вместо планов долговременного восстановления

и развития главной проблемой для правительства независимой Бирмы стала задача, как выстоять и победить в гражданской войне, поставившей под угрозу само существование независимого бирманского государства.

Хронология первых лет независимости Бирмы была действительно напряженной и «прерывистой». Внезапно изменились приоритеты нормальной гражданской жизни: они сместились в сферу военную, в область первоочередного военного отпора правительства различным повстанческим силам страны, а затем в сферу военно-дипломатической борьбы с гоминьдановской интервенцией на северо-востоке страны. Все это отрицательно ударило по и без того тяжелому экономическому положению страны.

Несмотря на всю остроту проблемы начавшейся на третьем месяце независимости Бирмы гражданской войны, автор посвящает следующий раздел работы рассмотрению экономического положения страны на первых этапах ее независимости. Во-первых, эта тема в силу своей фундаментальности и связанности с политикой также чрезвычайно важна. Во-вторых, она позволяет лучше видеть тогдашнюю конъюнктуру страны и ее ближайшую перспективу. И в-третьих, есть небольшое формальное основание начать с экономики хотя бы потому, что первые три месяца независимости Бирмы были еще относительно мирными.

4. Экономическое положение страны

Крупной национальной проблемой, которая встала перед руководством новой Бирмы и постоянно висела над ним тяжелым грузом, была проблема улучшения бедственного положения населения в условиях послевоенной разрухи, которая, несмотря на восстановительные процессы в экономике в 1946 г. и 1947 г., оставалась к началу 1948 г. по-прежнему повсеместной, а с началом широких повстанческих движений еще более усилилась. Предпринимаемые меры для решения этой проблемы были нужны правительству особенно потому, что вооруженная оппозиция всячески играла на трудностях и приписывала их бездеятельности властей.

Выступая в декабре 1947 г. на второй Всебирманской конференции правящей АЛНС, Такин Ну сказал, что после того, как фронт в годы Второй мировой войны дважды прошел через Бирму, «наша страна

оказалась в развалинах и в состоянии полной разрухи»¹⁹. Произошло почти полное разрушение нефтяной и горнорудной промышленности, средств транспорта, многих зданий, дорог; отмечалось резкое падение производства предметов потребления и продовольствия при огромной инфляции и при происшедшем с 1941 г. естественном росте населения, усиливавшем всеобщий дефицит. Особенно болезненным было сокращение посевных площадей и сильное падение сельскохозяйственного производства (основного продовольствия). Здесь стоит подчеркнуть, что в стране существовал только один относительный избыток (против нормального), а именно — избыток оружия, доставшийся в наследство от времени японской оккупации и игравший на руку не только разного рода антиправительственным повстанческим группам, но и обычным преступникам («дайкотам» — бандитам), которых в послевоенных условиях развелось чрезвычайно много.

Наиболее четкие общие данные об экономике страны дает, конечно, статистика валового внутреннего продукта (ВВП). В первые 14 лет независимости такая статистика в стране регулярно велась, она была достаточно открытой и ясной, как представляется, более или менее надежной и в то же время она была увязана с данными накануне Второй мировой войны, важными как точка отсчета и сравнения динамики ВВП. Поэтому картина экономического состояния страны в парламентский период ее истории, то есть в 1948–1961 гг., с точки зрения наличия сравнимых данных наиболее благополучна. (Изменения и перерывы в статистике, новые критерии определения данных и их публикация, а также предполагаемые рядом ученых подделки данных статистики стали особым достоянием послепарламентского тоталитарного военного режима страны.)

Приведем некоторые основные показатели ВВП особенно в рассматриваемые начальные годы независимости Бирмы²⁰.

Посмотрим прежде всего на общую динамику ВВП.

В 1938–1939 гг. ВВП оценивался в 4949 млн. рупий, или позже — джа²¹. Если принять эту цифру за 100, как это делала официальная статистика, то относительная динамика ВВП в последующие годы была такой: 1946–1947 гг. = 61; 1947–1948 гг. = 72; 1948–1949 гг. = 65; 1949–1950 гг. = 61; 1950–1951 гг. = 70; 1951–1952 гг. = 74.

Если проанализировать эти цифры, то ясно, что Вторая мировая война нанесла экономике Бирмы колоссальный ущерб и еще в 1947–1948 гг. ВВП оценивался лишь на уровне 72% от довоенного, то есть меньше 3/4 прежнего уровня. Годы гражданской войны были также

чрезвычайно губительны для экономики страны, апогей повстанческого движения принес падение ВВП до 65% в 1948–1949 гг. и до 61% в 1950–1951 гг. В 1950–1951 гг. показатель ВВП был все еще ниже уровня 1947–1948 гг. (70%), и только к переломным 1951–1952 гг. он превысил довоенный показатель. Затем в последующие более спокойные от активного повстанчества годы наметилась положительная ежегодная динамика ВВП (с некоторым замедлением в отдельные годы), и к концу 1950-х гг. общий уровень ВВП (102 в 1958–1959 гг. и 107 в 1959–1960 гг.) превысил довоенный уровень.

Однако этот показатель не внушал всеобщего оптимизма. Дело в том, что производство на душу населения в тот же период сильно отставало от общего валового продукта. Так, в 1947–1948 гг. оно составляло 66% от довоенного, упало до 55% в 1949–1950 гг., с 1951–1952 гг. (64%) стало подниматься, но во все последующие годы отставало на 15–20 пунктов от общего ВВП. Что касается душевого потребления в те же годы, то оно было либо несколько выше душевого производства, либо несколько отставало от него, но в 1959–1960 гг. сравнялось с ним (на уровне 85% довоенного).

Однако общие данные о ВВП в Бирме не вскрывали внутренних слабостей, которые подрывали цену общего показателя ВВП. Так, индекс сельскохозяйственного производства, являющегося основой экономики в Бирме и принятого за 100 в 1937–1941 гг., составлял в 1947–1948 гг. 77% от довоенного и в 1949–1950 гг. упал до 65%, в 1950–1951 гг. он поднялся до 75%, а затем, в последующие годы, колебался в рамках 70–85%, то есть был ниже довоенного на 10–15%. Но наиболее тяжелым для населения Бирмы было сокращение площадей под основными сельскохозяйственными культурами, особенно под рисом. Посевы под рисом с 12,8 млн. акров до войны сократились до 8–9 млн. в 1946–1948 гг. и затем устойчиво восстановились примерно только до 10 млн. акров. Вместе с тем уменьшались и урожаи риса — с 8 млн. т в 1938–1939 гг. до 4–5 млн. в 1946–1948 гг. и затем стали увеличиваться, достигнув к концу 50-х гг. 5–6 млн. т. Дефицит главного продовольственного зерна был значительный и тяжелый.

Что касается нефти и другого минерального сырья, то здесь послевоенное производство сократилось во много раз, причем особенно резко в 1946–1949 гг. Добыча сырой нефти в 1939 г. оценивалась в 275 млн. галлонов, в 1946 г. и 1947 г. она составила всего 500–2000 тыс. галлонов и до 1951–1952 гг. увеличилась лишь до 20–30 млн. галлонов²².

Неудивительно, что в условиях послевоенного упадка ряда важнейших производств резко сократился и экспорт из Бирмы, особенно это коснулось риса, древесины, нефти и руд. До войны Бирма была «чемпионом» по экспорту риса. В 1938–1939 гг. он составлял 3,2 млн. т. Перед независимостью и в течение ряда лет после 1948 г. экспорт риса из страны лишь несколько превышал 1 млн. т и иногда приближался к 1,5–2 млн.²³ Предвоенные рисовые рекорды так и остались достоянием истории (в данном случае — колониальной).

Что касается стоимости жизни, то имеются показатели только по рабочим семьям в Рангуне. Принимая 1939 г. за 100, он оценивался в 1948–1949 гг. на уровне 629, в 1950–1951 гг. — 520 и в середине 50-х гг. стал далее снижаться до уровня 480–454 пунктов. В последующие годы был, как правило, выше 300–350 и иногда превышал 400²⁴.

Несмотря на самые мрачные годы кануна и самых первых лет независимости, экономические показатели Бирмы свидетельствовали о слаборазвитой экономике. Она сохраняла глубокие «раны» со времени японской оккупации и нескольких лет наивысшего распространения повстанческого движения. Но надо признать, что в экономике 50-х гг. в целом имели место процессы восстановления и некоторого развития. Темпы экономического роста Бирмы оценивались ООН в период 1951–1960 гг. на уровне 5,4% в год, что неплохо, имея в виду, что в период 1939–1960 гг. они составляли 0,5%, а в 1939–1948 гг. — минус 3,6%²⁵.

5. Политика реформ в Бирме

Конституция 1947 г. и более ранние политические документы АЛНС нацеливали бирманское правительство на проведение крупных социально-экономических и политических реформ. Они в целом имели антиколониальный характер и преследовали цели ограничения или даже ликвидации ряда старых колониальных монополий и выросшего при колониализме крупного иностранного (преимущественно индийского) ростовщического землевладения. Одновременно власти занялись широкой бирманизацией аппарата управления и бизнеса (где это было возможно).

Конституция Бирманского Союза зафиксировала, что экономика страны должна стать плановой (статья 41). В соответствии с этим был разработан и принят в 1948 г. двухлетний план экономического

развития в Бирме (его принципы закладывались еще при жизни Аун Сана). Задачей этого плана было не только восстановление разрушенного войной хозяйства, но и создание основ сбалансированной экономики и увеличение национального богатства с тем, чтобы поднять жизненный уровень крестьянства. Создание крупного и направляющего государственного сектора хозяйства с самого начала стало стержнем экономической политики. Уже упоминалось, что план предусматривал при условии успешного выполнения направить страну по социалистическому пути. Ставилась задача перераспределения в пользу крестьян земель, захваченных у них ростовщиками — четтьярами (исходя из конституционного положения, что государство является верховным собственником всей земли). В плане также конкретно назывался ряд новых предприятий, которые нужно было построить в стране (черепичный завод, бумажная, прядильно-ткацкая фабрики, сталепрокатный завод, сахарные заводы, угольные разработки в Калева, государственная лесопилка и т. д.).

Двухлетний план был скромным, но конкретным, и в последующие годы он был в большой мере претворен в жизнь.

Грандиозной по масштабам Бирмы была восьмилетняя программа развития страны, принятая на период 1952–1960 гг. Строго говоря, это был не конкретный план, а программа широких экономических, социальных и образовательно-культурных преобразований, очерченная общими финансовыми параметрами. Эта программа получила название «План Пьидота», план построения государства благосостояния (или «Счастливой страны»). Он был разработан в течение ряда лет (с использованием двухлетнего плана 1948 г.) с помощью американских и английских специалистов («КТА program»). Генеральной целью было поднять за восьмилетие (1951–1952 гг. — 1952–1960 гг.) размеры ВВП до 7 млрд. джа, что было бы около 2/3 уровня 1952–1953 гг. и примерно 1/3 предвоенного. Душевое производство к 1959–1960 гг. было намечено в размере 340 джа, что составило бы 1/3 довоенного уровня и 50% отметки 1952–1953 гг.²⁶ «План Пьидота» затрагивал проблемы сельского хозяйства, лесного хозяйства и рыболовства, транспорта, телекоммуникаций, развития энергетики, горнорудной промышленности, промышленного развития, кустарной промышленности, здравоохранения, образования, жилищного строительства и социального благосостояния²⁷. В каждой области народного хозяйства намечались прогрессивные преобразования.

Часть «Плана Пъидота» была претворена в жизнь, но в целом он был по своим показателям и средствам завышен и оказался не под силу молодому неопытному государству. Восьмилетняя программа была в конце 50-х гг. преобразована в четырехлетний план с более умеренными целями. Но осмысление задач, поставленных двухлетним планом и «Планом Пъидота», равно как и приобретение опыта государственного подхода к экономическим задачам развития, было весьма полезно и нужно для страны. Роль государства в экономике все равно оставалась центральной; внимание уделялось также частному сектору, как местному, так и иностранному («смешанные компании»). То, что сейчас кажется самоочевидным для любой страны (важность сотрудничества с иностранным и национальным частным капиталом), в 40–50-х гг. было еще теоретически и практически нерешенной задачей. «План Пъидота» имел определенный политико-психологический аспект и был рассчитан на содействие национальному сплочению страны (в условиях социальной и этнической разрозненности народа Бирмы, характерной для конца 40-х и 50-х гг.). Но, к сожалению, и эта «непроизводительная» сторона программы не оказалась особенно успешной.

С 1948 г. бирманское правительство приступило к формированию обширного государственного сектора экономики. Он создавался за счет монополии государства на землю, недра, большую часть экспортной торговли (например, рисом и тиком) и транспорта, а также в результате национализации или приобретения некоторых иностранных компаний (или частей их) и создания смешанных компаний.

В 1948–1954 гг. были национализированы (с выплатой компенсации) английские транспортные компании «Иравади флотилла» и «Аракан флотилла», английская трамвайная фирма в Рангуне, лесоразработки (тиковые) английской компании «Бомбей-Бирма Трейдинг корпорейшн», куплен ряд английских предприятий (например, лесопильные заводы). В 1951 г. после длительных переговоров была превращена в смешанное предприятие горнорудная компания «Бирма корпорейшн», в которой бирманскому правительству стала принадлежать половина акций. В 1954 г. после еще более длительных переговоров с английскими нефтяными компаниями (во главе с «Бирма ойл») была создана смешанная нефтяная компания (с одной третью акций у правительства и правом увеличения этой доли в дальнейшем). По частям была национализирована (куплена) многоотраслевая английская компания «Стил бразерс».

Вопросы, связанные с компенсацией за национализацию, указанные компанией, затянулись на неопределенное время, но все же компенсация или выкупные платежи были выплачены, хотя и не на условиях продавца. Все это не было экспроприацией, а скорее сменой владельцев предприятий или части ее акций.

Наиболее важные законы были приняты в сельском хозяйстве. Они имели целью изменить характер аграрных отношений. После ряда мер, улучшивших положение арендаторов против помещиков-ростовщиков, в 1948 г. был принят закон о национализации земли с изъятием (без комиссии) у помещиков земель сверх установленного минимума (50 акров на рисовых землях) и распределением их среди безземельных и малоземельных крестьян²⁸. Закон был недостаточно разработан, он должен был применяться фактически экспериментально на малой площади. В то же время его осуществлению мешало широкое повстанческое движение. В 1953 г. и 1954 г. был принят новый закон о национализации земли с теми же целями. По данным на 1957–1958 гг., было всего национализировано примерно 3,3 млн. акров сельскохозяйственных земель, из которых было распределено 1,4 млн. акров среди 190 тыс. земледельцев²⁹. Намечено же к национализации было примерно 9 млн. акров. За национализацию земель полагалась определенная компенсация (разных форм и категорий). В конце 50-х гг. программа национализации и распределения земель была приостановлена ввиду обнаружения дефектов ее хода и исполнения. При военном же режиме (начало 60-х гг.) реформа земельных отношений была пересмотрена. Но фактом объективной истории было то, что индийских помещиков-ростовщиков в Бирме практически уже не было, они бежали в массе на родину в Индию во время японской оккупации Бирмы. Значит, на деле их система землевладения и арендных отношений (с захватом крестьянских земель за долги) была уже разрушена. Бирманское же законодательство и политика в аграрном вопросе после войны и независимости должны были затем просто юридически покончить с этой системой.

6. Структура власти независимой Бирмы

Главной руководящей политической силой страны была Антифашистская лига народной свободы вместе с входившей в нее Социалистической партией. Центральной политической фигурой

Бирмы в рассматриваемый период был Такин Ну (У Ну) как президент АЛНС и премьер-министр. Его ближайшими коллегами и соратниками (до раскола 1958 г.) были лидеры соцпартии — У Ба Свэ и У Чжо Ньейн. Сам У Ну был беспартийным. Соцпартия, единственная партия тогдашней АЛНС, не имела развитой партийной сети и действовала в основном как кадровая партия внутри АЛНС и через нее. В середине 50 — начале 60-х гг. в соцпартии числилось от 7 до 12 тыс. членов³⁰. Социалисты располагали большинством в исполкоме АЛНС и имели решающее слово в принятии решений, особенно если удавалось убедить в них У Ну. Они также руководили массовыми организациями трудящихся.

Что касается АЛНС, то с 200 тыс. членов в мае 1945 г. она стала быстро расширяться. Но после раскола с компартией в 1946 г. членство в АЛНС сократилось. С началом восстания компартии в 1948 г. численность АЛНС резко упала, и данные о ней вообще перестали публиковать. Впервые за десятилетие, после стабилизации положения, они были опубликованы только в 1957 г. Тогда в АЛНС числилось 1,3 млн. членов (487 тыс. индивидуальных и 800 тыс. коллективных, в том числе 550 тыс. членов Всебирманской крестьянской организации, 100 тыс. от Федерации торговцев и ремесленников и 60 тыс. от профсоюзов)³¹.

АЛНС-соцпартию можно было в целом назвать правящей коалицией, представляющей почти все социальные слои и группы. В советской историографии эта коалиция часто интерпретировалась как буржуазная или даже «компрадорская», что было данью догматике. Фактически она воплощала (как видно хотя бы из приведенных выше данных о ее составе) разнородную и разрозненную демократическую (в широком смысле) смесь полупролетарских, пролетарских, мелкобуржуазных слоев, представителей интеллигенции и малообразованных масс (в том числе — крестьянства) и включала лишь отдельные буржуазные (пробуржуазные) элементы. Поэтому в структурно-политическом отношении это была коалиция центристских, левоцентристских, левых, правоцентристских и весьма слабых правых (пробуржуазных) представителей. В целом эта политическая конструкция имела центристский, левоцентристский и левый преобладающий вектор. Но прочного баланса сил она не имела, о чем сигналы стали поступать с самого конца 40-х гг. Политический центр персонально олицетворял сам У Ну с его то левоцентристским, то правоцентристским, но демократическим уклоном. Вообще, У Ну был центральной уравнивающей

фигурой всей коалиции с его буддийским нейтрализмом, «срединностью», хотя по темпераменту это был весьма горячий и упрямый человек. Главной чертой его политики было «гибкое» сочетание идеализма и прагматизма. Парадокс У Ну состоял в том, что этот лидер АЛНС и страны был беспартийным, потому что это выражало его постоянную отстраненность от активной политики и тем более от борьбы, чреватой кровопролитием. Это был некий живой, земной, идеальный буддийский тип политика, которых в мире очень немного, но тем не менее на практике он был достаточно реалистичным государственным и политическим деятелем и многое делал в Бирме в рамках своих убеждений и статуса. Временами он внезапно уходил в монастырь и отдыхал там от дел и собственных противоречий³².

Феномен бирманской политической «левизны» (как бы условно и с оговорками ни употреблять этот термин) в классовом смысле объяснялся отсутствием или «почти отсутствием» сколько-нибудь развитой национальной бирманской буржуазии. В Лиге и правительстве после 1948 г. были отдельные представители бирманского и бирманизированного индийского (пакистанского) предпринимательства. Но их реальной функцией было не руководство правящей коалицией, а скорее сдерживание ее от скоропалительных и нередко левацких загибов «просоциалистических» лидеров коалиции, особенно в экономической политике. Что касается «левизны» Бирмы, то она отчетливо видна в том, какие «социализмы» исповедовал ряд политических деятелей страны с 20–30-х гг. Это был и «фабианский социализм» (ранний У Ну), и марксистский или советский социализм (коммунисты и другие левые), и «буддийский социализм» («средний» У Ну и некоторые социалисты), и государственный социализм, и социалистическо-марксистско-буддийские «смеси» (соцпартия), и демократический социализм (У Ну и некоторые социалисты). Здесь уместно забежать вперед и отметить, что после парламентского периода появился собственно «бирманский социализм» («Бирманский путь к социализму»), а также «маоистский социализм» (коммунистов-повстанцев с середины 60-х гг.).

Эта тяга к социализму (хотя бы и в различных формах) или к социалистической фразеологии в политике начала приходить в Бирму с Запада, но позже — с Востока как передаточного пункта (Индия, Китай). Но особо сильное воздействие шло от социализма и марксизма в их советской форме. Оно было многократно усилено политическими симпатиями бирманцев к СССР и в еще большей степени — победой

советского народа в Великой Отечественной войне. Социализм как лозунг или программа для будущего использовался рядом политических партий и групп, а также в государственных документах независимой Бирмы. О социализме как возможной перспективе будущей эволюции говорилось в первом двухлетнем плане экономического развития для Бирмы³³. В конституции 1947 г. о социализме прямо не упоминалось, текст же ее говорил по смыслу то ли о государственном социализме, то ли о госкапитализме. Но напомним, что при введении этой конституции в действие первый временный президент Бирмы Сао Швэ Тай заявил в парламенте 4 января 1948 г., что главным направлением политики будет «настоятельное стремление к установлению Бирманского Союза как социалистического государства...»³⁴.

Здесь, правда, надо учитывать, что для многих бирманцев, мысливших в социалистических категориях, социализм был прежде всего синонимом антиколониализма или антиимпериализма, а потом уж антикапитализма (притом что сам антикапитализм нередко понимался как антиколониализм). Важно учитывать и тот момент, что, как бы ни истолковывалось понятие социализма различными бирманскими политиками, требование приверженности к социализму как идее и к социалистической фразеологии перешли, как уже отмечалось, и в следующий период «Бирманского пути к социализму». При этом практически неважно, какой социализм можно было считать «истинным», а какой — нет, потому что этого никто никогда не знал и не знает до сих пор.

Говоря о Социалистической партии Бирмы как единственной и ведущей партийной идеологической и политической силе тогдашней АЛНС, нужно добавить, что она образовалась в сентябре 1945 г. на базе Народной революционной партии (НРП), созданной еще до тихоокеанской войны и принявшей активное участие в борьбе против Англии на стороне японских войск в 1942–1944 гг. Это была радикальная, боевая патриотическая группа. В ней участвовали в пору создания в 1939–1940-х гг. Такин Аун Сан, Такин Ну, Ба Свэ, Чжо Ньейн, Ле Я и др., то есть те же люди, которые приняли участие в создании КПБ или стояли близко к ней примерно в то же время. То есть национализм, антиколониализм, антиимпериализм, радикализм, марксизм, коммунизм, буддизм — все в этой среде и созданных ими организациях (КПБ, НРП или соцпартия) было перемешано в устремлении к одной, единственной главной цели — достижении Бирмой независимости, используя для этого благоприятные международные и внутрибирман-

ские условия. Мерки четких идеологических разграничений здесь не подходят или подходят с трудом.

Первым главой Социалистической партии и ее массовых организаций (профсоюзов и крестьянских союзов) был Такин Мья, погибший вместе с Аун Саном. Другими лидерами были У Ба Свэ и У Чжо Ньейн, выдвинувшиеся в партии после гибели Такина Мья. Они же стали и ближайшими коллегами и сотрудниками У Ну по работе в АЛНС и правительстве (хотя это сотрудничество протекало не всегда гладко). Из них двоих более позитивной, умеренной «промарксистской» фигурой был Ба Свэ, проявлявший большой интерес к вопросам теории, а Чжо Ньейн был в большей мере практическим политиком и организатором со склонностью к некоторому политиканству и к сфере безопасности.

Парадокс соцпартии состоял также в том, что она фактически не имела своей организационной сети в стране и действовала как небольшая кадровая партия внутри другой большой массовой партии — АЛНС. В этом и состояла ее сила и слабость.

Уже говорилось, что как АЛНС, так и соцпартия с самого начала заявляли о своей приверженности социализму и марксизму. Степень и рамки этой приверженности со временем и обстоятельствами колебались. С одной стороны, были взяты на вооружение некоторые формулировки и идеи из Маркса, Ленина, Сталина, советского социализма и КПСС. Читая некоторые материалы соцпартии 50-х гг., иногда даже можно усомниться, не коммунистический ли это текст³⁵. К цитированию Ленина, Маркса, материалов КПСС нередко прибегал и сам Такин Ну (как ранее Аун Сан), причем обычно в положительном и уважительном плане. Отечественная война 1941–1945 гг. советского народа вообще была в глазах бирманцев всех слоев и групп высочайшим эталоном патриотизма и доблести, которыми, кстати сказать, и воодушевлялись бирманские освободительные силы, перешедшие от тактического сотрудничества с Японией в 1941–1944 гг. к подготовке выступления против нее и осуществлению, согласованному с союзниками, широкого вооруженного восстания в марте 1945 г. (Объективности ради надо признать, что наиболее активную роль в этом переходе сыграли разрозненные элементы еще несформировавшейся компартии Бирмы.) Накануне и после провозглашения независимости левые и левоцентристские силы в АЛНС и соцпартии особенно ценили в советском опыте строительства социализма идею быстрой модернизации и систему экономического планирования как средство

оптимальной мобилизации ресурсов, особенно в условиях постколониальной экономической отсталости и разрухи. Этот опыт правительства АЛНС (а затем и другие правительства Бирмы) и стало в какой-то мере применять с тем или иным результатом.

Главными текущими политическими задачами соцпартия в середине 1950-х гг. считала ликвидацию помещичьего землевладения и национализацию земли, национализацию крупных «монополистических» отраслей промышленности, индустриализацию страны в сотрудничестве с новой буржуазией и др.³⁶ Правда, в программе на будущее говорилось также и о «диктатуре пролетариата», что можно объяснить излишней приверженностью автора программы к цитированию из «великих внешних источников» для укрепления своих позиций. Нигде больше подчеркивание идеи «диктатуры пролетариата» в высказываниях соцпартии и АЛНС не встречалось. Это было единственное высказывание, нечто вроде оговорки. Политическая же сторона социалистической (коммунистической) системы в СССР не встретила единой оценки левых и социалистов в АЛНС, а у некоторых вызывала негативные оценки и отторжение (диктатура пролетариата, однопартийность, отсутствие свободы слова, преследование церкви и т. д.). Поэтому можно сказать, что «просоциализм» левых и левоцентристов в Бирме (рассуждая в рамках официальной советской доктрины марксизма-ленинизма и форм советского социализма) был ограниченным, но тем не менее он был реальной категорией и практикой, игнорировать которую было бы ошибочно, а так поступали не только бирманские коммунисты, но и ряд советских бирманистов, находившихся под прессом негибкой и нетерпимой к другим официальной идеологии марксизма-ленинизма. Бирманский «просоциализм» левых и левоцентристов в АЛНС и соцпартии был, как уже указывалось ранее, скорее всего азиатской формой демократического социализма или движения к нему (можно сказать, демократический социализм в стадии «куколки»). В силу упомянутого «смешанного» состава соцпартии (как и самой АЛНС) там были различные настроения и группы. Одна из этих групп вышла из состава соцпартии (и Лиги) с критикой их «слева». В декабре 1950 г. она сформировалась в Рабоче-крестьянскую партию Бирмы (позже названную Рабочей партией Бирмы)³⁷.

Народная добровольческая организация (НДО). По-бирмански — «Пьиду йебо апхвэ» — «Организация народных товарищей». На раннем этапе НДО была частью проправительственных структур. Она, как уже выше говорилось, была создана Аун Саном в 1945 г. из

участников движения сопротивления как полувоенный резерв АЛНС в борьбе за независимость и форма организации и «дисциплинирования» тысяч участников этого движения (в основном деревенских и отчасти городских низов).

Точная численность членов НДО никогда не определялась (неясная динамика состава, вероятная заинтересованность некоторых лидеров НДО к «раздуванию» ее численности в политических целях). Существующие оценки численности НДО со стороны разных авторов и источников колеблются от 800 тыс. и 300 тыс. до более умеренной и правдоподобной — 100 тыс.³⁸ Этой последней цифрой исследователи и политики в основном и пользуются. При этом надо иметь в виду, что члены НДО были разбросаны по всей Бирме и ее отделения имелись едва ли не в каждой городке и деревне. Есть интересные рассуждения об оценке численности возможных «боевых сил» НДО. Это сделал в свое время американский исследователь Ф. Трейгер. Он исходил из принятой умеренной цифры численности НДО (100 тыс.). При этом он считал, что около 25% членов не являются активными, примерно 10% были включены после войны в состав новой армии и полиции. Оставшиеся составляли 65% принятой оценки численности НДО³⁹. Даже при таком «умеренном» раскладе эти 65% представляли бы собой мощную силу, если бы она была хорошо вооружена.

Часть ветеранов движения сопротивления из «армий» японского периода была зачислена в официальную армию Бирмы в 1945 г. (еще «колониальную»), но большинство их, в основном партизан, было предоставлено самим себе с непрогнозируемыми последствиями для закона и порядка (многие из них не имели ни работы, ни жилья, но обладали оружием). Отчасти поэтому они и были организованы в НДО и взяты, так сказать, под официальный надзор и опеку АЛНС.

Политически НДО была «смешанной» организацией с влиянием как компартии, унаследованным со времен движения сопротивления, так и с большой привязанностью к АЛНС и ее погибшему лидеру Аун Сану. Ряд членов НДО были избраны в Учредительное собрание 1947 г. В 1947 — начале 1948 г. три руководителя НДО были членами правительства страны⁴⁰.

Разнородный, «неспокойный» состав организации привел к тому, что в 1948 г., после начала коммунистического восстания и под прямым воздействием компартии, НДО раскололась. Большая часть ее также ушла в подполье и восстала против правительства (НДО «Белая лента»), меньшая часть (НДО «Желтая лента») оставалась лояльна

АЛНС⁴¹. В отличие от других основных повстанческих организаций (коммунистов и каренов), НДО (ее восставшая часть) через 10 лет вышла из подполья («на свет», как говорят в Бирме), законно легализовалась под названием «Партия народных товарищей» и просуществовала до 1964 г., когда, после военного переворота генерала Не Вина в марте 1962 г., все партии в стране, кроме партии военных, были распущены и была введена однопартийная система милитаризованного образца. Следовательно, включать НДО во власть и ее структуры можно только частично, ибо большая часть ее после середины 1948 г. ушла в вооруженную оппозицию.

Армия (Вооруженные силы, по-бирмански употребляется термин «Тамадо»). Бирманская армия стала особой частью политической системы страны, точнее было бы сказать — государственно-политической. Отчасти это объясняется имперской историей Бирмы доколониального периода. Отчасти — национально-политическим угнетением Бирмы в колониальный период. Отчасти, говоря конкретнее, — специфическими обстоятельствами фактического возникновения бирманских вооруженных сил в годы тихоокеанской войны и японской оккупации Бирмы с последующей реорганизацией части этих сил в регулярную армию Бирмы (что стало происходить в период отступления англичан из Бирмы в 1945–1947 гг.). Наконец, необходимо учитывать совершенно особенные условия Бирмы первых лет независимости, когда различные повстанческие силы, прежде всего коммунисты и карены, а затем и гоминьдановские интервенты, поставили под вопрос само существование независимой бирманской государственности и когда потребовалось срочное и энергичное строительство, укрепление и расширение бирманских вооруженных сил как главного орудия отпора мятежным и интервенционистским силам. Впервые бирманская армия превратилась по-настоящему в главный военный фактор Бирмы и постепенно в важнейший компонент политической системы страны, который мало-помалу «завис» над остальными ее частями и приобрел большой импульс и вес, а армия — привычку к полному политическому господству. В 1958–1960 гг. армия пришла временно к власти в стране еще в рамках конституционно-парламентского компромисса с гражданскими институтами. Она, видимо, убоялась тогда сразу увековечить свою власть и временно отступила. Но вскоре, в начале 1962 г., тщательно подготовившись, она совершила полномасштабный государственный переворот и непосредственно, без каких-либо гражданских атрибутов, овладела властью, став на долгие

десятилетия (до сих пор!) основным «скелетом» и «плотью» бирманской государственности, отбросив или подавив все гражданские государственные, политические и общественные гражданские институты. Прав американский востоковед Д. М. Сикинс, который назвал военный режим в Бирме после переворота 1962 г. «государством в виде армии» («Army — State»)⁴².

С конца имперской доколониальной Бирмы в 1885 г. и вплоть до начала тихоокеанской войны 1941–1945 гг. в стране фактически не было бирманской армии. В 80–90-х гг. XIX в. она была разбита английскими колонизаторами, и политикой последних в вопросе армии было почти полное отстранение собственно бирманцев от набора в колониальную армию. Эта армия стала комплектоваться на британско-индийской основе (собственно британцы, сикхи, пенджабцы, гуркхи) и, что касается населения Бирмы, то — при почти исключительном найме в армию представителей местных небирманских малых народностей и племен. Поразительным фактом кануна Второй мировой войны (1938 г.) являлось то, что колониальная армия Бирмы состояла в национально-этническом отношении из: 3040 солдат малых этнических групп страны, 1423 индийцев, 1587 британских солдат и 159 собственно бирманцев, при этом офицерами были 163 британца, 75 из числа малых народов страны, 36 индийцев и... 4 бирманца⁴³. При более подробном рассмотрении этнического состава колониальной армии примерно в те же годы оказывалось, что карены составляли 1448 человек, качины — 881, чины — 868, другие — 168, и под графой «бирманцы» значилось 472 человека, но... вместе с монами и шанами, которые, несомненно, составляли в этой группе большинство⁴⁴.

Первым ростком собственно бирманской армии Бирмы была упоминавшаяся уже Армия независимости Бирмы (АНБ), провозглашенная в Бангкоке 26 декабря 1941 г. после подготовки офицерских кадров («30 товарищей») под руководством японцев. В первый день при провозглашении АНБ в ней было более 20 добровольцев, через день — еще 50⁴⁵. При отправлении из Бангкока к границам Бирмы в ней состояло 150 человек сиамских граждан бирманского происхождения. Когда же АНБ вошла (одновременно с японским вторжением) на территорию Бирмы, в ней уже было свыше 3,7 тыс. солдат и офицеров. К середине мая 1942 г., когда завершилась японская оккупация Бирмы (в военных действиях против англичан приняла участие и АНБ), численность АНБ достигла 23 тыс. человек. Но японцы, опасаясь разрастания ее, преобразовали ее в июле 1942 г. в Армию обороны Бирмы (АОБ) и вскоре

низвели ее численность до 3 тыс. человек. Основная же часть АНБ была разоружена и распущена, но организация АОБ стала стройнее. Первоначально АОБ состояла из трех пехотных батальонов. Их командиры были подготовлены в офицерской школе в Мингаладоне (под Рангуном) и в японской Императорской военной академии (все они после 1948 г. стали старшими офицерами новой независимой армии Бирмы). В августе 1943 г., сохраняя свой оккупационный режим в этой стране, Япония была вынуждена объявить о независимости Бирмы, в результате чего произошла реорганизация и фактически укрепление и развитие АОБ, преобразованной тогда же, в 1943 г., в Национальную армию Бирмы (НАБ, по-бирмански «Бама Тамадо»). Она, можно сказать, стала непосредственной предшественницей будущей независимой бирманской армии. Подобно АНБ и АОБ, это была в основном армия бирманцев как главной национально-этнической группы страны в противоположность положению, существовавшему до войны. Её численность накануне антияпонского восстания составляла почти 11,5 тыс.⁴⁶ НАБ находилась под руководством министерства обороны тогдашнего прояпонского правительства Бирмы во главе с Ба Мо. Министерство обороны возглавлял Аун Сан, которому японцы пожаловали звание генерал-майора (по-бирмански — «боджоу»). Он стал первым бирманцем, получившим это высшее в бирманской колониальной истории XX в. генеральское звание, и этим званием, независимо от его происхождения, бирманцы не могли не гордиться. В дальнейшем, после 1945 г., как ранее говорилось, Аун Сан оставил военную карьеру и полностью ушел в политику. Но генеральское звание прочно прикрепилося к его имени, и он, после гибели в 1947 г., стал для бирманцев навечно «боджоу Аун Сан» и отцом армии. Вторым человеком в руководстве НАБ в 1943 г. был Не Вин, получивший при японцах чин полковника. Напомним, что, исходя из интересов сотрудничества бирманских антифашистских сил с союзниками, НАБ после восстания летом 1945 г. была переименована в Патриотические бирманские силы (ПБС), а затем в целях создания новой послевоенной регулярной бирманской армии ПБС были реорганизованы. Часть их, примерно 5,7 тыс. человек, была включена в эту новую армию⁴⁷, а основная же их масса через несколько месяцев была преобразована в упоминавшуюся выше Народную добровольческую организацию.

Соглашение с англичанами о реорганизации ПБС и начале создания новой регулярной армии было достигнуто на конференции в Канди (Цейлон) в сентябре 1945 г. Английская сторона настаивала на

индивидуальном отборе при приеме членов ПБС в новую армию, а не просто переводе в нее прежних батальонов. Аун Сан добился так называемого «классового подхода» к формированию армии, имея в виду ее построение по этническому принципу (группам) — из отдельных бирманских, каренских и других «расовых» батальонов⁴⁸. Это делалось ради генеральной задачи — бирманизации армии, сохранения достигнутых положительных результатов японского периода, особенно — сохранения бирманских офицерских кадров. Нужно еще раз напомнить, что в колониальный период армии бирманцев в Бирме вообще не было: это была армия англо-индийцев и «горных народов».

После соглашения в Канди были вскоре созданы 1, 3, 4, 5 и 6-й батальоны как «чисто» бирманские части⁴⁹. Фактической основой их были батальоны и кадры бывшей НАБ/ПБС. 2-й батальон, перешедший от англичан, оставался при смешанном составе (из «горцев»). Особым среди названных выше батальонов был 4-й. Это был батальон бывшего полевого командующего НАБ полковника Не Вина. В дальнейшем он стал источником лояльных Не Вину военных и политических кадров, особенно при начавшемся после независимости его возвышении.

Строительство и расширение новой бирманской армии активно шло уже в 1945–1947 гг. Накануне независимости ее боевые части насчитывали 13 пехотных батальонов и 2 полка. Из них 6 батальонов были бирманскими («Burma rifles», «Burifs»), 3 каренских («Karen rifles»), 3 качинских («Kachin rifles») и 2 чинских («Chin rifles»). 4-й полк был бирманским и еще один — чинским⁵⁰. В дальнейшем в связи с внутренними восстаниями и внешней интервенцией (гоминьдановцев) формирование и рост бирманской армии были ускорены. С учетом мятежей и измены ряда частей армии в феврале 1949 г. насчитывалось, по оценкам, всего 6 лояльных правительству батальонов, к началу 1952 г. их стало уже 9, а еще через год — 41⁵¹. Это было достигнуто в основном за счет включения в армию иррегулярных местных формирований. К концу 50 — началу 60-х гг. численность вооруженных сил Бирмы превысила 100 тыс. Тенденция укрепилась и усилилась настолько, что в дальнейшем на протяжении последующих десятилетий армия стала уже исчисляться двумя, тремя и даже четырьмя сотнями тысяч человек⁵².

Речь в данном случае идет не об истории вооруженных сил Бирмы как таковых. Речь идет о большом возвышении их, что привело уже в конце 50-х гг. к первому военному правительству Бирмы

(хотя и в парламентских рамках), а затем с начала 60-х гг. — к полномасштабному, тотальному взятию армией государственной власти в стране, созданию, как упоминалось выше, «государства в качестве армии». Следовательно, нужно констатировать не то бесспорное для большинства государств положение, что армия является нормальной и обязательной для них составной частью суверенной государственно-политической и общественной структуры, а то, что в каких-то конкретных специфических с точки зрения внутренних и внешних факторов развития армия сначала эволюционно, а затем — революционно встала, возвысилась над всем обществом, подчинила его себе и стала управлять им, подавляя его, представляя военную диктатуру во всех ее деспотических проявлениях и лишая общество скорой надежды на освобождение от ее «объятий».

Возвышение армии в постколониальной Бирме полностью соответствовало восхождению самого Не Вина, ее профессионального военного лидера. При японцах, как уже упоминалось, он был вторым после Аун Сана лицом в командовании НАБ. После освобождения Бирмы от японской оккупации, при преобразовании НАБ/ПБС, то есть еще при англичанах, он был поначалу «понижен», получив в конце 1945 г. чин майора. Но через год он стал подполковником, а в 1947 г. — снова полковником, а затем — бригадным генералом. В начале 1948 г., после провозглашения независимости Бирмы, он был назначен заместителем начальника генерального штаба армии (то есть зам. главнокомандующего армии), в августе того же года получил звание генерал-майора (то есть стал вторым в истории Бирмы «боджоу»), а в следующем году — звание генерал-лейтенанта. В связи с началом каренского восстания в январе 1949 г. тогдашний главнокомандующий армией карен Смит-Дун был смещен (вместе с рядом других руководящих каренских военных), и его место занял его заместитель — Не Вин, который стал начальником генштаба и верховным главнокомандующим вооруженными силами страны, включая обычную полицию и военную полицию⁵³. В апреле 1949 г., в самое тяжелое для Бирмы время — пик наступления повстанческих сил, — он был назначен заместителем Такина Ну с ответственностью за посты министра внутренних дел и министра обороны⁵⁴. На этих должностях он оставался до сентября 1950 г., после чего, уйдя в отставку из правительства, сконцентрировался на сугубо военной сфере, и прежде всего на дальнейшем строительстве и укреплении армии и мерах подавления повстанческих сил, «становой хребет» которых к 1951–1952 гг. был уже надломлен.

Но впереди (особенно с 1952 г.) предстояла неожиданная, трудная и «вязкая» борьба с гоминьдановской интервенцией Бирмы, связанной с политикой США, которая была направлена на поддержку рухнувшего гоминьдановского режима в Китае. США оказывали материальную и моральную поддержку гоминьдановским интервентам в Бирме, как далеко задуманной акции против КНР и игнорировавшей суверенные интересы таких ее соседей, как Бирма, на территорию которых вторглись примерно 12 тыс. остатков гоминьдановских войск, отступивших из Китая⁵⁵.

7. Оппозиция и союзники

Рассмотрим теперь лагерь оппозиции.

В канун независимости и особенно после ее достижения **компартия Бирмы (КПБ)** стала главной идеологической и политической оппозицией в стране. До конца марта 1948 г. она действовала в рамках легальности. В конце марта 1948 г. она ушла в подполье, начав и затем возглавив широкое и многолетнее (сорокалетнее!) вооруженное восстание против правительства независимой Бирмы. Как уже отмечалось, на единственном легальном съезде КПБ в июле 1945 г. в партии насчитывалось 6 тыс. членов⁵⁶.

Когда в 1948 г. началось вооруженное восстание, КПБ, по правительственным данным, поддерживали не менее 25 тыс. активных сторонников и сочувствующих⁵⁷, полностью вооруженных коммунистов было поначалу свыше 5 тыс., не считая уже упоминавшихся армейских и других дезертиров, примкнувших к ней⁵⁸.

Здесь следует напомнить, что в Бирме с весны 1946 г. существовали 2 общепбирманские коммунистические организации, образовавшиеся в результате раскола 1946 г. Основной была компартия Бирмы (КПБ) во главе с Такином Тан Туном, называвшаяся ее противниками КП «Белого флага», и раскольническая, второстепенная КП «Красного флага» во главе с Такином Со. Название последней содержало намек на то, что основная КПБ — «соглашательская», а вот «Красный флаг» — истинно революционная партия. Последнюю в литературе часто именовали «троцкистской» за непримиримость и террористическую тактику налетов. КП «Красного флага» с самого начала (1946 г.) и до конца была небольшой законспирированной подпольной группой (с несколькими десятками активных членов и несколькими сотнями

симпатизирующих)⁵⁹. «Красный флаг» принял активное участие в разжигании и увековечении гражданской войны в Бирме и иногда даже предпринимал совместные с КПБ вооруженные действия.

В конце 1947 — начале 1948 г., вскоре после заключения и ратификации в парламенте англо-бирманского договора о независимости, КПБ усилила свои нападки на АЛНС, все жестче обвиняя ее в сговоре с англичанами, превращении ее в их орудие, а саму независимость Бирмы стала постоянно называть «фальшивой».

Но, как показали дальнейшие события, дело было не в «плохом» договоре (он был вполне «неплохой»). Речь шла о переходе КПБ от прежней легальной и мирной тактики к тактике вооруженной борьбы против правительства. Вопрос же о договоре использовался как предлог для начала широкой кампании по дискредитации и подрыву власти национального правительства с тем, чтобы подготовить ее захват. Надо признать, что все это происходило не спонтанно и изолированно, а находилось под решающим воздействием новой линии международного коммунистического движения, перешедшего к тактике боевого революционного натиска на все позиции империализма, включая его бывшие или настоящие колониальные владения. Эта новая линия получила отражение в документах Совещания Коминформа в Польше в конце сентября 1947 г. Центральным тактико-стратегическим лозунгом этого совещания было: «Главная опасность для рабочего класса сейчас состоит в недооценке своих сил и в переоценке сил империалистического лагеря»⁶⁰. Эта формула была повторена дважды: в Декларации совещания и в докладе А. Жданова, представлявшего ВКП(б).

Его практический смысл мог быть интерпретирован коммунистами разных стран, прислушивавшимися к голосу Коминформа, только одним образом: это был призыв «идти в бой и бить первыми», то есть «поднимать революцию». Именно под влиянием этой сталинско-ждановской агрессивной доктрины дальнейшего разворачивания мировой революции (а именно о ней, о ее новых приобретениях шла речь в Коминформе) во многих странах произошло в той или иной форме и масштабе усиление наступательных действий компартий и близких к ним групп.

В Восточной Европе силой создавались коммунистические режимы «народной демократии» — сателлиты СССР (именно в те годы — 1948–1949 гг., иногда несколько ранее). Под руководством коммунистов была спровоцирована мощная волна забастовочного

движения во Франции (с пустыми или негативными результатами, как раскол рабочего движения). В Берлине советское правительство организовало громкую «Берлинскую блокаду». В Китае полыхала многолетняя, но победоносная революционная война против Гоминьдана. В Индии коммунисты усиленно разжигали крестьянское восстание в Телингане, хотя оно клонилось к затуханию.

Что касается Юго-Восточной Азии, то здесь под руководством местных коммунистов произошли прямые вооруженные антиправительственные восстания. Кроме Бирмы это затронуло Филиппины, Малайю, отчасти Индонезию (восстание в Мадигуне). Примечательно то, что все эти события в ЮВА произошли почти одновременно в достопамятном 1948 г. («коминформовском» году), как будто кто-то подал общий сигнал (это логическое предположение, которое документально пока не доказано и некоторыми может отвергаться).

Посмотрим на бирманскую проблему поближе. В конце 1947 — начале 1948 г. были налажены контакты лидеров КПБ с индийскими коммунистами, которые в соответствии со временем меняли свое прежнее умеренное руководство Джоши на Ранадива, как более боевое и революционное, и приняли новую революционную тактику Коминформа.

Авторитетный член руководства КПБ Х. Н. Гошал («Тов. Ба Тин»), ответственный за идеологическую работу в партии, дал в декабре 1947 г. интервью индийской газете, опубликовавшей его 4 января 1948 г., в первый день независимости Бирмы, в котором автор критиковал «правые» («соглашательские») ошибки КПБ (то есть какое-то признание компартией АЛНС и сотрудничества с ней) и призывал исправить этот уклон. В то же время он утверждал, что АЛНС-де превратилась в орудие британского империализма, откуда вытекала необходимость свергнуть власть АЛНС и заменить ее «подлинно народным правительством»⁶¹. Несколько позже этот подход был, по-видимому, разработан более подробно и был превращен в документ КПБ, названный «О современной политической ситуации в наших задачах»⁶². Он был одобрен политбюро (с критикой за нарушение дисциплины, допущенной Гошалом в оценках «ошибок» КПБ), затем ЦК и несколько позже — в марте 1948 г. — конференцией КПБ в г. Пьинмана, опорном месте повстанцев среди района джунглей и гор Пегу. Это был 26–27-страничный документ в mimeографическом виде, имеющийся в распоряжении некоторых известных бирманистов (в том числе американца Ф. Трейгера). Однако за этим документом, прошедшим через

некоторое редактирование и изменения, укрепилось название «тезисы Гошала». Как писал позже в своей книге предыдущий генеральный секретарь КПБ Тейн Пэ, это была «новая линия», «попытка пересадить на Бирму [коминформовскую] линию Индии»⁶³. Стоит сразу же сказать, что четвертым пунктом резолюции упомянутой конференции КПБ было: «Конференция решает, что АЛНС должна быть уничтожена всеми возможными средствами»⁶⁴, и что в промежутках между обычными нападками КПБ на АЛНС появилось полностью извращенное прозвание АЛНС «фашистской», что, конечно, было политической выдумкой и дикостью, недостойной опровержения.

После враждебной и даже угрожающей резолюции КПБ правительство выжидало еще несколько дней, рассчитывая, что «крайнее помутнение разума» у лидеров КПБ пройдет и что общими усилиями будут достигнуты примирение и согласие. Однако маховик ответственности коммунистов раскручивался все сильнее. Правительство знало, что коммунисты в районах тайно собирали оружие, готовясь к войне. Тогда, 25 марта, премьер-министр У Ну отдал приказ об аресте главы КПБ Такина Тан Туна, но и теперь он задержал его исполнение в последней надежде на достижение мирной договоренности. У Ну шел на крайние уступки — включение коммунистов в правительство и собственную отставку, если надо. Однако и 27 марта Такин Тан Тун продолжал выступать с резкими и грубыми нападками и угрозами в адрес АЛНС, как будто насмехаясь над ее якобы обреченной уступчивостью. И тут «струна лопнула», и приказ об аресте полиция начала исполнять. Но когда утром 28 марта она прибыла в штаб-квартиру КПБ в Рангуне, то оказалось, что основные лидеры КПБ, видимо предупрежденные агентурой, уже покинули город и ушли в джунгли на заранее выбранные места базирования с тем, чтобы отсюда начать вооруженное выступление против правительства АЛНС. Приказ об уходе в джунгли получили от руководства КПБ и другие члены партии, кроме тех, кто законспирированно должен был составить городскую агентуру КПБ.

Так, 28 марта 1948 г. началось многолетнее вооруженное выступление коммунистов, к которому присоединились, как уже упоминалось, или были вовлечены другие «союзные» силы. Оно стало гражданской войной по своему охвату и последствиям. Эта война явилась тектоническим сдвигом в политическом положении страны, который привел к усилению внутренних противоречий и в рамках правящей коалиции, и в полуженеральной системе государства. Самый крупный

«грех» коммунистов и других мятежников состоял в том, что постоянное повстанчество привело к невиданному росту милитаризма в стране и в конце концов — к захвату армией всей власти в государстве. В результате была ликвидирована парламентская система и все демократические институты (сколь бы еще незрелыми и слабыми они в свои первые годы жизни не были).

* * *

Наиболее организованной и с самого начала хорошо вооруженной правой оппозиционной правительству силой были каренские сепаратисты. Ими руководили политическая и военная организации — **Каренский национальный союз (КНС)** и **Каренская национальная организация обороны (КНОО)**. Руководство этих организаций, как уже указывалось, принадлежало в основном к христианизированным и проанглийски настроенным элементам, пользовавшимся моральной и материальной поддержкой некоторых консервативных групп Англии.

Суть каренского движения и «вопроса» состояла в том, что карены не хотели войти в состав Бирманского Союза и добивались от Англии, а затем от бирманских властей создания на юго-востоке и юге Бирмы отдельного и независимого от Бирмы каренского государства, возможно, под британским протекторатом (первоначально карены выступали с претензией на бирманские районы Нижней Бирмы, где они были в меньшинстве). Антиправительственные локальные выступления каренов (демонстрации, иногда с оружием) происходили уже в середине 1948 г., но масштабное восстание началось в январе 1949 г. Несомненную провоцирующую роль в выступлении каренов сыграло коммунистическое восстание: последнее открыло им перспективу якобы возможной и легкой победы. Большая беда для Бирмы состояла в том, что, несмотря на всю разнородность идеологии, политики и требований коммунистов и каренов, их повстанческие действия отдельно или вместе были однонаправленны (против правительства), и они помогали друг другу вполне в духе боевой солидарности. Так, британскую столицу Бирмы г. Мандалай они захватывали в 1949 г. вместе. По данным премьер-министра, из бирманской армии в 1948–1949 гг. дезертировало 4 тыс. регулярных каренских солдат и еще 2 тыс. составлял смешанный бирманско-каренский персонал Военной полиции Союза⁶⁵, не считая уже менее значительные формирования. По другим данным, дезертировали три каренских армейских батальона⁶⁶.

Вместе с каренами-сепаратистами выступили моны — их ближайшие соседи по юго-востоку Бирмы, которые также добивались создания своего отдельного государства.

Кроме указанных групп в восстании участвовали сепаратисты, араканцы, муджахиды. Последние боролись за создание мусульманского государства в Аракане (на западе Бирмы, у границ современной Бангладеш). Среди араканских повстанцев были также местные коммунисты (отделенные от коммунистов Бирмы). Моны, муджахиды, араканцы-буддисты не представляли серьезной военной силы, но они пополняли общую повстанческую карту Бирмы.

* * *

На третьем году гражданской войны в Бирме появилась легальная левая оппозиция. Это была **Рабоче-крестьянская партия Бирмы (РКПБ)**. Она возникла в декабре 1950 г. на основе отколовшихся от соцпартии и АЛНС «левых социалистов», считавших, что коалиция АЛНС — соцпартия делает чрезмерные уступки Западу. Ее лидерами были Такин Чи Маун, Такин Хла, Чвэ, Такин Лвин и У Ба Ньейн. Членов этой партии в бирманистике стали называть «легальными» или «скрытыми» коммунистами. Позже РКПБ трансформировалась в **Рабочую партию Бирмы (РПБ)**, затем на основе объединения с Партией народных товарищей (ПНТ), созданной из вышедших в 1958 г. по амнистии «народных добровольцев», появилась Объединенная рабочая партия Бирмы (ОРПБ), которая, по ее заявлениям, базировалась на марксизме-ленинизме, но в рамках легальной политической деятельности.

Рабочая партия Бирмы в середине 50-х гг. объединилась с несколькими мелкими политическими группами центристов и умеренных и образовала довольно влиятельный **Национальный объединенный фронт (НОФ)**. В парламенте Бирмы и политической жизни НОФ стал заметной левой легальной силой и добился нескольких мандатов на парламентских выборах 1956 г. НОФ имел влияние и среди рабочих профсоюзов.

* * *

Мы должны также причислить к потенциально оппозиционным силам бирманское студенчество (вместе с некоторыми группами старшеклассников школ). Студенчество в истории Бирмы было боевой антиколониальной силой и на решающих поворотах истории,

и в период независимости. За ним могли стоять и стояли разные политические силы, которые оказывали на него влияние. Однако отличительным свойством студенческих масс в Бирме, особенно в Рангуне, была быстрая самостоятельная их «разжигаемость» как реакция на те или иные негативные события в стране. Поэтому они могли оказываться в авангарде политического движения.

Буддийское монашество в основном жило в дружбе с властями. Но в отдельных случаях часть монашества встревала в политику и устраивала антиправительственные демонстрации и другие акции.

Народная добровольческая организация (НДО) после гибели своего руководителя Аун Сана в 1947 г. оказалась на перепутье. Состоя в основном из десятков тысяч партизан и не принятых в армию солдат — участников антияпонского движения сопротивления — и близко общаясь с радикальными коммунистическими элементами — их бывшими соратниками, — НДО после 1948 г. не заняла твердой позиции в отношении развития событий и поддержки национального правительства против повстанцев. Напротив, вскоре после начала восстания коммунистов и под их непосредственным влиянием и подстрекательством бо́льшая ее часть (60% состава) присоединилась к повстанцам КПБ, а другая — меньшая часть — осталась лояльной правительству У Ну и АЛНС. Толчком для раскола НДО послужили планы правительства разоружить организацию и превратить ее в обычную политическую партию. Этому стало противиться большинство НДО, и оно ушло в джунгли к повстанцам.

Получилось так, что ни армия, ни НДО в 1948–1949 гг., в самый разгар повстанчества, не оказались в конечном итоге в проправительственном лагере, к которому принадлежали, и соединились в большой мере как раз с оппозицией, да еще вооруженной. Центральное бирманское ядро армии власти с верными качинско-чинскими частями все же сохранилось, и вокруг него пошел энергичный процесс восстановления и расширения армии, что сыграло решающую роль в последующем подавлении основных повстанческих сил. НДО, в основном ушедшая к повстанцам, через несколько лет вышла из подполья по амнистии и образовала гражданскую политическую «Партию народных товарищей», как правительство еще ранее и предлагало.

8. Гражданская война

Гражданская война в виде широкого повстанческого движения в Бирме/Мьянме — это феномен всего периода независимости страны, начиная с конца 40-х гг. и кончая началом XXI в., хотя с конца 80-х гг., с распадом компартии Бирмы, масштабы войны значительно сократились.

Бирманский военный историк У Ба Тан писал, что искрой, разжегшей гражданскую войну, было, как он называет, «предательское» восстание компартии Бирмы. После него последовали одно за другим другие восстания, и через год в стране действовали уже семь повстанческих групп, насчитывавших свыше 30 тыс. вооруженных и организованных повстанцев, включая значительное число армейских дезертиров-мятежников. Повстанцы установили контроль почти на 2/3 территории страны*, включая стратегические города, и фактически осадили столицу страны Рангун. В результате мятежа армия потеряла 42% личного состава и 45% вооружений. Внешний мир, писал У Ба Тан, сомневался, что армия выживет⁶⁷.

Напомним хронологию войны.

Коммунистическое восстание против правительства АЛНС началось 28 марта 1948 г. с уходом коммунистов в подполье, в джунгли, на заранее подготовленные базы. Оно началось как вооруженная борьба коммунистов за власть, призванной установить строй «подлинной» народной демократии. КПБ стала базироваться в округе Пегу (у гор Пегу-Йома), а также к западу от Рангуна и в Центральной Бирме в районе Мьянджана. КПБ стремилась поставить под свой политический и идеологический контроль возможно большее число повстанцев (через «единые фронты», «союзы» и военные объединения).

27 июня 1948 г. началось восстание большинства Народной добровольческой организации. Народные добровольцы укрепились в Нижней Бирме и части средней Бирмы по соседству с коммунистами.

В июле–августе 1948 г. произошли мятежи в армии и полиции с переходом восставших на сторону коммунистов или каренских сепаратистов. Они продолжались несколько месяцев то в одном, то в другом месте дислокации армии. Это был тяжелейший удар по правительству и армии.

* Премьер-министр Бирмы в одной из своих работ говорил даже о 90%.

В январе 1949 г., после предшествовавших локальных выступлений, началось широкомасштабное вооруженное восстание основных каренских частей в армии и полиции. Они вскоре заняли большой район среднего юго-востока Бирмы вдоль границы с Таиландом с центром в г. Папун, а также некоторые районы западнее Рангуна и вблизи его. Каренское восстание чрезвычайно ухудшило положение правительства — под угрозой оказалась столица страны.

Самыми «черными месяцами» правительства премьер-министр У Ну назвал февраль, март и апрель 1949 г., когда восставшие карены фактически осадили Рангун и судьба его висела на волоске. В течение 1949 г. различные повстанческие силы захватили основные части средней и южной Бирмы, включая самые крупные города и даже (временно) г. Мандалай. Здесь проживала основная масса населения и проходили основные речные и железнодорожные пути. Вся сердцевина и южная часть бирманского «ромба» была почти сплошь закрашена цветами различных повстанцев от северной точки около г. Швэбо до самого юга — г. Тавой, и от Аракана на западе до границ с Таиландом на востоке, где находилась основная «родовая» территория каренов.

1949 г. стал апогеем восстания. В критические месяцы и недели этого года армия все же смогла с помощью верных качинских, чинских и шанских частей выстоять и даже начать теснить в общем разрозненные повстанческие силы.

«Откат» восстания начался примерно с конца 1949 г., когда армия стала возвращать город за городом. Можно сказать, что триумфально для повстанцев начавшийся год кончался для них неудачно, первоначальные перспективы утрачивались, наилучшие возможности и резервы были уже использованы, а армия, напротив, набирала силы как людскими пополнениями, так и новым оружием.

Что касается последнего, то правительство АЛНС стало с лета 1949 г. получать английское вооружение, которое закупила для себя Индия, но по договоренности с Бирмой (и, конечно, с Англией) перенаправила военные поставки Бирме. Отношения между Индией и Бирмой в этот период были дружественными и тесными, так же как и лично между Дж. Неру и У Ну. Оружие частично поступало и из самой Англии, и начались переговоры и закупки его в США⁶⁸. Поставляемое в Бирму новое оружие сыграло значительную, если не решающую, роль в перевооружении бирманской армии и оттеснении, а потом и разгроме основных повстанческих сил.

Можно задать вопрос, а почему оружие в Бирму в критическое время пришло с Запада? Ответ на этот вопрос предельно простой: СССР и страны народной демократии заняли сторону коммунистических повстанцев и их союзников, и вопроса о поставках оружия реакционному «буржуазному», по их мнению, правительству Бирмы просто не могло быть. Поэтому Бирма и была вынуждена обратиться за помощью к Западу. Больше было не к кому. Процесс отеснения и разгрома основных сил повстанцев, особенно КПБ как идейного лидера, продолжался и в 1950 г., и особенно в 1951–1953 гг., когда был сломлен стеновой хребет мятежников и оставшиеся их группы были загнаны в отдаленные места и частично превратились в банды разбойников и мародеров. После 1953 г. зоны влияния повстанцев резко сузились. К концу 1954 г. число сдавшихся властям мятежников превысило 23 тыс. человек, среди них 4,5 тыс. были коммунисты⁶⁹. Но дело было даже не в этом. Произошла деморализация повстанческих сил. Они утратили уверенность и перспективу.

Еще в 1951 г. КПБ была вынуждена сменить резко враждебную риторику в адрес правительства АЛНС и провозгласить «новую линию» — «политику мира и коалиционного правительства»⁷⁰, то есть возможности сотрудничества с правительством У Ну, которое до этого были готовы «казнить». Эта перемена лозунгов была фактически знаком признания КПБ провала своей прежней вооруженной стратегии.

Со смертью И. Сталина в марте 1953 г. повсюду стали распространяться новые веяния о возможностях мирной революции. Они затронули и Бирму. В апреле 1955 г. ЦК КПБ на своем заседании заявил, что «партия оторвалась от народа» и от тактики вооруженной борьбы она должна отказаться⁷¹. (Правда, КПБ оставляла за собой право позже вновь рассмотреть вопрос о вооруженной борьбе.) В январе 1956 г. председатель КПБ Такин Тан Тун даже обратился к У Ну с письмом, выражая желание обсудить вопрос о мире с правительством⁷².

Правительство Бирмы в 1948–1958 гг. имело неоднократные контакты с мятежными коммунистами (обычно через посредников), но они ни к чему не привели. Коммунисты фактически требовали признания себя одной из «воюющих сторон», равноправия, сохранения своих «зон» и даже включения в армию своих мятежных частей. Но доверие к компартии было решительно подорвано. Основной линией правительства — особенно на фоне успехов армии в борьбе против повстанцев — было вооруженное подавление последних и требование сдачи с оружием без каких-либо условий. И надо сказать, что такая тактика

привела к тому, что к концу второй половины 50-х гг. произошла массовая сдача повстанцев, включая НДО, части коммунистов и других, в результате чего произошел резкий спад повстанчества в стране. Казалось, что не за горами его полный конец.

В 1957 г. премьер-министр У Ну подытожил общие потери нескольких лет гражданской войны (по положению на 1955 г.). Среди гражданских лиц погибло свыше 22 тыс. человек, среди военного персонала и гражданских служащих правительства — около 5,7 тыс. человек. Разрушение различной государственной и гражданской собственности оценивалось в 4,7 млрд. джа⁷³, что составляло в текущих ценах около 1 млрд. долларов. Это значило, что гражданская война «поглотила» доход, равный годовому ВВП (в середине 50-х гг.), что для слаборазвитой страны было огромным ущербом.

9. Гоминьдановская интервенция

Однако оттеснение и подавление армией местных повстанческих сил с начала 1950-х гг. сопровождалось появлением новой беды для бирманского государства. В начале 1950 г. в страну вторглись остатки гоминьдановских войск, разгромленных Народно-освободительной армией Китая (1 октября 1949 г. была провозглашена Китайская Народная Республика). Гоминьдановцы свободно пересекли недемаркированную северо-восточную границу Китая с Бирмой и вскоре, начав с княжеств народности ва, оккупировали весь восточный угол бирманского «ромба» с центром в шанском княжестве Кентунг. Они довели свою численность через несколько лет до 12 тыс. и стали полностью хозяйничать в этой чувствительной для страны многонациональной окраине. Время от времени они пытались вторгаться обратно на китайскую территорию, но терпели поражение, несмотря на дипломатическую и военную помощь, которую они получали прямо или косвенно от США, заинтересованных в подрыве нового Китая и поддержке остатков режима гоминьдана как на о. Тайвань, так и в северо-восточном углу Бирмы.

Вторжение гоминьдановцев заставило бирманское командование перебросить часть армии против интервентов, что ослабило ее антиповстанческие операции, чем не преминули воспользоваться в своих интересах местные мятежники. Гоминьдановская интервенция продолжалась несколько лет, привела к соответствующей жалобе Бирмы

в ООН, осуждению ее со стороны ООН и длительному процессу частичного вывода гоминьдановцев из Бирмы. Остатки же их осели на окраинных территориях северо-восточной Бирмы и занялись нарко-бизнесом (это район знаменитого «Золотого треугольника»), смешавшись с местным многоэтническим населением⁷⁴.

10. Парламентские выборы 1951–1956 гг.

Гражданская война задержала становление независимой государственности страны, ее социально-экономическое и политическое развитие.

Важнейшей политической проблемой после провозглашения независимости Бирмы стала организация парламентских выборов, первых по конституции 1947 г. и потому являвшихся мерилom легитимности новой власти. Отмена их из-за гражданской войны была бы, в сущности, самоубийством для власти. Их пришлось переносить и провести только в 1951–1952 гг., сразу после оттеснения и поражения основных сил повстанцев и создания элементарных условий безопасности в основных избирательных округах. Характерно, что первые парламентские выборы в Бирме были проведены в течение семи месяцев и в три приема (из-за действий повстанцев и необходимости перебрасывать армию в округа, где проводилось очередное голосование).

На выборах правящая коалиция АЛНС — соцпартия подтвердила свое первенство, получив 60% голосов и 147 мест в палате депутатов парламента (с союзниками около 200 из 250). Оппозиция — этнические партии, левые и независимые получили 33 места (из них легальные коммунисты из Рабочей партии — 12)⁷⁵. Более половины депутатов от АЛНС были социалисты. Из общей численности избирателей — примерно 8 млн. граждан — в выборах приняли участие лишь около 1,5 млн.⁷⁶ Можно сказать, что первые парламентские выборы были демократическими и справедливыми по своей основной процедуре, но на самом деле они были ограниченными и потому не полностью представительными, хотя сомнений в превосходстве АЛНС на выборах не вызывали. При этом ясно, что при всей формальной избирательной многопартийности новой Бирмы состав ее первого парламента был практически почти однопартийным: АЛНС с союзниками получила 85% мест⁷⁷.

Вторые выборы в Бирме состоялись в апреле 1956 г. уже в условиях дальнейшего спада повстанческого движения. Снова решающее большинство в палате депутатов парламента было за кандидатами правящей коалиции АЛНС — соцпартия: она получила 55% голосов и 145 мест (из 239) плюс 28 мест от своих союзников — всего 173⁷⁸. Созданный к тому времени левый Национальный объединенный фронт (НОФ) завоевал 48 мест, другие оппозиционные партии и группы — 7, независимые — 13. Выборы состоялись в 239 избирательных округах, в 9 оставшихся они были по условиям безопасности отложены.

Таким образом, и на этот раз сторонники АЛНС получили решающее большинство в парламенте. Но и успехи оппозиции были значительными — 54 места, из них у левого НОФ — 48. По числу же поданных голосов левые из НОФ были «ближе» АЛНС: 1,4 млн. голосов против правительственных 1,84 млн. Это было неприятным для правящей коалиции сигналом: парламентская оппозиция укрепилась и расширилась. Это был шаг вперед в развитии парламентаризма, причем в правильном, демократическом направлении — в направлении создания реальной многопартийности. Но об укреплении АЛНС и о разрешении волновавших ее внутренних разделов руководству коалиции предстояло серьезно подумать. У Ну как раз был настроен на проведении в АЛНС необходимых демократических реформ ради укрепления пошатнувшегося единства организации и усиления ее популярности у избирателей, а также превращении соцпартии в отдельную от АЛНС организацию.

В выборах 1951–1952 гг., проходивших в условиях гражданской войны, внутренние противоречия в правящем лагере отошли на второй план и были приглушены. Выборы 1956 г. проводились в более благоприятной обстановке большого спада, а потом и подавления армией повстанческого движения. Это, по-видимому, и позволило старым и накопившимся новым внутренним противоречиям в правящем лагере выйти наружу.

Избирательная кампания 1956 г. достаточно четко их выявила. Они существовали и усиливались между У Ну, главой Лиги и правительства, и социалистами во главе с У Ба Свэ и У Чжо Ньейном, а также внутри этих организаций между приверженцами тех и других. Речь шла о политическом преобладании и реформах в АЛНС и соцпартии, а также о борьбе за удержание ими расширения контроля руководства АЛНС и соцпартии над массовыми организациями Лиги — их избирательной опорой. Сторонники тех и других добивались захвата

соответствующих командных позиций и на более низких уровнях организации.

Дело дошло до того, что в июне 1956 г. (уже после парламентских выборов) У Ну решил временно уйти в отставку и уступил свое место премьеру социалисту У Ба Свэ. Возможно, он сделал это, чтобы «попугать» оппонентов, хотя официальный повод этой отставки состоял в необходимости выработки мер по борьбе с коррупцией и разложением в АЛНС. Но в марте 1957 г. он досрочно вернулся на свой премьерский пост, поскольку стал опасаться подвохов со стороны социалистов и своего отстранения от этого поста. Однако внутренние распри продолжали усиливаться и после этого маневра с отставкой.

У У Ну были разногласия и противоречия не только с социалистами, постоянными претендентами на ведущую роль в АЛНС, но и с армией, которая с каждым годом набирала силы и превращалась в отдельного и грозного игрока на политическом поле страны. И У Ну, и армия были, конечно, равно заинтересованы в подавлении и разгроме повстанческого движения. Но у них были разные акценты в подходе к этой проблеме. У Ну при всей своей твердости в отстаивании независимости и демократии в стране проявлял временами примиренческую (буддийскую?) «слабину» и нередко говорил о желании восстановить политическое единство в стране среди бывших товарищей по движению сопротивления, включая коммунистов.

Правительство У Ну в 1948–1955 гг. объявило несколько амнистий в отношении повстанцев. И они дали положительные результаты — сдались, как уже упоминалось, более 23 тыс. мятежников⁷⁹. Но руководство КПБ в целом не приняло амнистии: они хотели «равноправных» переговоров и включения своих боевиков в армию. Но армия, столько лет сражавшаяся против предавших ее коммунистов и каренов, добивалась либо полной капитуляции повстанцев, либо их военного подавления. Она выступала против широких «всепрощающих» амнистий мятежникам. Так, она была против объявленной У Ну в июле 1958 г. (уже после раскола АЛНС), пожалуй, самой широкой и либеральной амнистии мятежникам, прощавшей всем сдавшимся повстанцам все их возможные преступления во время восстания и обещавшей восстановить все их политические и другие права, если они откажутся от политики восстаний⁸⁰. Но коммунисты за всю свою историю после 1948 г. (и вплоть до своего конца в 1989 г.) никогда не отказывались от вооруженного метода борьбы как главного. У армии эта амнистия вызвала большое беспокойство. С начала восстания по октябрю

1958 г. из подполья по амнистии вышли 40 тыс. бывших коммунистов и народных добровольцев⁸¹. В одном 1958 г. — году массовой сдачи мятежников — свыше 5,5 тыс. вооруженных повстанцев официально сдались, не считая, возможно, такого же количества «просто» вернувшихся в свои деревни, не информируя об этом власти⁸². В 1958 г. премьер У Ну выдвинул лозунг: «Обменяем оружие на демократию», и он, как видно, неплохо сработал. Но армия опасалась этих массовых сдач, поскольку капитулянты могли сдаваться нарочно, с целью объединиться на прокоммунистической платформе накануне новых парламентских выборов. По-видимому, такие намерения действительно существовали, но возможно также и то, что армия раздувала эту угрозу для укрепления своего положения и в преддверие своих планов по приходу к власти в стране. Истина, вероятно, была где-то посередине.

11. «Гроза 1958 года»: раскол коалиции АЛНС — соцпартия

После возвращения У Ну к власти в марте 1957 г. внутренние распри как на уровне высшего руководства, так и в нижних эшелонах продолжались по нарастающей. Правящая коалиция давала явные трещины с тревожными перспективами.

Приближалась роковая 10-летняя годовщина ратификации конституции Бирмы 1947 г. (4 января 1948 г.), предусматривавшая возможность постановки вопроса о выходе Шанского государства и государства Кая из состава Бирманского Союза. В течение 1957 г. сепаратистские настроения и требования шанов усиливались. В апреле 1957 г. шанские буддисты провели конференцию, на которой поддержали идею выхода Шанского государства из Союза. В конце декабря 1957 г. шанские князья и 100 других шанских представителей на конференции на севере княжеств вновь подняли этот вопрос. Некоторые стратегически настроенные шанские лидеры заявили о возможности ухода в подполье. В мае 1958 г. была создана шанская повстанческая армия.

Интересно отметить, что эти сепаратистские настроения и требования росли в 1957–1958 гг. параллельно с выходом повстанцев из подполья. Лето–осень 1958 г. оказались временем массовых сдач мятежников. Сдавались группы коммунистов (не главных!), араканцы, повстанцы пао (каренской группы народностей), моны и даже

некоторые шанские повстанческие группы. В июле—октябре 1958 г. сдались свыше 2000 народных добровольцев во главе с их лидером Бо По Куном. Одновременно происходили комбинированные террористические атаки коммунистов и каренов на города в Центральной Бирме.

Уже из сказанного видно, что в Бирму пришла новая беда — сепаратизм, но не совсем обычный, а конституционный: ставить вопрос о выходе двух автономных государств разрешала конституция Бирмы. К этой проблеме придется вернуться несколько позже.

1958 г. оказался роковым для правящей коалиции АЛНС — соцпартия и привел к ее расколу, что оказалось губительным для дальнейших перспектив бирманской государственности и способствовало установлению военной диктатуры.

1958 г. начался для Бирмы довольно мирно. В конце января — начале февраля состоялся III Конгресс АЛНС, первый после декабря 1947 г. и последний в истории Лиги как единой правящей организации. На конгрессе удалось прикрыть основные разногласия сторон, и он прошел довольно гладко. Звучали даже призывы к сохранению единства организации. Но все это было лишь на поверхности: противоречия и разногласия внутри АЛНС не только сохранились, но даже усилились.

У Ну, президент АЛНС, выступил на конгрессе с большой речью. Он объявил о том, что АЛНС является партией (а не объединением партий) и ее идеологией служит демократический социализм (в противовес коммунизму и государственному капитализму). Собственно, У Ну был всегда «демократическим социалистом» (или социал-демократом в некоем восточном варианте). Что касается объявления АЛНС партией, то это был очередной удар по соцпартии, как «партии» в «партии», чего не должно было быть.

Споры и разногласия на конгрессе возникли и по организационным вопросам: У Ну настаивал на том, чтобы генеральным секретарем Лиги оставался Такин Чжо Дун (социалист, который вместе с Такином Тином — другим социалистом из руководства АЛНС — являлись политическими союзниками У Ну). Лидеры соцпартии У Чжо Ньейн и У Ба Свэ настаивали на кандидатуре министра внутренних дел, тоже социалиста — Такина Та Кхина. (В борьбе за преобладание и власть пост министра внутренних дел был, несомненно, важным.) В результате ожесточенных споров был достигнут временный компромисс, заключающийся в том, что через 45 дней Чжо Дун должен был сам покинуть этот пост.

Но на практике этого не потребовалось. Развитие событий обогнало и свело на нет предшествующие договоренности. Разногласия в руководстве все глубже распространялись в регионы. Государственные служащие и политработники кидались из стороны в сторону, подумывая, к какой стороне АЛНС, раздирающейся от противоречий, нужно или выгоднее примкнуть. Государственная машина перестала нормально работать. «Низы» прислушивались к сигналам, идущим сверху, руководство же проводило лихорадочную работу по «вербовке» сторонников в «низах». В практическом смысле весь вопрос упирался в борьбу за обеспечение власти той или иной части политической элиты с АЛНС и соцпартии. Страна бурлила, и все это происходило еще в условиях неоконченной гражданской войны.

В марте 1958 г. в попытке ослабить накал страстей премьер-министр У Ну отдал приказ о массовых арестах «паразитических элементов» в АЛНС, чтобы «очистить» от них организацию, которые разлагали ее. В апреле он объявил, что 51 человек был арестован в районе Рангуна и около 400 — в других районах, причем как среди сторонников У Чжо Ньейна, так и Такина Тина (приверженца У Ну). Затем У Ну объявил о сокращении раздувшегося персонала в госаппарате, а затем уволил министра внутренних дел Такина Та Кхина (социалист) и взял на себя его функции. Одновременно он заявил, что не может более удерживать обе борющиеся фракции АЛНС под контролем и что в этих условиях он должен встать на сторону Такина Тина и Чжо Дуна, поскольку они поддерживали его в трудные минуты во время якобы готовившегося в 1956–1957 гг. заговора У Чжо Ньейна против него. Это был, конечно, сигнал о готовности к полному расколу коалиции АЛНС — соцпартия. Этот факт был официально возведен У Ну в выступлении по радио 29 апреля 1958 г. Далее последовала процедура созыва парламента — палаты депутатов с тем, чтобы обсудить вопрос о недоверии правительству У Ну, поставленный генсеком соцпартии У Ба Свэ.

Голосование состоялось в парламенте 9 июня. Колоссальные усилия сторон по привлечению, уговорам, посулам и подкупам членов парламента, особенно в национальных районах, при голосовании дали перевес сторонникам У Ну: 127 голосов против 119, то есть большинством в 8 голосов. Это было «шаткое» большинство, но все-таки большинство. У Ну сохранил пост премьера, а его фракция — АЛНС — власть.

Далее события развивались с ошеломляющей быстротой.

В июне 1958 г. группа Свэ — Ньейна «сместила» У Ну с поста президента АЛНС, и им был избран У Ба Свэ, а «новая» АЛНС стала называться «Стабильной (или «Настоящей») АЛНС» (в дальнейшем она вернулась к первоначальному названию). А в июле группа «Ну — Тина» изгнала группу Свэ — Ньейна из АЛНС и приняла название «Чистой АЛНС» (вскоре превратившейся в «Союзную партию»). Соответствующие изменения произошли и в рамках соцпартии, когда ряд видных ее членов вошли в группу-партию У Ну, а некоторые остались в старой.

Раскол был бесповоротным. Что касается «личных» отношений двух отколовшихся друг от друга частей бывшей единой АЛНС, то они остались мирными. У Ну выработал специальную формулу «расставания» (оно должно было быть мирным, предусматривались справедли- вый делёж имущества и самостоятельное решение сторон о названиях своей группы). Формула У Ну была принята обеими сторонами.

У Ну хотел в еще большей степени прославиться как «миро- творец». 30 июня он издал декрет о той самой широкой амнистии повстан- цам различных групп, о которой выше уже шла речь.

Как уже указывалось, эта амнистия вызвала большое беспокой- ство в армии. Страна, по мнению ряда исследователей и наблюдате- лей, погрузилась в непрерывную борьбу за власть различных сил, за которыми так или иначе стояли фракции бывшей АЛНС.

Атмосфера в стране все более сгущалась. Средства информации стали сообщать о передвижениях к Рангуну и в другие места армей- ских и полицейских подразделений. Шли разговоры о возможности переворота. В августе 1958 г. У Ну объявил, что очередная сессия пар- ламента по бюджету будет отменена и бюджет будет принят на основе президентского декрета, парламент же будет распущен. Это было, несомненно, апогеем политического кризиса в стране.

12. «Междоусобица»: первое правительство генерала Не Вина

26 сентября 1958 г. наступила развязка. У Ну выступил по радио и заявил, что намечавшиеся на ноябрь всеобщие выборы из-за «нынеш- них условий и событий» (имелись в виду политический хаос и раз- гул беззакония и беспорядков как следствие раскола АЛНС) не могут быть проведены как «свободные и честные». Поэтому, как говорилось

в заявлении, он договорился с генералом Не Вином, главнокомандующим бирманской армией, о том, что тот временно займет пост премьер-министра правительства⁸³. В письмах, которыми обменялись оба лидера, подчеркивалось, что задача этого временного (или переходного) правительства состояла в том, чтобы создать необходимые условия проведения для справедливых и честных выборов.

28 октября 1958 г. палата депутатов избрала генерала Не Вина премьер-министром страны. Генерал твердо обещал защищать конституцию, демократию, подготовить страну к парламентским выборам и вместе с тем подчеркнул, что после раскола АЛНС в стране создавалась обстановка хаоса, насилия и угрозы нового вооруженного выступления еще далеко не полностью замиренных повстанцев — левых сил и в особенности каренов.

Здесь нужно отметить три момента. Во-первых, правительство Не Вина было юридически создано в рамках конституции и являлось, таким образом, формально вполне парламентским. Во-вторых, к чисто гражданским министрам нового правительства были приставлены полторы сотни военных советников, хотя это не меняло его юридической формы «парламентского», но понятно, что военные получили возможность направлять и контролировать работу гражданского правительства. В-третьих (забегая вперед), необходимо подчеркнуть, что генерал Не Вин, к истечению срока своего парламентского правления, провел обещанные демократические выборы в парламент, которые вернули к власти У Ну, а сам Не Вин, исполнив договоренность, покинул пост премьера и вернулся к своим профессиональным обязанностям главкома.

У Ну в своих мемуарах пишет, что в сентябре 1958 г. ему стало известно о готовящемся против него «государственном перевороте» с насильственным захватом власти армией⁸⁴. К перевороту якобы подталкивала армию и оппозиционная «Стабильная АЛНС», лидеры которой — социалисты — имели давние связи с военными. У Ну, согласно мемуарам, вызвал бригадного генерала Аун Джи и полковника Маун Мауна и «сказал им, чтобы переворот был немедленно отменен». Тогда У Ну и предложил изложенный выше план временной передачи власти генералу Не Вину.

Таким образом, в условиях политического и экономического хаоса, вызванного расколом АЛНС, и сильнейшего давления военных с угрозой насильственных действий против правительства У Ну он был вынужден уступить силе, отдать власть, пусть временно (хотя за ее «временность» заранее никто ручаться не мог).

Был ли это все же «переворот» или нет? У Ну в мемуарах называет его «первым государственным переворотом» («вторым» был (главный) переворот 1962 г.). Нам хочется ответить на вопрос так: несмотря на внешне вполне цивилизованный обмен письмами между У Ну и генералом Не Вином о передаче власти последнему, все-таки перемена власти в 1958 г. была ближе к перевороту (мирному), чем к его отсутствию. И если все же считать, что это был «переворот», то надо признать, что это был весьма своеобразный переворот: он был, так сказать, переворотом «по мирной договоренности» сторон, касавшейся главных задач нового правительства, ограничивающей сроки власти этого правительства. Аргументом в пользу своеобразности «первого переворота» было и то, что после выборов 1960 г. генерал Не Вин покинул пост премьера, а армия ушла в казармы. Хотя надо признать, что в связи с возвращением Не Вина и армии к власти в марте 1962 г. — всего через 2 года, — причем путем классического военного переворота, уход с поста главы правительства в 1960 г. выглядел нелогично и вообще был трудно объяснимым. Если в 1960 г. поведение генерала Не Вина в связи с организацией всеобщих выборов можно назвать «джентльменским», хотя джентльменом он не был, то военный переворот 1962 г. делал его в глазах многих людей (не говоря уже об У Ну) просто предателем (вообще отношения между мирным набожным буддистом У Ну и боевым военачальником всегда были холодные и отстраненные, если не сказать — скрыто враждебные).

Стоит отметить, что временная передача власти в 1958 г. была определенным компромиссом, который был выгоден и самому У Ну. Так, он «переложил» со своих плеч на чужие тяжелейшую задачу наведения в стране законности и порядка в условиях всеобщего раскола и разложения. С кризисом 1948–1951 гг. У Ну в конце концов успешно справился (при поддержке соратников по тогдашней Лиге и с привлечением к должности зампреьера генерала Не Вина). А как могло обстоять дело с кризисом 1958 г. — было неизвестно. Забегая вперед, отметим только, что с последующим развитием внутреннего кризиса в 1960 — начале 1962 г. У Ну не справился.

Первое правительство генерала Не Вина находилось у власти с 28 октября 1958 г. до 4 апреля 1960 г., когда премьером страны после всеобщих выборов вновь стал У Ну. Этот период охватил полтора года. Его можно назвать, с одной стороны, «междоцарствием» между двумя гражданскими правительствами У Ну, а с другой стороны, подготовкой, предтечей военного режима, который был установлен армейским

насильственным государственным переворотом 2 марта 1962 г. во главе с главкомом генералом Не Вином.

В своем послании Не Вину перед передачей власти У Ну, помимо главного вопроса об обеспечении проведения отложенных всеобщих выборов, просил генерала не допускать вмешательства армии в политическую жизнь страны, обратить особое внимание на факты угнетения, жестокости, убийств и вообще насилия, совершенных военными в различных местах страны, а прежде всего — подавить в стране преступность. Особенно У Ну просил генерала о том, чтобы его правительство стремилось всеми возможными мерами восстановить внутренний мир — заветную мечту граждан страны, а также следовать политике строгого нейтралитета Бирмы на международной арене⁸⁵.

Генерал Не Вин в своем письменном ответе У Ну полностью согласился с ним и добавил, что не будет включать в свое правительство никаких представителей бирманских политических партий, а только представителей национальных районов (штатов).

В речи в парламенте 31 октября 1958 г. по случаю своего утверждения новым премьер-министром Бирмы генерал Не Вин изложил основы своей будущей политики, причем он, соглашаясь со многим, изложенным в письме У Ну, конкретизировал и расширил некоторые его пункты.

Генерал подчеркнул крайне тревожную обстановку в стране в последние полгода — после раскола АЛНС. Он уподобил эту обстановку катастрофическому положению в Бирме в 1948–1949 гг. — первые годы коммунистического и каренского восстания. Раскол, сказал он, прокатился по стране как «бушующий лесной пожар». Бывшие друзья-соратники стали смертельными врагами, государственный механизм управления был расшатан. Еще сопротивляющиеся повстанцы, говорил он, усилили свою активность. В этих условиях на долю армии и выпала обязанность принять все меры для обеспечения безопасности, чтобы предупредить и предотвратить повторение событий 1948–1949 гг.

Генерал отметил, что, как и ранее, он будет защищать конституцию и демократию и проведет всеобщие выборы. Он выступил также за достижение внутреннего мира, но высказался против либеральной амнистии повстанцам (принятой ранее У Ну). Подход к амнистии, по его мнению, должен быть индивидуальным, и все, виновные в преступлениях, должны понести наказание. Он также выступил против прямых переговоров с повстанцами, боясь обмана с их стороны.

Новыми моментами в политике генерала Не Вина были решимость укрепить ослабленную государственную власть, внедрить в общество дисциплину и вести борьбу с «экономическими повстанцами», склонными более думать о своих прибылях, чем о благе страны. Генерал обещал также приложить усилия к снижению цен на товары народного потребления.

Приход к власти, программа и деятельность первого правительства Не Вина вызвали различную реакцию среди разных групп населения страны. Поддержали это правительство, конечно, армия и «Стабильная АЛНС». Что касается группы У Ну и его «Чистой АЛНС», то они смотрели на приход нового правительства как на вынужденный компромисс. Они вскоре даже стали подумывать об организации Сопротивления этому режиму в виде «кампании гражданского неповиновения», но скоро поняли, что эта форма борьбы годится скорее для либерального, а не военного режима. Разумеется, против этого режима были настроены все левые, как подпольные, так и легальные, коммунистические партии и группы. Они уже натерпелись от действий армии по подавлению повстанческого движения и видели в ней своего главного врага. То же надо сказать и о студенчестве и интеллигенции (левой и умеренной). Отрицательную реакцию вскоре вызвали действия правительства Не Вина у торговцев, которым не нравились различные меры экономического упорядочения и контроля со стороны новых властей, а иногда и прямые преследования.

Но с другой стороны, население видело тяжелые последствия политико-административного развала в стране, наносившего вред большинству людей, отсутствие порядка и дисциплины, неэффективность управления и коррупцию в верхах. Подавляющее большинство населения беспокоило и анархия повстанчества. Поэтому на правительство Не Вина многие смотрели как на установителя порядка и мира в стране, как на силу, способную нормализовать положение и подготовить всеобщие выборы.

Не Вин сформировал сокращенный кабинет министров из 13 человек, не считая самого себя. Из них 8 были прежними гражданскими служащими высокого класса, адвокатами и т. д., а 5 остальных — представителями национальных автономий⁸⁶. Как уже говорилось, к министерствам и департаментам были приставлены военные советники, то есть в гражданские учреждения были введены элементы милитаризации. Но дело даже не в этом. Главным органом, вырабатывавшим решения, был Военно-штабной совет, который возглавляли бригадный

генерал Аун Джи и полковник Маун Маун, включая других офицеров, прикрепленных к ключевым учреждениям. Этот совет докладывал премьеру Не Вину о положении дел, а тот, принимая то или иное окончательное решение, доводил его до сведения кабинета министров. Что касается министров, то они знали, откуда исходила реальная власть, и опасались возражать ей. Говоря иначе, кабинет был конституционным прикрытием верховной власти военных, хотя он, конечно, был важным техническим рычагом в бюрократическом механизме выполнения решений⁸⁷.

Исследователи отмечают, что управление Бирмой под началом временного правительства Не Вина было эффективным и честным, но одновременно пугающим своим авторитарным характером⁸⁸. В экономической сфере ряд госпредприятий были переведены на коммерческую основу. Была либерализована экспортная торговля (рисом и др.), стало поощряться участие в ней частного капитала. Как раз в это время экспорт риса составил 1,6–2,1 млн. т и несколько приблизился к довоенным показателям⁸⁹. Правительство нанесло сильные удары по так называемым «экономическим повстанцам» (как дерегистрация «липовых» импортеров). Оно увеличило снабжение населения товарами и улучшило систему распределения, предприняло попытку снизить цены на товары. Был хотя бы временно приостановлен рост стоимости жизни. «Институт вооруженных сил», коммерческое предприятие, получил простор для деятельности при новом правительстве и превратился в многоотраслевой концерн монополистического типа, находившийся под контролем армии. В то же время надо отметить, что ряд мер был направлен против выходцев из Индии и Китая, а также некоторых иностранных государств или фирм (прекращение или сокращение контрактов или вообще их деятельности). Вообще, многие меры проводились под флагом «бирманизации» страны.

Стоит отметить, что улучшение управления проявилось в санитарной чистке столицы Рангуна от загрязнявших его трущоб скваттеров (угроза инфекций, комаров). Однако это должно было произойти насильственным путем, когда примерно 200 тыс. жителей должны были переселиться в новые непригодные места создававшихся соседних городов-спутников Рангуна.

Правительство Не Вина также жестко наводило дисциплину в политически беспокойном Рангунском университете, когда несколько левых «политических агитаторов» были задержаны, а другие — скры-

лись. Были приняты меры и против «политических» профсоюзов, занимавшихся нередко антиправительственной агитацией.

Временное правительство генерала Не Вина вполне могло зачислить в плюс и свои результаты на антиповстанческом фронте. По официальным данным, к началу его правления в стране насчитывалось около 9 тыс. различных повстанцев (вместе с помогавшими им — 15 тыс.). (КПБ — свыше 3 тыс., «Красный флаг» — 750 человек, каренские сепаратисты — 3,7 тыс., гоминьдановцы — свыше 1,3 тыс., шанские повстанцы — от 500 до 1500 человек.)⁹⁰ За 14 месяцев правления нового правительства потери повстанцев составили 1,9 тыс. убитыми, 2 тыс. ранеными и 1,2 тыс. захваченными в плен. При этом сдались примерно 3,6 тыс. повстанцев (из них 2,2 тыс. коммунистов, свыше 280 членов «Красного флага» и более 900 каренских сепаратистов). В целом за указанный период число повстанцев сократилось на 6 тыс. человек, и их численность стала теперь оцениваться в 5,4 тыс. человек.

Здесь следует подчеркнуть, что, несмотря на успехи правительства в борьбе против мятежников, повстанческое движение в стране не прекратилось. Болезнь повстанчества глубоко вошла в бирманское политическое «тело» и быстрому изживанию не поддавалась. Более того, к старым формам и местам распространения повстанчества добавились новые, и, забегая снова вперед, скажем, что так продолжалось до самого конца XX в. и далее.

Из позитивных деяний временного правительства Не Вина, имевших национальное значение, следует назвать три главных. Первое, конечно, состоит в том, что в феврале 1960 г. оно провело обещанные парламентские выборы «честно и справедливо». Второе заключается в том, что в апреле 1959 г. оно отменило за компенсацию наследственные феодальные привилегии шанских князей и князей Кая и ввело в этих районах (штатах) принципы демократических выборов в палату национальностей (вместо выборов князей князьями же). Тем самым политически все автономии страны были теперь выравнены. Третьим крупным достижением правительства было подписание в Пекине в январе 1960 г. соглашения с Китаем о демаркации границы между двумя странами и бирмано-китайского договора о дружбе и взаимном ненападении. Соглашение о границе предварило последовавший позже, в октябре 1960 г., уже при «новом» правительстве У Ну, бирмано-китайский договор о границе, внесший конкретные мелкие взаимные изменения в установление окончательной границы.

Тем самым был урегулирован давнишний, еще с британских времен, спорный вопрос о бирманско-китайской границе, который не раз приобретал остроту в отношениях между двумя странами. (Стоит отметить, что подготовка к пограничному урегулированию началась еще до прихода временного правительства Не Вина.)

Однако, несмотря на некоторые экономические, политические и административные достижения, правление первого правительства генерала Не Вина вызвало в стране широкое недовольство своими насильственными методами, и население страны все свое разочарование выразило на всеобщих парламентских выборах 1960 г., когда оно «прокатило» «Стабильную АЛНС» (теперь — просто АЛНС), являвшуюся «союзником» армии, и отдало предпочтение «Чистой АЛНС» У Ну, переименованной вскоре в Союзную партию, выступавшую под лозунгом «демократия против фашизма» (читай: «против военщины и ее союзников»).

13. Исторические выборы 1960 г.

Последние всеобщие выборы парламентского периода состоялись 29 февраля 1960 г. Как отмечали разнообразные источники, они прошли свободно и справедливо. Повстанческое движение в этот период переживало значительный спад за все годы, и в стране в этом отношении стало спокойнее. Правда, к началу 60-х гг. зарождалась новая волна повстанчества, на этот раз наиболее активно среди этнических меньшинств, но это выяснилось в основном уже после выборов 1960 г.

Предвыборная кампания 1960 г. началась едва ли не сразу после прихода к власти правительства Не Вина, и особенно энергично — с середины 1959 г. Обе фракции бывшей единой АЛНС были главными участниками этой кампании. Одна из них — «Стабильная АЛНС» — поддерживала политику временного правительства, другая — «Чистая АЛНС» — осуждала его политику и тактику. Третьим значительным действующим лицом предвыборной кампании был левый Национальный объединенный фронт (НОФ). Решительную победу на выборах одержала «Чистая АЛНС» во главе с У Ну. «Стабильная АЛНС» У Ба Свэ — Чжо Ньейна потерпела сокрушительное поражение. Что касается НОФ, то он был фактически сведен на нет как парламентская сила. Главные противоречия между двумя фракциями бывшей АЛНС затмевали и отбрасывали в сторону позиции НОФ,

а организационно и политически НОФ в парламенте был разгромлен переходом части его членов во фракцию У Ну или независимую араканскую партию. Леводемократические ожидания и чаяния среди избирателей стали в новых условиях фокусироваться на партии У Ну, как главной гражданской выразительницы их насущных интересов. Открытые и скрытые коммунисты понесли от этого значительный моральный урон, но следует отметить, что стратегически они сами предпочитали иметь дело с У Ну и его партией, а не с авторитарными социалистами — союзниками военных*.

Приведем некоторые основные данные о результатах выборов 1960 г. как последних парламентских⁹¹.

На этих выборах в списках избирателей числилось 9,9 млн. человек (против 8,6 млн. в 1956 г.). В то же время была продемонстрирована очень высокая степень явки избирателей — 6,6 млн. человек (59%) против 3,8 млн. (42%) в 1956 г. Это свидетельствовало о том, что предвыборные проблемы, особенно проблемы возвращения к власти гражданского правительства, близко затрагивали умы и интересы избирателей. За «Чистую АЛНС» У Ну проголосовали 3,5 млн. избирателей (ок. 53%). За «Стабильную АЛНС» высказалось около 2 млн. избирателей (менее 30%). Число депутатов от партии У Ну составило 159 человек (из общего числа членов палаты депутатов 250 человек), а с союзниками это превысило 2/3 состава палаты депутатов⁹². Это был триумф. «Стабильная АЛНС» под руководством У Ба Свэ и У Чжо Ньейна выборы проиграла, добившись вместе с союзниками только 41 места в палате депутатов, причем основные лидеры этой фракции АЛНС даже не смогли попасть в парламент. Это было похоже на угасание этой политической группировки. НОФ получил, по разным данным, от 300 тыс. до 360 тыс. голосов (против 1,17 млн. в 1956 г.) и, по одним сведениям, первоначально добился четырех депутатских мандатов, а по более поздним — ни одного (скорее всего они «ушли» к другим политическим партиям парламента).

Что касается палаты национальностей (125 человек), то и здесь партия У Ну одержала столь же решительную победу — 53 места против 29 у «Стабильной АЛНС», остальные 43 мандата были у представителей нескольких автономий (штатов)⁹³.

* Здесь, правда, уместно заметить, что «стабильники» — социалисты сами набивались в союзники армии, а последняя относилась к ним вполне безразлично, если не презрительно (как и к другим партиям, которых она считала сборищами популистских болтунов).

За несколько месяцев до парламентских выборов состоялись муниципальные выборы в городских центрах Бирмы (октябрь–декабрь 1959 г.). К удивлению многих группа У Ну уже тогда выиграла 367 из 526 муниципальных мест и получила контроль в 33 городах страны из 42⁹⁴. «Стабильная АЛНС» уже на этих выборах была буквально отброшена на обочину. Муниципальное поражение «стабильных» было для них грозным предупреждением. Её руководители стали понимать всю опасность своей ставки на армию. Эта ставка угрожала общим провалом этой группировке, и ее лидеры в последний момент попытались даже отойти от слишком тесных связей с армией. Но было уже поздно. Остановить инерцию ранее принятого курса было невозможно, как невозможно было «отменить» сложившиеся устойчивые представления большинства избирателей о близких отношениях «стабильных» с армией, о чем «стабильники» сами столько трубили.

Таким образом, партия У Ну, как и прежде, доминировала в парламенте, получив там более чем решающее большинство, хотя и представляла номинально лишь часть бывшей единой АЛНС.

Как объяснить этот избирательный триумф партии У Ну? На этот счет имеются по меньшей мере три основных объяснения.

Во-первых, как уже отмечалось выше, это общий политический фон, определявшийся отрицательным отношением большинства избирателей к армейским насильственным методам управления страной. Они стихийно тянулись к демократическим порядкам, как бы они ими самими ни интерпретировались. Им, естественно, импонировали те гражданские политические силы и лидеры, которые заявляли о своей приверженности к демократии и были готовы прийти на смену правительству генерала Не Вина. Во-вторых, столь же естественно было и то, что этими силами и лидерами оказались критики этого правительства и его союзников, представленные «Чистой АЛНС» во главе с У Ну. В-третьих, решающим личностным фактором было то, что во главе оппозиции тогдашнему режиму стоял именно У Ну. Возможно даже, что самой главной причиной победы его партии на выборах было лидерство этого человека, крупнейшего и популярнейшего национального деятеля тогдашней Бирмы, равного которому по масштабам личности после Аун Сана в стране определено не было. Напомним, что У Ну был первым премьер-министром независимой Бирмы, близким соратником Аун Сана, что придавало ореол святости его фигуре. Населению страны вообще импонировала набожность ревностного буддиста У Ну. Перед выборами он провел 45 дней в монастыре для

медитации, а в середине 1961 г. ушел в монастырь опять на полтора месяца. Им нравился его демократизм, непринятие насилия, скромный образ жизни, мягкость общения с людьми. То, что по своему темпераменту он нередко взрывался в отношениях с коллегами, был упрям и иногда, как считали некоторые, проявлял высокомерие — не портит его общего в высокой степени положительного политического и морального облика, тем более что он всегда был готов извиниться перед коллегами за свои поведенческие «прегрешения» (и неоднократно это делал). Его ахиллесовой пятой в политике была слабость в нем организационного начала, нежелание или природное неумение заниматься организационной стороной того или иного мероприятия (этим ранее, до раскола АЛНС, занимались его соратники в исполкоме Лиги, особенно социалисты).

Интересно сравнить первоначальные предвыборные программы партии У Ну и «Стабильной АЛНС». Первая говорила о строительстве социалистического государства в Бирме, «активном нейтралитете» во внешней политике страны, отвергала переговоры с повстанцами и подтвердила, что объявит буддизм государственной религией. Программа «Стабильной АЛНС», кроме последнего пункта о религии, была аналогичной, а что касается последнего пункта — буддизма, то она ограничивалась только положением о его пропаганде, не более⁹⁵. Ясно, что при таком программном сходстве ставка в обеих партиях на выборах могла быть сделана только на популярность своих лидеров и соревновании между ними, хотя заведомо было ясно, что «весовые категории» лидеров сторон были в пользу У Ну. В самом ходе избирательной кампании это преимущество убедительно проявилось.

У Ну сделал центральным пунктом своей кампании восстановление и развитие демократии в Бирме и при этом подверг резкой критике (и самокритике) состояние демократии в стране и прошлом, в период единой АЛНС (руководителем которой он сам был). Он обещал провести полную коррекцию курса в вопросе демократии, причем во всех областях: внутрипартийной политике, политике в отношении государственных функций партии, назначения кадров, формирования местных уровней партии и государства, экономической политике, а также в отношении установления контактов с оппозицией, консультаций с народом и т. д.

Прежняя АЛНС, отмечал У Ну, допустила серьезные ошибки, вмешиваясь в деятельность правительственной администрации, удушая парламентскую оппозицию, подрывая независимость государственной

гражданской службы⁹⁶. Руководство-де прежней Лиги навязывалось членам «сверху вниз». Решения в экономике принимались по инициативе нескольких лидеров без консультаций как в самой партии, так и вне ее. Собственно, экономическая политика использовалась для того, чтобы утвердить позиции АЛНС, а государственное участие в экономической деятельности предпринималось без учета возможностей правительства, страдающего от недостатка компетентных кадров и ресурсов. В своем обращении к парламенту по приходе к власти У Ну заявил, что правительство будет и в будущем активно участвовать в экономическом развитии, но будет признавать свои ограниченные возможности, и что вообще «нашей политикой будет постепенный уход государства из экономической деятельности» до достижения необходимого баланса ресурсов кадров, необходимых для эффективной работы. При этом было подчеркнуто, что не будет проводиться национализация частных фирм, напротив, намечалась приватизация неэффективных государственных предприятий.

Эта критика и самокритика, так же как и ряд конкретных предложений У Ну, были логически, политически и экономически вполне убедительны. Некоторые пункты своей программы правительство У Ну начало приводить в жизнь, многие остались на бумаге, поскольку были трудноосуществимы, к тому же срок жизни, отведенный новому демократически избранному гражданскому правительству, был чересчур короткий (несколько меньше двух лет). Но историческое значение программы У Ну, особенно тезисы, касавшиеся восстановления и развития демократической системы, переоценить нельзя, особенно в свете совершенного в марте 1962 г. военного переворота, похоронившего гражданскую демократию на несколько десятилетий. Заявления и слова У Ну о демократии в период предвыборной кампании и затем как главы нового правительства, действовавшего с апреля 1960 г. до начала марта 1962 г., до сих пор звучат актуально, как призыв к демократии и защите.

Уже во время избирательной кампании вопрос о демократии и ее восстановлении был центральным. У Ну сформулировал его перед избирателями ясно и кратко: «Демократия или фашизм?!». И большинство народа проголосовало: «Да, демократия!», разумея вместе с У Ну под «фашизмом» политические претензии на господство армии или его угрозу.

14. Последнее правительство У Ну и конец парламентской системы в Бирме

Напомним, что со времени своего прихода к власти (апрель 1960 г.) партия У Ну «Чистая АЛНС» была переименована в Союзную партию, и на ее основе было сформировано правительство. «Стабильная АЛНС» получила после этого право называть себя просто «АЛНС», как бы ведя свое начало от прежней единой АЛНС, что было не очень обоснованно.

Отвлекаясь от громкой победы партии У Ну на парламентских выборах 1960 г. и эйфории, этой победой вызванной, зададимся вопросом, а как реально складывалась ситуация в стране в последовавшие 18 месяцев?

Надо сразу же сказать, что она развивалась неблагоприятно как для правительства У Ну, так и для страны в целом. Вскрылись не только старые «болячки», но появились новые, более серьезные. Правильная постановка У Ну вопроса о развитии демократической системы в стране и кое-какие нововведения на этот счет сами по себе не решали практических проблем государства, да и самой правящей партии. Объективные трудности сочетались с субъективными. В частности, с непродуманными идеями и действиями самого У Ну как премьер-министра и главы правящей партии. Идеализм некоторых взглядов и решений У Ну столкнулся с жесткой реальностью, которая оказалась сильнее этого идеализма. Негативную роль сыграли характерные для У Ну неорганизованность, непоследовательность, колебания и благодушие. В острой ситуации У Ну иногда предлагал решение в виде призывов следовать буддийскому принципу «всеобщей любви».

Экономическое положение страны в 1960 — начале 1962 г. ухудшилось. После роста ВВП в 1958–1959 гг. и 1959–1960 гг. (на 9 и 8% соответственно) последующие два года были минусовыми (в 1960–1961 гг. — минус 3%, в следующем году — минус 0,3%)⁹⁷. После относительно стабильных лет начался рост цен на потребительские товары. Возросла стоимость жизни. Одной из первых «антиармейских» мер правительства У Ну было восстановление запрета на забой скота (введенного военными для снижения цен на мясо), что сразу же дало толчок росту цен.

Но проблема, строго говоря, была не столько в экономической сфере, где колебания зависят от разных причин. Дело было прежде всего в кризисном состоянии бирманской политики.

Обстановка в Бирме после выборов 1960 г. (и вплоть до нового военного переворота) складывалась как бы из отдельных кризисов, которые были сами по себе достаточно серьезными, а иногда, совпадая, даже и очень опасными для государства и правительства. Они напоминали в чем-то кризисную ситуацию в стране летом—осенью 1958 г.

Прежде всего это был конституционный кризис, затрагивавший вопрос государственного устройства. Он состоял из двух внешне разделенных, но, в сущности, тесно связанных частей. Одна касалась требований включения в состав Союза новых автономных единиц, то есть расширения прежнего состава автономии (штатов). Среди последних были араканцы (ракхайны), моны и чины. В конце 50-х гг. и после возвращения к власти У Ну обещал положительно рассмотреть проблему расширения автономий и решить ее по возможности к удовлетворению всех сторон. Однако это был спорный вопрос, претворить его в жизнь оказалось нелегко, и решение его фактически затянулось на долгие годы к недовольству кандидатов в автономии. (Жаждающие автономии «очередники» получили ее только в 1974 г., уже после свержения У Ну и в совсем других — централизаторско-унитаристских военно-социалистических — условиях.)

Другая сторона кризиса была вызвана требованиями некоторых автономий, особенно тех, кто по конституции имел право выхода из состава Бирмы, создания в стране «подлинной федерации», то есть такого Союза, при котором все члены были уравнены в статусе и правах, а из так называемой «собственно Бирмы», главенствующей, но никак «нефедерированной» части страны, образовывался бы равноправный «бирманский» («собственно бирманский») штат. И то и другое требование нуждалось в изменениях конституции: первое — в сравнительно небольших количественных, номинальных добавлениях к существовавшему составу Союза; второе — в кардинальных изменениях конституции и всего государственного устройства (превращение «квазифедерации» в полную /или «подлинную»/ федерацию). Злополучную роль в этом чрезвычайно чувствительном вопросе сыграли «семинары по федерализму» (первый — в шанской столице Таунджи в середине июня 1961 г., а второй — начавшийся в Рангуне в самом конце февраля 1962 г., но неокончившийся, так как был фактически прерван военным переворотом 2 марта). Эти семинары, особенно последний, проходивший с участием У Ну, оказались как бы «спусковым курком» этого переворота. Армейские лидеры устами Аун Джи заявили, что «проблема федерализма была самой важной причиной переворота»,

поскольку «Бирма не может позволить себе разделения»⁹⁸. Эти семинары армия приравнивала к заговору феодалов национальных окраин против единства Бирмы.

Во всяком случае, такова была твердая и неукоснительная позиция армии. Она выглядела довольно логичной и даже почти что убедительной, но, правда, никто не опроверг того, что разговоры о «федерализме» некоторых национальных групп и выходе из Бирмы могли быть прежде всего средством их давления на центр с тем, чтобы получить от него побольше уступок **внутри Бирмы**. Дело было в том, что ни шанам, ни кая (ни каренам ранее) некуда и не к кому было «выходить». Никто среди соседей их не ждал, а независимое их существование было практически непредставимым, так как оно было бы нежизнеспособным, и их положение было бы в целом хуже их тогдашнего автономного статуса. В принципе вопрос о «федерализме» нельзя сводить к варианту с «выходом». Это был, в сущности, правомерный вопрос об изменениях и улучшениях конституции в направлении общегосударственной демократизации и вопрос, который должен был решаться обсуждением и взаимными уступками сторон. Тем, собственно, к чему и стремился У Ну. По-видимому, армия в этом вопросе просто не хотела рисковать.

Следующим был кризис, вызванный объявлением буддизма государственной религией, провозглашенным конституционной поправкой в августе 1961 г. Это привело к недовольству небуддийских общин Бирмы, прежде всего в этнически небирманских районах, а затем к появлению новой волны повстанческого движения в ряде из них. Кризис, связанный с государственной религией, тесно соприкасался с общим конституционным кризисом, и от их трения высекались новые искры внутрибирманского сепаратистского пожара.

Сразу же нужно сказать, что большинство в Бирме, бирманские националисты и вполне умеренные во взглядах разумные люди, никогда бы не пошло на создание так называемого «автономного бирманского штата», который был бы окружен многочисленными и тоже «равноправными» малыми автономиями вместо того, чтобы оставаться руководящей по праву большинства нацией страны.

Идея объявления буддизма государственной религией приветствовалась бирманскими буддистами, то есть большинством населения. Но она не нравилась представителям ряда христианских и других верований в стране, хотя и до и после принятия этого закона все религии и верования в Бирме были полностью свободны. (Вообще Бирма

принадлежит к числу наиболее веротерпимых стран.) Оппонентами закону стали, например, качинские христиане и вообще все баптисты. Так или иначе, закон способствовал накоплению недовольства и противоречий в стране и усиливал стремление некоторых этнических группировок к восстанию против центрального правительства. Парадокс заключался здесь в том, что, зная о недовольстве небуддийских общин законом о государственной религии, правительство поторопилось принять другой закон (тоже в виде поправки) о защите других религий в стране, но он тоже вызвал недовольство, на этот раз — буддийских монахов, часть которых даже провела некоторые экстремистские акции (против, например, местных мусульман).

Так что закон о государственной религии имел сомнительную ценность. В целом можно сказать, что эта инициатива У Ну была его крупной ошибкой как государственного деятеля. Закон ничего людям не дал, а многому навредил.

Третьим, постепенно разворачивающимся кризисом, был кризис, связанный с разрастанием в конце 50 — начале 60-х гг. сепаратистских выступлений и повстанческого антиправительственного движения среди этнических меньшинств. По имеющимся данным, с 1957 г. по 1962 г. в стране произошло по меньшей мере 12–15 сепаратистских выступлений разного рода⁹⁹, в том числе создание «национальных армий» или вооруженных групп, угрожавших восстанием или уже начинавшим его.

Конечно, третий кризис был тесно связан с первыми двумя и даже переплетался с ними, но его особенная черта состояла в том, что во многом он был реакцией на произвол и угнетение, которым подвергались национальные меньшинства со стороны армии, которая, по существу, всегда была «первым правительством» в автономиях.

Четвертым был кризис, связанный с фракционной борьбой внутри правящей Союзной партии, которая привела и эту партию к расколу. Это была борьба внутренних группировок партии за влияние, за «теплые местечки» и особенно за власть, причем как в верхушке партии, так и на периферии. История 1958 г. как бы повторялась. Новым элементом ситуации стала борьба за наследие У Ну. Дело было в том, что У Ну вскоре после победы на выборах 1960 г. выступил с заявлением, что намерен уйти в отставку с поста президента Союзной партии и остаться вплоть до следующих парламентских выборов, приходящихся на 1964 г., только на посту премьер-министра, а после 1964 г. — покинуть и его. Таким образом, создавались мощные властные

вакансии. Поэтому можно понять возбуждение и активность ближнего окружения У Ну, которое «бросилось» за овладение или приступило к подготовке за овладение новыми высотами власти. Ближайшей их целью был «захват» большинства в исполкоме партии, руководящем ее органе.

Союзная партия раскололась на две главные группировки¹⁰⁰. Одна называлась группировкой «такинов», другая — «У — Бо» (сначала «У» и «Бо» были разделенными, вскоре они объединились). «Такины» были группой, ведшей свое начало от такинов 30-х гг. («Добама асиайоун»). Это была «старая гвардия» АЛНС, традиционно-консервативная, но с социалистическими убеждениями. Их лидером был Такин Тин, ближайший соратник У Ну по АЛНС и расколу 1958 г. (а может быть — даже «ударная сила» того раскола). Они плохо воспринимали новые идеи и новых людей. Их иногда называли «необразованными». «У — Бо» были новыми людьми, «пришельцами» в партии, которая нуждалась в притоке свежих кадров. Поэтому-то в процессе реорганизации Союзной партии У Ну привлек в нее различных профессионалов, людей иногда имевших западное образование, и, так сказать, «модернистов». Их считали «образованными», хотя такины называли их «выскачками», «У — Бо» были отчасти гражданские люди («У»), отчасти — из офицеров («Бо»). Известно, что они выступали за реформу партии, за введение в нее индивидуального членства (в отличие от многих «такинов», которые были прочно «привязаны» к профсоюзным, крестьянским и торговым коллективным членам партии, которые составляли их социальную опору). В то же время «У — Бо» не были противниками социалистических идей, они были, скорее, умеренными и рационалистами.

В чем же была разница в позициях этих двух фракций Союзной партии? Как и в случае раскола прежней АЛНС в 1958 г., фракционную борьбу и раскол Союзной партии нужно прежде всего рассматривать не в идеологическом плане (фракции, по существу, были в этом отношении близки друг другу), а в плане столкновений персональных, интересов различных клановых групп, личных интересов, а эти интересы были сходными — борьба за позиции в партии, за власть в государстве, тем более что У Ну был на «исходе». Можно сказать, что эта клановость была традиционной для страны и отражала низкий уровень политической культуры.

В январе 1962 г. состоялся национальный Конгресс Союзной партии. На нем У Ну ушел с поста президента партии (оставаясь пока премьером). Верховенство в организации выиграли «такины» во

главе с Такином Тином: на выборах исполкома партии все места в нем достались им, что и обеспечивало им контроль над партией. Беда была «только» в том, что руководить им на практике пришлось совсем недолго — до военного переворота оставалось две-три недели, когда весь прежний государственный и политический порядок в стране был сломен.

И наконец, пятым, последним по счету (но не по важности) был кризис в отношениях между армией и правительством У Ну. Это был особенный кризис, ибо он непосредственно породил военный переворот. Отношения между У Ну и генералами, как уже указывалось, всегда были неприязненными. Неудивительно, что уже к концу временного правительства Не Вина высокие военные чины из его окружения советовали ему не передавать власть гражданским силам, а продолжать армии править самостоятельно. Не Вин от этого тогда отказался. И после выборов 1960 г. слухи об антиправительственных настроениях в армии за возврат её к власти постоянно доходили до У Ну, и он даже обратился к Не Вину с просьбой отправить некоторые особо рьяные на этот счёт армейские чины подальше от Бирмы (на дипломатическую работу в другие страны). И эта просьба была тогда принята Не Вином. Но, как видно, армейское руководство в целом настраивалось все более негативно и враждебно в отношении гражданского правительства У Ну. На сей раз и сам Не Вин решил, что армии пришел срок действовать. Ведь У Ну явно не справлялся с «16 тысячами проблем», которые, как он говорил, стояли перед страной. Он растерялся, вел себя неуверенно — и проиграл. Проиграл, несмотря на столь недавнюю блестящую победу на парламентских выборах, открывавшую, как казалось, широкий путь вперед. Проблемы измотали его, он потерял ориентировку среди множества кризисных ситуаций, хотя в сложившихся условиях от него требовались как раз энергичная организаторская деятельность и четкое руководство. Но они-то как раз никогда и не были его сильными сторонами. Кроме всего, он просто устал, ему было 54 года, и, наверное, он сам мечтал об уходе от политики, чтобы опять отдохнуть в буддийском монастыре и на свободе предаться медитации и поклонению «натам» — духам (или «божкам»), доставшимся буддизму от добуддийских верований.

В ночь на 2 марта 1962 г. военные перешли к прямым действиям, на сей раз без какого-либо политического камуфляжа. Это был чисто военный переворот с установлением контроля армии над всеми стратегически важными объектами, с арестом руководящих фигур

правительства во главе с У Ну, лидеров Союзной партии и различных шанских и других сепаратистски высказывавшихся лиц.

Так, гражданскому, демократически избранному правительству Бирмы, его главе — У Ну — пришел конец, не на полтора года, как в 1958 г., а на долгие десятилетия, можно сказать — насовсем.

* * *

Как же в целом можно оценить центральную для парламентского периода фигуру У Ну? Он, несомненно, был выдающейся высоко нравственной личностью, личностью с харизмой. Его наивысшим политико-государственным взлетом были первые годы, после того как он принял руководство страной от Аун Сана. При нем Бирма добилась независимости, принята парламентская конституция. Под его руководством в тяжелейший кризис 1948–1951 гг. были разгромлены основные повстанческие силы и защищена независимость страны. Годы этого кризиса были годами целеустремленного и волевого государственного руководства этого человека, его основным практическим достижением в укреплении бирманской государственности. Другим важнейшим вкладом У Ну в политику была пропаганда и защита идеалов демократической системы, как бы слаба и неразвита она в стране на практике ни была. Реакцией на защиту демократии была ошеломляющая победа его и его партии на выборах 1960 г., проходивших под девизом «Демократия или фашизм!».

У англичан есть известная во всем мире поговорка: The right (wrong) man at the right (wrong) place («правильный» (не тот) человек на нужном (не на своем) месте). В оценке У Ну здесь возможны лишь два варианта: «Не тот человек на нужном месте» и «правильный человек не на том месте». При всей приемлемости первой формулы (У Ну в мемуарах назвал себя «любителем в правительстве») все же более глубокая оценка его личности и деятельности, по мнению данного автора, содержится во второй формуле: «Правильный (достойный) человек не на том месте», то есть «правильная», крупная фигура была брошена жизненными обстоятельствами не на «ту», не на «свою» работу. Говоря иначе, «достойный человек не на своем месте». Его подлинной сферой была литература и буддизм, сфера скорее созерцания, чем деятельности.

ПЕРИОД ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ И «БИРМАНСКОГО ПУТИ К СОЦИАЛИЗМУ» (МАРТ 1962 г. — СЕНТЯБРЬ 1988 г.)

1. Армейский переворот

Мартовский военный переворот 1962 г. прошел быстро и организовано. К полуночи 2 марта начался ввод войск в Рангун, занявших стратегические позиции. К правительственным резиденциям были посланы специальные армейские группы, которые арестовали президента страны У Вин Мауна, премьера У Ну, ряд его министров, главного судью Верховного суда, лидеров Союзной партии, а также руководителей некоторых автономий этнических меньшинств, замешанных в вопросе федерализма (особенно среди шанов и кая).

3 марта военные власти распустили парламент, фактически приостановили конституцию 1947 г. Ревсовет распустил также существовавшие в автономиях госсоветы и заменил их новыми, с другим составом и во главе с военными. Вообще, сразу же стали устанавливаться крутые централизованные методы управления страной, вводиться «железная дисциплина». Особо важную роль в территориальном управлении начало играть командование военных округов. Была создана также специальная система «комитетов безопасности и управления» как органов местной власти во главе с военными.

Считалось, что переворот был бескровным. Но это оказалось не совсем так. Среди арестованных примерно 30 лидеров шанов и кая был и бывший первый президент Бирманского Союза шан Сао Швэ Тай. Он был увезен военными в казармы, и с тех пор его никто не видел. Есть сведения, что при аресте он якобы оказал сопротивление. Его младший сын был застрелен солдатами в ночь переворота¹. Возможны были и другие потери. Но в целом переворот действительно обошелся тогда «малой кровью».

На следующий день в 8.50 по радио выступил главнокомандующий генерал Не Вин. В своем обращении он информировал граждан о том, что «вооруженные силы взяли на себя ответственность и задачу

обеспечения безопасности страны в связи с крайне ухудшившимися условиями в Союзе». Он призвал всех к спокойствию и продолжению работы и занятий в учебных заведениях².

Власть в стране взял Революционный совет (РС) — организация высших офицеров вооруженных сил во главе с генералом Не Вином. Все 17 членов РС первоначального состава были бригадными генералами или полковниками, все — соратники Не Вина по движению сопротивления и конкретно полкам и батальонам армии, «родной» Не Вину был его 4-й батальон. В официальном списке РС и в порядке нумерации после генерала Не Вина (№ 1) были бригадные генералы: 2. Аун Джи; 3. Тан Пэ (коммодор); 4. Т. Клифт; 5. Тин Пэ; 6. Сан Ю и полковники: 7. Сейн Вин; 8. Таун Чжи; 9. Чжи Маун; 10. Маун Швэ; 11. Тан Сейн; 12. Чжо Зо; 13. Со Мьин; 14. Чит Мьяин; 15. Кхин Нью; 16. Хла Хан; 17. Тан Ю Сайн³. Все они стали также министрами созданного тогда же нового правительства.

РС был объявлен верховной властью, а его председатель — главой государства и Революционного правительства. Не Вин, кроме этого, стал министром обороны. Постановлением РС от 9 марта «его председатель облачался всеми законодательными, исполнительными и судебными полномочиями»⁴, то есть он получал юридически неограниченную власть.

Первоначально все члены правительства были военными, но вскоре в него был включен один гражданский человек — У Ти Хан, давнишний друг Не Вина со студенческого движения 1930-х гг. Он был назначен министром иностранных дел.

Фигурой, ближайшей к Не Вину, был его заместитель по армии бригадный генерал Аун Джи (но только в течение первого года, до того, как его отправили в отставку, а затем даже репрессировали, скорее всего за противодействие «левой» программе РС). Близким человеком Не Вина был также полковник Сан Ю, с которым он дружил в Армии независимости Бирмы. Сан Ю оставался с Не Вином вплоть до его падения в 1988 г.

Человеком круга Не Вина стал также д-р Маун Маун, адвокат и автор книг по современной истории и конституции Бирмы, причем книги его издавались и на английском языке, в результате чего он получил известность в международном востоковедении. В 60-х гг. он стал биографом, пропагандистом идей Не Вина и «невинизма», выпустив в 1969 г. очень богатую фактами биографическую книгу «Бирма и генерал Не Вин». Фигура генерала подавалась в этой и других его

работах как большого патриота (сам Маун Маун тоже был участником антияпонского движения сопротивления), с очевидным особым уважением и с немалой дозой апологетики в его адрес, хотя в мягкой форме. В 1971 г. д-р Маун Маун был введен в члены РС, а в конце срока распадавшейся невиновской диктатуры (1988 г.) стал на короткий срок последним президентом страны (гражданским на сей раз).

Другим приближенным к Не Вину и новой власти гражданским лицом, а с 1971 г. — членом Революционного правительства стал У Ба Ньейн, член левой легальной Рабоче-крестьянской партии Бирмы и левого легального Национального объединенного фронта (НОФ), которые находились в оппозиции коалиции АЛНС — соцпартия и которые действовали, как и все другие партии оппозиции, только до 1964 г., когда РС их всех распустил. У Ба Ньейн заслуживает отдельного упоминания в связи с РС не только потому, что он стал министром, а потому, что вместе с группой других «левых социалистов» (или, как иногда говорили, «легальных коммунистов») принял активное участие в выработке программных документов РС (ведь военные были людьми мало или недостаточно образованными, включая самого Не Вина). Или, говоря точнее, вместе со своей командой он внес социалистическо-коммунистическую струю в эти документы, из чего и стали говорить о так называемой социалистической ориентации Бирмы.

В день переворота новые бирманские власти опубликовали декларацию о внешней политике страны. В ней говорилось о нерушимой преданности Бирмы делу мира и верности «политике позитивного нейтралитета», как «политике, которая наилучшим образом подходит ей в контексте существующих международных условий»⁵. Поэтому на мировой арене Бирма осталась в группе нейтральных или неприсоединившихся государств.

Надо сказать, что первоначально приход армии к власти в Бирме был встречен в мире и отчасти в самой Бирме как мера, связанная с наведением порядка в условиях политического хаоса, как какое-то повторение опыта 1958–1960 гг. с временным правительством Не Вина. Об этом свидетельствует тогдашняя международная, почти позитивная реакция на переворот и повсеместное дипломатическое признание новой власти.

4 марта генерал Не Вин пригласил на встречу лидеров основных политических партий (Союзной, АЛНС, НОФ). Генерал говорил о единстве и солидарности и призвал их «работать вместе», а если «не

сможете, то не мешайте нам»⁶. Судя по всему, это не вызвало тогда возражений. Хотя, конечно, лидеры партий заведомо не пытались в чем-то противоречить генералу: они, скорее всего, рассчитывали на временность власти военных и на невведение ими цензуры. Но в данном случае важен сам факт встречи с партиями, которые тем самым получали, как казалось, какую-то легитимность. Что касается отношения населения к военному перевороту, то исследователи отмечали в народе некоторое первоначальное облегчение и надежду на восстановление порядка и лучших условий жизни в стране, что в свете тогдашней бирманской ситуации и предыдущего опыта власти военных было довольно естественным.

Однако настороженное отношение в мире и в среде многих политиков Бирмы вызвали уже первые программные документы РС, которые не просто, как прежде, вскользь упоминали о социализме, а предлагали теоретико-организационную основу реформ в социалистическом направлении и особенно конкретное осуществление их на практике.

2. «Бирманский путь к социализму» и другие документы военного режима

Основным программным документом РС стала политическая декларация «Бирманский путь к социализму» (БПС), ставшая принципиальной базой всех революционных реформ в Бирме. Она была принята 30 апреля 1962 г. командным составом вооруженных сил. БПС отверг экономические системы эксплуатации человека человеком, призвал к учету бирманской реальности и предостерег против уклонов вправо или влево в политике. Предусматривалась национализация всех жизненно важных средств производства и как основа социалистической экономики — государственная собственность с допуском кооперативной и частной. Говорилось о плановом пропорциональном развитии экономики. Предусматривалось строительство социалистического демократического государства. Его основой должны были быть главным образом крестьяне и рабочие. При этом отрицалась система парламентской демократии, как потерпевшей неудачу в Бирме, в том числе в результате внутренних противоречий и слабостей. Затем излагалась программа перехода к социализму, содержавшая в том числе задачу переориентации взглядов людей. Планировалось создание «подходящей формы политической организации» — руководящей партии.

Заканчивалась декларация разделом об ответственности народа и призывом к его активному участию в «национальном революционном прогрессивном движении вперед под руководством РС»⁷.

Нельзя было не увидеть сходства или близости ряда положений БПС к общемарксистским взглядам, к практике, скажем, СССР и других социалистических стран.

Через неделю после принятия БПС председатель РС встретился с лидерами трех основных политических партий (Союзной, АЛНС и НОФ) и обсудил с ними БПС в разделенных заседаниях. Лидеры трех партий заявили, что они в принципе одобрили БПС и получили разъяснения Не Вина по некоторым конкретным вопросам⁸.

Вскоре после принятия БПС, а именно 4 июля 1962 г., Революционный совет объявил о начале создания руководящей политической партии, получившей название «Партия бирманской социалистической программы» (ПБСП). Тогда же был принят Устав ПБСП на переходный период ее строительства — период строительства кадровой партии. ПБСП должна была придерживаться принципа демократического централизма и ввести категории кандидатов и членов партии⁹.

Устав ПБСП, как видно, отражал существовавшие взгляды и формы тогдашних компартий, не в меньшей мере, чем БПС был аранжировкой популярных извлечений из марксизма-ленинизма (за вычетом руководящей роли компартии, место которой занял руководящий военный, Революционный совет).

В сентябре 1964 г. Центральный организационный комитет ПБСП выступил с заявлением «Специфические черты ПБСП»¹⁰. В нем ЦОК отметил существенные различия, с одной стороны, между ПБСП и социал-демократическими партиями, а с другой — между ПБСП и коммунистическими партиями. Первых — социал-демократов — ПБСП называла правыми уклонистами, а большинство коммунистов упрекнула в догматизме, в абсолютизации своего учения, хотя, мол, Ленин и призывал их к творческому применению теории. ПБСП критиковала коммунистов, особенно бирманских, за вульгарный материализм, за отрицательное отношение к религии. Таким образом, ПБСП заняла как бы «промежуточное» положение (сродни буддийскому «срединному пути»).

В начале 1963 г. ПБСП издала документ под названием «Философия ПБСП. Система взаимоотношений человека и окружающей его среды»¹¹. Он стал философской основой партии, и ее идеи

стали изучаться сторонниками ПБСП, наряду с другими ее основополагающими документами. «Философия ПБСП» интересна также для интересующихся буддийской философией и социологией. В ней сформулировано буддийское отношение к принципиальным вопросам бытия и буддийская диалектика (три мира в природе, равноценность материи и сознания, непрерывно взаимодействующих, и т. д.). В центр внимания «Философии ПБСП» поставлен человек. Наряду с этим в «Философии ПБСП» воспроизведены положения марксизма, исторического материализма о социально-экономических формациях развития общества, начиная с первобытного и кончая социалистическим. Приводятся также марксистские положения о соотношении производительных сил и производственных отношений, эволюции и революции и подчеркнуты как решающая роль трудящихся в общественном, в том числе социалистическом, развитии, так и ведущая роль социалистов. Мы, говорится в «Философии ПБСП», являемся «бирманскими революционерами и социалистами», идущими в ногу с развитием истории.

Это последнее положение выделено (в оригинале) жирным шрифтом¹² (как и некоторые другие). И это в принципе откидывает или ослабляет то первоначальное объяснение перевороту, которое дал ему 7 марта на пресс-конференции бригадный генерал Аун Джи.

Выше мы уже кратко упоминали это заявление (см. гл. X, подраздел 14). Сейчас, ввиду важности этого вопроса в период после переворота, приведем его подробнее. Аун Джи сказал тогда: «В Бирме мы имеем экономический, религиозный и политический кризисы ... при этом самой важной причиной переворота была проблема федерализма ... Малая страна, подобная Бирме, не может позволить себе разделения...». Составляющие ее государства (штаты) «пользуются правом автономии и правом выхода, гарантированные конституцией. Но если бы выход [из страны] был осуществлен, то малая и недавно ставшая независимой Бирма погибла бы подобно Лаосу и Вьетнаму»¹³. Можно допустить, что в данном случае речь шла не столько о пресечении сепаратизма с помощью переворота, сколько о переходе силовым вмешательством армии на путь военно-социалистического развития страны, то есть на путь радикальных конституционных перемен в Бирме, в том числе и в национально-государственном вопросе.

Стоит заметить, что Аун Джи вскоре выступил против ряда социалистических планов Ревсовета (будучи то ли правым социалистом, то ли просто правым, то ли стремившимся к личному лидерству)

и в начале 1963 г. был выведен из него, а затем даже и репрессирован военными властями на некоторое время.

Что касается связи между бирманской армией и социализмом, то здесь следует отметить, что еще в 1958 г., за несколько лет до военного переворота 1962 г., в Бирме прошла конференция командного состава вооруженных сил, на которой были, как уже отмечалось выше, сформулированы этапы бирманской революции — «сначала свобода, потом демократия, затем социализм». Вот в 1962 г. и наступил этот третий этап, также принятый армией. Выше также говорилось, что в послевоенной Бирме, особенно после достижения независимости, термин «социализм» широко распространился. Почти все в стране, особенно в политических кругах, так или иначе говорили о социализме, видя в нем некий ключ или маяк для движения вперед и цель построения общества всеобщего благоденствия или же предмет для политических пропагандистских спекуляций.

Стоит отметить специально, что в социально-политическом отношении состав верхушки армии, РС, а также среднее военное звено были близки или тождественны тем левым и левоцентристским элементам, которые составляли (и даже возглавляли) ведущие политические партии и группы. Одни из них были, может быть, левее, другие правее, но так или иначе это была одна общественная среда, которая «обживала» или порождала близкие друг другу идеи. Разница между одними и другими политическими партиями или группами состояла скорее в методах применения, воплощения идей, как и власти вообще. Одни были демократами или квазидемократами в различных вариантах, другие — авторитаристами и централизаторами в разной степени. Вот между первыми и вторыми, то есть демократами и авторитаристами, и пролегла основная грань различия в бирманском социализме. К первым относилась АЛНС У Ну, ко вторым — соцпартия, особенно крыло У Чжи Ньейна. Ко вторым стали относиться, как показано ниже, и Революционный совет и все созданные им органы и институты во главе с Не Вином. Поэтому после 1962 г. в Бирме надо говорить о «социализме в военном мундире». Это и неудивительно, потому что сама армия представляла собой модель авторитаризма — как в высшей степени авторитарную, причем общенациональную, организацию. При этом было неважно, что помимо цитат из марксизма и советских сочинений мало кто в Бирме (и не только) понимал, что же такое социализм на самом деле. Он принимался многими как лозунг, как вера, и его воз-

действие на общество, на людей, в том числе необразованных, было очень значительным.

Об этом и свидетельствовала с приходом Ревсовета к власти в 1962 г. вся система его политических и теоретических документов. Но это была все же сфера идеологии, хотя и она многих на Востоке и Западе поразила своим радикализмом. На Востоке думали и говорили о появлении новых «своих» социализмов, о расширении революционного фронта в мире. Мы назвали идеологию и программу РС, равно как позже и его деятельность, «социалистической ориентацией», как бы предварительным этапом социализма, его проверкой. В Бирме эту интерпретацию социализма не приняли, так как она воспринималась как принижение высокого социалистического настроения нового руководства Бирмы, так и его идеологии. Но эти различия не привели к конфликту. Что касается Запада, то появление «бирманского социализма» или социалистической ориентации вызвало в его высших кругах недовольство и негативное отношение, особенно потому, что Бирма как бы «уплывала» из сферы влияния Запада и передвигалась к другому берегу.

3. Реформы. Экономика

Когда Ревсовет приступил к реализации своей программы, то на деле стали видны все масштабы радикальных устремлений новой власти.

Начиная с 1962 г. и до конца десятилетия Ревсовет осуществил крупнейшую национализацию хозяйства. Можно сказать, что по стране тогда прошелся «каток национализаций», а сам этот период следует назвать периодом «бури и натиска».

Были национализированы все иностранные и национальные частные банки, внешняя торговля, внутренняя оптовая торговля, все сколько-нибудь значительные компании и учреждения национального капитала, страховые компании, рудники, транспортные агентства, многие предприятия обрабатывающей промышленности, газеты, кинотеатры, школы и т. д. Явно войдя в раж, власти даже заявили, что создание новых частных предприятий не будет разрешаться¹⁴. Это сказал сам Не Вин, и это было явным нарушением тех рамок, которые теоретически поставил главный документ нового режима — БПС и в котором было сказано, что при всем при том «будут разрешены, с разумными

ограничениями, частные национальные предприятия...»¹⁵. К счастью, это заявление не получило законодательного закрепления, но его негативное политико-психологическое воздействие на частный сектор было очевидно. Была объявлена государственная монополия на торговлю важнейшими видами потребительских товаров и сырья. Была подтверждена верховная государственная собственность на землю.

Кроме банков под удар попали и известные западные компании, которые были также национализированы. Среди них были знаменитые английские «Бирма ойл К^о», «Бирма корпорейшн», «Стил бразерс», «Англо-Бирма Тин К^о» и др. То же произошло со многими фирмами и предприятиями, принадлежавшими индийской, пакистанской и китайской буржуазии (они были мельче английских). В результате из Бирмы произошел значительный отток иммигрантского населения. В 1963–1966 гг., по бирманским данным, из страны эмигрировало свыше 177 тыс. иностранцев, в том числе примерно 153 тыс. выходцев из Индии¹⁶. Пострадали также некоммерческие иностранные учреждения, в том числе американские, которые были причислены властями к антинациональным организациям. В числе крупных бирманских компаний была национализирована и Корпорация экономического развития Бирмы (бывший Институт вооруженных сил) — армейский конгломерат-холдинг, объединявший 33 различных фирмы¹⁷.

По бирманским данным, от декабря 1963 г. в стране было национализировано почти 15,5 тыс. различных предприятий и учреждений, в том числе 12 тыс. торговых, 2 тыс. сельскохозяйственных ферм, свыше 800 учебных заведений, 346 рудников, более 240 предприятий обрабатывающей промышленности, 200 типографий, газет и пр.¹⁸ Национализация проводилась по закону, принятому в октябре 1963 г.

Кроме него был издан целый ряд других законов, в том числе (в марте 1964 г.) жесткий закон о защите социалистической экономики. В целом за короткий срок произошло широкое огосударствление экономической жизни страны и других ее сфер. За период 1961–1962 гг. — 1970–1971 гг. доля госсектора в валовом продукте увеличилась с 29 до 40%, в горнодобывающей — с 1,5 до 78%, в обрабатывающей — с 28 до 42%, в торговле — до 50%, в связи и энергетике — до 100%¹⁹. В середине 60-х гг. положение госсектора в экономике Бирмы стало господствующим (50–53% — в общем ВВП, 60% — в обработке, до 90–94% — в торговле)²⁰. Может быть, тут были отчасти виноваты неправильные критерии статистики и неопытность самих статистиков на новом пути Бирмы. Однако главные причины таких показателей

были, скорее всего, в их заданности военным руководством страны, которое стремилось добиться как можно быстрее максимального уровня «социализации» Бирмы.

Экономика ответила на насилие падением производства, от которого пострадала вся страна и авторитет ее руководства. Видимо, возникшая экстремальная ситуация, созданная сверхнационализацией и огосударствлением, в конце концов потрясла и самих военных лидеров Бирмы, и они решили несколько «ослабить вожжи». Смягчение экстремистского экономического курса началось после I съезда ПБСП в 1971 г. и продолжалось в течение всех 70-х гг., когда произошло еще несколько очередных и чрезвычайных съездов правящей партии, не говоря уже о заседаниях ее ЦК.

В первые несколько лет после переворота индекс ВВП прыгал от плюс 12,9 и 9,9% до минусовых показателей в 1963–1967 гг. Крупный одиночный рост в 1967–1968 гг. (+10,1%) сменился в последующие три года умеренным ростом в 3–5%, а с 1971–1972 гг. до середины десятилетия темпы прироста были вокруг 2,5%. Только в 1975–1976 гг. до конца 70-х гг., видимо под воздействием принятых руководством корректирующих мер, показатели поднялись до 5–6% и остались на этом уровне только до середины 80-х гг.

Надо подчеркнуть, что в 1974 г. в Бирме произошли важные политические перемены. Была принята новая конституция, которая вводила социалистическую систему. Сама страна получила конституционное название «Социалистическая республика Бирманский Союз» (см. ниже). В данном случае отметим только тот момент, что на новый, конституционно оформленный режим легла тяжелая ответственность за вывод страны из экономического кризиса.

Кризисные явления и кризис в экономике Бирмы 1962–1970-х гг., перешедшие в обостренную форму в середине 80-х гг., были результатом той жесткой военно-социалистической модели развития, которую принял первоначально Ревсовет и которая была детально и системно разработана в конституции 1974 г. Эта модель была как бы выжимкой из наиболее устаревших и левацко-догматических положений раннего (особенно «военного) коммунизма» в Советской России и его сталинистского варианта в 20–30-е гг. Кризисные явления сопровождали все экономическое развитие Бирмы после 1962 г. Они усугублялись возросшей изоляцией страны от мировой экономики и тенденциями к автаркии, что губительно для любой слаборазвитой экономики. Изоляция и автаркия были отчасти объективным результатом закрытой политики

военного руководства, отчасти порождались субъективным желанием как-то отгородиться, изолироваться от мира и сохранить свою самобытность в максимальной чистоте, что в общем также подталкивалось буддийской склонностью к индивидуализму, пассивности и «отшельничеству». (Бирма — «нация-отшельник» — часто отмечали иностранные наблюдатели бирманских дел.)

В целом бирманскую модель развития после 1962 г. можно охарактеризовать как государственный левый экономический экстремизм, который подмял и без того слабые производительные силы, зажал уже существовавшие рыночные отношения и вызвал сужение, а то и закупорку многих экономических сосудов.

Решения первого и последующих съездов и пленумов ПБСП свидетельствовали о стремлении руководства уйти от крайностей экономической политики. Оно подготовило принятие долгосрочного, 20-летнего, плана экономического развития (с 1974 г.), выдвинуло развитие сельского хозяйства в качестве приоритетной задачи, исходило из необходимости мобилизации всех производительных сил страны, в том числе и частного сектора, роль которого должна была возрасти, и перевода работы госсектора на коммерческую основу. Все эти решения ослабили политику экономического экстремизма и экономической изоляции Бирмы на международной арене. Произошло некоторое расширение связей Бирмы с мировым рынком, преимущественно со странами Запада. Однако эти решения были половинчатыми, робкими и оставались в русле прежнего военно-социалистического стратегического курса. Принципиальные проблемы, порожденные этим курсом, сохранились и в дальнейшем развитии Бирмы в 80-е гг., приведшем к социальному взрыву и демонтажу всей системы «бирманского пути к социализму». Здесь можно только сказать, что «контрреформ» и коррекций курса было слишком мало и они пришли слишком поздно, чтобы спасти этот курс.

Вышесказанное не означает, что экономическое развитие Бирмы в этих условиях вообще остановилось. Речь шла об общей кризисности и слабостях экономики страны как системы, что было тесно увязано с политической надстройкой. Но некоторые взятые в отдельности отрасли и направления бирманской экономики показали заметное продвижение вперед, и это способствовало тому, что до поры до времени стране все же удавалось в целом оставаться «на плаву», хотя чем дольше, тем труднее.

Среди достижений надо в первую очередь отметить развитие рисоводства — главного источника продовольственного зерна для населения и поставщика иностранной валюты. Так, при более или менее стабильных площадях под рисом его производство с 7–8 млн. т до Второй мировой войны и в 1960–1970-е гг. выросло в начале 80-х гг. до 14 млн. т²¹. Это было тем более важно, что с начала 60-х гг. население страны увеличилось с 22 до 35,3 млн. человек в 1983 г.²² Рост производства риса был обеспечен повышением его урожайности, осуществленного с помощью методов «зеленой революции», при которой сборы риса с гектара поднялись с 1,5–1,6 т в 1960–1970-е гг. до 2,8–2,9 т в середине 80-х гг.²³ Правда, даже это не решало остроты продовольственной проблемы в стране. Что касается экспортного эффекта от этого роста, то он был ниже показателей 1950–1970-х гг., и в начале 80-х гг. экспорт риса из Бирмы составлял всего 600–700 тыс. т (против довоенного рекордного пика в 3 млн. т)²⁴.

Как уже отмечалось, в конце 70 — начале 80-х гг. Бирме удалось, согласно официальным данным, поддерживать ежегодный прирост ВВП на хорошем среднем уровне в 6%²⁵. Но это были последние стабильные и сравнительно высокие показатели динамики экономики страны перед общим кризисом курса.

В попытке некоторого ослабления антирыночной политики в 70-е гг. в Бирме был начат перевод госпредприятий на хозрасчет, сокращены налоги с предприятий, была введена новая (развернутая по отраслям) банковская система. В декабре 1976 г. был ограничен снят госконтроль с 9 видов сельхозпродукции, временно введенный в 1975 г. В 1976–1977 гг. были приняты решения о расширении деятельности частного сектора и привлечении в страну иностранной помощи и капитала, о создании совместных предприятий, а также о ненационализации частных предприятий.

Частичное приоткрытие дверей для иностранной помощи и капитала привело к созданию в конце 1976 г. Международного консорциума помощи Бирме, который составили ведущие страны Запада (США, Япония и др.).

Серьезным нововведением в аграрной политике военных властей Бирмы был закон (ноябрь 1965 г.) об отмене арендной платы с крестьян землевладельцам, вконец расшатавший иностранное землевладение в стране. Однако вместо аренды землевладельцам государство ввело свою монополию на закупки по своим ценам сельхозпродукции у крестьян и продажи им необходимого сырья и оборудования. Тем

самым государство превратилось в главного сборщика ренты с крестьян в различном виде и в монопольного распорядителя хозяйственных и социальных процессов в деревне.

Наиболее значительным с точки зрения активизации рыночных отношений было постановление правительства 1987 г. о фактически полной отмене госконтроля над торговлей 9 видами сельхозпродукции (включая рис, кунжут и бобовые) при условии уплаты крестьянами земельного налога натурой. Этот контроль был впервые введен в 1966 г. Условие уплаты налога натурой диктовалось продовольственным дефицитом в стране и стремлением государства создать резервы. Это решение было одним из последних крупных внутренних экономических акций бирманского военного правительства перед погружением страны в острейший политико-экономический и социальный кризис.

4. Реформы. Социальная сфера

Ряд программ осуществлялся бирманским правительством в социальной сфере. Здесь нужно выделить усилия в развитии здравоохранения (увеличение числа больниц и врачебного персонала, здравпунктов в сельской местности, кампании против опасных тропических болезней). Удалось добиться снижения детской смертности, поднять уровень средней продолжительности жизни с 40,8 лет для мужчин и 43,8 лет для женщин в 1960 г. до 57,9 лет для мужчин и 63,1 для женщин в 1986 г. (последнее отмечалось в городах, в деревнях же этот уровень был несколько ниже)²⁶. Правда, уровень здравоохранения оставался низким в сравнении с соседями Бирмы по региону, не говоря уже о развитых странах.

В области образования были достигнуты более значительные успехи, особенно в количественном отношении. Так, с 1960 г. по 1985–1986 гг. число начальных школ в стране увеличилось с 12,5 тыс. до 27 тыс., а число учеников — с 1,6 до 4,7 млн.²⁷ Был заметный рост и числа средних школ, но здесь количество школ и учеников было гораздо меньше. Получили развитие различные профессиональные школы.

Реформы в сфере высшей школы выразились в создании новых университетов (в 1960 г. их было 2 — Рангунский и Мандалайский, в 1985–1986 гг. — 12), университетских колледжей (с 4 до 17), а также в увеличении числа профессиональных институтов (их стало

в 1985–1986 гг. 11). Большинство новых вузов создавалось в провинциальных центрах. Во всех этих вузах страны в 1978–1979 гг. училось более 66 тыс. студентов²⁸, в 1985–1986 гг. — 120 тыс. (не считая свыше 91 тыс. студентов, охваченных университетской системой по переписке)²⁹. Надо сказать, что столь большой выпуск специалистов с высшим образованием усугубил проблему занятости в стране (возник дисбаланс предложения и спроса).

В 1960–1980-х гг. в Бирме проводилась широкая кампания по ликвидации неграмотности с привлечением студентов. В 1984 г. в бирманских газетах было сообщено о победе над неграмотностью в 223 из 314 районов страны³⁰.

Общим недостатком системы здравоохранения и особенно образования в рассматриваемый период была изоляция Бирмы от мировых центров, замкнутость, существовавший в 1960–1980 гг. запрет на преподавание на английском языке, что резко понизило уровень знания этого языка, столь необходимого для развития знаний в других науках и международного общения (в Бирме английский язык был в первый период независимости довольно распространен, хотя меньше, чем в Индии). Запрет преподавания в вузах на английском языке отрицательно сказался на нескольких выпусках студентов и вообще привёл к упадку английского языка в стране, что стало мешать в дальнейшем развитию качественного образования и науки.

5. Политика: переговоры с повстанцами (1963 г.) и введение однопартийной системы (1964 г.)

Весь период после военного переворота 1962 г. разделяется на две части: период прямого армейского правления Ревсовета (1962–1973 гг.) и период «конституционной диктатуры» (1974–1988 гг.), когда военная власть надела «конституционный (гражданский) костюм», сквозь который были ясно видны ее военные доспехи³¹.

С самого начала на фоне принятия Ревсоветом социалистических документов и активного осуществления соответствующих экономических реформ политическое положение было противоречивым. Почти что «семейные» встречи генерала Не Вина с лидерами основных политических партий имели характер заигрывания власти с партиями с тем, чтобы расколоть и ослабить их. Внутри этих партий действительно началось размежевание: одни члены поддерживали программу

Ревсовета, другие выступали «против» или воздерживались. Уже весь март 1962 г. правительство вело активные боевые действия против повстанческих сил шанов, КПБ, каренов и качинов, действовавших в различных районах страны, хотя имела место и сдача властям некоторых боевых группировок и их лидеров.

В начале июля 1962 г. произошли крупные волнения в Рангунском университете: студенты протестовали против введения в университете новых жестких дисциплинарных правил. Волнения вылились в столкновения и беспорядки. В результате 16 студентов было убито, 42 ранено и 21 арестован. По данным же компартии, убитых было 107 человек, раненых — более 300³². Судя по всему, в этих беспорядках была как «своя» студенческая «правда», так и «правда» левацко-коммунистических подстрекателей выступлений против военных властей, которых компартия квалифицировала как «в основе своей антикоммунистическую военную диктатуру»³³. В любом случае это была зверская расправа армии с революционной студенческой молодежью. Самым прискорбным и навсегда запомнившимся событием во время этих беспорядков, помимо самого кровопролития, было уничтожение армией путем специального подрыва священного символа патриотической борьбы студентов с колониальных пор — двухэтажного здания Студенческого союза у входа в университет. С тех пор в армии и утвердились подобные методы обращения с недовольными — «запрещать, хватать и давить». Студенческие и другие организации были распущены. В декабре того же года студенческие волнения повторились. Одновременно протестовали и буддийские монахи, недовольные тем, что армия понизила их статус и роль.

В 1963 г. Ревсовет предпринял необычные ранее для армии шаги. В апреле он сначала издал указ о всеобщей амнистии, а в июне предложил всем повстанцам начать прямые переговоры о восстановлении мира в стране (с гарантиями повстанческим представителям на беспрепятственное прибытие и отбытие из Рангуна).

Амнистия заработала. Предложение о переговорах было принято всеми повстанцами. На переговоры в Рангун прибыли (с учетом объединений) представители 12 организаций и среди них, воспользовавшись случаем, так называемые «пекинцы» — бирманские коммунисты, бежавшие в Китай и прошедшие там идеологическую обработку в духе маоизма. Переговоры начались летом и завершились почти полным провалом в ноябре 1963 г. Договоренности с Ревсоветом достигла только одна группа из числа каренских повстанцев — «Котулей».

КПБ (в составе трехпартийного «фронта» НДОФ — компартии, части повстанцев каренов и части кая) выдвинула условием соглашения сохранение своих вооруженных сил и контроля над «своими» районами, что было неприемлемо для Ревсовета. Интересно было наблюдать, как столкнулись две военно-диктаторские организации, которые с 1948 г. стали заклятыми врагами, хотя их идеология и методы были весьма близки друг другу, особенно с 1962 г., когда армия поддержала сторонников социалистической ориентации. В ноябре 1963 г. после срыва переговоров народ мог видеть спины повстанческих переговорщиков, покидающих Рангун, возвращающихся из более или менее цивилизованных городских условий обратно в далеко негостеприимные дикие джунгли.

«Размежевание» с повстанческими организациями на переговорах, конечно, не решило проблему войны и мира в стране, но создало для Ревсовета условия большей политической ясности и свободы действий. В том же направлении действовал эффект начавшихся в августе 1963 г., еще во время мирных переговоров с повстанцами, арестов некоторых лидеров АЛНС и Союзной партии, а позже — и НОФ под предлогом предотвращения угрозы внутреннему миру (легальные леваки устроили во время переговоров уличные «марши мира» для оказания давления на Ревсовет и поддержки мирных условий повстанцев). Это «размежевание» с легальными партиями сопровождалось, с одной стороны, освобождением некоторых из ранее арестованных политиков, а с другой — переходом части их видных членов на позиции сотрудничества и поддержки Ревсовета и даже подачей заявлений о вступлении в ПБСП.

Власти освободили из тюрем У Ну, У Ба Свэ (октябрь 1966 г.), а затем (в конце 1967 г. и начале 1968 г.) — экс-президента У Вин Мауна, социалиста У Чжо Ньейна, экс-бригадира Аун Джи, министра У Рашида и др. Всего было выпущено из тюрем примерно 400 человек.

Неудача переговоров с повстанцами и недовольство проявлением нелояльности со стороны некоторых левых — все это подготовило почву для решающего политического удара, нанесенного Ревсоветом по остаткам прежней демократической системы. Речь идет о законе РС от 28 марта 1964 г. о «Защите национальной солидарности», на основе которого были распущены все политические партии и организации, кроме создаваемых Ревсоветом. То есть вводилось однопартийное правление Ревсовета, которое должно быть охарактеризовано

как военно-социалистическая диктатура, поставившая на долгие годы крест на многопартийной и достаточно свободной политической жизни, к которой Бирма, несмотря на все ограничения и огрехи демократии парламентского периода, все же привыкла.

6. Принятие социалистической конституции и установление «конституционной диктатуры»

Государственное юридическое оформление эта военная диктатура получила в конституции 1974 г., по которой Бирма стала называться «Социалистической республикой Бирманский Союз». Она вводила формально гражданские (или, точнее сказать, принятые в гражданских конституциях) институты власти — пост президента, государственный совет, парламент (в данном случае однопартийный — Народное собрание), правительство, избираемое парламентом. При всем этом конституция установила однопартийную политическую систему и утвердила руководящую роль ПБСП. Народ, говорилось в преамбуле, «преданно следует руководству ПБСП». Новая конституция ввела унитарные формы государственной организации. Прошлая автономия штатов (или автономий) была отвергнута, как и сама идея федерации. Государство было разбито на 14 юридически полностью равноправных единиц (или, можно сказать, и одинаково бесправных в плане какой-то автономной самостоятельности). Из них 7 были бирманские («административные») области, составленные из прежней «собственно Бирмы», и 7 — так называемые «национальные области», составленные, в отличие от конституции 1947 г., не из 5, а из 7 единиц из числа национальных районов (были добавлены Монская и Араканская национальные области, в такую же область был преобразован Чинский особый округ)*. Только в этом сугубо цифровом подходе составители новой конституции выразили идею «равенства» в Союзе ($7 = 7$). Та же антифедералистская идея была заложена и в создании однопалатного парламента. С ним было проще управлять многоэтническим обществом и государством. Самым главным секретом новой, социалистической, конституции Бирмы было полное словесное игнорирование роли армии. Но это было секретом Полишинеля, хотя все знали, что именно армия взяла власть и состав-

* По-бирмански бирманские области именовались термином «тайн» (англ. division), национальные — «пъинэ» (англ. state).

ляла костяк всех государственно-политических организаций в стране, какова бы ни была их внешняя трансформация.

7. Начало создания правящей партии — ПБСП и соответствующих массовых организаций

Уже принятие закона о «Защите национальной солидарности» в 1964 г. было важным толчком к формированию новой политической структуры страны. Основное внимание было уделено процессу создания правящей партии — ПБСП, затем новых «массовых и классовых» организаций — Рабочей организации Бирмы (РОБ), Крестьянской организации Бирмы (КОБ). Первоначально они назывались «совета́ми», но для избежания путаницы с административными советами переименовались позже в «организации» («асиайоуны» по-бирмански). Затем появилась Молодежная организация «Ланзин» (МОЛ) — термин «ланзин» идет от бирманского названия ПБСП, где есть термин «ланзин» = «путь» или «программа», взятый из основного идеологического документа новой власти — «Бирманский путь к социализму», перенесенного затем на ПБСП, которую стали для простоты называть по-бирмански сокращенно «партия ланзин» («партия пути»).

Оформление ПБСП произошло на ее первом съезде в середине 1971 г. С тех пор съезды партии, как правящей политической организации, стали постоянным мероприятием. Всего с 1971 г. по 1988 г. состоялось 5 очередных и 5 чрезвычайных съездов ПБСП. После принятия новой, социалистической, конституции ПБСП стала конституционно оформленной правящей политической партией, которая принимала важнейшие для страны решения, которые затем передавались в Народное собрание для превращения в государственные документы.

К началу 1980-х гг. партийно-общественная структура Бирмы представляла собой в количественном отношении мощную разветвленную сверхорганизацию, охватывавшую большинство активного населения. Она выглядела следующим образом: членов ПБСП (с сочувствующими) — 1,5 млн., членов РОБ — 1,6 млн., КОБ — 7,6 млн., Молодежной организации «Ланзин» — 1,2 млн. человек³⁴. (Здесь не учитываются весьма многочисленные детские и подростковые организации.)

Если учесть, что несколько сот тысяч — миллион членов массовых организаций были одновременно членами и кандидатами ПБСП, то можно сказать, что итоговая сумма всех членов указанной сверхорганизации приближалась к 11 млн. Для того, чтобы яснее понять общепирманское значение этой цифры, укажем, что в 1980 г. все население Бирмы составляло 33,3 млн. человек. Экономически активная его часть — 13,2 млн., и даже численность членов широко распространенной в Бирме кооперации не превышала 7 млн.³⁵

Короче говоря, речь шла о создании в Бирме грандиозной политико-общественной тоталитарной структуры, охватывавшей большинство населения и призванной осуществить курс «Пирманского пути к социализму» под руководством ПБСП. Здесь также необходимо сделать два важных пояснения.

Во-первых, вся эта структура, помимо ПБСП, была крайне рыхлой и пассивной, если не говорить о верхушке организаций, назначаемой центром. Миллионы членов этих организаций были в основном членами на бумаге, просто «зачисленными» по указанию сверху. Поэтому нельзя говорить о прочности и эффективности этих массовых организаций. Когда придет время, они с легкостью рассыплются как картонные домики.

Во-вторых, неправильно представлять реальное руководство Бирмы в период после создания ПБСП как гражданскую партийную силу. Главным хозяином страны была и оставалась армия, ее руководство. Оно совершило переворот, оно приняло «Пирманский путь к социализму», оно создало ПБСП, как правящую партию, и затем «массовые и классовые» организации. Более того, в чисто физическом смысле руководство всех этих организаций возглавлялось военными (или их лояльными ставленниками). Конечно, со временем число гражданских лиц в руководстве ПБСП увеличивалось, но верховенство все равно принадлежало военным. В течение 70-х гг. многие ведущие и средние военные фигуры по общей команде вышли в отставку с военной службы и стали числиться «гражданскими». В их числе были генерал Не Вин, Сан Ю и другие более мелкие чины. Но ясно, что все они были и оставались военными людьми. В 1971 г. военные члены ЦК ПБСП составляли более 71%, в 1977 г. — свыше 35%, в 1981 г. — 23,5%³⁶. Такое же «огражданствление» военных происходило и в Народном собрании. Здесь суть дела была не в том, чтобы как-то критиковать и принижать этот процесс, а в том, чтобы видеть реальный стержень всех событий в стране — армию, пусть

и перемежающуюся в какой-то степени с ПБСП. Автор в 80-е гг. сформулировал мысль о создании в Бирме в те годы «армейско-партийного правящего комплекса»³⁷. Возможно, что эта формула позволит более гибко выразить ход трансформации армии во что-то более широкое в государственно-политическом отношении и представляющее собой некий военно-гражданский сплав, причем при ведущей роли военных. Единственно, что было бы неправильно делать, так это преувеличивать степень «огражданствления» бирманского режима. Начавшийся в 1987–1988 гг. кризис власти и выступление народа против нее имели антиармейский характер (помимо «антипартийного»).

8. Рост внутренних противоречий и напряжения

После срыва в конце 1963 г. мирных переговоров с правительством значительно возросла повстанческая деятельность компартии, действовавшей в союзе с рядом этнических мятежников. В руководстве КПБ стали вновь усиливаться крайне левые элементы, и она все более скатывалась на авантюристические экстремистские позиции. В 1965 г. ее руководство провозгласило курс на захват власти в стране вооруженным путем (от чего оно с оговорками отошло в середине 50-х гг.). Ревсовет ответил на это наращиванием военных мер подавления коммунистических повстанцев. К концу 1960-х гг. правительственные войска разгромили силы КПБ на юге и в центре страны (где находились старые их базы), и те были вынуждены (действуя по заранее разработанному плану) перебазироваться на северо-восточные окраины Бирмы, к границе с Китаем. Здесь с широким использованием китайской помощи (в том числе оружием) они и попытались создать новые «освобожденные районы» (в основном между границей с Китаем и рекой Салуин). В 70-е гг. в этом районе неоднократно происходили серьезные бои повстанцев с бирманской армией, нередко с 2–3 тыс. убитых с обеих сторон.

В 1967 г., когда в Китае развернулась «культурная революция», маоистские агенты, прибывшие в Бирму, используя учеников местных китайских школ, организовали провокационные выступления с ношением маоистских значков. Идея этой акции состояла в попытке маоизировать Бирму, «двигать вперед революцию». Это вызвало отпор бирманцев как в Рангуне, так и в других городах. Произошли бирмано-китайские столкновения, приведшие к жертвам и резкому ухудшению

бирмано-китайских межгосударственных отношений (отзыв посла, специалистов, прекращение экономической помощи Бирме и одновременно тайное усиление помощи «братской» бирманской компартии).

В 1967 г. в КПБ началась инспирированная китайскими маоистами «своя» «культурная революция», которая продолжалась в 1968 г. и 1969 г. Ее целью была полная маоизация КПБ, расправа с инакомыслящими — так называемыми «ревизионистами», выступавшими за умеренный курс и переговоры с властями, за отход от маоистов. Жертвами «культурной революции» в КПБ стали прежде всего ветераны партии, члены политбюро и ЦК (Ко Хтей, Гошал, Бо Ян Аун и др.). Они были казнены. Но и сам глава КПБ Такин Тан Тун не избежал печальной участи — в сентябре 1968 г. он был убит в джунглях то ли недовольным собственным охранником, то ли специальным правительственным агентом.

В 1968 г. войсками были схвачены ряд членов ЦК КП «Красный флаг». В ноябре 1970 г. сдался властям и сам глава «Красного флага» — Такин Со. На этом фактически прекратилась деятельность этой первой левосектантской коммунистической группы, отколовшейся от КПБ еще в 1946 г. и сделавшей немало для взращивания в стране левацкого экстремизма террористического типа.

Угроза бирманскому режиму возникла и справа. Правые элементы общества, естественно, были недовольны как экономической политикой властей, так и политической диктатурой, установленной в стране Ревсоветом — ПБСП. Все больше недовольства накапливалось и в средних, умеренных кругах, интеллигенции, студенчества. Но что было наиболее неприятно для властей — это протестные выступления рабочих и служащих. Они возникали как из-за постоянных экономических трудностей, нехватки товаров, роста цен, так и из-за «железной пяты» военной диктатуры.

Правые элементы создали в августе 1969 г. в соседнем Таиланде (куда они бежали от репрессий Ревсовета) Партию парламентской демократии (ППД), которая поставила задачей вооруженное свержение военного режима в Бирме и стала сотрудничать с рядом повстанческих организаций национальных меньшинств. Во главе ППД, как это ни странно, встал У Ну вместе с рядом других деятелей прошлого режима. Принятие У Ну вооруженных методов борьбы было, конечно, отходом его от прежних ненасильственных позиций. С вооруженным сопротивлением режиму у ППД ничего серьезного не получилось. У Ну же через некоторое время порвал с ППД, не выдержав,

по-видимому, федералистско-автономистско-раскольнических позиций этнических союзников, а может быть и переосмыслив свое «соединение» с вооруженной борьбой.

Беспокойными оказались для военного режима Бирмы середина и вторая половина 70-х гг. В мае–июне 1974 г., уже после введения социалистической конституции, на экономической почве произошли крупные забастовки и волнения рабочих в Верхней Бирме (в городах Мандалай, Сикайн, Чау, Енанджаун, Мейтхила), а затем в Рангуне и его окрестностях. В столице в забастовках участвовало более 43 тыс. рабочих на 12 самых крупных предприятиях госсектора. Таких забастовок Бирма не знала с конца 40-х гг. 6 июня войска открыли огонь по бастующим, в результате было убито 22 человека, ранено — 60. Сотни людей были арестованы, закрыты школы и вузы.

В декабре 1974 г. в Рангуне вспыхнули студенческие волнения в связи с похоронами У Тана, бывшего Генерального секретаря ООН (в 1961–1971 гг.). Военные власти, как заявили участники волнений, принизили статус этого великого для Бирмы человека международного масштаба, устроив ему недостаточно уважительные похороны (по единственно логичной причине, что У Тан был давнишним другом и соратником опального экс-премьера У Ну).

В июне 1975 г. и марте 1976 г. произошли новые антиправительственные студенческие выступления (последние — в связи со 100-летием со дня рождения лидера такинского движения писателя Такина Кодо Хмайна). Надо отметить, что в массовых выступлениях в городах Бирмы почти регулярно участвовали буддийские монахи, недовольные, как и другие слои населения, прессом правительственного контроля.

В начале июля 1976 г., как было установлено властями, группа военных составила антиправительственный заговор. В литературе он получил название «заговора капитанов» (то есть молодых военных). В участии в заговоре был обвинен и генерал Тин У (1927 г. рождения), бывший до марта того же года начальником штаба армии и министром обороны. Как сообщалось в официальной печати, заговор был направлен на ликвидацию существовавшей в стране экономической системы, устранение и роспуск ПБСП и проведение политики либерализации в стране. Глава заговора был приговорен к смертной казни, 5 других — к тюремным срокам. Экс-министр обороны Тин У был выпущен по амнистии 1980 г. (позже, в 1988 г., как мы увидим, он станет одним из

лидеров Национальной Лиги за демократию, соратником Аун Сан Су Чжи в борьбе за демократический режим).

Надо сказать, что в условиях роста оппозиции режиму ПБСП на чрезвычайном съезде 1977 г. провела чистку рядов. Была усилена «военизация» партии, то есть был повышен удельный вес военных в руководящих органах.

В мае 1983 г. в бирманских верхах произошел крупный политический скандал. По обвинению в коррупции из правительства были уволены глава бирманской разведки бригадный генерал Тин У (род. в 1940 г., не путать с более пожилым Тин У) и полковник Бо Ни, министр внутренних дел и начальник разведывательного бюро. Суд приговорил второго к пяти годам тюрьмы. Первый, судя по всему, как-то выпутался и позже вновь вошел в правительственную обойму. Этот факт показал, как глубоко коррупция проникла в правящую военную верхушку.

Столкнувшись с усилением оппозиционных настроений как в гражданской, так и военной среде, не говоря уже о шедшей годами вооруженной борьбе с многочисленными повстанцами, бирманские власти приняли ряд чрезвычайных политических, экономических и пропагандистских мер, одновременно стремясь наказать одних недозвольных и задобрить других.

Так, в мае 1980 г. в стране власти организовали Первый всебирманский буддийский собор. С одной стороны, он как бы подчеркивал уважение властей к монашеству, а с другой — фактически вводил более организованный контроль над ним (регистрация монахов).

28 мая 1980 г. президент Не Вин издал указ о 90-дневной всеобщей амнистии. Она распространялась главным образом на политических противников режима, особенно повстанцев. За время действия амнистии из подполья вышли около 2,2 тыс. человек. За это же время из тюрем было освобождено более 5 тыс. заключенных, в том числе около 4 тыс. политических. Под амнистию попал в числе других оппозиционеров и бывший премьер У Ну, после разрыва с ППД проживавший в Индии. В публичном интервью он заявил, что «простил» Не Вина (за его переворот 1962 г.) и возвращается в Бирму. Однако амнистию отвергли самые массовые подпольные организации Бирмы — КПБ, каренские и качинские повстанцы. Состоявшиеся осенью 1980 г. и весной 1981 г. секретные встречи Не Вина и представителей КПБ и этнических повстанцев окончились провалом. КПБ выдвинула требование признания ее как политической партии, права сохранить свою армию

и контроль над своими «освобожденными районами» вдоль китайской границы³⁸. Такая позиция уже давно отвергалась бирманскими властями. Конец переговорам был положен жестким ультиматумом правительства: роспуск КПБ, роспуск «народной армии» и ликвидация «освобожденных районов»³⁹, на что, разумеется, в свою очередь, не могла пойти КПБ.

Злая ирония истории в вопросе отношений КПБ и ПБСП заключалась в том, что вскоре после срыва переговоров между ними в 1980–1981 гг. КПБ выступила с осуждением однопартийной системы и высказалась за развитие демократии в Бирме, укрепление национального единства при установлении в стране многопартийной системы правления⁴⁰. Иными словами, на новом этапе событий вновь столкнулись две маскирующиеся под демократию диктатуры: диктатура армии (реальная) и диктатура пролетариата (теоретическая). То, что после срыва переговоров повстанцы КПБ усилили военные действия против правительства, как бы в наказание за его «несговорчивость», было, как показали события, последней мобилизацией всех сил КПБ, привело к их истощению и в конце концов к краху самой КПБ перед лицом восстания против нее воинских частей «народной армии», набранной в основном из числа местных этнических меньшинств (особенно племени или народности ва).

Одновременно с указом об амнистии было объявлено и об учреждении специального почетного звания «гордость (или «честь») страны», которое вместе с орденом предназначалось для присуждения активным участникам борьбы за независимость Бирмы. Был опубликован указ о 241 кавалере этого ордена, и в числе них были У Ба Свэ, Такин Лвин, У Чжо Ньейн. Позже это звание получили также сам Не Вин, Сан Ю, У Ну, Такин Со и несколько японцев, помогавших во время войны бирманским патриотам.

Перед всеобщими выборами 1981 г. Не Вин заявил, что по состоянию здоровья уходит с поста президента. После выборов его преемником стал Сан Ю. Не Вин остался главой ПБСП.

В августе 1985 г. состоялся 5-й съезд ПБСП. Как очередной он оказался последним. На съезде по-прежнему с оптимизмом говорилось о социалистическом курсе, о лидерстве Не Вина, но была отмечена серьезность экономических проблем страны, необходимость выполнять принятые экономические планы и решать проблему обеспечения населения продовольствием и другими товарами потребления. Но принципиального критического анализа общей ситуации в стране, как

обычно, не было. Прошла мимо внимания неблагоприятная финансовая ситуация в стране (огромный возросший внешний долг, на погашение которого должно было уходить до 50%, а затем и 90% экспортной выручки). Возможно, что неким успокаивающим моментом для тогдашнего мышления властей было то, что, судя по официальным данным, ежегодный прирост ВВП был в первой половине 80-х гг. на весьма приличном уровне (5–6%). Но получилось так, что падение ВВП, причем резкое, началось как раз с 1985/86 финансового года и для всей системы «бирманского пути к социализму» наступали критические годы. Возможен и такой анализ положения, что правительство Бирмы уже не владело ситуацией в стране. Иначе то, что произошло в стране через год-два, просто необъяснимо.

Интересно отметить, что в сентябре 1985 г., месяцем позже 5-го съезда ПБСП, был созван 3-й съезд компартии Бирмы, который проходил в «освобожденных районах» на северо-востоке страны у границ с Китаем. Если съезды ПБСП с 70-х гг. стали созываться весьма часто (5 очередных и 5 чрезвычайных съездов за 15 лет), то 3-й съезд КПБ был созван через 40 лет после предыдущего, 2-го, съезда, состоявшегося в 1945 г. То есть, компартия Бирмы свой основной срок деятельности провела без съездов, это означало, что руководство деятельностью партии осуществлялось на групповом уровне (из-за военных условий это были неполные и редкие заседания политбюро и еще более неполные и тоже редкие пленумы ЦК). Поскольку так получилось, что последние съезды правящей в стране партии и партии коммунистической вооруженной оппозиции почти что совпали по времени, невольно напрашиваются вопросы о том, как соотносятся тот и другой съезды в складывавшейся политической ситуации и ближайшей перспективе? Прежде всего нужно сказать, что и тот и другой съезды сохранили свои основные мировоззренческие и политические установки. ПБСП без колебаний подтвердила социалистический курс. КПБ подтвердила свою верность марксизму-ленинизму-маоизму, осталась на позициях крестьянской революции. Критика и самокритика у ПБСП были очень слабы и то неверны. Критика и самокритика у КПБ была обращена вспять против ревизионизма 40–50-х гг. и против чрезмерного некритического копирования китайской «культурной революции», в результате которой лучшие кадры бирманской партии были истреблены. В плане оценки практики вооруженной борьбы КПБ вкладом можно считать то, что теперь из-за слабости партии она переходила от тактики «стратегического наступления» к тактике «стратегической

обороны». Но характерно то, что ни та ни другая партии еще не ощутили нависшей над ними угрозы — угрозы не только избранным ими генеральным курсам, но и существованию самих партий.

9. Перерастание ситуации в общий кризис. Демократическая революция 1988 г.

Время после 5-го съезда ПБСП и 3-го съезда КПБ можно определить как период обострения общего кризиса, вылившийся в народное, антидиктаторское восстание.

1986 г. начался с примечательного заявления заместителя генерального секретаря ЦК ПБСП о необходимости создания постоянных комитетов партии в госучреждениях, установлении их руководящей роли, а также актуальности получения достоверной информации о положении дел в экономике страны. Основная идея заключалась в том, что в экономике страны сложилась неблагоприятная ситуация и существующая официальная статистика не показывала реальной картины ее развала.

Уже отмечалась сложившаяся критическая ситуация с внешним долгом, с которым экспортная выручка не давала возможности расплатиться, и он все возрастал. В апреле—июле 1986 г. долг оценивался в 3 млрд. долл. с нормой обслуживания в 55–60%, в шесть с половиной раз больше суммы, чем давал экспорт. В начале 1987 г. долг уже составлял 3,7 млрд. долл., и норма обслуживания долга поднялась до 90%. Налицо был финансовый кризис, который связывал экономику Бирмы по рукам и ногам.

Надо отметить, что 1987 г. был годом юбилейным: режиму Не Вина исполнилось 25 лет. Кое-где в прессе появлялись данные об отдельных успехах, например в здравоохранении и образовании. Но никаких торжеств в стране не было. Было странно наблюдать, что такая круглая дата прошла как бы мимо режима. Но это было, в сущности, понятно, ибо по серьезному счету «праздновать было нечего». Была одна сфера деятельности — борьба и подавление повстанческого движения, где правительство Бирмы в это время добилось ощутимых успехов.

В конце 1986 — начале 1987 г. на севере и юге Бирмы произошли крупнейшие за 15 лет бои между вооруженными силами КПБ качинов и каренов, с одной стороны, и правительственными

войсками — с другой. Силы КПБ почему-то, в противоречии с тактикой «стратегической обороны», принятой 3-м съездом, решили атаковать и взять важный армейский лагерь в северном районе. Это вынудило армию предпринять и успешно провести ответные наступательные операции. О масштабах военных действий говорят соответствующие потери сторон. За год — с марта 1986 г. по март 1987 г. — в 3160 боях, включая 32 крупных, армия потеряла 651 человека убитыми и 1887 ранеными, у повстанцев убитых было 2538 человек, 463 было захвачено, сдались — 781 человек⁴¹. Это значительно ослабило силы повстанцев и, напротив, было военно-политическим выигрышем правительства. Однако надо сразу же сказать, что поражение повстанцев тогда было не последним, победа же армии не предотвратила дальнейшего ухудшение политического и экономического положения в стране, которое через несколько месяцев стало буквально катастрофическим.

Во второй половине 1987 г., года 25-летия власти Ревсовета — ПБСП, произошли события, которые привели к обострению кризиса и стали прологом народной революции.

10 августа состоялось совещание представителей высших руководящих органов ПБСП и государства, на котором выступил председатель ПБСП Не Вин. Он подчеркнул, что подобного рода совещания в Бирме никогда ранее не проводилось⁴². Его главный вопрос заключался в том, сказал Не Вин, насколько соответствуют действительности те доклады, которые регулярно поставляют различные органы власти. Конечно, продолжал Не Вин, у нас были достижения, но это не должно служить причиной самодовольства. Еще важнее знать о неудачах и ошибках, ибо только представляя картину болезни, можно поставить правильный диагноз и определить нужное лечение. Если в упомянутых докладах изначально искажаются факты, то чрезвычайно трудно наметить и осуществить планы. Условия в стране постоянно меняются, сказал Не Вин, и для того, чтобы соответствовать этим изменениям, «мы сами должны меняться». Если в новых условиях обстоятельства потребуют даже изменений в конституции [!], это не должно нас пугать. Есть вещи, которые следует изменить. Одни надо подготовить к следующему съезду ПБСП (1989 г.), другие могут быть осуществлены уже в рамках тех полномочий, которыми ныне облечен ЦК ПБСП.

Выводы и руководящие указания такого же рода были повторены Не Вином на заседании партийно-государственной верхушки 23 августа, а затем на пленуме ЦК ПБСП 19 октября 1987 г.⁴³ Интересна была

его попытка осмыслить проблему в глобальном масштабе. У стран, идущих по капиталистическому пути, сказал он, свои проблемы. Страны, развивающиеся по «левому пути», сталкиваются со своими проблемами и предпринимают попытки решить их. Теперь, подчеркнул Не Вин, и «левые», и «правые» экономические системы, существующие сегодня в мире, требуют изменений. Бирма также не является исключением, и перед ней стоит вопрос, «как мы должны осуществить перемены». «Нынешние принципы необходимо менять», — подчеркнул глава ПБСП. Здесь Не Вин упомянул о недавнем снятии госконтроля над торговлей рисом, поскольку это является «главным для нас», «это — начало изменений». «Руководствуясь своим и международным опытом, мы должны определить, до какой степени и как следует приводить изменения». «...Мы должны сформулировать для себя новые принципы», — подчеркнул в заключение Не Вин.

Не вызывало сомнений, что в 1987 г. руководство Бирмы замыслило нечто вроде своей, бирманской, перестройки, получившей толчок от советской перестройки, с одной стороны, и антидиктаторских движений в соседних с Бирмой странах ЮВА, особенно от свержения диктатуры президента Ф. Маркоса на Филиппинах (февраль 1986 г.).

Следующим важным событием, упоминавшимся в докладе Не Вина, была отмена контроля государства над торговлей рисом, кукурузой и еще семью культурами (бобовыми и др.). Это было сделано постановлением Совета министров от 1 сентября 1987 г. Госконтроль над торговлей этими культурами был введен еще в сентябре 1966 г. Согласно новому постановлению⁴⁴, теперь любой гражданин мог свободно продавать, покупать, хранить и перевозить данную продукцию. Для этого он должен был просто зарегистрироваться. При этом он обязывался выплачивать причитающийся с него налог натурой, а не деньгами (государство исходило из дефицита продовольственного зерна в стране). Постановление правительства обросло позже рядом других ограничений, стеснявших крестьян и торговцев, но суть его состояла все же в принципиальном объявлении свободы торговли основной сельскохозяйственной продукцией в стране, на 70% крестьянской. Иными словами, была открыта большая часть внутреннего рынка для свободного обмена. Это было чем-то вроде советского НЭПа.

Таким образом, если решения ПБСП в августе–октябре 1987 г. говорили о необходимости изменения принципов общей политики (пока не раскрытых, но с намеками на какую-то либерализацию), то введение свободы торговли сельхозпродуктами означало практическое

введение частичной экономической либерализации. Соединится ли эта последняя с какой-то политической либерализацией — на том этапе это было неясно, и ответ на это мог дать только сам ход дальнейших изменений.

Третьим важным событием была денежная реформа, или, как ее называют в Бирме, «демонетизация», объявленная 5 сентября 1987 г. Согласно реформе, из обращения изымались банкноты достоинством выше 15 джа (то есть купюры в 25, 35 и 75 джа), а вместо отмененных денег выпускались банкноты (с непонятной и неудачной деноминацией) в 45 и 90 джа⁴⁵. Идея этой реформы состояла, в сущности, в том, чтобы нанести удар по капиталам «черного» рынка и ослабить инфляцию. Но реформа не предусматривала компенсации (в отличие от прежних) и жестко ударила по всему населению, особенно бедному, лишившемуся хотя бы небольших прежних денег. В результате этой меры было обесценено от половины до двух третей денежных знаков (по другим данным — до 80%). Были сообщения, что денежная реформа была (по меньшей мере — отчасти) вызвана также астрологическо-нумерологическими причудами Не Вина, якобы стремившегося продлить свою жизнь до 90 лет и в предзнаменование этого решившего ввести денежные купюры достоинством в 90 джа и кратные к нему, как благоприятные для него цифры.

Денежная реформа вызвала широкое недовольство в народе, и без того страдавшего от инфляции, дороговизны, нехватки продовольствия и промышленных товаров. По данным экономистов, цены на 18 видов продовольствия и промтоваров выросли с 1962 г. в 12 раз, а зарплата в госсекторе — только на 35%⁴⁶. Экономические трудности Бирмы привели к тому, что она (по совету Японии) обратилась в ООН за получением статуса «наименее развитой страны» с тем, чтобы пользоваться некоторыми финансовыми и иными льготами. Она была принята к этому клубу «наименее развитых» решением Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1987 г. К тому же реформа была объявлена в обстановке слухов о возможных либеральных изменениях в стране, что вызывало повышенные ожидания у людей. Так или иначе, «демонетизация», вопреки всем предположениям властей, была воспринята как ограбление народа и явилась мощным катализатором антиправительственных настроений.

Сразу же после объявления о демонетизации в сентябре 1987 г. прошли крупные протестные выступления студентов Рангунского университета и Технологического института с несколькими тысячами

участников, включая старших школьников. Тогда не произошло серьезных столкновений с полицией, не было и жертв. Но сентябрьское выступление студентов оказалось прелюдией к новым мощным проявлениям «студенческой революции» и, что еще важнее, к политическому пробуждению разных слоев народа, который долгое время находился в апатии или страхе перед военной силой диктатуры.

Постоянно нараставшие экономические трудности вызвали новые студенческие беспорядки в марте 1988 г. Они начались с банального мелкого конфликта между студентами и местной молодежью в одном из уличных кафе Рангуна. Вмешательство полиции и жестокое обращение со студентами привели к уличным столкновениям, к вовлечению в них местных жителей, к поджогам госавтомашин. Один из студентов был убит из огнестрельного оружия, по-видимому, солдатом. Студенты разбушевались. Полиция произвела массовые аресты. Большая группа студентов была помещена в тесный полицейский фургон и отвезена в тюрьму. Там, по прошествии некоторого времени, при открытии дверей фургона оказалось, что 41 из них погиб от удушья. Это крайне наэлектризовало всю политическую обстановку в столице и стране. Власти сначала отрицали эти убийственные факты, но в конце концов после расследования признали их и тем самым свою вину. Но было уже поздно. Социальное напряжение в стране нарастало.

Новые студенческие волнения произошли в июне. Студенты требовали освобождения арестованных ранее товарищей и восстановления их в университете и колледжах (откуда они были отчислены), а также легализации своего собственного самостоятельного студенческого союза (вне официальной системы организаций). Полиция, особенно отряды спецназа — «лонхтейна», — специально созданные для борьбы с массовыми беспорядками, была снова брошена на подавление демонстрации. На этот раз были жертвы с обеих сторон (6 убитых). Марш к центру Рангуна разросся до 5 тыс. участников.

Студентов поддержал экс-бригадный генерал Аун Жи. В июне 1988 г. он начал распространять в Рангуне серию писем Не Вину, в которых говорил об ошибках и крахе «бирманского пути к социализму» и требовал проведения демократических реформ в стране. В прессе позже появились намеки на то, что эти письма его якобы были согласованы с самим Не Вином, но доподлинно это неизвестно. В любом случае они были одним из свидетельств разложения режима и катализаторов кризиса.

Нараставшее политическое напряжение на фоне обострившихся все больше экономических трудностей привело к срочному созыву съезда правящей партии — ПБСП.

Он состоялся 23–25 июля 1988 г.⁴⁷ Тот факт, что его собрали менее чем за три недели после объявления о созыве, сам по себе говорит о кризисности ситуации. Но еще более поразительны были ход и решения съезда, во многом совершенно неожиданные. Так, Не Вин заявил о своей отставке с поста председателя партии. Частично он объяснил это тем, что чувствовал свою «косвенную ответственность» за трагические события марта и июня 1988 г. Заявление об отставке Не Вина потрясло Бирму: плохо ли хорошо ли, но он правил страной все последние 26 лет, а что будет далее, думали бирманцы? Но что поразило народ и иностранных наблюдателей больше всего, помимо отставки, было то, что он предложил провести общенациональный референдум по вопросу сохранения однопартийной системы и необходимости введения многопартийной системы. При этом если большинство на референдуме выскажется за многопартийную систему, то в стране должны быть проведены выборы в парламент на многопартийной основе.

Съезд принял отставку Не Вина и президента страны Сан Ю. Он также одобрил программу экономических реформ, направленных на подъем производства, в том числе путем предоставления большей роли частному сектору. Но съезд не принял предложение Не Вина о референдуме и ограничил список лидеров, подавших в отставку, только двумя главными — Не Вином и Сан Ю. Это был беспрецедентный случай неповиновения и неуважения к указаниям вождя. Единственно возможное объяснение этому состояло в том, что остальные функционеры партии (высшие и средние ее эшелоны) не хотели раскачивать лодку, в которой находились, и не были склонны отпускать всех «стариков» в отставку, а также делить власть с теми «новичками», кто мог в нее прийти после многопартийных выборов. Неожиданным было также то, что преемником председателя ПБСП и президентом Бирмы был избран генерал Сейн Лвин (четвертый в партийной иерархии), который был близок Не Вину и участвовал в подавлении студенческих беспорядков как в 1962 г., так и в 1988 г. Кстати, следует добавить, что и Не Вин в своей «либеральной» речи на съезде счел нужным предупредить нарастающую политическую оппозицию, что армия, занимая боевую позицию, стреляет не в воздух, а на поражение (что и подтвердилось в ближайшие же месяцы).

Тем не менее политический поворот Не Вина на съезде был очевиден. То ли это было от безвыходности положения, и гамбит был необходим, чтобы сохранить главное — армию у власти. То ли это было легкое «головокружение» от того либерально-демократического поветрия, которое широко распространялось во всем мире, и то, что военная диктатура в любом случае требовала косметического ремонта. Может быть, это также была игра «ва-банк»? Возможно, наконец посмотреть на вопрос с психологической стороны: за свою долгую жизнь Не Вин неоднократно демонстрировал способность и склонность к разного рода неожиданным вывертам, особенно привыкнув к своей роли абсолютного верховного вождя. Невозможно только предполагать одно, а именно, что диктатор-генерал Не Вин вдруг стал демократом. Это, как кажется, следует исключить хотя бы потому, что так не бывает по смыслу понятий диктатуры и демократии.

Так или иначе, наиболее важным было то, что наступило после съезда. Это была, несомненно, политическая буря, беспрецедентная в истории Бирмы. Съезд ПБСП в июле 1988 г. ускорил ход событий. Теперь стало известно, что власти наверху обсуждали хотя бы теоретически вопрос о возможности введения многопартийной системы, то есть о демократическом варианте развития страны. Но в то же время съезд вызвал негодование народа отказом от референдума по этому вопросу и избранием новым лидером Бирмы Сейн Лвина, человека, запятнавшего себя кровавыми расправами со студентами.

В течение нескольких недель, с конца июля до середины сентября 1988 г., в стране разыгрывалась многоактная социально-политическая драма. Ее героем была демократия, нашедшая своих выразителей сначала в лице студентов, а затем в широких слоях населения. Злодеем же в этой драме была правившая военно-бюрократическая диктатура, олицетворявшаяся верхушкой армии и ПБСП во главе с ведущими генералами, действовавшими под руководством Не Вина. Массы же были участниками и зрителями драмы.

Сначала шли сравнительно ограниченные уличные демонстрации и митинги с сотнями и тысячами студентов. Но демонстранты с каждым днем становились все смелее и многочисленнее. Через несколько дней, в начале августа, их ряды стали быстро расти, втягивая в себя все более широкие слои и группы городского (в основном) населения. Кроме студентов и школьников, это были буддийские монахи, интеллигенция, служащие, фабричные рабочие, торговцы, пригородные крестьяне, городские люмпен-пролетарии. Процессии

и митинги стали практически непрерывными. Они перекинулись в другие города страны. Объявлялась и проводилась не раз всеобщая забастовка. Теперь это было подлинно массовое, с участием рядовых участников, оппозиционное антидиктаторское движение за установление в стране демократии, охватившее десятки, сотни тысяч и, возможно, миллион участников (никто не считал, ибо счет невозможен). Телевизионные передачи из Рангуна в августе и сентябре показывали улицы и площади столицы полными колонн, толп и групп возбужденных и радостных демонстрантов с флагами и плакатами, скандировавших слово — «Демократия!».

Вообще антидиктаторские демократические движения в мире середины — второй половины XX в. (Филиппины, СССР, Восточная Европа, Бирма, Индонезия, Таиланд, Восточный Тимор и др.) вызывались совокупностью причин материального и духовного свойства. Толкало людей к массовым протестам в основном политическое угнетение и экономические бедствия. Но почему и как достигается «точка кипения» народных страстей, когда массы людей выходят на улицы с требованием положить конец диктатуре, открыть путь демократии и свободе? Вспышка народных страстей происходит, на наш взгляд, тогда, когда людей, массу людей охватывает особое психологическое, душевно-эмоциональное состояние невозможности более терпеть угнетение со стороны диктатуры и подавление ею элементарных человеческих и гражданских свобод. Осознанная усталость от несвободы, особенно длительной, которая была каждодневной средой их существования, и активизирует один за другим общественные слои на сопротивление диктатуре, борьбу за ее отмену и введение новых демократических порядков и свобод. Можно сказать, что понятие свободы приходит часто к людям через понятие несвободы, которое, в отличие от свобод, ими конкретно «осязуемо» как каждодневная реальность. Можно (с претензией на афоризм) сказать также, что демократические революции могут рождаться усталостью общества от несвободы, от неволи, навязанных его поработителями. Движение за свободу и демократию не везде и не всегда успешно, у него есть отходы и зигзаги, есть неудачи и поражения, но в плане современной человеческой истории оно имманентно, внутренне присуще ходу этой истории.

Что касается Бирмы, то процесс развития и подъема в стране массового движения прошел несколько этапов. В начале оно концентрировалось на финансовых проблемах, вызванных демонетизацией. Теперь, после съезда ПБСБ, демонстранты стали выдвигать сугубо

политические требования. Они добивались прежде всего отставки Сейн Лвина и введения многопартийной системы (о которой на съезде говорил сам Не Вин).

Пытаясь подавить оппозиционное движение силой, новый глава Бирмы Сейн Лвин 3 августа ввел в Рангуне и пригородах военное положение. Но это лишь разожгло дальнейшее развитие массового движения. Больше того, на 8 августа было назначено начало всеобщей забастовки (по мистическо-нумерологическим воззрениям буддийских монахов это день 8 августа, численно изображаемый четырьмя восьмерками — 8.8.88 — был благоприятным для ожидавшихся результатов). Именно в эти дни августа, после введения военного положения, армия (уже не только полиция) стала стрелять в демонстрантов. На улицах обильно пролилась кровь.

Всеобщая забастовка проводилась и в других городах. Считается, что движение распространилось на 40 областных и районных центров (Мандалай, Моулмейн, Мергуй и десятки других пунктов). Между демонстрантами и армией (спецназом) вспыхивали острые схватки, и войска стреляли в демонстрантов из огнестрельного оружия. За первые два дня забастовки от рук армии погибло не менее 100 человек, арестовано было 1500. На третий день забастовки было убито 33 протестанта, 3 полицейских были якобы обезглавлены разъяренной толпой: несомненно, что возросла взаимная жестокость сторон. 10 августа армия устроила побоище, расстреляв митинг у Рангунского генерального госпиталя. Среди погибших были члены медперсонала больницы. На четвертый день борьба охватила некоторые пригороды Рангуна, где, по тогдашним сообщениям, стали строить баррикады.

По существу, речь шла о восстании, о народном восстании. Бирманские и западные очевидцы и исследователи событий лета-осени 1988 г. так и называют ситуацию того времени — «uprising». Распространилось еще одно определение, пришедшее скорее всего с Филиппин, где в 1986 г. была свергнута диктатура Ф. Маркоса: там эти события стали называть «революцией народной власти» (или «силы») — «people power revolution».

Нельзя не отметить одну негативную сторону событий в Бирме в 1988 г.: в прогрессивное народное антидиктаторское демократическое движение вмешались маргинальные или люмпенские элементы социальных низов, уголовники, выпущенные из тюрем или бежавшие из них, в результате чего народное движение было замарано фактами грабежей, мародерства, вандализма (разрушением имущества,

особенно принадлежавшего государству) и т. д. Но все это было всё же побочным продуктом общей ситуации. Главное состояло в широком народном антидиктаторском движении, которое добивалось поставленных целей политическими средствами в национальных масштабах.

Когда позже новая военная хунта, пришедшая к власти 18 сентября 1988 г., пыталась это народное движение свести в целом к проявлениям криминальной социальной анархии или участию компартии в движении как левого экстремизма, то она просто грубо искажала основы политического кризиса и борьбу реальных сил народа против диктатуры, за демократию и свободу, то есть стремилась сознательно принизить эту борьбу, дав ей ложное истолкование. При этом армейская хунта пыталась во что бы то ни стало обелить сам военный режим и его кровавые контрмеры против демократического движения.

Что касается участия КПБ в этом движении, то оно, по мнению осведомленных западных исследователей, было минимальным. Не считая отдельных лиц с прокоммунистическими взглядами (что в общем составе антидиктаторского движения было вполне естественным), КПБ стояла принципиально в стороне от этого движения, считая, что городская сфера действий противоречит ее маоистской теории создания сельских баз и последующего окружения городов, что, на наш взгляд, выражало не только политико-тактическую ограниченность КПБ, но и ее ослабленность, оторванность от национальных центров действия⁴⁸.

На пятый день всеобщей забастовки, 12 августа 1988 г., президент Бирмы генерал Сейн Лвин ко всеобщей радости участников движения был отправлен в отставку. Высшее военное руководство, видимо, поняло, что этот генерал с его «послужным списком» в создавшейся ситуации не годится в лидеры и только компрометирует власть. По официальным данным, за прошедшую неделю забастовки убитых было примерно 100 человек. Но бирманские врачи сообщили иностранным дипломатам, что в одном Рангуне за это время было около 3 тыс. убитых. В любом случае, возможное преуменьшение числа жертв одними и преувеличение другими не меняет сути кровавой драмы.

На состоявшемся 19 августа 1988 г. пленуме ЦК ПБСП и заседании Народного собрания председателем партии и президентом страны был избран д-р Маун Маун. Он уже упоминался в данной работе. Ему в 1988 г. было 63 года, он был, напомним, адвокатом по профессии, членом руководства ПБСП и близким Не Вину человеком, с гражданско-либеральными настроениями. Это был первый с 1962 г. гражданский

президент Бирмы, причем попавший на этот пост в результате игры разных сил в кульминацию демократической революции. Вероятно, Не Вин, ушедший в политическую тень, но сохранивший свое решающее влияние на политику, счел, что гражданский руководитель страны будет более подходящей фигурой для решения проблем с вышедшим из берегов оппозиционным движением.

В своем выступлении по телевидению новый президент обещал изучить вопрос о том, что в стране было сделано ошибочно, неправильно, и призвал к окончанию демонстраций и забастовок. Он сказал, что будет создана комиссия для того, чтобы рассмотреть пожелания народа в политической, экономической и социальной областях и в течение 6 недель выработать рекомендации, как их лучше всего выполнять⁴⁹. Он также высказался за референдум по вопросу однопартийной или многопартийной системы для Бирмы, а вопрос о самом референдуме должен был быть решен на новом чрезвычайном съезде ПБСП 10 сентября.

Студенческая оппозиция выдвинула программу из 15 пунктов, главным из которых было требование создания беспартийного временного правительства (из недоверия к существовавшему) для того, чтобы организовать и провести всеобщие выборы. Было также решено продолжать демонстрации. 300-тысячная мирная демонстрация состоялась в Мандалае с участием представителей свободных профессий, монахов, местной полиции (!) и членов ПБСП (!). Говорилось об угрозе начать объединенный марш на Рангун.

Предложения президента Маун Мауна вызвали разочарование и негативное отношение у оппозиции, которая настаивала на немедленных демократических реформах, а не организации референдума по демократии — вопросу, как казалось уже давно решенному народом.

22 августа оппозиция начала новую всеобщую забастовку с требованием отставки Маун Мауна (что было явно недостаточно продумано, имея в виду его склонность к компромиссу). Сотни тысяч (до миллиона) демонстрантов прошли по городам страны с участием актеров, актрис, писателей, врачей, медсестер. Они несли плакаты с лозунгами: «Забастовка, забастовка!», «Демократия, демократия!». Некоторые вызывающе держали в руках перевернутые вверх тормашками флаги ПБСП. Снова после небольшого затишья появились убитые.

В этой накаленной обстановке правительство Маун Мауна (ясно, что по согласованию с армейским руководством) 24 августа было вынуждено отменить военное положение в Рангуне и окрестностях,

а также комендантский час. Начался отвод войск из города. Это было встречено населением с энтузиазмом. Началось освобождение из тюрем тысяч заключенных, включая уголовников, которые, как считают, в большинстве своем разбежались еще ранее, разрушив тюрьмы, в которых содержались. Среди законно освобожденных были и политические — экс-бригадир Аун Джи, журналист Сейн Вин и др. Аун Джи по освобождении сразу же заявил, что он выступает за роспуск правительства и создание нового на основе многопартийности.

24 августа произошло знаменательное событие — со своей первой публичной политической речью на демократическом митинге у Рангунского генерального госпиталя выступила 43-летняя Аун Сан Су Чжи, дочь национального героя Бирмы боджоу Аун Сана. Она вернулась в Бирму в начале года после долгого проживания за границей, с тем чтобы ухаживать за тяжелобольной матерью, вдовой Аун Сана. Со своей матерью — послом Бирмы в Индии — Аун Сан Су Чжи сначала жила и училась в этой стране, затем уже самостоятельно училась и работала в Англии и США (в секретариате ООН). Она вышла замуж за английского ученого-востоковеда и родила в Англии двух детей — мальчиков.

Имя Аун Сана, архитектора свободы и независимости Бирмы, было и остается священным для бирманцев. Поэтому появление его дочери на политической сцене Бирмы было как бы перстом судьбы, которая вернула ее на родину в нужный час и сделала ее, так сказать, «по наследству» ведущей фигурой в борьбе Бирмы за демократию. Вскоре она стала генеральным секретарем главной оппозиционной демократической партии в стране — «Национальной лиги за демократию» (НЛД)⁵⁰.

26 августа Аун Сан Су Чжи вновь выступила с публичной речью — на этот раз на 500-тысячном митинге (самом массовом) у главной пагоды Рангуна и Бирмы — Швэдагоун. Она призвала правительство Маун Мауна к отставке. Это было ее уже решительное вторжение в настоящую политику.

Тем временем массовое оппозиционное движение в стране расширялось. Сообщения о беспорядках и убитых шли отовсюду. Власти, как отмечалось выше, заявили об освобождении тысяч заключенных, но сами создали специальную группу для того, чтобы противостоять разраставшемуся оппозиционному движению. Появились слухи о том, что власти с успехом используют амнистированных уголовников для организации провокаций против оппозиции.

Надо особенно отметить, что оппозиционное настроение, брожение охватило и некоторые армейские круги. Появились сообщения якобы о расколе в армии. В конце августа у пагоды Швэдагоун в поддержку борьбы за демократию выступил бывший начальник штаба армии отставной генерал Тин У, который высказался за передачу власти временному правительству.

В те насыщенные событиями дни появились сообщения о том, что демонстранты даже заняли (временно) аэропорт столицы и ее железнодорожный вокзал. Государственные учреждения, транспорт, промышленные предприятия, магазины не работали, не выходили несколько дней газеты (возобновились 28 августа). Студенты Рангуна воссоздали свой независимый студенческий союз.

Характерной чертой политической ситуации стало то, что в ряде мест были распущены местные органы власти и заменены гражданскими демократическими комитетами. Оппозиция в Мандалае создала 30 демократических штабов-комитетов по всему городу. В других пунктах создавалась беспартийная гражданская администрация (иногда с участием местной полиции).

28 августа, на седьмой день новой всеобщей забастовки, рангунское радио объявило, что правительство берет контроль над городами страны (в прессе называлось 40). На следующий день произошло важное политическое событие: впервые за 24 года (то есть с 1964 г.) было объявлено в явочном порядке о создании первой оппозиционной правительству политической партии — «Лиги за демократию и мир». Она была создана под началом бывшего премьер-министра Бирмы У Ну с участием экс-президента страны У Вин Мауна и экс-спикера прежнего парламента Бо Хму Ауна. Но это была слабая, неорганизованная партия старых, уже отслуживших свое политиков (и людей) — У Ну тогда было 82 года. Тогда же началось создание рабочими своих независимых профсоюзов.

31 августа появились новые сообщения, касающиеся позиции некоторых военных кругов. Так, 85 отставных офицеров бирманской армии призвали вооруженные силы страны поддержать требование оппозиции о введении в стране многопартийной системы. Тогда же появились утверждения, что армия — до уровня полковников — поддерживает оппозицию; что касается уровня выше полковника — это-де покажет будущее⁵¹. В массовой демонстрации оппозиции 10 сентября участвовало 500 военных⁵². Тогда же, в начале сентября, сообщалось, что оппозицию поддержал военный прокурор Рангуна, что

работники центрального аппарата ПБСП заявили о распаде правящей партии и тоже поддержали оппозицию. Аналогичное заявление о ее поддержке сделали 9 ветеранов — участников освободительной анти-колониальной борьбы.

Начало сентября было отмечено также тем, что студенческая оппозиция предъявила правительству Маун Мауна новый еще более решительный ультиматум: до 7 сентября назвать состав временного правительства, иначе начнется бесконечная забастовка. (Это подразумевало отставку правительства самого Маун Мауна.) Возможно, что ультиматум был мерой давления на правительство. Но власти уже не раз заявляли об отказе создавать временное правительство. Поэтому ультимативные требования студентов только накаляли обстановку без какого-то видимого компромиссного выхода из нее.

В то же время усилилась волна грабежей в Рангуне. Некоторые дипломатические миссии стали даже подумывать об эвакуации членов семей посольств.

10. Агония режима и дилемма оппозиции

Таким образом, в начале сентября 1988 г. в Бирме, с одной стороны, наблюдался подъем активности демократических сил, хотя и разрозненных, а с другой — распад старых структур власти и администрации, кроме армии, сохранявшей свое единство и организацию. В то же время в центре и на периферии росла анархия, беспорядок или остановка работы органов управления, промышленных предприятий и транспорта и одновременно разгул преступности, грабежей, воровства и вообще вандализма со стороны распоясавшихся криминальных элементов, которых могли в провокационных целях использовать экстремисты с обеих сторон.

Что было делать в этой сложнейшей, накаленной ситуации?

У Ну решил 9 сентября провозгласить временное правительство Бирмы как наследника свергнутого в 1962 г. законного правительства страны и стать его главой. В состав правительства было включено 25 членов (на бумаге). Но некоторые (Аун Сан Су Чжи и др.) не захотели в нём участвовать, другие же почти сразу его покинули — Тин У, Такин Чит Маун и экс-бригадир У Аун Швэ. Резонанса и поддержки эта акция У Ну не получила. Судя по всему, время У Ну окончательно ушло.

Однако важнейшим событием первых 10–11 дней сентября был чрезвычайный (последний) съезд ПБСП под руководством Маун Мауна и сессия (тоже последняя) Хлутдо — Народного собрания. Чрезвычайный съезд ПБСП, состоявшийся 10 сентября, на 2 дня раньше принятого срока (ввиду неотложности положения), в своих решениях пошел весьма далеко навстречу оппозиции. Он выразил согласие на проведение в стране многопартийных выборов без предварительного референдума. (Никто не узнает, сколько усилий надо было приложить Маун Мауну, чтобы убедить генералов в практической необходимости этих мер.) Обращаясь к делегатам, депутатам и народу, президент Маун Маун почти в слезах заявил: «Простите нас за ошибки, которые мы совершили, пусть история нас рассудит. ПБСП за 26 лет правления потеряла доверие народа». Сессия же Народного собрания одобрила план проведения всеобщих выборов, открытых для всех партий и назначенных к проведению в течение трех месяцев (потом это было продлено). Была также учреждена Избирательная комиссия⁵³. Особенно знаменательным было то, что сессия Народного собрания внесла в конституцию 1974 г. поправку, которая ни больше ни меньше как сняла положение об однопартийном характере политической системы в стране и заменила его положением о многопартийной системе. Это ли не было громадным достижением для демократической оппозиции, хотя бы пока только в конституционно-юридическом смысле?!

Как ответила на все это разнородная оппозиция?

В основном сразу же были проявлены по меньшей мере скептицизм, недоверие к правительству и его планам. Так, наиболее радикальная студенческая оппозиция эти планы отвергла. Однако возникли и разногласия. Аун Сан Су Чжи, судя по имеющейся информации, была склонна к компромиссу. 12 сентября Аун Джи, Су Чжи и Тин У подписали соглашение об альянсе. Это был шаг, хотя не очень твердый, в сторону консолидации основной организованной силы демократической оппозиции.

Но массовое антиправительственное движение продолжалось — на улицы вновь вышли сотни тысяч демонстрантов, которые выступили против планов действия властей по поводу всеобщих выборов и потребовали отставки правительства и создания временного для решения всех проблем. То же самое заявили 13 сентября студенческие лидеры оппозиции на встрече с Избирательной комиссией, призвав к роспуску правительства и созданию временного правительства;

представители этой оппозиции объявили, что через 2 дня представят свой список его членов. Помимо указанных пунктов, студенты потребовали 14 сентября роспуска ПБСП и Избирательной комиссии. В те же дни лидеры более умеренной демократической оппозиции обратились с просьбой к студентам не торопиться с требованием создания временного правительства, поскольку для этого нужна подготовительная работа, иначе поспешное решение вопроса приведет к тому, что правительство не будет эффективным. У Ну же решил поддержать студентов относительно создания временного правительства (престарелый экс-премьер, уже не располагая собственной политико-социальной базой, скорее всего поддавался порывам переменчивого политического ветра), но в то же время заявил о солидарности с лидерами умеренной оппозиции. Конечно, противостоять массовому движению с участием в демонстрациях против правительства сотен и десятков тысяч демонстрантов было трудно, особенно если была угроза новых еще более воинственных антиправительственных выступлений.

Здесь требуется авторское отступление. Как кажется, после решений сентябрьского съезда ПБСП и Народного собрания оппозиции следовало бы остановиться. Она добилась едва ли не всех основных уступок из тех, каких она требовала. Как писала 19 сентября лондонская газета «Индепендент», то, чего оппозиция в Бирме добилась, было «чудом». С этим можно согласиться. Нараставший экстремизм требований оппозиции, конечно, имел свою логику: «Сильнее надавишь — больше получишь». Но канат был чересчур натянут, и он мог не выдержать «перегрузки» и лопнуть (а перегрузки в сентябре 1988 г., несомненно, были очень большие). Так, на наш взгляд, и получилось: оппозиция требовала отставки гражданского правительства Маун Мауна и замены его своим «временным», забыв о том, что кроме оппозиции и правительства Маун Мауна была еще армия, которая уже долгие годы жестко контролировала положение в стране и в августе–сентябре 1988 г. особенно внимательно следила за действиями оппозиции, опасаясь пересечения ею «пункта невозврата», то есть прямой угрозы отстранения армии, стержня тогдашней государственно-политической системы, от реальной власти, а говоря конкретнее — изгнания генералов из правительства. Вот этого она допустить не могла.

Роковыми для дальнейшего хода восстания были события 15 и 17 сентября 1988 г., когда толпы демонстрантов штурмовали соответственно министерство национальной обороны и министерство

торговли (последнее — 17 сентября) и, можно сказать, почти что добились успеха. Прямое столкновение демонстрантов с армейской охраной удалось в последний момент предотвратить, иначе пролилось бы много крови, но разрушений, буйства и страха было достаточно. Самым вызывающим, с точки зрения армии, была сама «атака» оппозиционных сил на министерство обороны — «святая святых» армии. Но морально еще унижительнее для нее было бегство армейской охраны от наступавших студентов на верхние этажи министерства торговли (откуда их эвакуировали сердобольные монахи).

На следующий день, 18 сентября, после ночных совещаний генералитета было принято решение о прямом взятии власти армией.

Лондонская «Таймс» сообщила 17 сентября 1988 г., что движением протеста в Бирме якобы руководит «загадочная, в высшей степени секретная и фанатичная фигура (или группа) рангунских студентов, которая черпает вдохновение из опыта Южной Кореи и свержения президента Маркоса на Филиппинах».

Это трудно доказать, но человеку, знакомому с Бирмой, такие сообщения кажутся правдоподобными.

У независимой Бирмы после 1948 г. было две беды-проклятия: левый (левацкий) экстремизм и армейский националистический милитаризм. Олицетворяемые коммунистами-экстремистами и боевой армией, они с конца 40-х гг. стали в борьбе за власть заклятыми врагами. На их взаимодействии и борьбе можно проследить всю историю Бирмы в 1945–2000 гг. и даже значительно позже.

17 сентября 1988 г., накануне нависшего над страной нового военного переворота, в Бирме прошли слухи об аресте нескольких оппозиционеров и о том, что некоторые из них ушли в подполье. Это — вечная бирманская история: претендент уходит в джунгли и начинает свою борьбу за престол, далеко не всегда успешную.

Американский еженедельник «Таймс» сообщал в номере от 19 сентября, то есть еще до получения известий о происшедшем перевороте: «Бирма на краю анархии». Это был также достаточно реалистический вывод⁵⁴.

ПЕРИОД НОВОЙ ВОЕННОЙ ХУНТЫ (18 СЕНТЯБРЯ 1988 г. — 2000 г.)

1. Захват власти

Новый военный переворот в Бирме произошел во второй половине дня 18 сентября 1988 г. после предварительного ввода войск, размещенных у стратегических пунктов столицы. Министр обороны Бирмы генерал Со Маун выступил по радио и заявил, что «ввиду общего ухудшения положения по всей стране, бирманская армия в интересах благосостояния народа взяла на себя ответственность государственных органов для осуществления следующих неотложных мер». Новая власть олицетворялась созданным армией Государственным советом по восстановлению законности и порядка (ГСВЗП или сокращенно — Госсовет, широко распространенное английское название в сокращении — SLORC). Меры, объявленные председателем Госсовета Со Мауном, состояли в следующем: «1) обеспечение законности и порядка, установление мира и спокойствия в стране; 2) обеспечение надежной и четкой работы транспортной системы; 3) Госсовет будет стремиться к улучшению снабжения населения продовольствием, одеждой и жильем и окажет в этих целях необходимую поддержку частному сектору и кооперативам; 4) проведение многопартийных демократических всеобщих выборов, когда вышеназванные меры будут выполнены»¹.

Госсовет состоял из 19 человек, 18 из которых были генералами. Глава его — генерал Со Маун — уже фигурировал в описанных выше событиях 1988 г. как министр обороны.

Из названных от имени Госсовета мер, представляющих принципы новой власти, с самого начала было ясно, что это будет прямая и жесткая военная диктатура, причем восстановление «законности и порядка» рассматривалось в качестве первоочередной ее задачи. Что за этим скрывается в условиях народного восстания в стране — не требовало особого пояснения, ибо речь шла о его решительном пода-

влении, что не могло быть без нового кровопролития, без стремления армии отомстить «смутьянам».

В то же время в заявлении были два момента, прозвучавших как обещания: во-первых, провести всеобщие демократические выборы на многопартийной основе и, во-вторых, оказать помощь развитию частного сектора, что можно назвать намерением ввести элементы рыночных отношений. Иными словами, новая власть должна была согласиться, хотя бы пока на словах, с главным требованием оппозиции о проведении демократических выборов и вообще политических реформ. Правда, это центральное требование оппозиции о выборах было обусловлено выполнением всех остальных мер, а здесь, как говорится, и была «собака зарыта», потому что определять, когда наступит «законность и порядок», мир и спокойствие в стране, должна была только и исключительно сама военная власть.

Теперь сделаем несколько замечаний о характере переворота 18 сентября. С одной стороны, это событие имело черты и признаки переворота — силового изменения, смены предыдущего правительства новым по составу органов власти. Однако, с другой стороны, основу того и другого правительства составляла одна и та же армейская генеральская верхушка, которая имела возможность, как мы видели по событиям 1988 г., тасовать свои кадры, выдвигая то одних лидеров, то других. Что представлял собой Госсовет? Это была слегка измененная группировка тех же высших генералов. Все они, включая Маун Мауна, были людьми Не Вина, причем близкими и лояльными ему. То есть они к тому же работали на своих высоких должностях под непосредственным контролем и надзором самого Не Вина. Произошла, в сущности, внутренняя смена гвардии Не Вина. Вот почему переворот 18 сентября был не столько переворотом в обычном смысле слова, сколько сменой кабинета при одном главном вожде — Не Вине. Некоторые исследователи называют события 18 сентября «мнимым переворотом», другие — сменой генералов или караула. На наш взгляд, власть в Бирме после 18 сентября для отличия от предыдущих ее ипостасей точнее всего следует называть «новой военной хунтой», ставшей кланом военной олигархии.

Почему же так получилось, что с 1988 г. власть в Бирме в третий раз оказалась полностью в руках военных? Этому вопроса мы выше частично уже касались. Если мы углубимся в тему, то убедимся, что в Бирме в ходе борьбы с повстанческими движениями с конца 40-х гг. и особенно в 50-е и 60-е гг. при сравнительной незаполненности

социальной ниши национальной буржуазии в силу ее недоразвитости незаметно сформировался и выдвинулся разветвленный военный социальный класс, который с тех пор все глубже укоренялся во всей бирманской государственной политико-экономической и социальной системе. Он стал чем-то вроде военно-социального гегемона в стране и при этом становился все более многочисленным. В этой господствующей позиции он чувствовал себя весьма комфортно и напрочь прикипел к этой роли, не желая ее терять.

Придя к власти, новая военная хунта сразу же внесла изменения в государственно-политическую структуру. Помимо обещания провести многопартийные выборы и разрешения всем оппозиционным группировкам создавать и регистрировать политические партии, хунта объявила о роспуске прежнего правительства, парламента, Совета государства (председатель которого был президентом страны) и народных советов всех уровней (местных органов). Было изменено само название страны: по конституции 1974 г. оно было «Социалистической республикой Бирманский Союз», теперь она стала именоваться по-прежнему «Бирманским Союзом». Социалистическая конституция 1974 г. была фактически отменена.

2. Усиление армейских репрессий

Как общественность встретила приход к власти новой военной хунты? Ведь страна была расколота на два враждебных лагеря, особенно со времени прямого участия военных в подавлении и расстрелах антиправительственных демонстраций. Теперь армия прямо и открыто, на уровне правительства, приняла участие в преследовании и физическом разгроме оппозиции, особенно студенчества. Ведь, в сущности, уже в августе–сентябре, еще до переворота, стоял вопрос «кто кого», и отношения между сторонами были напряжены до предела, как показали события с захватом министерств. После прямого прихода армии к власти эти отношения только ожесточились, потому что армия теперь не имела прежних «сдержек» не стрелять в толпу и, наводя «законность и порядок» в Рангуне и по всей стране, действовала с особым произволом и жестокостью. Военные стали с легкостью стрелять в людей, избивать их, арестовывать. Вновь на улицах и площадях пролилась кровь. Поэтому общественность страны в целом приход к власти новой военной хунты встретила резко отрицательно с тревожными

ожиданиями массовых репрессий и восстановления военной диктатуры в ее наихудшем виде. Здесь необходимо учитывать и житейскую сторону последствий антиправительственных беспорядков в Бирме, а именно то, что народное восстание нарушило или разрушило экономическую жизнь страны, систему снабжения населения, управления, образования и т. д. В своей каждодневной жизни люди страдали от хаоса и неопределенности в завтрашнем дне и поэтому хотели восстановления нормальной жизни в стране.

Переворот 18 сентября застал оппозицию, в сущности, врасплох. Некоторые иностранные аналитики уподобляли бирманские события лета—осени 1988 г. «Славной революции». Что же касается власти, армии, то они были тогда отступающей стороной, терявшей позицию за позицией, хотя и сопротивляющейся иногда. Теперь, после 18 сентября, расстановка сил изменилась. Наступающей, контратакующей стороной стала армия, новая военная хунта. Отступающей стороной, в значительной мере обескураженной и дезорганизованной, стала оппозиция, особенно студенческая, молодежная, самая боевая ее часть. Изменилось и соотношение сил власти и оппозиции.

В первые же дни армия нанесла тяжелые удары по оппозиции. Она устроила нападения на лагеря бастующих, на университетские кампусы, на гражданские комитеты и преследовала даже группы лиц числом более 5, появлявшихся на улицах. За один первый день правления новой хунты было убито и ранено 50 человек, по другим данным — от 100 до 200. За несколько первых дней убитых, по данным дипломатов, насчитывалось уже до 1 тыс. человек. Тысячи студентов и вообще подозреваемых оппозиционеров были арестованы. Сотни и тысячи бежали на границу с Таиландом для эмиграции в эту страну или присоединялись к местным этническим повстанцам, действовавшим на этой границе, для дальнейшей борьбы с хунтой. Часть политических беженцев устремилась в Индию, которая, как и ряд других стран, сочувствовала демократической оппозиции в Бирме. Надо отметить, что ряд иностранных государств, помимо США и Индии, выразили тогда свое беспокойство положением в Бирме. Среди них были Англия, Австралия и в первое время СССР.

Когда число убитых демонстрантов достигло нескольких сотен, политические лидеры оппозиции прекратили дальнейшие антиправительственные выступления. В 20-х числах сентября — начале октября 1988 г. большинство госслужащих и рабочих вернулись на работу после нескольких призывов и угроз военных властей. Хотя в целом

удалось достигнуть относительной стабильности в стране, армия продолжала кампанию преследования оппозиции, массовых арестов и чисток госаппарата и даже армии от подозреваемых элементов. Применялось самое жестокое законодательство, как «свое» — диктаторское, так и оставшееся с колониальных пор.

3. Расстановка основных политических сил в стране

Общую диспозицию политических сил в Бирме после прихода к власти новой военной хунты лучше всего представить в виде четырех отдельных элементов или структур. Это прежде всего сама военная хунта, ставшая средоточием абсолютной власти во всех ее сферах; это — организованная демократическая оппозиция; это — освободительные или автономистские национально-этнические группы и движения на окраинах страны; и, наконец, это — компартия Бирмы с ее союзниками, действовавшими в течение десятилетий в подполье. Сочетание этих элементов в форме противостояния, противодействия, иногда взаимодействия и определяло в конечном счете политическую ситуацию в стране. С весны 1989 г. количество этих структур сократилось до трех ввиду полного политического и организационного краха компартии.

Господствующий элемент (центр власти) представляла собственно военная диктатура хунты. Партийно-политическим ее выражением стала Национальная партия единства (НПЕ), созданная хунтой на обломках бывшей ПБСП. Как свидетельствовали первые же программные документы хунты, ее задачей было удержание власти, стабилизация ее и обеспечение за армией ее руководящей роли, несмотря на провозглашение хунтой политической многопартийности в стране и обещания провести всеобщие парламентские выборы.

Средства, которые диктатура хунты использовала для этого, были двоякие. С одной стороны, это прямое и косвенное насилие, массовые почти непрерывные репрессии против оппозиционных сил с тем, чтобы не дать повториться ситуации августа 1988 г., когда власть армии буквально зашаталась. Это силовая тактика опиралась на жестокие репрессивные законы хунты и те, которые были взяты из арсенала прошлого, в том числе колониального. Расчет был также на то, что власть хунты укрепитя в результате реформ рыночного типа. С другой стороны, военная хунта стала все более активно применять

идеологические и политико-организационные меры, призванные создать себе невоенную, более широкую социальную опору и придать военному режиму хотя бы видимый легитимный характер. Свой политический курс военный режим базировал на новой идеологической платформе. Новый режим отказался от социализма и четко перешел на позиции национализма со всей его фразеологией. Главными темами в идеологической пропаганде стали «нация», ее единство, патриотизм, самобытность, верховная роль армии как спасителя и гаранта бирманской нации. Потом добавился тезис о модернизации, создании современного государства. Вместе с тем необходимо отметить, что национализм режима стал нередко приобретать шовинистический и ксенофобский оттенок. Общение с иностранцами стало и осуждаться, и запрещаться (под угрозой тюрьмы). Заграница, в первую очередь Запад, подавалась в пропаганде как источник чуждых бирманской нации идей, влияний и образа жизни. Отчасти это была реакция официальной Бирмы/Мьянмы на резкую критику в свой адрес со стороны Запада и поддержки им партии оппозиции (НЛД) и лично Аун Сан Су Чжи. Бирманская официальная пропаганда ставила ей в вину то, например, что она долго жила за границей, была замужем за иностранцем-англичанином и имеет детей-полукровок! И это изображалось как отречение от своей национальности и родины, как предательство, так как она нарушила «чистоту расы». В главной бирманской государственной газете, в частности, указывалось: Аун Сан Су Чжи «вместо того, чтобы хранить в чистоте свой род, свою национальность... вступила в брак с иностранцем, смешав свою кровь с английской» или что «бирманское общество [якобы] не признает несохранения чистоты расы»².

Политическая оппозиция режиму была представлена прежде всего уже упоминавшейся Национальной лигой за демократию (НЛД). Ее политической целью был переход страны от военной диктатуры к демократическому режиму при использовании мирных ненасильственных демократических средств. (Собственно, именно за мирные средства борьбы за демократию Аун Сан Су Чжи и была в 1991 г. присуждена Нобелевская премия мира.) Последнее надо подчеркнуть особо, так как были и подпольные элементы политической оппозиции, которые применяли силовые приемы в борьбе против власти, иногда в союзе с этническими повстанцами. Главный метод, на котором настаивала НЛД, — это политический диалог с властью, национальное примирение, выработка демократическими способами демократической

альтернативы военному режиму при сохранении полного уважения к армии и ее заслугам в борьбе за независимость.

Требование политического диалога НЛД стала выдвигать особенно настойчиво после освобождения ее генерального секретаря Аун Сан Су Чжи из-под домашнего ареста в 1995 г. Однако здесь хунта явно вела линию на затягивание. Лидеры Госсовета даже несколько раз встречались с Аун Сан Су Чжи в середине 90-х гг., но каждый раз это оказывалось лишь жестом, демонстрацией псевдогибкости перед лицом постоянной критики бирманских военных властей со стороны международных демократических сил и государств, включая некоторых членов АСЕАН.

Принципы экономической политики НЛД в случае ее прихода к власти были сформулированы позже — в 1997 г. Они состояли в следующем. На первом месте стоял пункт о проведении девальвации официального курса джа и приведения его к рыночному уровню (официальным курсом считается курс около 6 джа за доллар, а рыночный курс был по меньшей мере в 20–30 раз дешевле). Эта девальвация должна была быть проведена с консультацией с Международным валютным фондом и сопровождаться созданием с его помощью стабилизационного фонда. Все государственные предприятия должны были быть проданы (приватизированы), за исключением тех случаев, когда это может серьезно увеличить безработицу. К этим добавились пункты о выводе этих госпредприятий из госбюджета и об установлении строгого контроля за бюджетными расходами, а также о передаче ответственности за осуществление денежной политики и составление надежных прогнозов Центральному банку Мьянмы/Бирмы. Наряду со всем этим предлагалась политика поощрения прямых иностранных капиталовложений³.

Как видно, такая программа была во многом направлена против курса военной хунты, который характеризовался непоследовательностью, произволом и полной безотчетностью. С точки зрения стратегическо-тактического содержания экономическая программа НЛД 1997 г. может быть названа правоцентристской или даже просто правой. Но и в этом программа НЛД, в сущности, была реакцией на многолетние государственно-этатистские левацкие загибы в экономической политике армии, начиная с 60-х гг.

К политической оппозиции относились и некоторые эмигрантские группы, состоящие из политических беженцев из Бирмы, особенно студентов. Некоторые члены этих групп были избраны в 1990 г.

в парламент от НЛД. Эта эмигрантская оппозиция обосновалась первое время на тайландско-бирманской границе и, вступив в союз с этническими повстанцами и студенческими организациями, создала подпольное политическое объединение «Демократический Альянс Бирмы» и так называемое «Национальное коалиционное правительство Бирманского Союза в изгнании» во главе с У Сейн Вином (двоюродным братом Аун Сан Су Чжи). Но эмигрантская инициатива не получила развития и заглохла, особенно после того, как тайландские власти запретили деятельность бирманской оппозиции в своей стране.

Что касается третьего элемента политической диспозиции в Бирме/Мьянме в 90-е гг. — национально-этнических движений и групп, то следует прежде всего сказать, что они возникли еще в 40–60-х гг. и являлись тяжелым наследием современной бирманской истории, ибо так или иначе затрагивали болезненно-чувствительный вопрос государственного единства страны, что вызывало соответствующую реакцию собственно бирманского центра. Политической целью их в разной степени, последовательности, сочетании и изменчивости были и независимость, и автономия (последнее на основе федеративного устройства Бирмы). На протяжении десятилетий их главными методами было повстанчество, вооруженная борьба с правительством Бирмы. Она особенно расширилась по числу участников с 60-х гг. и поддерживалась компартией, заинтересованной в союзниках, и подпитывалась выращиванием и контрабандой опиума и другой продукции. В начале 90-х гг. в связи с крахом компартии Бирмы многие из этих повстанческих движений утратили внешнюю поддержку (из Китая через КПБ) и стали выдыхаться под усилившимися ударами возросшей бирманской армии. В результате они согласились на переговоры о прекращении огня и мире на определенных условиях.

4. Формирование легальных политических партий

Главная задача демократической оппозиции состояла в том, чтобы реализовать политические уступки, вырванные ею у предыдущих властей и подтвержденные новой хунтой. Прежде всего — разрешение на создание политических партий (при их официальной регистрации и отказе от вооруженных методов борьбы и критике друг друга) как подготовке к проведению парламентских выборов. 23 сентября 1988 г. Аун Сан Су Чжи, как один из ведущих лидеров «Национальной лиги за

демократию», еще не оформившейся в партию, впервые прямо выступила по радио и призвала оппозицию контролировать сторонников и не требовать большего для достижения стабильности. Она также призвала к сотрудничеству в проведении выборов. Это была линия на мирное развитие революции.

После некоторых противоречий и споров (о лидерах и даже о названии) «Национальная лига за демократию» 26 сентября 1988 г. оформилась в партию и была зарегистрирована 30 сентября того же года. В состав руководящей тройки вошли экс-бригадир Аун Джи, экс-генерал Тин У и Аун Сан Су Чжи. В декабре 1988 г. Аун Джи по политическим причинам (исполком НЛД казался ему слишком левым, даже прокоммунистическим), а также из-за своего неуживчивого характера вышел из НЛД и основал свою партию, которая не пользовалась популярностью, и в конце концов сблизился с новой военной хунтой. Вместо него председателем НЛД стал Тин У, позже — экс-бригадир Аун Швэ, зампреда — Тин У, а Аун Сан Су Чжи стала генеральным секретарем НЛД. Энергичная, как отец, и высокообразованная, она стала главным «мотором» партии, как дочь Аун Сана и вообще как харизматическая фигура. Именно такая личность привлекла в НЛД сотни тысяч и миллионы сторонников, боготворивших Су Чжи. Достаточно сказать, что в 1989 г., до новой попытки армии разгромить демократическую оппозицию, численность зарегистрированных членов НЛД оценивалась в 3 млн. человек⁴. Сама же НЛД превратилась в ведущую массовую организацию оппозиционных сил с твердой тактикой политической борьбы за установление в стране демократического режима. Она в основном политически противостояла военной хунте, которая возобновила систематические репрессии как против лидеров, так и простых членов. Излюбленным приемом властей было заключение в тюрьму на большие сроки. Что касается Аун Сан Су Чжи, то ее статус дочери Аун Сана и резкая критика Западом нарушения прав человека в стране вынуждали власти к менее жестким методам — к заключению ее под домашний арест, который не раз длился годами и прерывал нормальную работу партии.

С начала октября 1988 г. началась регистрация других партий. Как правило, это были партии, в названиях которых использовались слова «демократия», «единство», «национальная» и никогда — «социализм». К концу октября было зарегистрировано уже около 60 партий. Далее процесс шел по нарастающей. К парламентским выборам (май 1990 г.) всего в Бирме было зарегистрировано 235 партий (как тогда

казалось — общемировой рекорд). Большинство из них представляли небольшие политические или «вождистские» группы, многие из которых возникли из корыстных расчетов их лидеров (например, ради популярности и льгот на телефон), а некоторые были, вероятно, «подсадными утками» военных властей, стремившихся раздробить оппозицию и получить в ней свою агентуру. Характерно, как мы увидим несколько ниже, из числа зарегистрированных партий к парламентским выборам были допущены только 93 (но и ряд из них были политическими «пустышками»).

Интересная метаморфоза произошла с бывшей правящей (и тогда единственной) партией Бирмы — Партией бирманской социалистической программы. В конце сентября 1988 г. она была переименована военным руководством в Партию национального единства (ПНЕ). Главой ЦОК был избран Та Чжо, председатель инспекционного комитета ПБСП в 80-х гг.

5. Экономическое положение страны

Наряду с провозглашенной хунтой политикой регистрации (=легализации) политических партий и подготовки к парламентским выборам, уже в конце октября — начале ноября 1988 г. было объявлено о важных экономических реформах, имевших рыночный характер. Если политические меры были прежде всего уступкой требованиям демократического движения, то экономические реформы в сторону либерализации рынка были насущной задачей всей страны, так как диктовались необходимостью преодоления общего упадка экономики и разрухи как следствия прошедших волнений, беспорядков и предыдущего застоя.

Рыночные реформы были провозглашены и частично стали осуществляться уже с конца 1988 г. Речь шла о децентрализации контроля центра, о снятии ряда запретов с деятельности частного сектора, об отказе от государственной монополии внешней торговли и в ряде других сфер, о провозглашении политики «открытых дверей» в отношении иностранного капитала, в том числе разрешении на прямые иностранные капиталовложения и создание смешанных компаний⁵. В госмонополии остались тик, жемчуг, драгоценные камни и нефть. Что касается инвестиций, то в ноябре 1988 г. правительство приняло новый закон об иностранных инвестициях в стране, который, по заявлению

министра торговли полковника Абеля, дал иностранному капиталу в Бирме «самые выгодные в мире условия»⁶.

Конкретно экономические решения хунты включали меры по снятию контроля над ценами и субсидирования их, либерализацию внутреннего рынка, различные поощрительные меры по росту производства и экспорта. Крестьянам было разрешено возделывать культуры по собственному выбору и свободно распоряжаться ими.

Надо сказать, что после длительного периода упадка и разрухи в конце 80 — начале 90-х гг. в Бирме началось экономическое оживление, хотя и не очень уверенно. Последнее объяснялось отчасти объективными и субъективными трудностями экономической перестройки, давили привычки и стиль командной системы, пустившей в стране глубокие корни. Серьезным отрицательным фактором было также сохранение политической напряженности в стране в связи с противостоянием между хунтой и оппозицией.

Все же более разумная экономическая политика стала давать определенные положительные результаты. В макроплане это привело к восстановлению и ускорению нарушенных ранее темпов роста экономики Бирмы. Об этом говорят данные о динамике валового внутреннего продукта (ВВП) в 1990-х гг. (которые, правда, некоторые аналитики считают не очень надежными и частично раздутыми).

Ниже приводятся цифры ежегодного прироста бирманского ВВП в процентах к предыдущему году (на основе постоянных цен).

В 1985–1996 гг. картина была следующей⁷:

1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
2,8	-1,1	-4,0	-11,4	3,7	2,8	-0,6	9,7	6,0	7,5	9,8	5,5

Вторая половина 90-х гг. отмечена схожими данными⁸:

1997	1998	1999	2000
6,4	5,8	5,9	10,8

Абсолютный объем ВВП в Мьянме/Бирме в 2000 г. оценивался в долларовом эквиваленте в 6,2 млрд. Это был самый низкий уровень ВВП в Юго-Восточной Азии (против 122 млрд. у Таиланда, 153 млрд. у Индонезии и 31 млрд. у Вьетнама). Он был на ничтожную долю больше только уровнем Камбоджи и Лаоса⁹. Все три были самыми отстающими странами ЮВА.

С динамикой душевого ВВП в Мьянме/Бирме дело обстояло хуже, чем с общим, ибо его уровень с 1985 г. по 1991 г. упал больше чем на 20% и в течение 90-х гг. не мог быть быстро восстановлен до прошлых показателей. В то же время он оставался самым низким в сравнении с другими странами ЮВА (даже такими, как Лаос и Камбоджа)¹⁰.

В 90-е гг. происходил медленный рост сельского хозяйства. В нем по-прежнему было занято более 2/3 населения, и оно давало 60% ВВП. В то же время эти показатели составляли для промышленности менее 10%. Быстрее всех росло строительство. Что касается экспорта — статьи столь чувствительной для финансов и всей экономики страны, — то хотя его объем по стоимости в 1991–1996 гг. почти удвоился, абсолютные размеры его оставались крайне низкими (около 1 млрд. долл., что в 50–60 раз меньше, чем у сравнимого по масштабам и ресурсам соседнего Таиланда)¹¹.

Экономическое оживление выразилось в первоначальном росте общего притока иностранного капитала в Бирму (в газ, нефть, отели, туризм, рыболовство). На апрель 1995 г. он составлял 2,5 млрд. долл., в феврале 1997 г. — 5 млрд.¹² Но к концу второй половины 90-х гг. его приток снизился в связи с экономическими санкциями Запада против правительства военной хунты. Утвержденные прямые иностранные инвестиции составляли в 1996–1997 гг. более 2,8 млрд. долл., а в 1998–1999 гг. и 1999–2000 гг. — соответственно только 29,6 и 55,6 млн.¹³

Таким образом, в экономике Бирмы в 90-е гг. отмечались положительные тенденции, был принят ряд рациональных экономических решений. Но это пока было только начало, и настоящий выход на путь развития еще предстояло найти, причем в целом в неблагоприятной для страны международной обстановке политического осуждения бирманского режима демократическими странами Запада и экономических санкций с их стороны и со стороны международных организаций (Международная амнистия, Международная организация труда, ООН и др.).

Экономические проблемы Бирмы/Мьянмы в 90-е гг. усугубились высокой инфляцией (30% и более), истощением запасов иностранной валюты и бременем растущего внешнего долга, норма погашения которого превышала 50%. В то же время росли расходы на милитаризацию страны. Численность вооруженных сил страны со 170 тыс. человек в 1988 г. выросла до 320 тыс. в середине 1996 г. с тенденцией увеличения до 400 тыс. (что делало бирманскую армию, наряду с вьетнамской, самой крупной в ЮВА)¹⁴.

6. Крах компартии Бирмы

Крах компартии Бирмы произошел на первый взгляд в результате некоторых объективных обстоятельств. Это — длительная война с правительственными войсками, которые в большинстве случаев наносили поражение вооруженным силам компартии и ослабляли ее. Это также результат вынужденного перебазирования компартии из обжитых центральных районов Бирмы в далекий и в общем дикий и этнически чуждый бирманцам северо-восточный край Бирмы на границах с Китаем. Китай был давним спонсором компартии Бирмы, щедро снабжавшим ее всем необходимым для жизни и борьбы с правительством Бирмы. Однако маоизм в Китае с конца 70-х гг. и в 80-е гг. все больше изживал себя, и страна перешла на новые рельсы прагматического развития. Китай просто устал от возни с группой иностранных нищих маоистских мятежников. Больше того, связь с ними мешала нормальному развитию отношений Китая с официальной Бирмой. Поэтому Китай, с одной стороны, стал с 80-х гг. сокращать свою помощь бирманским коммунистам, а с другой — угрожал полным прекращением ее, настоятельно предлагая кадрам КПБ прекратить восстание, переселиться в Китай как политическим беженцам, с обещанием платить им пенсию и оказывать другие услуги. Но лидеры КПБ отказались от этого, считая, что это было бы «ревизионизмом». Насчет ревизионизма было неизвестно, но это был бы некий добровольный конец КПБ, ее мирный конец. Тем не менее это создало серьезнейшую проблему «жизни и смерти» для КПБ. Отрицательным для КПБ фактором неожиданно оказался также вопрос наркобизнеса. Под влиянием международной критики компартия Бирмы на своем 5-м съезде приняла решение о том, что будет жестко наказывать свои кадры за связь с наркобизнесом. Но этот запрет невольно затрагивал и крестьян-наркопроизводителей из местных племен и народностей этого наркобогатейшего края, и другие слои, связанные с наркоторговлей. Он вызвал недовольство, протест и соответствующие нарушения со стороны производителей, ибо замены доходам от выращивания наркокультур не было, тем более в локальных условиях мятежного края.

Однако все это было сопутствующими объективными причинами краха компартии Бирмы. Фундаментальная же основа краха КПБ прежде всего состояла в ошибочной линии партии, начиная с конца 1940-х гг., когда она подняла восстание против первого национального правительства независимой Бирмы и избрала стратегию и тактику

вооруженной борьбы, втянувшей в себя десятки тысяч людей и принесшей огромные человеческие и материальные жертвы. После поражений в Центральной Бирме компартия перебазировалась на северо-восток, в район, населенный небирманскими племенами и народностями (ва, кокан, качины). Из них, особенно из племен ва, КПБ сформировала довольно крупные вооруженные отряды. В результате сложилась противоречивая иерархия: наверху — бирманцы-руководители, внизу — массы местного «пушечного мяса», которое бросают в ненужные этим массам сражения, причем еще ограничивают их в традиционном наркотроизводстве. Зрел конфликт между «пришлым» бирманским руководством КПБ и рядовым местным составом партии и «освободительной» армии.

В апреле 1989 г., уже после бурных событий 1988 г. в самой Бирме, несомненно способствовавших разложению старого порядка и дисциплины, несколько этнических групп в армии и партии восстали против бирманского в основном руководства КПБ. Вся организация КПБ и ее вооруженных сил быстро, как картонный домик, распалась, что показывало лишь искусственность всей этой северо-восточной коммунистической конструкции. «Освободительная» армия распалась на части согласно этническому принципу (ва стали «армией княжества Ва», коканцы и качины создали свои организации). Лидеры КПБ во главе с ее председателем Такин Ба Тейн Тином бежали в Китай.

7. Парламентские выборы 1990 г.

Если положение в экономике в 90-е гг. содержало некоторые динамичные моменты, то этого нельзя сказать о политической сфере жизни. Главное здесь состояло в том, что не проводились обещанные в 1988 г. политические реформы, а проведение многопартийных выборов все переносилось на более поздние сроки (первоначально выборы были намечены через три месяца, то есть в начале 1989 г.). Правда, успешно шла регистрация партий, то есть их легализация, и их число в начале 1990 г. составляло 235. Среди них была и популярная «Национальная лига за демократию» во главе с ее генеральным секретарем Аун Сан Су Чжи.

И вот, после долгих оттяжек и колебаний, испытывая мощное давление внутренних и международных демократических сил, военные власти все же решили провести всеобщие парламентские выборы

в Народное собрание (Пьиду Хлудо). Они прошли 27 мая 1990 г. с участием 93 партий, причем прошли на удивление честно, справедливо и спокойно.

Это были исторические выборы, вторые в период независимой Бирмы. Первыми были выборы 1960 г., когда избиратели после двух лет военного правления Не Вина решительно высказались за установление гражданской демократии, которую тогда олицетворяла Союзная партия У Ну. Выборы 1990 г., проведенные через 30 лет, еще более четко показали, что бирманские избиратели поддерживают демократическую программу НЛД и восстановление в стране гражданской демократии.

Результаты выборов 27 мая 1990 г. оказались просто ошеломляющими для всех, но особенно для самой военной хунты: на выборах победила, и с сокрушительным перевесом, не Партия национального единства — детище хунты и последыш ПБСП, — а главная партия демократической оппозиции — «Национальная лига за демократию». НЛД получила 392 из 485 парламентских мест, или более 80%, а ПНЕ — только 10 мест. По числу голосов избирателей соотношение было менее резким, но все же тоже очень внушительным — 7,9 млн. человек против 2,8 млн.¹⁵ По числу полученных мандатов на второй позиции была Шанская национальная лига за демократию (23), на третьей — Араканская демократическая лига (11). За последней шла упоминавшаяся выше ПНЕ (10), на пятом месте — Монская партия (5). По 1–3 мандата получили другие мелкие этнические партии. 65 партий (из 93) не добились ни одного места. Интересно также отметить, что партия Аун Джи получила 1 место, партия У Ну — ни одного, партия его сторонников — одно.

Результаты НЛД были достигнуты в условиях очередных массовых репрессий против оппозиции, арестов многих ее сторонников. В июле 1989 г., примерно за год до выборов, была помещена под домашний арест и сама Аун Сан Су Чжи. Она пребывала под этим арестом до июля 1995 г. (первый срок). Военные власти, видимо, решили, что ее отстранение от выборов и вообще от политической деятельности, равно как и репрессии против ее партии и ее сторонников, дадут им дополнительные шансы на выборах и вообще в политике укрепления своей власти. Что касается выборов, то реальность свидетельствовала скорее об обратном.

Поражение на выборах было для хунты тяжелым потрясением. Ведь избиратели ясно высказались против власти армии. Придя

несколько в себя и лихорадочно ища выход из создавшегося положения, военная хунта решила проигнорировать результаты выборов и даже не допускать избранных депутатов собраться вместе. В ход была пущена официальная версия, что это были-де выборы в Учредительное собрание, которое должно выработать новую конституцию, по которой и пройдут «настоящие» парламентские выборы. Но так никто не договаривался — выборы 1990 г. были для всех выборами в парламент — Народное Собрание.

Решение не признавать результатов парламентских выборов 1990 г. с тех пор висит мрачной тенью над всем политическим ландшафтом Мьянмы/Бирмы. Для оппозиции это было и остается до сих пор «украденной победой», с чем ей смириться было трудно даже с годами. Для военной хунты же это было и осталось не только политическим просчетом, величайшим унижением, но и непроходящим испугом перед открытым волеизъявлением народа. Ведь народ не просто не дал армии какое-то число голосов, а попросту отвернулся от нее. К тому же дело тут не только в субъективном чувстве унижения и испуга: результаты голосования на выборах 1990 г. подчеркнули нелегитимный характер режима военной хунты: он пришел к власти вооруженным путем, продолжал удерживаться у власти путем силы и постоянных репрессий, отвергнув мирный демократический выбор народа. Такое положение оставалось все 90-е гг.: не было ни конституции, ни выборов. (Забегая здесь за рамки XX в., нужно отметить, что такое положение в принципе сохранялось и позже, во всяком случае в начале 2000-х гг.)

Репрессии, задержания, аресты, запреты, ограничения разного рода (военное положение в целом сохранялось) проводились все 90-е гг. Военным властям удалось разбить ряды оппозиции. Из 93 партий, принявших участие в выборах 1990 г., режим оставил на регистрации и признал только 9 (в основном местного этнического происхождения). Остальные были дисквалифицированы, запрещены, распались. Считалось также, что из 485 депутатов парламента, избранных в 1990 г., более 200 были дисквалифицированы, принуждены к отставке, бежали за границу или умерли. Особенно жестоким репрессиям подверглись члены НЛД в 1996 г. и 1997 г. Были массовые (с десятками и сотнями человек) аресты активистов НЛД, пытавшихся в мае 1996 г. собраться на свой первый съезд в доме Аун Сан Су Чжи. В декабре 1996 г. в Рангуне произошли самые крупные после 1988 г. антиправительственные демонстрации. Вновь на длительный срок были закрыты университеты, колледжи, школы.

8. Создание «Национальной конвенции»

Из политико-организационных мероприятий военного режима самыми крупными и, по-видимому, самыми сильными для него в 90-е гг. были созыв конституционного совещания, получившего название «Национальной конвенции», и формирование массовой проправительственной организации в лице Союзной ассоциации солидарности и развития (САСР). «Национальной конвенции» была поручена разработка основ будущей конституции, а формирование САСР должно было привести к созданию управляемой властями массовой организации в противовес оппозиции (поскольку ПНЕ явно «не тянула»). Принципиально важным был также процесс замирения с этническими повстанцами.

«Национальная конвенция» начала работать в январе 1993 г. Члены «Конвенции» в количестве 702 человек представляли различные социальные, профессиональные и этнические группы, а также политические партии. Они были специально подобраны властями, из них только 99 человек были из числа избранных в 1990 г. в парламент. «Конвенция» должна была придерживаться нескольких сформулированных режимом основных установок, говоривших о единстве, солидарности, будущей демократии, свободе и справедливости в стране, но все это венчала установка, некий незыблемый принцип о «ведущей роли армии в политической жизни будущего государства». Среди утвержденных в ходе работы «Конвенции» принципов проекта будущей конституции как раз и были включены такие, которые обеспечивали ведущую роль армии в различных ветвях и структурах власти. Так, палата представителей и палата национальностей будущего парламента должны были на 3/4 избираться по округам и на 1/4 состоять из назначаемых представителей армии. (Такой принцип существовал в сухартовской Индонезии и обеспечивал там эффективный, но не вечный контроль армии над парламентом.) Был поставлен барьер избранию в качестве президента страны такому лидеру оппозиции, как Аун Сан Су Чжи (требование проживания в стране не менее 20 лет до выборов и отсутствие брака с иностранцем). Но интересно отметить, что под влиянием требований представителей этнических групп власти были вынуждены согласиться с принципом создания «самоуправляющихся зон или районов» для некоторых небольших этносов страны.

Заседания «Национальной конвенции» продолжались с перерывом до второй половины 90-х гг. Ее работа тогда так и не была завершена

и возобновилась лишь в начале XXI в. в уже несколько изменившихся условиях. Судя по всему, перерыв в работе «Конвенции» власти не особенно беспокоил. Они в общем-то были заинтересованы в оттяжке выборов по принципу: нет конституции, нет выборов, нет риска. В то же время, продлевая с перерывами и затягивая работу «Конвенции», власти имели право говорить об идущем в стране конституционном процессе, что им было так важно не только перед лицом международной критики, но и в связи с усилиями по собственной легитимации. Видя малую продуктивность и затяжку работы «Конвенции» и будучи недовольна недемократическим характером ее процедур и «армейским уклоном», НЛД в ноябре 1995 г. вышла из «Конвенции» и начала ее бойкот, что, по-видимому, было ошибочным решением.

9. Союзная ассоциация солидарности и развития (САСР) как социальная опора хунты

Что касается САСР, то ее формирование началось с сентября 1993 г. Официальной целью ее было укрепление единства Союза Мьянмы, солидарности ее народов, поддержка национального суверенитета и территориальной целостности страны, а также поднятие национального престижа и духа патриотизма, равно как и борьба за строительство развитого, миролюбивого и современного государства¹⁶. То есть это был почти полный перенос на САСР принципов будущей конституции, провозглашенных на «Национальной конвенции».

В то же время конкретными задачами САСР было участие в решении ряда полезных практических задач в области санитарии, проведении дренажных каналов, посадки деревьев и строительстве дамб (вместе с солдатами, студентами и вообще молодежью).

В 1999 г. число членов САСР, куда включались люди, особенно молодежь, и организации, официально достигло 11 млн. человек, а затем превысило 20 млн. Это была, конечно, распыленная неоформленная масса.

Судя по всему, формирование САСР преследовало прежде всего политическую цель — создать массовый резерв военной власти, особенно в качестве противовеса оппозиции, для ее нейтрализации и подавления. Уже в 90-е гг. молодчиков Союзной ассоциации власти использовали для натравливания на НЛД и лично на Аун Сан Су Чжи с тем, чтобы отпугнуть их от активной общественной деятельности.

10. Замирение с этническими повстанцами

Переговоры о замирении с повстанцами из малых народностей продолжались с начала 90-х гг. несколько лет. Прекращение огня и военных действий было обменено, во-первых, на мир, во-вторых — на особый автономный статус ряда мелких этнических групп. К середине 90-х гг. соглашения были достигнуты с 15 из 16 основных повстанческих групп меньшинств. Карены, восставшие против правительства еще в 1949 г., сражались до конца, но в 1996 г. потерпели решительное поражение от армии, которая активно использовала в качестве противовеса и раскольников созданную ею «Демократическую каренскую буддийскую армию», противопоставленную традиционному христианскому ядру руководства каренским повстанческим движением (верхушка карен — христиане, многие группы в Нижней Бирме давно стали буддистами, а некоторая их часть в отделенных районах — анимистами).

Был вынужден пойти на сделку с властями и известный «наркокороль» Золотого треугольника в восточной Бирме и прилегающих странах Кхун Са, базировавшийся в основном в Бирме.

По официальным данным Бирмы/Мьянмы, вооруженные повстанческие группы в основном нацменьшинств, вернувшиеся в легальное поле после соглашений с центральными властями, насчитывали 20 групп. Среди них были группы повстанцев народностей племен шанов, качинов, па-о, папаун, каренни (кая), некоторые группы каренов, монов, а также одна группа коммунистов и «армия» Кхун Са¹⁷.

В результате можно говорить о том, что в целом, несмотря на неустойчивость и нарушения некоторых соглашений с повстанцами, внутренний этнический повстанческий фронт был сужен, и это было значительным успехом на пути формирования государственного единства Бирмы в новых условиях¹⁸.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА БИРМЫ/МЬЯНМЫ В 1948–2000 гг.: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ

Внешняя политика Бирмы/Мьянмы в период 1948–2000 гг. характеризуется целой цепочкой однородных или близких друг другу по смыслу терминов. Это — нейтрализм, позитивный нейтрализм, активный нейтрализм, политика неприсоединения, политика равноудаленности от мировых блоков и невмешательства в их противоречия, политика опоры на принципы ООН, политика, основанная на пяти принципах мирного сосуществования, первоначально зафиксированных в индокитайском соглашении в апреле 1954 г., затем в китайско-бирманской декларации в июне 1954 г., а в апреле 1955 г. — на Бандунгской конференции в Индонезии 29 стран Азии и Африки, инициаторами которой были Бирма, Индия, Индонезия и Цейлон. Пять принципов мирного сосуществования были тогда включены в Бандунгскую Декларацию и получили всемирную известность и признание, а нейтралистская Бирма, как одна из первых инициаторов их, — уважение в мире¹.

Первоначально бирманский нейтрализм в конце 40 — начале 50-х гг. имел некоторый крен к Западу, особенно в период размаха антиправительственного восстания бирманской компартии, неофициально поддержанного или пользовавшегося симпатией международного коммунистического движения. В феврале 1948 г. СССР установил дипломатические отношения с Бирмой. Достаточно активное практическое развитие советско-бирманские отношения получили к середине 50-х гг., после спада повстанчества и особенно после смерти Сталина и смены руководства в СССР. Были налажены торгово-экономические связи, СССР стал оказывать содействие в строительстве в Бирме ряда экономических объектов в 50–60-е гг. (в обмен на поставки риса). Большую роль в углублении отношений сыграл обмен дружескими визитами лидеров двух стран (У Ну, Н. С. Хрущева, Н. А. Булганина и др.). Это ставило отношения на более твердую почву².

В военно-социалистический период Бирма была идеологически довольно близка СССР и социалистическому лагерю. Но это не привело к тесным отношениям, к подключению Бирмы к этому лагерю, хотя ни

в какие военные блоки Бирма входить не собиралась. Бирманский нейтрализм, нежелание сближаться чересчур близко с «сильными мира сего» пронизывало весь внешнеполитический курс и философию Бирмы. Она «по-буддийски» продолжала занимать как бы срединное положение, предпочитая позицию отдаленности, «невмешательства».

При этом отношения Мьянмы/Бирмы и СССР (России) оставались вполне дружественными, хотя по-прежнему не очень близкими, скорее умеренными. Они развивались не всегда активно, но без конфликтов. Хотя во внешней политике СССР и России Бирма никогда не занимала большого места, эти отношения между великой и малой страной Азии были почти всегда по-своему примерными — именно доброжелательными, дружественными. СССР учитывал и уважал бирманский нейтрализм и не раз поддерживал Бирму на международной арене. Что касается Бирмы, то особо следует подчеркнуть традиционную теплоту чувств бирманцев к России, которая, в отличие от западных стран, порабошавших страны Востока, всегда занимала доброжелательную позицию в отношении Бирмы и еще в XIX в. морально поддерживала ее в борьбе за независимость.

В военно-социалистический период 1962–1988 гг. Бирма в своей политике нейтрализма дошла до крайностей — не только к изоляционизму в своих международных отношениях, но и к автаркии (пусть ограниченной), усиливших ее экономическое, технологическое и образовательное отставание на многие годы. Такая политика принесла ей только вред и лишь отчасти компенсировалась связями с дружественным бирманской хунте Китаем и некоторыми странами АСЕАН, в которую Бирма вступила в 1997 г. К концу XX в. автаркическая позиция как политика стала, судя по всему, все более изживаться. Но, к сожалению, на смену этому внутреннему отрицательному фактору пришел внешний отрицательный фактор — все усиливавшаяся политика экономических и политических бойкотов Бирмы со стороны Запада, особенно США, и направленная против бирманской военной хунты с тем, чтобы заставить ее начать проводить и ускорить политические реформы в направлении демократии. Но так или иначе, эта политика Запада лишает Бирму/Мьянму нормальных условий развития в рамках всего мира и содействует отставанию ее экономически и социально в сравнении с передовыми развивающимися странами АСЕАН (Малайзии, Таиланда, а в последнее время — Индонезии).

Отношения Мьянмы/Бирмы и России к концу XX в. оставались дружественными, но по-прежнему не очень близкими, скорее

умеренными и пассивными. Реально отношения двух стран с конца 80-х гг. тормозились крупнейшими для обеих стран внутренними политическими событиями (причем совпавшими по времени) — демократической революцией в России и распадом СССР и демократической революцией 1988 г. в Бирме и приходом к власти новой военной хунты. Это создало неблагоприятные условия как для политических отношений, так и для экономических и культурных (особенно на фоне возросших финансовых трудностей обеих стран). Не все было ясно в отношениях Москвы к новому военному перевороту в Бирме (сентябрь 1988 г.) и к бирманским демократическим силам, подавлявшимся хунтой. В отличие от Запада, поддержавшего бирманскую оппозицию и осудившего хунту за репрессии, официальная Москва заняла позицию стороннего наблюдателя — невмешательства в бирманские дела. Так, официально и публично Россия не высказалась в поддержку демократии в Бирме и ясно не сказала «нет» подавлению ее хунтой, хотя демократическая печать России писала о событиях в Бирме в духе поддержки ее демократических сил и критического отношения к новой военной диктатуре, осуждения массовых репрессий против оппозиции и нарушения прав человека в этой стране.

Чем можно объяснить подобную позицию официальной России? Причин, на наш взгляд, несколько. Во-первых, это уже упоминавшийся факт почти что одновременных революций в России и Бирме. Это изменило внутренние и внешние условия в этих странах. Возникла непривычная обстановка, к которой ни Россия, ни Бирма (ни весь мир, собственно!) не были готовы. Условия и, что может быть даже важнее — понятия — смешались, «спутались». Разобраться было нелегко. На чьей стороне выступить России? Россия, как и демократические силы Бирмы, по идее выступала за демократию. Но последним помогали США, и поэтому демократия в Бирме, в случае если она победит, может быть проамериканской, Бирма может стать проамериканской страной. Но тогда, с точки зрения значительной части политических верхов России, по-видимому, не имеет политического смысла поддерживать такую демократию. Но выступить открыто против нее — опасно, это выглядело бы слишком реакционно. Поэтому — лучше открыто, официально не выступать, что, по мнению автора, и происходило много лет.

Другой фактор такой позиции России — это прохунтовское давление Китая, давнишнего спонсора Бирмы, которая в китайском геополити-

тическом мышлении последних лет стала восприниматься как важный перспективный сухопутный выход Китая к водам Индийского океана.

Есть в этом рассуждении один существенный оттенок. Да, официально Россия — демократическая страна. Но разве неизвестно, что среди политических сил России немало скрытых и явных сторонников авторитаризма? Их может беспокоить мысль о том, что если рассматривать борьбу в Бирме как борьбу между «проамериканской демократией» и бирманским национальным «суверенным авторитаризмом», то, может быть, «хунта» — это не так уж плохо для авторитаризма и, возможно, даже хорошо: ведь авторитаристам проще дружить между собой?!

Кроме того, в публичном молчании официальной России по поводу демократии или «хунтизма» в Бирме есть очевидная антиамериканская направленность, которая к началу XXI в. стала модной в российских политических кругах. Ведь если «проамериканская партия» возьмет верх в Бирме (что пока трудно предположить), то малоизведанный, но потенциально богатый естественными ресурсами бирманский рынок может попасть под контроль США, а Россия может потерять все виды на этот рынок с его недавно открытыми газовыми и перспективными нефтяными месторождениями, а также емким спросом на вооружение для 400-тысячной бирманской армии. Вот почему некоторым политикам, дипломатам и аналитикам России приходилось задумываться эти годы над вопросом — не выгоднее ли, не «прагматичнее» ли ей ставить не на проамериканскую демократическую оппозицию, а на антиамериканскую военную хунту Бирмы? Такая позиция может дать России редкого для нее к началу XXI в. внешнеполитического союзника, пусть номинального и маловлиятельного на международной арене (широкое общественное мнение во всем мире, за небольшим исключением, считает нынешний режим в Мьянме одним из самых реакционных в мире).

* * *

Вопрос о вхождении Мьянмы/Бирмы в АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии) нуждается в особом пояснении, поскольку это — важная (по существу — важнейшая) часть внешнеполитического курса этой страны.

После долгих лет раздумья и колебаний (и отказов) Мьянма/Бирма стала 23 июля 1997 г. членом АСЕАН. Это произошло на специаль-

ной конференции министров иностранных дел этой региональной группировки, проходившей в Малайзии.

Вступление в АСЕАН стало крупнейшим событием прежде всего для самой Мьянмы/Бирмы. Во-первых, потому, что означало определенную переориентацию в сфере ее международных отношений в сторону усиления партнерства со странами региона в процессе дальнейшей глобализации региона и его членов. Вхождением в «клуб» АСЕАН Мьянма/Бирма надеялась получить мощную поддержку своей экономике от старых членов АСЕАН, которые в 80–90-х гг. были в числе самых быстроразвивающихся экономик мира. Кроме того, у нее была заинтересованность в АСЕАН особого рода: будучи страной с военным диктаторским режимом, постоянно подвергавшимся резкой критике за нарушение прав человека и принципов демократии, она рассчитывала укрыться от этой критики «за стенами» этой региональной организации, привыкшей жить по принципу «constructive engagement», то есть дружеского конструктивного общения, взаимного диалога, без какого-либо вмешательства во внутренние дела друг друга. Этот принцип на практике не всегда соблюдался (иногда и соседи по региону резко критиковали «новичка» за задержку демократизации страны), но в основном этого принципа страны АСЕАН придерживались и придерживаются.

Вступление Мьянмы/Бирмы в АСЕАН стало значительным событием и для Ассоциации (особенно с учетом одновременного принятия в нее Лаоса). Географически Мьянма/Бирма добавила к АСЕАН 15% территории и около 10% всего населения региона (с Лаосом это стало соответственно 20 и 11%). Население стран АСЕАН теперь подошло к 550-миллионной отметке. Все это объективно означало дальнейшее поднятие статуса АСЕАН, рост политического и потенциально экономического веса Ассоциации как в Азии, так и во всем мире.

Правда, надо признать, что экономически и социально вхождение Мьянмы в АСЕАН мало что дало Ассоциации положительного (по меньшей мере в первые годы). Напротив, экономические и социальные показатели этой страны «тянули» АСЕАН «вниз». Это и не могло быть иначе: напомним, что в конце 90-х гг. прошлого века валовой внутренний продукт Мьянмы оценивался всего в 35 млрд. долл. (2% общего показателя ВВП в АСЕАН) — против 454 млрд. в Таиланде (25,3% регионального) и 191 млрд. долл. в Малайзии (10,6% общерегионального). При этом на душу населения ВВП Бирмы оценивался тогда всего в 753 долл. (против 9470 долл. в Малайзии и 7535 долл. в Таиланде).

Этот показатель был в Мьянме самым низким в АСЕАН — ниже, чем в Лаосе и Камбодже, номинальный ВВП которых был меньше 1% регионального показателя³.

То, что Бирма/Мьянма долго колебалась относительно вступления в АСЕАН, вполне понятно. С одной стороны, у нее, несомненно, были опасения по поводу утраты своего изоляционизма. С другой стороны, ей очень хотелось выбраться из экономической и социальной отсталости, приобрести опыт и приблизиться к показателям своих более успешных «братьев» по региону. И кроме того, как уже указывалось выше, военная хунта Бирмы хотела с помощью АСЕАН защититься от нападков и санкций западных держав.

Оправдались ли надежды и расчеты Мьянмы/Бирмы? Думается, что односложного ответа здесь нет. Кое в чем эти надежды и расчеты оправдались. То, что эта страна вошла наконец в АСЕАН, было для нее правильным, естественным и соответственным решением. Оно ввело страну в круг своих постоянных географических, исторических, культурных и этнических соседей. Вместе с принятием в АСЕАН Вьетнама, Лаоса и Камбоджи вхождение Мьянмы/Бирмы как бы завершило географическое и государственное формирование региональной общности ЮВА — АСЕАН. Для Мьянмы/Бирмы вхождение в АСЕАН было «малой (региональной) глобализацией». Не важно, как идет эта «малая глобализация» — быстро, хорошо, эффективно или медленно, заторможено, малоэффективно. Для Мьянмы/Бирмы реальным оказался второй вариант. Это могло вызывать и вызывало разочарование. Но все равно — пусть прогресс Бирмы через АСЕАН был медленным и неэффективным, но он был необходим, он приучал Бирму к условиям региональной кооперации, интеграции и модернизации. Ведь «малая (региональная) глобализация» невольно соединяется с большим, всемирным процессом глобализации.

Помимо трудностей «вживания» Мьянмы в асеановскую среду с необходимостью соответствующей перестройки экономических связей и отношений, страна столкнулась и с серьезными политическими трудностями. Страны АСЕАН политически неоднородны. Общим вектором большинства старых членов Ассоциации было развитие и укрепление демократических начал в государственном устройстве и политике, какими бы ограниченными и даже искаженными чертами они ни характеризовались. Мьянма же пришла в АСЕАН с тяжелым наследием многолетней военной диктатуры, причем неконституционной. Поэтому сразу же обозначились противоречия между рядом демократических

членов Ассоциации и Мьянмой. Первые ожидали, что Мьянма начнет проводить демократические реформы в стране, организует переход от военной диктатуры к гражданским демократическим формам правления. В этом их всячески поддерживал Запад. Но бирманские генералы не торопились с политическими реформами и, казалось, бесконечно тянули время. Это вызывало в АСЕАН внутренние разногласия и критику Мьянмы, хотя официально эти разногласия и критика держались в тайне и проявлялись только через открытую печать и «утечку» информации. Так что политические отношения Мьянмы в АСЕАН не заладились. Дело доходило иногда до того, что некоторые деятели АСЕАН бросали Мьянме упрек, что затяжка ею политических реформ в направлении демократии и сохранении в стране военной диктатуры портит образ АСЕАН в международном общественном мнении как демократической организации. Некоторые критики в странах АСЕАН даже начали разговоры о том, что диктаторам не место в АСЕАН. Вот, видимо, под этим прессом критики, как внутриасианской, так и внешней, бирманская хунта объявила наконец о своем плане «дорожной карты» Мьянмы к демократии. Но это случилось уже в 2003 г., то есть за рамками хронологии данной книги. И все равно бирманские генералы, объявив о намерении проводить политические реформы, стали по-прежнему тянуть время — год за годом.

Бирманская внешняя политика с 1948 г. прошла несколько этапов и столкнулась с рядом трудных проблем. Самые тяжелые из них возникли в период размаха повстанческого движения компартии и каренов в конце 40 — начале 50-х гг. На наш взгляд, второй по тяжести период внешней политики Мьянмы произошел в годы захвата власти в стране в сентябре 1988 г. новой военной хунтой, которая ныне все еще находится у власти.

* * *

К рубежу XX–XXI вв., после ряда лет пассивности в силу внутреннего положения в России и Мьянме/Бирме, отношения двух стран стали оживляться и даже довольно неожиданно стали весьма активными и многосторонними. Но это выходит за хронологические границы данной монографии.

С учетом долговременных и тесных связей Мьянмы/Бирмы с Китаем, вступления Мьянмы в АСЕАН, сближения ее в последние годы с Индией, Россией, сохранения благожелательных контактов с Японией и развития активных экономических отношений

с отдельными дружественными странами АСЕАН (в особенности с Таиландом) можно говорить о том, что, разочаровавшись в Западе, неустанно ее критикующем и проводящем (особенно США) политику экономических и политических бойкотов Мьянмы/Бирмы, эта страна волею обстоятельств все больше отходит от Запада и все более определенно и направленно поворачивается лицом к Азии (Россия ведь тоже азиатская страна).

Этот поворот, на наш взгляд, имеет для Мьянмы/Бирмы серьезное значение, и ее история в наше время становится преимущественно азиатской. Он может иметь как вынужденно конъюнктурный, так и более долговременный характер, однако, вероятно, не вечный, ибо Запад в принципе нужен Мьянме, как и другим странам, по ряду важных экономических и политических причин.

Дать односложную оценку ходу и итогам исторического развития Бирмы с конца XIX в. до конца XX в. довольно затруднительно. И это как раз потому, что этот ход и итоги были очень сложны и разноречивы. После Камбоджи Бирма была, вероятно, самой проблемной страной Юго-Восточной Азии почти на всем протяжении прошедшего века. В чем же заключалась эта проблемность?

На первый взгляд нет ничего особо специфического в тех проблемах, с которыми сталкивалась страна. Это — проблемы достижения национальной независимости, преодоления отсталости, достижения модернизации, проблемы авторитаризма и демократии, взаимоотношений военных и гражданских элементов общества, проблемы государственного строительства, унитаризма и федерализма, рынка и государства, проблемы традиций и культурных влияний и т. д. Но такие проблемы во многом общие и для других стран региона (да и вообще развивающихся стран). Однако дело не только в проблемах как таковых, но и в их форме выражения, их сочетании и остроте. И вот как раз здесь обозначается бирманская специфика, особая сложность, неустойчивость и переменчивость положения.

Начать с того, что Бирма с конца XIX в. до конца XX в. прошла через четыре социально-политические системы, можно сказать — строя. В первый период с завоевания в 1885 г. до 1948 г. — это было прямое вмешательство колониализма в разных его формах. Второй период (1948 г. — начало 1962 г.) был началом независимости Бирмы в государственно-политической форме парламентского устройства с демократическими гражданскими институтами власти, хотя и при еще «живых» воздействиях и связях с остатками колониализма. Это был еще непрочный и незрелый парламентаризм и демократия, которые и получили в конце 50-х гг. сильный удар от укрепившейся армии, когда еще в рамках парламентской системы страной стал править генерал Не Вин, которому У Ну был вынужден сдать свое премьерство (хотя бы временно, до обозначенных новых парламентских выборов). В 1960 г. в Бирме прошли обещанные генералом выборы (причем неожиданно открыто и честно), на которых блестяще победила Союзная партия У Ну. Была восстановлена конституционная гражданская

власть. Но ненадолго. В марте 1962 г. в стране произошел насильственный военный переворот с отстранением и арестом У Ну и других членов правительства. Власть захватил Революционный совет во главе с генералом Не Вином, военная верхушка страны. Наступил третий — военно-социалистический период Бирмы с выдвижением программы «Бирманский путь к социализму». Предлогом для переворота послужили сепаратистские настроения и высказывания ряда лидеров этнических меньшинств Бирмы, добивавшихся повышения статуса своей реальной автономии с использованием шантажа и угрозы выхода из состава Бирмы, если этот статус не будет поднят. Но весь курс пришедшего к власти Революционного совета во главе с генералом Не Вином показал, а затем подтвердился в 1974 г. после принятия новой конституции, что главный замысел армии, ее верхушки, в приходе к власти заключался в попытке введения социализма в стране со свойственным ему авторитаризмом и тоталитаризмом. Этот военно-социалистический период закончился также неудачно. Его «придушила» огосударствленная экономика, возмущение населения диктаторским военным режимом и ухудшением материальных условий жизни народа. Фактически же военно-социалистический режим в Бирме свергла народная революция 1988 г., воодушевленная духом свободы и освобождения, который был характерен для второй половины 80-х гг. в целом ряде стран мира, особенно стран социалистического лагеря и некоторых «недоосвободившихся» от диктатур экскOLONиальных стран. Этот подъем смертельно напугал бирманскую армию, которая стояла у власти, и она подавила эту революцию кровавыми расправами с ее участниками. Однако армия была вынуждена сменить одних генералов в руководстве на других, пообещав при этом для успокоения народа провести демократические реформы в стране и выборы в парламент на многопартийной основе. С приходом к власти новой военной хунты в сентябре 1988 г. начался четвертый, пока последний по счету период истории Бирмы в XX в., его точнее всего называть «периодом новой военной хунты». Многопартийные выборы были действительно организованы хунтой в мае 1990 г. в прямом расчете на свою победу и тем самым — на легимитацию своей незаконной власти. Но победила на этих выборах с большим преимуществом не армия, а демократическая оппозиция. Это был ошеломляющий удар по военной диктатуре. Однако армия могла на него ответить, кроме репрессий, только одним — не признавать этих выборов и всячески

замалчивать их результаты (свыше 80% мест в парламенте было бы у демократических сил!).

До конца XX в. никаких существенных перемен в рамках принятого курса нового военного режима не произошло. Он оставался нелегитимной внеконституционной диктатурой тоталитарного характера.

Политическое положение в стране оставалось противоречивым и напряженным. Экономика так и не выбралась из трудностей конца 80 — начала 90-х гг. Мьянма продолжала пребывать в числе наименее развитых и бедных стран мира. Положение масс было плачевным. (Самый низкий доход на душу населения среди стран ЮВА был в конце 90-х гг. в Мьянме — 753 долл. на человека.)¹ Но в то же время в условиях полного самовластья армии ее верхушка усиленно обогащалась. В результате этого расширился высший и средний слой военной плутократии, чего раньше в таких масштабах и формах в стране все же не было (тогда, по сведениям международной прессы, самым главным богачом в Бирме якобы был генерал Не Вин и его семейство). Нечего говорить, что богатство все сильнее прикрепляло высшее офицерство Мьянмы к своему положению, чинам, должностям, креслам. Уходить в казармы было бы для армии крахом всех ее амбиций и вожделений.

* * *

Вследствие таких негативных оценок итогов пройденных Бирмой/Мьянмой периодов после достижения независимости автор данной работы первоначально намеревался к ее названию — «История Мьянмы/Бирмы. XX век» — добавить подзаголовок — «Страна, потерпевшая неудачу». Но по зрелому размышлению он решил ослабить эту формулу. Ведь таких стран, которые в XX в. можно отнести к «неудачникам» в экс-колониальном мире, найдется немало — и в Южной Азии, и в Африке, и в других регионах. Вместо этого он решил в своем Заключение, подытоживающем послевоенную историю Бирмы/Мьянмы, сформулировать тезис о том, что Мьянму/Бирму в XX в. после достижения независимости лучше всего охарактеризовать как «страну, которая пока не нашла свой путь». Если она сможет, то это ей еще предстоит сделать, но теперь уже в XXI в.

* * *

Политические пертурбации, столкновения, борьба различных политических и социальных групп (иногда переходящая почти что в «борьбу всех против всех»), развитие истории с военными

переворотами, с рывками или урывками, с остановками и торможением — все эти явления и факторы выступают как текущие политические события, особенно на поверхности бирманской жизни, внешне. Это с определенной точки зрения так и есть. Однако превратности политических судеб современной Мьянмы/Бирмы имеют, как кажется, более глубокие корни, они испытывают незаметное на первый взгляд «дыхание» или «ветры» прошлой истории. Например, имперский характер государства и власти в феодальной Бирме и милитаризованность ее монархии. Бесспорно, сильное воздействие разного рода оказал колониализм, принесший Бирме некоторые новые производственные, государственные и интеллектуальные формы жизни и при этом политическое, национальное и экономическое угнетение с политикой «разделяй и властвуй» в этническом вопросе. С этим угнетением бирманцы как один из наиболее свободолюбивых народов (наций) региона ЮВА никогда не могли смириться и были с самого начала английской колонизации страны готовы к борьбе за восстановление свободы.

С политэкономической точки зрения кризисность, неустойчивость, «разрывы» и неудачи постнезависимого развития Бирмы/Мьянмы могут, на наш взгляд, быть исторически объяснены пребыванием страны длительное время в «зоне глубокого межформационного ущелья» (назовем это так). Продолжая метафору, можно сказать, что скалистые и малодоступные склоны этого «ущелья» символизируют, с одной стороны, линию традиционализма и пережитков феодализма и трайбализма в истории страны, а с другой — модернистское начало, частичный и лоскутный капитализм, принесенный колониализмом с конца XIX — начала XX в. Крутизна и глубина склонов «ущелья» как бы «запирают», ограничивают собственное развитие, мешают выкарабкаться со дна этого «ущелья» наверх, на «равнину», где легче выжить, найти переход к типу и формам современного развития, ибо пути назад нет (он «заблокирован» прошедшими многими столетиями, которые повторить нельзя). Переход к современности («на равнине») все равно трудно делать в одиночку, тем более находясь под воздействием традиции и условий изоляции страны от внешнего мира. Поэтому при всей мобилизации внутренних ресурсов стране необходимы обширная иностранная помощь (капиталовложения, ноу-хау, экспертиза, кадры) и включение страны в региональную, межрегиональную и всемирную глобализацию. Изоляция или полуизоляция такой отсталой страны, как Мьянма/Бирма, может в лучшем случае сделать из нее Северную Корею, или даже хуже. Инструменты глобализации должны находиться

под контролем внутренних сил бирманского национализма (в широком понимании этого термина) и по своему приложению содействовать преодолению исторически сложившейся и разрывающей страну двуликой межформационности ее положения и развития и введению ее в русло открытого рынка и начатков движения к конституционному, демократическому (полудемократическому поначалу) и гражданскому (полугражданскому) устройству государства и (постепенно) общества. Бирма/Мьянма была уже в XX в. столь долго лишена этих атрибутов развития, что, как уже подчеркивалось ранее, резко отстала от большинства своих соседей и партнеров по региону Юго-Восточной Азии или — конкретнее — АСЕАН. В принципе путь Мьянме вперед не закрыт и сейчас, но это будет все равно трудный путь при любой форме власти в стране.

Поскольку хронологические рамки работы остановили исследование на 2000 г., в эпилоге важно вкратце отметить основные вехи после 2000 г., когда наметилась определенная политическая динамика и произошел ряд событий, которые изменили кое-что в диспозиции сил в стране и активизировали некоторые политические процессы.

В конце 2000 г., а затем в начале 2001 г. имели место секретные переговоры между лидерами хунты и оппозиционной НЛД о достижении национального примирения и политических реформах. Они и на этот раз зашли в тупик, несмотря на усилия дружественных международных посредников (АСЕАН и ООН). Это было результатом серьезных противоречий между сторонами, как и в прошлом.

В марте 2002 г. было объявлено о том, что семья престарелого 91-летнего Не Вина (зять и три внука) якобы готовила государственный переворот и что любимая дочь Не Вина была даже активно замешана в этом. О Не Вине прямо ничего не говорилось, но он и его дочь, ухаживавшая за ним, были помещены под домашний арест. Ввиду секретности, окружающей почти все, что происходит в Бирме/Мьянме, подлинные причины этой попытки государственного переворота (?) остаются неясными, если не исходить из общих соображений о борьбе за власть и позиции внутри хунты и ее окружения. Зять и три внука Не Вина и причастные к заговору военные были арестованы и преданы суду военного трибунала (с вердиктом о смертной казни для основных зачинщиков). В декабре 2002 г. Не Вин умер, и тогда окончательно завершилась «его эра». Тем самым новая военная хунта полностью освободилась от неусыпной невиновской опеки и получила полную свободу действий.

На освобожденную из-под домашнего ареста Аун Сан Су Чжи во время ее поездки в мае 2003 г. в центральную часть страны для встречи со сторонниками-однопартийцами было совершено дерзкое нападение, как считают, «правительственных молодчиков» с целью избить и запугать оппозиционеров. Су Чжи осталась жива, но была вновь помещена под домашний арест и изолирована от внешнего мира.

В августе 2003 г. была произведена крупная перестановка в бирманском правительстве. Премьер-министром страны был назначен

генерал Кхин Ньон, бывший до этого секретарем № 1 хунты и шефом военной разведки (от этих постов он был освобожден, что, несмотря на премьерство, означало некоторое понижение его статуса в хунте). 30 августа новый премьер выступил с важной речью о планах хунты по проведению политических реформ в стране. Этот план получил громкое официальное название «дорожной карты в продвижении к демократии». Она состояла из 7 пунктов, главные из которых говорили вновь о созыве Национальной конвенции, выработке новой конституции на базе ранее принятых принципов, принятии конституции на национальном референдуме, проведении «свободных и справедливых выборов в Народное собрание» (Хлудо), строительстве «современной, развитой демократической нации»¹ (подчеркивание роли *новой* конституции и *нового* Народного собрания было сделано специально для того, чтобы отсечь всякую ассоциацию с «украденными» выборами 1990 г.). За этой новой инициативой стоял лично Кхин Ньон, давно связанный с переговорами с НЛД и этническими повстанцами.

Однако в октябре 2004 г. Кхин Ньон был внезапно смещен со своего поста, арестован и обвинен со своим окружением в коррупции. Его дело было передано в трибунал. Среди политических причин его падения аналитики выделяют его более гибкую и терпимую позицию в отношении переговоров с оппозицией и контактов с Западом. Новым премьером хунта назначила генерала Со Вина, который заявил, что правительство будет продолжать осуществлять «дорожную карту к демократии»².

Так что в начальные годы XXI в. политическая картина в Мьянме/Бирме несколько изменилась. Появились какие-то просветы в секретной и темной политике хунты в отношении реформ. Некоторые стали питать надежду на то, что следование по пути «дорожной карты к демократии» может привести к каким-то серьезным переменам в стране, к полудемократии, управляемой демократии и какому-то неопределенному военно-гражданскому или гражданско-военному согласию, а может быть — сотрудничеству.

Военные режимы нередко появлялись в современной истории развивающихся стран. Но обычно они сравнительно быстро трансформировались в смешанные или гражданские и как таковые сходили со сцены. Но не было до сих пор ни одной страны, где бы военный режим, пришедший к власти, институировался и удерживался у кормила, как в Мьянме/Бирме, почти 50 лет, то есть существовал при жизни двух взрослых поколений. Больше того, эта многолетняя институция

военного режима на своем нынешнем, 50-м, году по-прежнему не имела достаточно ясных и гарантированных перспектив своей замены. Беда не столько в том, что происходит военный переворот и появляется военный режим, сколько в том, что он, как в Бирме/Мьянме, укореняется и возвращение страны к нормальным гражданским нормам с течением времени делается все более трудным.

Армии не должны бесконечно стоять у руля общественной и государственной жизни. И к граждански организованному обществу со становящейся и развивающейся демократией многострадальная Мьянма/Бирма все равно, рано или поздно, в той или иной форме должна прийти.

Возникает вопрос: что все-таки заставило военную хунту Мьянмы выдвинуть план «дорожной карты к демократии» в 2003 г., а затем, уже в апреле 2008 г., объявить о национальном референдуме 10 мая 2008 г. по принятому ею проекту конституции и проведении в стране многопартийных выборов в 2010 г. Что касается «дорожной карты», то само объявление о конституционном процессе в стране ничем хунту по времени не обязывало, так как тогда не было названо никаких сроков. Поэтому хунта могла продолжать тянуть с обещаниями о конституции, как она это делала по меньшей мере с 1993 г., когда была создана Национальная конвенция для выработки проекта конституции, то есть со времени начала работы Конвенции до апреля 2008 г. прошло почти 15 «пустых» лет.

Несомненно, что так или иначе толкнуло военную хунту на ускорение конституционного процесса в 2008 г. широкое возмущение бирманского народа и мировой общественности бесконечной затяжкой политических реформ в стране. Надо признать, что бирманскую военную хунту за ее многолетнее незаконное самовластье в стране честили в демократических кругах страны и за рубежом почем зря, причем не реже, чем с Запада, критика в адрес хунты исходила из некоторых стран «братской» АСЕАН, что хунте особенно неприятно было слышать. Что касается Запада, США, хунта могла ответить (и отвечала) народу — мол, это империалисты, они хотят нас ослабить. Бирманскому народу можно было до поры до времени вообще не давать информации, и он мог о многом не знать. А как отвечать «братьям» по АСЕАН? Это было трудно сделать. Но хунте пришлось в конце концов все же двинуть дело с конституцией. Это был вынужденный ответ.

Как развивались события? В августе 2007 г. хунта получила неожиданный удар от собственного народа. В этом месяце в Рангуне

и других местах произошло то, что в прессе многих стран получило название «шафранная революция». Речь шла об антихунтовских уличных протестных выступлениях сотен буддийских монахов (облаченных в традиционные монашеские одеяния оранжевого цвета, отсюда — шафран — цвета апельсина). К ним присоединились многие мирские горожане. Недовольство народа первоначально было вызвано ростом цен на бензин в августе того года³. В сентябре же военное правительство решило успокоить народ и объявило о том, что 14 лет работы над конституцией завершены, и закрыло Национальную конвенцию. Но протестные выступления монахов и мирян продолжались, и хунта ввела в Рангун войска. Армия применила силу и оружие против протестантов (в данном случае — против монахов, что было святотатством, особенно потому, что это были мирные демонстрации). Среди демонстрантов были убитые и раненые.

В попытке дальнейшего успокоения народа и международной общественности 9 февраля 2008 г. военное правительство объявило о референдуме по проекту конституции в мае 2008 г. и многопартийных выборах в 2010 г. 9 же апреля был опубликован текст проекта новой конституции.

Эти заявления, сделанные перед Мьянмой и всем миром, выглядели уже как определенные обязательства привести объявленные меры в жизнь. Во всяком случае, «отвертеться» от них обычной пропагандой было бы очень трудно.

Первые комментарии в Мьянме и за рубежом свидетельствовали о разных оценках политики хунты и самой конституции. Бирманская оппозиция во главе с Национальной лигой за демократию выступила против одобрения конституции на референдуме и против самой конституции, как недемократической и ущемляющей права оппозиции. Зарубежные аналитики расценивают новую конституцию в лучшем случае скептически или негативно. Четкую отрицательную позицию в этом вопросе заняли правительства США, Англии и некоторых других стран. Но в Мьянме и некоторых соседних с ней странах раздавались голоса тех, кто считал, что конституцию надо одобрить: лучше иметь конституцию, чем продолжать жить без нее.

Газета бирманских эмигрантов «Иравади», издающаяся в Таиланде, опубликовала статью Ваи Моу, озаглавленную «Наблюдатели расколоты по вопросу хунтовской конституции»⁴.

Автор письма Ней Вин Маун предложил Аун Сан Су Чжи несколько советов. Он посоветовал ей поддержать конституцию,

сконцентрироваться на выборах, чтобы не потерять права избирателя, заявить, что она будет бороться только за половину мест в парламенте (чтобы быть «просто оппозицией»). Он предложил ей также научиться проводить различие между подлинной оппозиционной политикой и политикой конфронтации (с тем, чтобы она могла создать «теневой кабинет»). Автор письма высказал мнение, что Аун Сан Су Чжи могла бы усилить свою организацию, если бы «служила» оппозиции в течение 5 лет.

Другой бирманский политический комментатор-эмигрант заявил, что вышеперечисленные предложения ликвидировали бы тупик в стране, и сказал, что «мы должны перестать жить в прошлом. Это только продлевает тупик и конфликт».

Член эмигрантского Национального совета Бирманского Союза Аун Мое Зо сказал, что хотя некоторые эксперты выступают за конституцию, что лучше, чем ничего, но, мол, народ так не думает, народ-де хочет долговременную гарантию для своего будущего — настоящую демократию и свободу. «Если НЛД поддержит эту несправедливую конституцию, народ Бирмы будет возражать и пойдет своим собственным путем».

Мнения ряда других людей и частичные опросы населения (а также собственное представление автора этой книги) можно самым общим образом суммировать так: референдум и конституция будут одобрены, и хунта все сделает для этого, особенно, чтобы «смыть позор» своего беспримерного проигрыша на выборах 1990 г.

* * *

Свою работу над данной книгой автор завершил в середине апреля 2008 г. Поэтому кроме догадок по поводу дальнейшего течения конституционного процесса в 2008–2010 гг. много сказать невозможно. Ответ даст только жизнь. Посмотрим и убедимся сами.

Но автор может поделиться попыткой прогноза по реализации всей «дорожной карты» к демократии в Мьянме, принятой в 2003 г. Эта попытка относится к 2004 г., то есть вскоре после принятия «дорожной карты», но может оказаться полезной сейчас, когда конституционный процесс в Мьянме вошел в практическую стадию. У автора было тогда 3 варианта результатов «дорожной карты».

1. Вариант первый, самый возможный. В ходе проведения нынешних реформ в Мьянме скорее всего будут установлены государственные порядки, которые обобщенно можно назвать «конституционной

диктатурой» с военным прикрытием. Это будет «конституционная диктатура» № 2, так как «конституционная диктатура» № 1 существовала в 1974–1988 гг., в период Не Вина. Для такой системы характерны: наличие конституции гражданского вида, введение институтов парламентского типа и в то же время существование внеконституционного центра верховного руководства страной, дающего направляющие указания конституционным институтам. Это верховное руководство уже нельзя было бы с точностью назвать военной хунтой, но ясно, что будет существовать военно-клановая верхушка как высший наблюдатель за страной, как гарант новых инициированных хунтой государственных порядков и как действующая из-за кулис конституции высшая, хоть и внешне скрытая, реальная власть. Новый строй, по мнению автора, будет во многом напоминать порядки, существовавшие при Не Вине в 1974–1988 гг. плюс допуск определенной (ограниченной) многопартийности и более широкий переход к рыночным формам под госконтролем (армии). Но исторически этот вариант был бы относительно некоторым шагом вперед, ибо означал бы отход от открытой и нелегитимной военной диктатуры.

2. Вариант второй. В принципе он — реальный, но в меньшей мере. Он нежелателен ни для кого. Этот вариант может возникнуть в ходе и результате провала принятых реформ (из-за обострения внутренних и внешних противоречий, взаимного антагонизма и недоверия хунты и оппозиции друг к другу, включая нацменьшинства). В результате срыва реформ на определенное время сохраняется (восстанавливается) режим нынешней военной хунты (с какими-то изменениями), и страна остается в ожидании новой попытки политических реформ, которая не может быть скорой из-за предыдущего провала.

3. Третий вариант прогноза «дорожной карты» — вариант создания в результате реформ действительно «Демократической Бирмы». Он наименее вероятен и вряд ли реален. Любая политическая реформа в современной Мьянме/Бирме отягощена многодесятилетним господством военного клана, который в любых условиях будет держаться за власть, делясь только ее крохами. Поэтому неудивительно, что в оценках нынешнего положения в этой стране переплетаются тона отчасти ограниченного оптимизма, отчасти больших скепсиса и критики⁵.

* * *

Что касается предстоящих референдума по новой конституции Мьянмы 10 мая 2008 г. и парламентских выборов по этой конституции,

то автор ожидает, что большинство бирманцев поддержит проект конституции, а выборы в парламент пройдут в целом с избранием, так или иначе, большинства тех, кого поддерживала хунта.

* * *

Как уже упоминалось в XIII главе монографии, важным событием во внешнеполитической сфере было практическое сближение Мьянмы и России. Поскольку в течение ряда лет после конца 1980-х гг. отношения двух стран стагнировали, это сближение требует и фактического описания и оценки.

Базовые принципы российско-бирманского двустороннего сотрудничества были закреплены в Совместной декларации об основах дружественных отношений двух стран от 3 июля 2006 г.⁶

Особо важную роль в этом сближении сыграл визит в Москву в начале апреля 2006 г. заместителя председателя Госсвета мира и развития Мьянмы [правлящей военной хунты] генерала Маун Эя. 3 апреля он был принят для переговоров председателем правительства РФ Михаилом Фрадковым. Как сообщал вестник ИТАР-ТАСС «Дипкурьер», открывая встречу, М. Фрадков заявил, что Россия рассматривает отношения с Мьянмой как «приоритет внешнеэкономической политики в Юго-Восточной Азии» и что «мы хотим и готовы расширить сотрудничество с Мьянмой по всем направлениям»⁷. По его словам, визит делегации Мьянмы в Москву «придаст дополнительный импульс всему комплексу двусторонних отношений между нашими странами». Со своей стороны, Маун Эй сказал: «Мы чувствуем себя в Москве так, как будто приехали к своим родным, к своим братьям». С тех пор как Мьянма получила независимость, отметил он, между ней и Россией наблюдаются лишь «хорошие отношения».

В результате переговоров был подписан ряд межправительственных соглашений, предусматривающих развитие сотрудничества по отдельным направлениям двусторонних отношений. По заявлению российского премьера, страны договорились осуществлять стратегическое сотрудничество, в частности в нефтяной сфере. Меморандум о взаимопонимании был подписан между ОАО «Зарубежнефть» и министерством энергетики Мьянмы. Со своей стороны, Маун Эй призвал российских предпринимателей инвестировать в экономику Мьянмы: «У нас есть каучук, газ, нефть и в вопросах добычи много перспектив для сотрудничества».

Был подписан ряд других соглашений (о контроле за оборотом наркотиков, о сотрудничестве в сфере защиты секретной информации, соглашение между российской Торгово-промышленной палатой и Федерацией торгово-промышленных палат Мьянмы). М. Фрадков подчеркнул, что «мы уверены в необходимости расширения и углубления связей в различных сферах, в том числе научно-технической и образовательной».

Главными темами переговоров между двумя странами стали укрепление сотрудничества в военно-технической области и допуск России к разработке углеводородных месторождений в Мьянме. Бирманская сторона заинтересована в российской помощи по созданию национальной системы ПВО на основе зенитно-ракетных комплексов. Также продолжились переговоры о поставках дополнительной партии истребителей МиГ-29, о подготовке кадров в российских военных училищах и двух заводах по ремонту и модернизации авиатехники российского производства⁸.

В настоящее время, заявил представитель МИДа М. Камынин в интервью РИА «Новости», помимо указания на общие направления сотрудничества России и Мьянмы, изложенные выше в «Дипкурьере», в вузах России обучается примерно 1500 бирманских студентов. Около 500 человек уже завершили обучение и вернулись на родину⁹. (Судя по другим источникам, эти «студенты» — молодые армейские кадры.)

Здесь надо упомянуть дополнительно о том, что Россия подписала в мае 2007 г. соглашение с Мьянмой о строительстве в этой стране исследовательского ядерного реактора и центра ядерных исследований. Газета «Коммерсантъ» сообщала об этом под заголовком «Диктатуру подключат к реактору. Россия введет в ядерный клуб Мьянму, построив там центр ядерного исследования»¹⁰.

В целом ясно, что в отношениях России и Мьянмы наступила пора широкого практического сотрудничества. Это, по-видимому, экономически и политически выгодно обеим странам: для Мьянмы в плане внутреннего укрепления страны, для России в плане расширения военно-экономической экспансии в погоне за углеводородами и другим сырьем.

В главе о внешней политике Мьянмы, мы отмечали, что, судя по всему, Мьянма поворачивается (и уже основательно) «лицом к Азии». Ясный и значительный «азиатский вектор» бесспорен и в российской внешней политике. В обоих случаях наличествует также четкий политический (геополитический) момент. В ЮВА, Восточной и Южной

Азии возникает конфигурация новых связей. Здесь интересно отметить, что инфраструктура этих связей во многом уже готова. Эти связи тесно перекрещиваются: Россия — Китай, Мьянма — Китай, Мьянма — Россия, Россия — Индия, Мьянма — Индия. Союза Мьянма — КНДР до последнего времени не было оформлено (восстановлено), но у КНДР есть партнеры и союзники в лице Китая и России¹¹.

Что получает Мьянма от такой конфигурации связей? Мьянма в окружении гигантов — Китая и Индии, в партнерстве с Россией может стать уже другой страной. Оставаясь членом АСЕАН, она может поднять свой подорванный престиж в этой организации с помощью внеасеановских держав, расширить рынки, получить иностранную помощь от своих новых партнеров, по возможности — перевооружиться и начать «поплевывать» на санкции и угрозы США и некоторых критически настроенных к Мьянме партнеров по АСЕАН.

Расчеты на выгоды России имеют пока ясный экономический аспект (бирманский газ, нефть и др.). Но в рамках глобального геополитического мышления реальные или мнимые выгоды России могут состоять в том, что в регионах Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии Россия может увлечься участием в создании или сопричастности к созданию некоей антиамериканской и антизападной политической или полуполитической коалиции.

Что касается Мьянмы, то ей такие коалиции вряд ли нужны и полезны. Ее главная задача в последние годы состоит в решении внутреннего конституционного вопроса. Ей нужно осуществление своей «дорожной карты к демократии» при какой-то поддержке собственного народа. И тогда длинная, тяжелая, турбулентная история Мьянмы/Бирмы смогла бы начать свой новый этап, который хотелось бы видеть успешным. Как в смысле внутреннего успокоения, так и социально-политического прогресса в условиях становящихся демократических форм жизни и гражданских свобод.

* * *

Здесь следует хотя бы кратко остановиться на таком географическом, административном, политическом и военно-стратегическом событии в жизни современной Мьянмы, как перенос столицы страны из Рангуна (Янгона) в специально строившийся в первые годы XXI в. новый город, получивший традиционное бирманское название Нейпидо (столичный, или столица, или «обитель королей»). Строительство новой столицы началось тайно, пока не были готовы

некоторые центральные объекты города. Переезд главных служб, министерств, департаментов, чиновничества начался в ноябре 2005 г. Армейские части и техника были, судя по всему, первыми «новоселами»: вопросы своей безопасности военный режим Мьянмы рассматривает как первостепенные. Официальное открытие новой столицы состоялось в марте 2006 г. в День вооруженных сил (тамадо). На церемонию ее открытия с военным парадом были приглашены иностранные дипломаты. Новый город все еще недостроен, хотя уже обрел столичные черты (пребывание в нем и работа правительства во главе с главным генералом Тан Швэ, деятельность министерств и ведомств, прием иностранных послов, переброска сюда элитных военных подразделений и т. д.).

Ураган «Наргис», ударивший в ночь со 2 на 3 мая 2008 г. по южному приморскому поясу страны, особенно по густонаселенной дельте р. Иравади, и вызвавший неслыханные в истории страны жертвы (138 тыс. погибших и пропавших без вести жителей и 2–2,5 млн. человек, пострадавших так или иначе от стихии). Разрушения жилищ, каналов, колодцев, лодок, дорог и вообще ландшафта были огромными и тоже беспрецедентными. Новая столица Нейпидо, судя по всему, прямо от урагана не пострадала. Она расположена примерно в 400 км севернее Рангуна (Янгона), остающемся экономическим центром страны, и находится близко к географическому центру Мьянмы в 40 км от уездного города Пьинмана, в районе гор. Пегу и джунглей. Однако, хотя ураган и не достиг Нейпидо, ясно, что достройка новой столицы пострадает от недостатка средств, вызванных расходами на восстановление особо пострадавших приморских районов.

Вопросы, связанные с переносом столицы Мьянмы, подробнее освещены в ряде наших и иностранных публикаций¹². На основании опубликованных материалов можно прийти к некоторым выводам. Так, например, перенос столицы в глубь страны, ближе к ее географическому центру и тем самым ближе к пограничным районам расселения этнических меньшинств Мьянмы, среди которых сильны сепаратистские или автономистско-федералистские настроения, мог быть вызван главным образом политико-стратегическими соображениями бирманского военного руководства по обеспечению целостности страны и противодействия её центробежным силам. Из географического центра всегда сподручнее и быстрее влиять на положение расположенных по периферии страны этнических меньшинств и тем более — действовать практически против воинственного сепаратизма.

Надо подчеркнуть, что в сложившейся сейчас в Мьянме обстановке речь идет не просто о мерах противодействия этническому сепаратизму, а о стремлении военного руководства Мьянмы осуществить свою «дорожную карту» продвижения Мьянмы к демократии, то есть о проведении конституционной реформы и созданию политического гибрида — военно-гражданского или гражданско-военного правительства, которое в конечном счете было бы подконтрольно армии. Хунта придает своей дорожной карте первостепенное значение. Ее осуществление способствовало бы легитимации режима, нового по своему политическому облику, то есть по внешнему виду, и могло бы снять какую-то часть международной и внутренней оппозиции нынешнему «чисто» военному режиму. Пока хунта шла по своей «дорожной карте». Она, как уже говорилось, объявила в мае 2008 г. референдум по проекту новой конституции и провела его. Как бы то ни было, на референдуме был одобрен проект более чем 90% бюллетеней. (Надо сказать, что трагическая обстановка в стране, созданная ураганом, по-видимому, немало способствовала такому одобрению новой конституции: народ, несомненно, хотел порядка в беспорядке, усиленном ураганом.) Первые парламентские выборы на многопартийной основе были назначены хунтой на 2010 г. И она, со своей стороны, ведет к ним активную подготовку. Пока ряд организаций национальных меньшинств возражает против выборов по новой конституции (как и ведущая оппозиционная партия Мьянмы — Национальная лига за демократию).

Ход предвыборной кампании и результаты выборов, если они состоятся, покажут, пойдет ли Мьянма по пути политического и конституционного замирения и успокоения или ей предстоят новые осложнения во внутренней политике и межэтнических отношениях. В свете тех или иных перспектив развития событий в Мьянме могут стать более ясными и подлинными мотивы переноса столицы из «открытого» и политизированного Рангуна в глубь страны, в географическо-стратегический центр ее, откуда легче наносить удары по тем этническим группам и их организациям, которые выступают с непримиримых воинственных позиций сепаратизма, федерализма и автономизма.

Глава I

- 1 The Adaptation of expression law. — Working People's Daily (WPD). Rangoon, 19.6.1989, с. 1–7.
- 2 См.: Political situation of Myanmar and it's role in the region (Yangon), 14th edition, 1999, с. 2–4.
- 3 См. там же.
- 4 См.: Hall D.G. A History of South-East Asia. L., 1955, с. 124. Речь идет о монской надписи 1102 г.
- 5 Это отмечал еще комиссар Британской Бирмы Артур Ф. Фейр в своей высоко оцененной в научных кругах «Истории Бирмы...» (Phayre A.P. History of Burma... from the earliest time to the end of the first war with British India. L., 1883; переиздание в 1969 г.). См. также: Dr. Ba Han. The emergence of the Burmese nation. — Journal of the Burma research Society (JBRS). V. XLVIII, part 2, December 1965. Rangoon, 1965, с. 25–38.
- 6 Иногда высказывалась точка зрения, будто само название собственно бирманцев «бама» ведет начало от имени индуистского божества Брахма. Но это подвергается сомнениям. Есть также сведения о том, что в XVI–XVIII вв. Бирма была известна европейским путешественникам и авторам как «Бурагма» (что напоминает название «Бурма»). Вообще о взглядах на происхождение самоназвания «мьянма» и «бама» см.: Taw Sein Ko. Burmese Sketches. M. I; Rangoon, 1913, с. 1–25; St. John R.F. Marborug'h Burmese Self-taught. L., 1936, с. 4, 64; Dr. Ba Han. Указ. соч.; Houtman G. Mental culture in Burmese crisis politics. Tokyo, 1999, с. 43–58, 351–353.
- 7 См.: Maring J.M. and Maring E.G. Historical and cultural dictionary of Burma. New Jersey, 1973, с. 35.
- 8 Кроме упоминавшихся выше источников по вопросу Бирма/Мьянма следует также назвать такие работы: Chao-Tzang Yawnhwe. Burma. The depolitization of politics. — Political legitimacy in Southeast Asia. Ed. M. Alagappa. Standford, 1995, с. 174–175, 366; Mya Maung. The Burmese road to capitalism. Westport, 1998, с. 7–8; Lintner B. Burma in Rèvolt. Opium and insurgency since 1948. Westview press. Boulder, Bangkok, 1994, с. 41, 460; Он же. Burma cultural revolution. — Far Eastern Economic Review (FEER), 18.11.1999, с. 24; Thant Myint-U. The Making of Modern Burma. Cambridge University Press, 2001, 2002. Chapter 4.
- 9 Протяженность сухопутных границ Бирмы составляет в целом 6285 км, в том числе с Китаем — 2227 (35,4%), с Таиландом — 2098 км (33,4%), с Индией — 903 км (23,1%), с Бангладеш — 272 км (4,3%), с Лаосом — 235 км (3,7%). — См.: The Government of the Union of Myanmar.

- Statistical Abstract 1994. Yangon, 1995. Table 3, с. 7. (пересчет километров из миль).
- 10 Myanmar. Facts and figures. Yangon, 2000, с. 4.
 - 11 См.: Страны мира. Справочник. М., 1999, с. 425.
 - 12 См.: Myanmar. Facts and figures, с. 4. (пересчет с квадратных миль).
 - 13 См.: Козлова М.Г. Английское завоевание Бирмы. М., 1972; Cady J.F. A history of Modern Burma. N.Y., 1958; Thant Myint-U. The making of Modern Burma.

Глава II

- 1 Glimpses of the White Elephant. International perspective on the study of Burma. Special report. Ed. by R.A. Morse, H.A. Loerke. Asia Program. Woodrow Wilson International center for scholars. Wash., 1987.
- 2 Burma. A Study Guide: Burma Studies world wide. Ed. by R.A. Morse, H.A. Loerke; Burma: a selective guide to scholarly resources. Ed by A. Hibler, W.P. Tuchrello; Burma: a Selective guide to periodic literature (1970–1986). Ed. by A. Hibler, W.P. Tuchrello. Asia Program. The Wilson Center. Wash., 1987.
- 3 Здесь и ниже см.: Burma. An annotated bibliographical guide to international doctoral dissertation research 1898–1985 by F.J. Shulman. Asia Program. The Wilson Center. N.Y.—L. 1986.
- 4 Burma. A selected and annotated bibliography. Trager F.N. Human relations area files Press. New Haven, 1973.
- 5 World bibliographical series. Vol. 132. Burma, by Patricia M. Herbert. Oxford, 1991.
- 6 Подробнее см.: Glimpses of the White Elephant..., с. 27–32.
- 7 Там же, с. 19–21.
- 8 Там же, с. 41–48, 37–40, 49–50, 23–25.
- 9 Burma and Japan. Basic Studies on their cultural and social structures. Ed. by Burma research group. Tokyo, 1987.
- 10 Lintner B. Burma in revolt: Opium and insurgency since 1948.
- 11 См. там же, задняя обложка.
- 12 Если не считать серьезного издания «Политика капиталистических держав и национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии (1871–1917). Документы и материалы (из русских архивов). Часть 2. Отв. ред. А.Н. Губер. М., 1967, с двумя статьями по русско-бирманским отношениям еще в доколониальный период.
- 13 Васильев В.Ф. Машинописная рукопись статьи «Бирманистика», написанной в 1992–1993 гг. и предназначенной первоначально для институтского издания «Энциклопедия Востока», от проекта которой позже отказались, и указанная статья, как и другие, «ушла в долгий ящик». Рукопись частично используется автором в данном историографическом очерке. В ней приведены имена и специальности 54 человек. Возможно, это приблизительно.

- 14 Ежегодник «Юго-Восточная Азия. Актуальные проблемы развития». Первый выпуск ежегодника вышел в 1999 г. (по 1998 г.), последний из пока опубликованных — в 2007 г. (по 2006 г.).
- 15 См.: Библиография стран Юго-Восточной Азии. М., 1960; Библиография стран Юго-Восточной Азии (1959–1970). М., 1980; Милибанд С.Д. Библиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. Т. I, II. М., 1995; South-East Asia: History and the present day. Soviet historiography of the countries of South-East Asia. Moscow, 1982 (English edition); см. также упоминавшуюся выше аннотированную библиографию по Бирме Ф. Трейгера.
- 16 Soviet publications on Burma. Compiled by V.F. Vasiliev. — Glimpses of the White Elephant..., с. 8–17.

Глава III

- 1 Об общей картине расселения, миграциях и ранней государственности народов на территории Бирмы, Таиланда и их соседей к началу нашей эры и в ее первые века см.: Мосяков Д.В., Тюрин В.А. История Юго-Восточной Азии. Разделы I, II. М., 2004, с. 5–43.
- 2 Козлова М.Г. Первые государства на территории Мьянмы (IV–XII вв.). — История Востока. Т. II, гл. II. М., 2004, с. 196–202; Можейко И.В. Государство Паган. — История Востока. Т. II, гл. III, с. 353–360; Степугина Т.В. Древнейший Китай. — История Востока. Т. I, гл. XII. М., 1997, с. 195, 202, гл. XXIII, с. 447; Советская историческая энциклопедия. Т. 15. М., 1974, кол. 795–796; Hall D.G.E. A History of South-East Asia. Гл. 6, 13, 19, 21; Dr. Ba Han. The emergence of the Burmese nation. The Journal of the Burma Research society. XLVIII. Pt. 2. Rangoon, 1965, с. 25–38; Maring J.M., Maring E.G. Historical and cultural dictionary of Burma. Metuchen, N.Y., 1973; Ве́чка J. Historical dictionary of Myanmar. L., 1995.
- 3 Козлова М.Г. Первые государства на территории Мьянмы (IV–XII вв.). — История Востока. Т. II, гл. II, с. 196–202; Она же. Мьянма в XIV–XV вв. — История Востока. Т. II, гл. V, с. 591–599; Можейко И.В. Государство Паган. — История Востока. Т. II, гл. III, с. 353–360; Он же. 5000 храмов на берегу Иравади. М., 1967; Ве́чка J. Historical dictionary..., с. 17–18, 40, 86.
- 4 Козлова М.Г. Бирма в XVI–XVII вв. — История Востока. Т. III, гл. X, с. 206–219; Ве́чка J. Historical dictionary..., с. 179–180.
- 5 Козлова М.Г. Бирма в XVI–XVII вв. — История Востока. Т. III, гл. X; Она же. Бирма в первой половине XVIII в. — История Востока. Т. III, гл. 27, с. 478–488; Ве́чка J. Historical dictionary..., с. 47, 179–180, 192–193, 201–202.
- 6 Козлова М.Г. Бирма в первой половине XVIII в. — История Востока. Т. III, гл. 27; Она же. История Востока. Т. IV, книга I, часть I, гл. 13. — Бирма во второй половине XVIII — первой четверти XIX в. — часть II, гл. 9. — Бирма в 1826–1885 гг.

- 7 Цит. по: Козлова М.Г. Бирма накануне английского завоевания. М., 1962, с. 40.
- 8 Thant Myint-U. The making of Modern Burma. Cambridge, 2001, 2002, с. 108; О реформах Миндона: там же, с. 104–125; Козлова М.Г. Бирма в 1826–1885 гг. — История Востока. М., 2004, кн. I, часть II, гл. 2, с. 445–457.
- 9 Здесь надо назвать прежде всего работы таких авторов, как д-р Маун Маун, Дороти Вудмен, Маун Хтин Аун, М.Г. Козлова, Тант Мьин-У, И.В. Можейко и А.Н. Узянов, а также Л.Н. Журавлева.
- 10 Thant Myint-U. The making of Modern Burma..., с. 19.
- 11 Maung Htin Aung. A history of Burma. N.Y., L., 1967, с. 214–215.
- 12 Thant Myint-U. The making of Modern Burma..., с. 18; Ве́чка J. Historical dictionary..., с. 19.
- 13 Maring J.M., Maring E.G. Historical and cultural dictionary of Burma..., с. 9.
- 14 См.: Thant Myint-U. The making of Modern Burma..., с. 23.
- 15 Woodman D. The making of Burma. L., 1962, с. 122.
- 16 Там же, с. 160.
- 17 Она вошла в историю своей особой активностью в организации в феврале 1879 г. казней около 80 принцев, членов их семей и их малолетних детей. Одни из них обвинялись в участии в заговоре, другие подозревались в этом, а третьи были невиновны — как возможные претенденты на трон (см.: Козлова М.Г. Английское завоевание Бирмы..., с. 202; Foucar E.C.V. They reigned in Mandalay. L., 1946, с. 65–111).
- 18 Maung Maung, Burma in the family of nations. Amsterdam, 1956, с. 64, App. V, с. 167–170.
- 19 Там же, с. 64.
- 20 Там же, с. 66.
- 21 Там же, с. 67.
- 22 Там же.
- 23 Ni Ni Myint. Burma's Struggle against British Imperialism. 1885–1895. Rangoon, 1983, с. 23–24, 34.
- 24 Там же, с. 70.

Глава IV

- 1 В 1857 г. столица Бирманского государства (по-бирмански «Мьянма найнган») была перенесена из г. Авы в соседний новопостроенный королем Миндоном город Мандалай. Но по традиции и из-за краткосрочности существования Мандалая в качестве столицы независимая Бирма прошлого века именуется в научной литературе обычно как Авское государство (или монархия, королевство, империя).
- 2 Между прочим, отметим здесь первоначальную и сохраняющуюся до сих пор двусмысленность или, вернее — два основных смысла термина «эксплуатация»: как «разработка» (например, ресурсов) и как угнетение

- одного человека, слоя или народа другими людьми, опирающимися на силу.
- 3 Васильев В.Ф. Очерки истории Бирмы. 1885–1947. М., 1962.
 - 4 В советской литературе этот вопрос специально освещен в упоминавшейся уже работе М.Г. Козловой (Английское завоевание Бирмы. М., 1972), а также в монографии Л.Н. Журавлевой (Партизанская война бирманского народа против английского закабаления 1885–1896 гг. Саратов, 1967). Сравнительно новым исследованием является: Ni Ni Myint. *Burma's struggle against British Imperialism (1885–1895)*. Разделы 1–7. Rangoon, 1983, с. 1–154. Автор — преподаватель и научный работник Рангунского университета в 60-е гг.
 - 5 См.: Ni Ni Myint. *Burma's struggle against British Imperialism*, с. 192–193.
 - 6 Там же, с. 42.
 - 7 Там же, с. 39–66.
 - 8 Там же, с. 62.
 - 9 Там же, главы 2, 3.
 - 10 Там же, глава 4.
 - 11 Там же, с. 46–49.
 - 12 Там же, с. 84.
 - 13 Baxter J. Report on Indian Immigration. Rangoon, 1941, с. 5–6.
 - 14 Там же, с. 121.
 - 15 В 1890-х гг. в собственно Бирме было 8 провинций-областей (дивизионов), 36 округов (дистриктов), 216 районов (тауншипов) и примерно 15–17 тыс. деревень (групп деревень).
 - 16 Данные о составе первых Законодательных советов несколько разнятся друг от друга, видимо относясь к разным годам их деятельности.
 - 17 См.: Taylor R. *The State in Burma*. L., 1987, с. 117.
 - 18 U Kaung. A Survey of the history of education in Burma before the British conquest and after. — JIBRS. Vol. 46, pt. 2. December 1963. Rangoon, 1963, с. 79, 100.
 - 19 Там же; Dr. Nyi Nyi. The Development of University Education in Burma. — JBRS, June 1964, с. 11.
 - 20 Taylor R. *The State in Burma*..., с. 107.
 - 21 U Aye Hlaing. Trends of Economic Development..., с. 92.
 - 22 Там же.
 - 23 Там же.
 - 24 Grant J.W. Rice Crop Report 1932. Rangoon, 1949, с. 48.
 - 25 Adas M. *The Burma Delta*. Madison, 1974, с. 75, 144.
 - 26 См.: Васильев В.Ф. Очерки..., с. 24; Cheng Siok-hwa. *The Rice Industry of Burma*. Kuala Lumpur — Singapore, 1968, с. 251–252.
 - 27 См.: Васильев В.Ф. Рабочий класс Бирмы. М., 1978, с. 227.
 - 28 См.: Васильев В.Ф. Очерки..., с. 25.
 - 29 Там же.
 - 30 Там же.
 - 31 U Aye Hlaing. Trends of Economic Development..., с. 110.

- 32 Там же, с. 112.
- 33 Там же, с. 97.
- 34 См.: Васильев В.Ф. Социальная структура. История Востока, т. IV, книга 2, с. 145–146; эта классификация во многом близка характеристике социальной структуры Бирмы, данной Р. Тейлором (ср.: Taylor R. The State in Burma..., с. 123–147). Обсуждение темы см. ниже.
- 35 Furnivall J.S. Colonial Policy and Practice. Cambridge, 1948, N.Y., 1956, с. 303–312.
- 36 Там же, с. 304–305.
- 37 Adas M. The Burma Delta..., с. 109.
- 38 Taylor R. The State in Burma..., с. 77–79, 134.
- 39 Aung Tun Thet. Burmese Entrepreneurship. Stuttgart, 1989, с. 90.
- 40 Adas M. The Burma Delta..., с. 110.
- 41 Aung Tun Thet. Burmese Entrepreneurship..., с. 104.
- 42 Taylor R. The State in Burma..., с. 134.
- 43 Степень соединенности буддизма и каждодневной жизни бирманца и его языка хорошо иллюстрирует тот факт, что по-бирмански «монастырь» (буддийский) и «школа» выражаются одним и тем же словом («чаун»); одним словом обозначаются также понятия «религии» и «языка» как средства общения («бата»).
- 44 Английский оригинал названия — Young Men's Buddhist Association (YMBA). Название по-бирмански — Budda Bhatha Kalyana Athin (букв. Ассоциация нежной заботы о целостности буддизма). См.: Taylor R. The State in Burma..., с. 162. Бирманское название практически не применялось.
- 45 Цит. по: Васильев В.Ф. Очерки..., с. 44.
- 46 U Maung Maung. From Sangha to Zaity: nationalist movements of Burma 1920–1940. New Delhi: Manupar, 1980, с. 2.
- 47 Там же, с. 2–4.
- 48 Цит. по: Васильев В.Ф. Очерки..., с. 45.
- 49 Maung Htin Maung. A History of Burma. N.Y., L., 1967, с. 227.
- 50 Зарегистрирована была как «Thuriya (The Sun)».
- 51 См.: Западова Е.А. Бирманская проза XX века. М., 1992.
- 52 Furnivall J.S. The Dawn of Nationalism in Burma. — JBRS, April, 1950, с. 1.
- 53 Cady J.F. A History of Modern Burma, с. 180–181.
- 54 Aung San Suu Kyi. Intellectual Life in Burma and India under Colonialism. — Aung San Suu Kyi. Freedom from Fear and other Writings. L., 1991, с. 119.
- 55 Furnivall J.S. An Introduction to the Political Economy of Burma. Rangoon, 1957, с. XIV.

Глава V

- 1 Цит. по: Maung Maung. Burma and General Ne Win. L., 1969, с. 6.
- 2 Цит. по: Cady J.F. A history of Modern Burma, с. 201.

- 3 Ba Maw. Breakthrough in Burma. Memoirs of a revolution, 1939–1946. New Haven — L., 1968, с. 8.
- 4 U Maung Maung. From Sangha to Laity, с. 25–26.
- 5 Maung Maung Pye. Burma in Crucible. Madras (1951), с. 6.
- 6 U Maung Maung. From Sangha to Laity, с. 24–25, 27.
- 7 См.: Васильев В.Ф. Рабочий класс Бирмы. Приложения 7 и 8, с. 227–228.
- 8 См.: Васильев В.Ф. Очерки..., с. 96–98.
- 9 Некоторые исследователи подчеркивают, что воздействие проповедей У Отама, его ареста, агитации других монахов в деревне были «намного более сильным» в провоцировании крестьянских беспорядков, чем собственные крестьянские экономические невзгоды (Cady J.F. A history of Modern Burma, с. 277).
- 10 Herbert P. The Hseya San rebellion (1930–1932) (Reappraised. Melbourn, 1982, с. 32).
- 11 Там же.
- 12 Там же, с. 13.
- 13 Новые данные из архивов полиции и военной разведки колониальной Бирмы, свидетельствующие о высокой степени политизации и радикализации общественного движения в Бирме в те годы, приводятся в работе Р. Тейлора (См.: Taylor R. The State in Burma, с. 202–216).
- 14 Согласно большинству источников разного рода, членами-основателями этой ячейки в 1939 г. были 6 человек: упоминавшийся Такин Аун Сан, Такин Со (массовая работа), Х.Н. Гошал (Ба Тин) (организационная и секретная работа), Такин Ба Хейн (работа со студентами), Такин Хла Пэ (Бо Ле Я) (казначей), Наг или Натх (печать). Такин Тейн Пэ (Тейн Пэ Мьин) и Такин Тан Тун, связанные тогда с распространением коммунистической идеологии в стране, не упоминаются в числе членов-основателей. После смерти Такина Со в 1989 г. из первоначальной группы КПБ в живых никого не осталось (см. недавние исследования с ценными отсылками в них: J. Ве́чка. The National Liberation Movement in Burma during the Japanese Occupation Period (1941–1945). Prague, 1983, с. 41–42, 296; Marxism and Resistance in Burma 1942–1945. Thein Pe Myint's War-time Traveler. By R.H. Taylor. Athens, Ohio University Press, 1984, с. 6, 68–69).

Глава VI

- 1 При написании этой главы автор во многом опирался на следующие исследования бирманистов разных стран: Cady J.F. A History of Modern Burma. N.Y., 1958; Dr. Maung Maung. Burma in the family of nations. Amsterdam, 1956; Он же. Burma's Constitution. The Hague, 1959; Васильев В.Ф. Очерки истории Бирмы. 1885–1947. М., 1962; Ве́чка J. The National liberation movement in Burma during the Japanese Occupation period (1941–1945). Prague, 1983; Можейко И.В. «Западный ветер — ясная погода».

ЮБА во Второй мировой войне. М., 1984; Taylor R.H. *Marxism and resistance in Burma. 1942–1945: Thein Pe Myint's Wartime Traveler*. Ohio, 1984; Он же. *The State in Burma*. L., 1987; U Maung Maung. *Burmese Nationalist Movements 1940–1948*. Edinburgh, 1989; Izumiya Tatsuro. *The Minami Organ*. Rangoon, 1981.

Кроме того, привлечены книги о жизни и деятельности Аун Сана, руководителя освободительного движения бирманцев: Аун Сан. *Бирма бросает вызов. Статьи и речи*. М., 1965; *The Political legacy of Aung San Compiled by and with an introduction by Josef Silverstein*. Ithaca, N.Y., 1972, 1983.

- 2 О развитии и последовательности событий в Бирме в первые два-три года войны подробнее см.: Васильев В. Ф. *Очерки...*, с. 219–247; Dr. Maung Maung. *Burma's Constitution*, с. 42–47; U Maung Maung. *Burmese Nationalist Movements 1940–1948*, гл. 2; Bečka J. *The National Liberation Movement...* Часть I, глава II.
- 3 Dr. Maung Maung. *Burma's constitution*, гл. II; U Maung Maung. *Burmese Nationalist Movements 1940–1948*, гл. II–IV; Bečka J. *The National Liberation Movement...* Часть II, глава III; часть III, главы V, VI.
- 4 Dr. Maung Maung. *Burma's constitution*, с. 42.
- 5 Там же; Васильев В.Ф. *Очерки...*, с. 237–242; с. 248–260; Izumiya Tatsuro. *The Minami Organ*, с. 95–104.
- 6 Здесь и ниже о военных действиях в Бирме см.: Можейко И.В. «Западный ветер...», Часть I, главы V, VI; часть II, главы I–III.
- 7 Все перипетии положения в Бирме во время японской оккупации наиболее углубленно, обоснованно и обобщенно с широким использованием бирманских и других материалов изложены в упоминавшемся исследовании чехословацкого бирманиста Яна Бечки и работе У Маун Мауна.
- 8 Фигура полковника Сузуки (он же «Минами») довольно загадочна, как, вероятно, и каждого большого разведчика. Существует версия, что Сузуки, который за годы своей связи с Бирмой как бы «сросся» с бирманской национальной идеей, был сторонником провозглашения независимости Бирмы. Он как будто предлагал лидерам АНБ провозгласить независимость Бирмы еще при вхождении в Тенассерим, но те из-за недостатка связи с Подпольем не были сразу к этому готовы (есть сведения, что японский офицер, член «Минами Кикан» и командир одной из частей АНБ, при вхождении в г. Тауэ (Теннасерим) еще в январе 1942 г. даже зачитал прокламацию о независимости Бирмы, но офицеры-бирманцы считали, что это нужно сделать в городе большего значения, например в главном городе Тенассерима — Моламьяйне). При последующих отказах японского командования выполнить обещание о провозглашении независимости Бирмы полковник Сузуки якобы даже предлагал бирманским руководителям АНБ поднять восстание против японской армии, от чего те отказались, ссылаясь на их хорошие с ним отношения. Вполне возможно, что у Сузуки были действительные разногласия с японским армейским командованием, причем даже очень острые, и что он возражал против чрезвычайно жесткой политики японской армии

- в Бирме и ее обмана АНБ. Но это не мешает предположить, что могло иметь место «разделение функций» между разведкой и армией. Призыв японского офицера разведки к АНБ восстать против японской армии, предавшей ее, можно при этом интерпретировать как желание создать громоотвод, который отводит от японской армии весь гнев АНБ в связи с этим предательством (см.: Bečka J. *The National Liberation Movement...*, с. 91–94).
- 9 Bečka J. *The National Liberation Movement...*, с. 97–98; Taylor R. *Marxism and Resistance in Burma...*, с. 108–110.
 - 10 Среди них были также Такин Кодо Хмайн и У Чи Хлайн.
 - 11 Надо сказать, что по поводу высших военных постов в НАБ в литературе возникла некоторая путаница. У Маун Маун, автор цитированной нами работы и непосредственный участник событий в «японской» Бирме, дал на этот счет следующее разъяснение. Аун Сан получил высший (генеральский) пост министра обороны, который давал ему контроль над армией. При этом вначале главнокомандующим НАБ был назначен его соратник Не Вин (в чине полковника). Но это «двоевластие» продолжалось недолго. Аун Сан не был рад этому разделению военного руководства страной и провел реорганизацию (по английскому образцу). Он назначил Не Вина начальником генерального штаба, который находился в подчинении министерства обороны. Поэтому Аун Сан оставался с 1943 г. как министром обороны, так и главнокомандующим (в вопросах дисциплины) и был заведомо главным в армии (U Maung Maung. *Burmese Nationalist Movements 1940–1948*, с. 86–87).
 - 12 Bečka J. *The National Liberation Movement...*, часть III, глава VI; U Maung Maung. *Burmese Nationalist Movements 1940–1948*, главы 5, 7; Dr. Maung Maung. *Burma's constitution*, часть I, главы II и III.
 - 13 Bečka J. *The National Liberation Movement...*, с. 169. (Со ссылками на работы Такина Тин Мья — см. библиографию. Там же, с. 372.)
 - 14 Там же, главы V и VI; Васильев В.Ф. *Очерки...*, с. 285–314.
 - 15 Васильев В.Ф. *Очерки...*, с. 301; Bečka J. *The National Liberation Movement...*, глава VIII.
 - 16 Васильев В.Ф. *Очерки...*, с. 298–299.
 - 17 Mountbatten of Burma. *Report to the Combined Chiefs of Staff by the Supreme allied Commander, South-East Asia 1943–1945*. London, 1951, с. 145.
 - 18 О двоевластии в Бирме в тот период писал А.Н. Узянов. См. его кандидатскую диссертацию «Кризис колониальной системы британского империализма после второй мировой войны». М., 1952, с. 218.
 - 19 См.: Mountbatten of Burma..., с. 202.
 - 20 I could do business with Aung San by Field — Marshall Sir William Slim. — Aung San of Burma. Compiled and edited by Maung Maung (Dr.). The Hague, 1962, с. 83–85. (Выдержка из воспоминаний Слива по его книге «Defeat into victory». L., 1956.)
 - 21 Interview with Aung San. — *The Guardian*, 4.1.1957 (См.: Васильев В.Ф. *Очерки...*, с. 311).

- 22 From Fascist Bondage to new democracy. New Burma in the New World. Rangoon, S.A, с. 40–47 (См.: Васильев В.Ф. Очерки..., с. 311).
- 23 Васильев В.Ф. Очерки..., с. 300.
- 24 Там же, с. 311.
- 25 Цит. по: Васильев В.Ф. Очерки..., с. 306, 316–317.
- 26 Burma. The Statement Policy by his Majesty's Government. May 1945. L., 1945. — См.: Dr. Maung Maung, Burma in the Family of Nations, App. VII, с. 176–184; Васильев В.Ф. Очерки..., с. 305–306.
- 27 Материалы об этом содержатся в работе Яна Бечки со ссылкой на выступление самого Такина Тан Туна и на книги уже упоминавшегося деятеля комдвижения в Бирме — Такина Тин Мья (в основном на бирманском языке и недоступные в Москве и других авторов) (См.: Веёка J. The National Liberation Movement..., с. 258–269; 358–360); Васильев В.Ф. Очерки..., с. 313; Кауфман А.С. Бирма. Идеология и политика. М., 1973, с. 157–158.
- 28 Тейн Пэ Мьин. Политический опыт революционного периода (бирм. язык). Рангун, 1956, с. 61.
- 29 См.: Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962, кол. 705–706.
- 30 Васильев В.Ф. Очерки..., с. 307.
- 31 Там же, с. 307–308.
- 32 Mauntbatten of Burma..., с. 202.
- 33 Там же, с. 202.
- 34 Там же.
- 35 Васильев В.Ф. Очерки..., с. 309–310; Collis M.S. Last and First in Burma (1941–1948). L., 1956, с. 244.

Глава VII

- 1 Цит. по: Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006, с. 34 (со ссылкой на: Churchill W. Memories The Second World War. Vol. 5. L., 1952, с. 88).
- 2 Васильев В.Ф. Очерки..., с. 393. (по материалам «Parliamentary Debates. House of Commons», 5.11.1947, с. 1836–1843, 1846–1852).
- 3 Здесь и ниже см.: Васильев В.Ф. Очерки..., с. 316–318.
- 4 См.: The Political legacy of Aung San. Ithaca, New York, 1972, с. 25–27; Ba Than. The roots of the revolution, с. 59, 61; U Maung Maung Burmese Nationalist Movements 1940–1948, глава 6, с. 142–158. Цифры включаемых в новую бирманскую армию солдат и офицеров в разных источниках несколько расходятся.
- 5 From Fascist Bondage to New Democracy. Rangoon (S. a), с. 58–59.
- 6 Presidential Address by Maj-Gen. Aung San at the second session of the Supreme Council of AFPFL, on the 16th of May 1946. [Rangoon] [S.a], с. 11–13.
- 7 Pacific Affairs. June 1949, с. 160.
- 8 Там же.
- 9 Там же, с. 63–67.

- 10 United Empire. November-December 1946, с. 262.
- 11 Collis M.S. Last and First..., с. 255.
- 12 Здесь и ниже см.: From Fascist Bondage..., с. 73–92; Васильев В.Ф. Очерки..., с. 322–325.
- 13 Васильев В.Ф. Очерки..., с. 325–326.

Глава VIII

- 1 U Maung Maung. Burmese Nationalist Movements 1940–1948..., с. 203.
- 2 Там же.
- 3 См.: The Political legacy of Aung San..., с. 58; Аун Сан. Бирма бросает вызов..., с. 126; Васильев В.Ф. Очерки..., с. 327.
- 4 U Maung Maung. Burmese Nationalist Movements 1940–1948..., с. 203; Political legacy of Aung San..., с. 65; Васильев В.Ф. Очерки..., с. 327.
- 5 The Political legacy of Aung San..., с. 65; Аун Сан. Бирма бросает вызов..., с. 141.
- 6 The Political legacy of Aung San..., с. 82–93; Аун Сан. Бирма бросает вызов..., с. 174, 228.
- 7 U Maung Maung. Burmese Nationalist Movements 1940–1948..., с. 203–204; Васильев В.Ф. Очерки..., с. 327–328.
- 8 Economic Survey of Burma. 1954, Rangoon, 1954, с. 3.
- 9 Цит. по: Васильев В.Ф. Очерки..., с. 329–330.
- 10 Economic Survey of Burma. 1954, с. 30.
- 11 Васильев В.Ф. Очерки..., с. 353.
- 12 The Political legacy of Aung San..., с. 71–73.
- 13 Васильев В.Ф. Очерки..., с. 351–352.
- 14 Collis M.S.. Last and First..., с. 267, 272–278.
- 15 U Maung Maung. Burmese Nationalist Movements 1940–1948..., с. 200–201.
- 16 Там же, с. 202.
- 17 The Political legacy of Aung San..., с. 65; Аун Сан. Бирма бросает вызов..., с. 143.
- 18 The Political legacy of Aung San..., с. 83; Аун Сан. Бирма бросает вызов..., с. 176.
- 19 The Political legacy of Aung San..., с. 83; Аун Сан. Бирма бросает вызов..., с. 177.
- 20 The Political legacy of Aung San..., с. 99–100; Васильев В.Ф. Очерки..., с. 375–376.
- 21 Васильев В.Ф. Очерки..., с. 329.
- 22 Там же; Васильев В.Ф. Рабочий класс Бирмы..., с. 120.
- 23 The Political legacy of Aung San..., с. 83–84; Васильев В.Ф. Очерки..., с. 354–355.
- 24 Cady J.F. A History..., с. 535.
- 25 Васильев В.Ф. Очерки..., с. 355.
- 26 Тейн Пэ Мьин. Политический опыт..., с. 109–148; Васильев В.Ф. Очерки..., с. 354.

- 27 Foucar E.Ch.V. I lived in Burma. L., 1956, с. 192–193.
- 28 См.: Новейшая история Индии. М., 1959, с. 445–448.
- 29 Collis M.S. Last and First..., с. 281.
- 30 Здесь и ниже см. текст и источники: Васильев В.Ф. Очерки..., с. 356–357.
- 31 В острой сентябрьской ситуации на У Со было совершено покушение. Он был ранен (в глаз). Организацию покушения У Со приписал своим врагам в АЛНС и, должно быть, еще более возненавидел Аун Сана и других деятелей Лиги (см.: Cady J.F. A History..., с. 538 со ссылками на сообщения ряда лондонских газет в сентябре 1946 г.); см. также: Foucar E.Ch.V. I lived in Burma, с. 198.
- 32 Dr. Maung Maung. Burma's constitution..., с. 78.
- 33 Васильев В.Ф. Очерки..., с. 358.
- 34 См.: Trager F. From Kingdom to Republic, с. 77.
- 35 U Maung Maung. Burmese Nationalist Movements 1940–1948..., с. 243–244.
- 36 См.: Who is right. The AFPEL or the Communists. Explanation of the AFPEL HQ. The Students printing works. Rangoon. S.a. (машинописная рукопись перевода на английский), с. 23–30, 30–39.
- 37 Васильев В.Ф. Очерки..., с. 359.
- 38 Там же.

Глава IX

- 1 U Maung Maung. Burmese Nationalist Movements 1940–1948..., с. 246.
- 2 Васильев В.Ф. Очерки..., с. 362–363; U Maung Maung. Burmese Nationalist Movements 1940–1948..., с. 245–246.
- 3 U Maung Maung. Burmese Nationalist Movements 1940–1948..., с. 251.
- 4 Там же.
- 5 Parliamentary Debates. House of Commons. L., 20.XII.1946, с. 2344 (далее PDHC).
- 6 Там же, с. 2341–2343.
- 7 Keesing's Contemporary archives. Bristol, 22.II — 1.III.1947, с. 8440–8450.
- 8 Far Eastern Survey. 18.VI.1947, с. 137.
- 9 Текст соглашения см. в издании: Burma's Fight for Freedom. Independence commemoration. Rangoon, [1948], с. 44–47.
- 10 Keesing's..., 20.II — 1.III.1947, с. 8450.
- 11 Dr. Maung Maung. Burma's Constitution, с. 80.
- 12 Communist Review, November 1947, с. 735.
- 13 Maung Maung. Burma's Constitution. App. III. The Panglong agreement, с. 229–230; Keesing's..., 22.II–1.III.1947, с. 8450.
- 14 Frontier Areas Committee of Enquiry 1947. Part I. Rangoon, 1947, с. 16–17 (далее FACE).
- 15 Здесь и ниже см.: FACE. Part I, с. 18, 22, 25, 26, 163,
- 16 PDHC. 2.V.1947, с. 2334.

- 17 Здесь и ниже см.: Cady J.F. A History..., с. 551–553. Dr. Maung Maung. Burma's Constitution, с. 83–84; Васильев В.Ф. Очерки..., с. 371–372; U Maung Maung. Burmese Nationalist Movements 1940–1948..., с. 285–288.
- 18 PDHC. 5.XI.1947, с. 1947.
- 19 International Affairs. L., Oct. 1947, с. 317.
- 20 Maung Maung Pye. Burma in Crucible. Rangoon-Madras [1951], с. 112.
- 21 Presidential address by Maj-Jen. Aung San at the Second Session of Supreme Council of AFPEL held on the 16th of May 1946. [Rangoon, 1946], с. 3–10. См. также: The Political legacy of Aung San..., Address at the Convention on 23rd of May, 1947, с. 92–100. Аун Сан. Бирма бросает вызов..., с. 227–241.
- 22 AFPEL Convention, 1947, с. 13.
- 23 Burma's Fight for Freedom, с. 49–58.
- 24 Там же, с. 63.
- 25 The Times, 17.6.1947.
- 26 The Constitution of the Union of Burma. Rangoon, 1947/reprint 1957; статья 1.
- 27 См.: Советская историческая энциклопедия. Т. 3. М., 1963, к. 402; Dictionary of British History. Oxford, 2004, с. 165–166.
- 28 United Empire, July–August 1948, с. 171.
- 29 AFPEL Convention, 1947, с. 3; The Political Legacy of Aung San..., с. 93.
- 30 U Maung Maung. Burmese Nationalist Movements 1940–1948..., с. 302–315.
- 31 The Times, 20.6.1947.
- 32 Там же.
- 33 См.: Foucar E.C.V. I lived in Burma, с. 201–202. Автор рассказал, что после совершения убийств У Со устроил своим головорезам торжественную встречу в своем доме на озере и сам выпил «за победу» из ствола автомата, из которого стреляли в Секретариате.
- 34 Здесь нужно выделить следующих авторов и их работы: Dr. Maung Maung. Burma in the Family of Nations (глава IX); Он же. Burma's Constitution, с. 77–89; Он же. A Trial in Burma. The Assassination of Aung San. The Hague, 1962; Васильев В.Ф. Очерки..., с. 378–383; Можейко И. Аун Сан. М., 1965; U Maung Maung. Burmese Nationalist Movements 1940–1948..., с. 315–329.
- 35 Здесь и ниже см.: Васильев В.Ф. Очерки..., с. 380–383.
- 36 PDHC, 2.11.1945, с. 804–805.
- 37 Foucar E.C.V. I lived in Burma, с. 196–197.
- 38 People's Age, Sept. 1947, с. 14.
- 39 U Maung Maung. Burmese Nationalist Movements 1940–1948..., с. 321.
- 40 Там же, с. 322.
- 41 PDHC, 2.7.1947, с. 867.
- 42 Communist Review, 1947, с. 737.
- 43 Keesing's..., 2.VII–2.8.1947, с. 8736.
- 44 PDHC, 21.7, с. 866–867.

- 45 Там же, 24.7.1947, с. 1606–1606.
- 46 Там же.
- 47 *Communist Review*, November 1947, с. 735–738.
- 48 Thakin Nu. *Towards Peace and Democracy*. Rangoon, 1949, с. 20–21.
- 49 Тейн Пэ Мьин. Доклание кала найнганье атуэ ачопелья (Политический опыт революционного периода) (бирм. яз.). Рангун, 1956, с. 435.
- 50 Там же.
- 51 Thakin Nu. *Towards Peace and Democracy...*, с. 21.
- 52 *The Times*, 4.9.1947.
- 53 Там же.
- 54 *The Times*, 25.9.1947.
- 55 *The Constitution of the Union of Burma*. Rangoon, 1948 (reprint 1957).
- 56 *The Treaty between the Government of the United Kingdom and the Provisional government of Burma regarding the Recognition of Burmese Independence and Related Matters*. L., 17th October, 1947. Текст договора помещен также в книге: Dr. Maung Maung. *Burma in the Family of Nations*, A.bb. IX, с. 190–200.
- 57 Проф. Дж. Ферниволл в одной из своих статей писал: «Лейбористское правительство в Англии должно было сделать выбор между тем, чтобы столкнуться с общенациональным восстанием или дать Бирме независимость. Первая альтернатива не имела перспективы успеха и несомненно дала бы новый стимул для коммунизма. Лейбористское правительство избрало меньший риск и предоставило Бирме независимость» (См.: Talbot Ph. (Ed.). *South Asia in the World Today*. Chicago, 1949, с. 17).
- 58 «The Defence agreement on 29th August», 1947, Rangoon (См.: Dr Maung Maung. *Burma in the Family...*, с. 196–200). Exchange of notes, с. 194.
- 59 Dr. Maung Maung. *Burma in the Family...*, с. 194.
- 60 Thakin Nu. *Towards Peace and Democracy...*, с. 21.
- 61 Васильев В.Ф. Очерки..., с. 394.
- 62 По подсчетам Л. Валинского, сравнительные выплаты бирманского долга Индии и Англии в 1953–1954 гг. составляли 150 млн. рупий при общем дефиците платежного баланса в 440 млн. (См.: Walinsky L. *Economic Development in Burma 1951–1960*. N.-Y., 1962, с. 167).
- 63 PDHC, 5.11.1947, с. 1836–1843.
- 64 Там же.
- 65 Там же, с. 1958.
- 66 Dr. Maung Maung. *Burma in the Family...*, Appendix XI, с. 209.
- 67 Так сообщалось в левой английской газете «*World News and Views*», 3.4.1948, с. 133–135. Любопытно отметить, что критика договора шла как от английских консерваторов, так и от бирманских коммунистов: крайности нередко сходятся.

- 1 Документы, оформлявшие переход Бирмы к независимости см. в приложении к книге: Dr. Maung Maung. *Burma in the Family of Nations*. Amsterdam, 1956.
- 2 См.: Maung Maung Pye. *Burma in the crucible*. Rangoon, 1952. App. III.
- 3 Там же. App. IV.
- 4 Цит. по: *Is Trust Vindicated?*. Rangoon, 1960, с. 539–540.
- 5 Цит. по: Dr. Maung Maung. *Burma in the Family...*, с. 112.
- 6 ТАСС. 25.10.1947 (18-д), а также: Butwell R. *U Nu of Burma*. Stanford, 1963, с. 92.
- 7 См. здесь также: Dr. Maung Maung. *Burma in the Family...*, с. 126. Данные о расчетах по долгам см.: Васильев В.Ф. *Очерки...*, с. 392.
- 8 *World news & views*. 3.4.1948, с. 133 (цит. по: Васильев В.Ф. *Очерки...*, с. 395).
- 9 США даже установили своеобразный рекорд в дипломатическом признании новой Бирмы: они это сделали еще 18 сентября 1947 г., примерно за 4 месяца до официального провозглашения ею независимости, путем поднятия американского генерального консульства в Рангуне до статуса посольства (Dr. Maung Maung. *Burma in the Family...*, с. 124). Это произошло примерно за полгода до установления дипотношений СССР с Бирмой и почти за 4 года до создания советского посольства в Рангуне.
- 10 Aung-Thwin M. 1948 and Burma's myth of independence. — In: J. Silverstein (ed). *Independent Burma at forty years: Six assessments*. N.Y., с. 19–23.
- 11 Taylor R.H. *The State in Burma*. L., 1987. Наиболее выпукло эта периодизация выступает уже в оглавлении (с. IX–X). Подчеркнем, что эта книга вышла в 1987 г., за год до падения этой диктатуры.
- 12 Dr. Maung Maung. *Burma in the Family...*, с. 114.
- 13 Там же. *The Constitution of the Union of Burma*. Rangoon, 1947 (reprint).
- 14 Там же, гл. I, IX, X; Васильев В.Ф. *Очерки...*, с. 125–126.
- 15 Dr. Maung Maung. *Burma's constitution*, с. 101–103.
- 16 См., например: Silverstein J. *Burmese Politics. The dilemma of national unity*. New Jersey, 1980, с. 185–186.
- 17 Callahan M.P. On time warps and warped time. Lessons from Burma's «democratic era». — In: *Burma. Prospects for a democratic future*. Wash., 1998, с. 51.
- 18 Там же, с. 52.
- 19 Thakin Nu. *Towards peace and democracy*. Rangoon, 1949, с. 31.
- 20 Эти данные взяты отчасти из таких официальных публикаций правительства Бирмы, как «*Economic Survey of Burma*» и «*National Income of Burma*» за ряд лет (не все годы оказались доступны автору), а отчасти из обобщающей статистики на той же, но более полной базе видного американского экономиста: Walinsky L. *Economic development in Burma. 1951–1960. Appendix VIII. Selected economic indicators in Burma 1938/39 to 1959/60*, с. 660–661.

- 21 Рупия или позже джа по официальному курсу составляли в 40-е и 50-е гг. 21 амер. цент или 1 англ. шиллинг и 6 пенсов (1 шиллинг = 1/2 фунта, 1 пенн = 1/100).
- 22 *Economic Survey of Burma* 1954, Rangoon, 1954, с. 19.
- 23 Там же, с. 30.
- 24 Там же, с. 40; *Economic Survey of Burma*. Rangoon, 1959, с. 72.
- 25 *The Growth of World Industry, 1938–1961*. National Tables. N.Y., 1967, с. 93. Расчеты ООН в данном случае проведены на основе цен 1948 г.
- 26 Pyidawtha — *The New Burma*. London, 1954, с. 18–20.
- 27 Там же, с. 7.
- 28 Здесь и ниже см.: Лазарев Н.И. Аграрное законодательство и земельная реформа в независимой Бирме. — «Бирманский Союз». Сб. статей. М., 1958, с. 165–212.
- 29 Там же, с. 198.
- 30 Малов А.Ф. Социалистическая партия Бирмы. — Спецбюллетень Института народов Азии АН СССР. № 60, ч. 1. М., 1966, с. 39.
- 31 Furnivall J.S. *The Governance of modern Burma*. New York, 1960, с. 114–115.
- 32 Подробнее о фигуре Такина Ну (с 1951 г. — У Ну) см. в отличной его биографии, написанной Ричардом Батвеллом: Butwell R. *U Nu of Burma*. Российское исследование на тему У Ну см.: Дарченков Д.В. У Ну и государственное развитие Бирмы. М., 1997.
- 33 *Two-year plan for economic development for Burma*. Rangoon, 1948, с. 2.
- 34 *Is Trust Vindicated?*, с. 539–542.
- 35 Напр.: U. Ba Swe. *Guide to Socialism in Burma*. Rangoon, 1956; Он же. *On party organization*. Rangoon, N.d.
- 36 U Ba Swe. *Guide to Socialism in Burma*, с. 22.
- 37 О соцпартии подробнее см. статью: Малов А.Ф. Социалистическая партия Бирмы, с. 29–42.
- 38 См.: Trager F. *Burma. From Kingdom to Republic: a historical and political analysis*. L., 1966, с. 100, 379, note 8.
- 39 Там же, с. 100.
- 40 *Burma and the Insurrection*, с. 8.
- 41 Там же.
- 42 Sukins D.M. *The disorder in order: The Army — State in Burma*. (Книга пока нам недоступна и ее название цитируется из пояснения к публикации ее автора в: IIAS Newsletter, Leiden, № 30, 2003, с. 21.)
- 43 Dr. Maung Maung. *Burma in the Family...*, с. 90.
- 44 Furnivall J.S. *Colonial policy...*, с. 184.
- 45 Здесь и ниже см.: U Ba Than. *The Roots of the Revolution*. Rangoon, 1962, с. 25–33.
- 46 Там же, с. 58.
- 47 Там же, с. 59–61; *Burma and the Insurrection*, с. 7.
- 48 *The political legacy of Aung San*, с. 23–24; U Ba Than. *The Roots of the Revolution*, с. 59–61.

- 49 Burma and the Insurrection, с. 9; Tinker H. The Union of Burma: a study of the first years of independence. L., 1967, с. 321.
- 50 A Concise history of Myanmar and the Tatmadaw Role (1948–1988) by A Tatmadaw Researcher... by Bo Thanmani. Пер. с бирманского, помещенный в англоязычной бирманской газете. «The Working Peoples Daily» (далее — WPD) в период с 29.07 по 31.12.1990.
- 51 Tinker H. The Union of Burma, с. 326.
- 52 Сравнительные данные различных военных справочников см.: A Selth. The armed forces and military rule in Burma. — In: Burma. Prospect for democratic change. Wash., 1998, с. 88.
- 53 Dr. Maung Maung. Burma and general Ne Win. Rangoon; L.; New York, 1969, с. 209.
- 54 Там же, с. 214.
- 55 Подробнее см.: Taylor R.H. Foreign and domestic consequences of the KMT intervention in Burma. Cornell University, 1973.
- 56 Lintner B. The Rise and Fall of the Communist Party of Burma. (CPB). Ithaca, New York, 1990.
- 57 Burma and the Insurrection, с. 5.
- 58 Thakin Nu. From Peace to stability. Rangoon, 1951, с. 202.
- 59 Burma and the Insurrection, с. 3.
- 60 Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. М., 1948, с. 10, 47.
- 61 Lintner B. Burma in revolt..., с. 23; Tinker H. The Union of Burma, с. 34.
- 62 Trager F. Burma. From Kingdom to Republik..., с. 98.
- 63 Тейн Пэ Мьин. Политический опыт революционного периода, с. 348, 427–428.
- 64 Premier Reports to the People..., 1957, с. 49; Burma and the Insurrection. Append. 1, с. 41.
- 65 Thakin Nu. From Peace to Stability, с. 202.
- 66 Tinker H. The Union of Burma, с. 40, п. 3.
- 67 U Ba Than. The Roots of the Revolution, с. 67.
- 68 Area Handbook in Burma. 1968. Wash., с. 191; Lintner B. Burma in revolt..., с. 81, 344–345; U Nu. Saturday's Son. New Haven; L., 1975, с. 227.
- 69 Tinker H. The Union of Burma..., с. 58.
- 70 Lintner B. Burma in revolt..., с. 347.
- 71 Lintner B. The Rise and Fall..., с. 17.
- 72 Lintner B. Burma in revolt..., с. 350.
- 73 См.: Premier reports to the people..., 1957, с. 51; Economic survey of Burma, 1957, с. 1.
- 74 См.: Lintner B. Burma in revolt..., с. 22–129; Taylor R. Foreign and domestic consequences of the KMT intervention in Burma. Cornell. N.Y, 1973.
- 75 Silverstein J. Burma. Military Rule..., с. 68; Lintner B. Burma in revolt..., с. 347; Trager F. Burma. From Kingdome to Republic..., с. 173.
- 76 Tinker H. The Union of Burma..., с. 78.
- 77 Butwell R. U Nu of Burma, с. 139.

- 78 Здесь и ниже см.: Silverstein J. Burma. Military Rule..., с. 70–71; Tinker H. The Union of Burma..., с. 89–90.
- 79 Tinker H. The Union of Burma..., с. 58.
- 80 Butwell, U Nu of Burma, с. 201–202.
- 81 Smith M. Burma: insurgency and the politics of ethnicity. L., 1991, с. 175–176.
- 82 Там же, с. 168.
- 83 Здесь и ниже см.: Is Trust Vindicated? App. 2, 3, 4.
- 84 Здесь и ниже см.: U Nu. Saturday's Son, с. 325–327, 342.
- 85 Is Trust Vindicated?, с. 543–549.
- 86 Walinsky L. Economic development in Burma, с. 253.
- 87 Там же, с. 253–254.
- 88 Здесь и ниже см. Butwell R. U Nu of Burma, с. 209–214.
- 89 Walinsky L. Economic development in Burma, с. 600–661.
- 90 Здесь и ниже см.: Is trust vindicated?, с. 19, 31, 34, 37.
- 91 Здесь и ниже см.: Dr. Maung Maung. Burma and General Ne Win, с. 278–279; Silverstein J. Burma. Military Rule..., с. 65–69, 70–71; Trager P. Burma. From Kingdom to Republic, с. 186–188. Данные в основном на 1 апреля 1960 г., когда начал работу новый парламент.
- 92 Там же; Butwell R. U Nu of Burma, с. 222.
- 93 Trager R. From Kingdom to Republic, с. 186–187.
- 94 Там же, с. 186.
- 95 Там же, с. 185–186 (со ссылками на бирманские газеты).
- 96 Здесь и ниже см.: Dr. Maung Maung. Burma and General Ne Win, с. 283–286; Walinsky L. Economic development in Burma, с. 570–571.
- 97 См.: Statistics on the Burmese economy, с. 217. (Сноски в рукописи № 95.)
- 98 Цит. по: Butwell R. U Nu of Burma, с. 240.
- 99 Подсчитано по: Lintner B. Burma in revolt.
- 100 Здесь и ниже см.: Dr. Maung Maung. Burma and General Ne Win, с. 286; Butwell R. U Nu of Burma, с. 232–233; Trager R. Burma. From Kingdom to Republic, с. 196–197; Smith M. Burma. Insurgency..., с. 186–187.

Глава XI

- 1 См.: Lintner B. Burma in Revolt; Burma Weekly Bulletin (BWB), 8.3.1962, с. 387; Не Вин. Бирма на новом пути. М., 1965, с. 17.
- 2 Burma Weekly Bulletin (BWB); Не Вин. Бирма на новом пути, с. 17.
- 3 BWB, 8.3.1962, с. 386.
- 4 Там же, 15.3.1962, с. 396.
- 5 BWB, 8.3.1962, с. 388.
- 6 Maung Maung. Burma and general Ne Win, с. 295; BWB, 8.3.1962, с. 385.
- 7 The Burmese way to socialism. — BWB, 3.5.1962, с. 1,2,8; Не Вин. Бирма на новом пути, с. 142–149.
- 8 BWB, 17.5.1962, с. 17.
- 9 Не Вин. Бирма на новом пути, с. 186–197.

- 10 Там же, с. 224.
- 11 Там же, с. 198–223.
- 12 The system of correlation of man and his environment. January 1963. Rangoon, 1964, с. 35.
- 13 The Guardian, 8.3.1962. Цит по: Butwell R. U Nu of Burma, с. 240–241.
- 14 Не Вин. Бирма на новом пути, с. 42–43.
- 15 Там же, с. 147.
- 16 См.: Васильев В.Ф. Рабочий класс..., с. 146.
- 17 BWB, 15.3.1962, с. 398.
- 18 Васильев В.Ф. Рабочий класс..., с. 142.
- 19 См.: раздел автора во «Всемирной истории», т. XIII. М., 1983, с. 377.
- 20 Васильев В.Ф. Рабочий класс..., с. 144.
- 21 Statistics on the Burmese Economy... Table II — 8, с. 81.
- 22 Там же. Table I — 7, с. 7.
- 23 Там же. Table II — 8, с. 80–82.
- 24 Там же.
- 25 Там же. Table IX — 9, с. 230.
- 26 См.: Area Handbook for Burma. Washington, 1968, с. 9; Myanmar. Statistical Abstract 1994. Rangoon, 1995, с. 21.
- 27 Statistics on the Burmese Economy... Table X — 5, с. 238.
- 28 Бирма. Справочник. М., 1982, с. 326.
- 29 Myanmar. Statistical Abstract 1994. Table 51, с. 125 (суммирование данных).
- 30 Working People's Daily, 31.12.1984.
- 31 Термин «конституционная диктатура» был впервые введен американским бирманистом Дж. Силверстайном.
- 32 Цит. по: Lintner B. Burma in Revolt, с. 174.
- 33 Там же.
- 34 Васильев В.Ф. Бирма: институционализация власти и проблема национального единства. — Юго-Восточная Азия: современное политическое развитие. М., 1984, с. 94.
- 35 Там же.
- 36 Там же, с. 97.
- 37 Там же, с. 100.
- 38 Lintner B. Burma in Revolt, с. 268.
- 39 Smith M. Burma. Insurgency..., с. 319.
- 40 Ibid, с. 320; FEER, 22.5.1986, с. 26.
- 41 WPD, 27.3.1987.
- 42 ТАСС, Рангун, 11.8.1987.
- 43 Здесь и ниже см.: ТАСС, 23.8. 19.10.1987.
- 44 ТАСС, Рангун, 11.9.1987.
- 45 Здесь и ниже см.: ТАСС, 17.9.87; Васильев В., Симония А., Агаджанян А. Бирма в преддверии перемен. — Восток и современность, № 2, М., 1988, с. 12–13; Steinberg D. Burma. The State of Myanmar. Washington, 2001, с. 4–5.

- 46 Vasiliev V. Crisis and consequences. — Asia and Africa today, 1989, № 6, с. 23.
- 47 Там же, с. 26–27.
- 48 Там же, гл. 2, 12.
- 49 Maung Maung. The 1988 uprising in Burma. New Haven, 1999, с. 83.
- 50 О личности, жизни, взглядах, философии и политических выступлениях Аун Сан Су Чжи см. ее книгу: Aung San Sun Kyi. Freedom from Fear and other writings. Foreword by Vaclav Havel. Edited with an introduction by Michael Aris. Penguin book. England, London, etc., 1991; см. также ее книгу: Aung San Sun Kyi. Aung San of Burma. A biographical portrait by his daughter. Kiscadali. Edinburg, 1984, 1991.
- 51 Пресс-конференция американского конгрессмена Соларза в Бангкоке 4.9.88 после краткого посещения Бирмы.
- 52 New York Times, 11 сентября 1988.
- 53 Maung Maung. The 1988 uprising..., глава 9.
- 54 При написании этой, а также последующей XII главы автор широко пользовался составленными им хронологическими выписками, которые охватывают период с 1962 г. по начало XXI в. Эти выписки содержат хронологический перечень фактов, событий, мнений, оценок и соответствующих комментариев за более чем сорокалетний период наблюдения и изучения современной бирманской истории. Выписки включают разнообразные источники, начиная с иностранной и отечественной прессы, сообщений телеграфных агентств, радио, журналов и вообще доступных тогда исследователю-историку конъюнктурных и неконъюнктурных политических, статистических и других изданий. Следует учитывать, что с конца 1980-х гг. поступления в Россию книжно-газетной продукции из-за границы резко сократились вследствие финансовых трудностей страны, и источниковая база исследователей крайне сузилась. Поэтому сбор и хронологическая систематизация даже ограниченных объективными условиями сведений помогали автору лучше понять и оценить ход развития Бирмы/Мьянмы в указанный период. Хронологические выписки «запечатлены» рукописно в 33 школьных тетрадях (в клеточку) и одной толстой тетради. Вместе они содержат массу материалов по современному периоду Бирмы/Мьянмы и расположенные по годам уже поэтому отображают «течение истории» страны.

Глава XII

- 1 Basic facts on the Union of Burma. Yangon, January, 1994, с. 8.
- 2 Мьянма Алин. Янгон, 9,10.5.1997 (подбор и перевод Г.Ф. Мининой).
- 3 EIU. Country Profile 2001. Myanmar (Burma), с. 20.
- 4 Smith M. Burma, Insurgency..., с. 369.
- 5 Basic facts on the Union of Burma, с. 13–14.
- 6 WPD, 1,2.12.1988.
- 7 Statistical Yearbook for Asia and the Pacific. 1993, с. 276; EIU. Thailand, Burma. Country report, 4th quarter 1994, с. 4; то же, 1st quarter 1997, с. 5.

- 8 Myanmar. Facts and Figures. Yangon, 2000, с. 7.
- 9 EIU. Country Profile 2001. Myanmar, с. 48.
- 10 Guyot J. Myanmar several endings, no clear beginnings. — Southeast Asian Affairs, 1996. Singapore, 1996, с. 277; Economist, 26.7.1997, с. 50–51.
- 11 EIU. Country report, Myanmar, 4th quarter 1996; 1st quarter 1997.
- 12 Хроника посольства РФ в Бирме. 27.2.97.
- 13 См.: EIU. Country Profile. Myanmar, с. 40; а также: Симония А.А. Судьбы экономических реформ в Мьянме/Бирме. — ЮВА в 2001 г. М., 2002, с. 230–231.
- 14 International Institute for Strategic Studies. — EIU. Country Profile 1996, 1997. Myanmar (Burma), с. 8; Lintner B. Burma in Revolt; FEER, 9.1.1997, с. 24.
- 15 Здесь и ниже официальные данные — WPD, 2.7.1990.
- 16 Myanmar. Facts and Figures, с. 34–35.
- 17 Там же.
- 18 См. примечание 54 к XI главе.

Глава XIII

- 1 Здесь и ниже см.: Васильев В.Ф. Внешняя политика Бирмы. М., 1963; Johnstone W.C. Burma's foreign policy: a study in neutralism. Cambridge, Mass., Harvard, 1963; Trager F.N. A Historical and political analysis. NY., Washington, London, 1966, гл. 10–16; Листопадов Н.А. Особенности внешней политики Мьянмы. М., 1998.
- 2 См.: Булганин Н.А., Хрущев Н.С. Речи во время пребывания в Индии, Бирме и Афганистане. Ноябрь–декабрь 1955 года. М., 1955.
- 3 По обобщенным расчетам автора, сделанным в конце 90-х гг. с привлечением данных тогдашнего еженедельника «Asia week», «Statistical yearbook 1993» и некоторых «Country reports» по странам издания журнала «Economist».

Заключение

- 1 См.: Васильев В.Ф. Современная ситуация в Мьянме/Бирме. — Юго-Восточная Азия в 1998 г. Актуальные проблемы развития. М., 1999, с. 40–46. Симония А.А. Судьба экономических реформ в Мьянме (Бирме). — Юго-Восточная Азия в 2001 г. Актуальные проблемы развития. М., 2002, с. 228–238; Она же. Мьянма (Бирма) в тисках политического и экономического кризиса. — Юго-Восточная Азия в 2002 г. Актуальные проблемы развития. М., 2002, с. 199–209.

Вместо эпилога

- 1 Speech by H.E. General Khin Nyunt, Prime Minister of the Union of Myanmar on the Development and Progressive Changes in Myanmar Naing-ngan. Rangoon, 2003.

- 2 О событиях в Бирме в 2000–2005 гг. см.: Васильев В.Ф. На смерть генерала Не Вина. — ЮВА в 2002 г. Актуальные проблемы развития. М., 2003, с. 122–133; Он же. «Дорожная карта к демократии» в Мьянме/Бирме. — ЮВА в 2003 г. Актуальные проблемы развития. М., 2004, с. 106–116. Симония А.А. Об экономических реформах в Мьянме (Бирме). — Юго-Восточная Азия в 2001 г. Актуальные проблемы развития. М., 2002, с. 228–238; Она же. Мьянма (Бирма) в тисках политического и экономического кризиса. — ЮВА в 2002 г. Актуальные проблемы развития. М., 2003, с. 199–2009.
- 3 См. подробнее рассказ о «шафранной революции» в статье А. Симония «Жаркий сентябрь 2007 г.». — Азия и Африка сегодня, 2008, № 1.
- 4 Здесь и ниже см. <http://www.IRRRAWADDY.org>, 22.04.08.
- 5 См.: Васильев В.Ф. «Дорожная карта к демократии» в Бирме/Мьянме. — Юго-Восточная Азия в 2003 г. Актуальные проблемы развития. М., 2004, с. 114–115.
- 6 РИА «Новости», 30.03.2006.
- 7 Здесь и ниже цитируется в основном сообщение «Дипкурьера» № 7, 2006, ИТАР-ТАСС, с. 35–36; Сообщение московской газеты «Коммерсантъ» под заглавием «Сделка. Ракеты “воздух — недра”. Россия меняет оружие на полезные ископаемые».
- 8 Симония А.А. Перспективы развития военно-технического сотрудничества России со странами Юго-Восточной Азии. — Юго-Восточная Азия в 2005 г. Актуальные проблемы развития. М., 2006, с. 260–261.
- 9 РИА «Новости», 30.03.2007.
- 10 Коммерсантъ, 16.05.2007.
- 11 Здесь и ниже см.: Васильев В.Ф. Обострение отношений внутри и вне АСЕАН по бирманскому вопросу 2004–2005 гг. и новые траектории международных связей Мьянмы. — Юго-Восточная Азия в 2005 г. Актуальные проблемы развития. М., 2006, с. 116–118.
- 12 См.: Денисович Ю. Мьянма: что кроется за строительством новой столицы. — «Компас», М., 2006, № 21, с. 65–66; Буко А. и Л. Параноя и наркобизнес. Репрессии в Бирме — см. перевод статьи этих авторов, опубликованный в «Новой газете», № 91, 2006 из «Le Monde Diplomatique», Paris, Novembre 2006, с. 10–11; Симония А. Нейпидо — новая столица Мьянмы — «Азия и Африка сегодня», № 10. М., 2007; Васильев В.Ф. Почему переехала столица Мьянмы/Бирмы? — Юго-Восточная Азия в 2006 г. Актуальные проблемы развития. М., 2007, с. 107–118.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Ава (Инва) 33, 38, 380, 381
Австралия 337
Азия 9, 23, 24, 26, 35, 42, 66, 70, 81, 85, 123, 127, 130, 149, 167, 353, 354, 357, 360, 363, 373, 374, 392, 399
Азия Южная 9, 363
Аланмьо 139
Англия (Великобритания, Британия) 4, 5, 10, 13, 16, 17–19, 34–39, 41–45, 47, 51, 52, 56, 60, 66, 83, 88–90, 92, 95, 96, 99, 115, 117–119, 121–123, 128, 129, 131, 133, 135, 138, 141, 143–147, 148, 151, 153–159, 163, 166, 167–170, 172–175, 177, 178, 185–189, 193, 197–203, 206, 207, 209, 210, 212–217, 223, 225, 226, 229, 247, 260, 264, 328, 337, 391
Аракан 7, 33–35, 38, 39, 41, 47, 133, 243, 261, 264
Араканская нац. область (см. Ракхайн) 7, 11, 12, 229, 286
АСЕАН 340, 354, 356–360, 365, 366, 368, 374, 399
Ассам 34, 38, 39
Африка 23, 123, 204, 353, 363, 399
Аютия 32
Бамо 43
Бангкок 20, 120, 121, 252, 397
Бангладеш 9, 261, 378
Бандунг 353
Бассейн 19, 41, 56, 69, 78, 83, 139
Бенгалия 9, 34, 35, 38, 39
Берлин 258
Бирма/Мьянма (переименование) 358, 365, 377
Бирма Верхняя 30, 31, 45, 47, 48, 50–52, 54–58, 60, 61, 63, 65–70, 72, 73, 83, 90, 103, 106, 313
Бирма Нижняя 31, 38, 42, 44, 47, 48, 50, 52, 56, 57, 59, 60, 63, 65–70, 72, 73, 75, 78, 79, 90, 103, 106, 113, 123, 176, 260, 263
Бирма Центральная 30, 40, 48, 70, 79, 100, 102, 113, 124, 262, 263, 271, 347
Бирма Южная 7, 34, 123, 264
Бирманский Союз 100, 161, 194, 196, 197, 211–214, 219, 220, 228–230, 233, 237, 241, 247, 260, 270, 292, 301, 308, 336, 341, 370, 392
Британская Бирма 41, 44, 52, 54, 377
Британская Индия 38, 41, 44, 46, 47, 50, 59, 60, 92, 95, 201
Британская империя, Содружество наций 37, 66, 94, 122, 133, 145, 157, 168, 169, 191, 196–201, 221, 225, 258, 386
«Великая Восточно азиатская сфера процветания» 134
Венгрия 148
Восток 2, 4, 16, 22, 24, 25, 32, 36, 49, 67, 106, 140, 235, 246, 264, 299, 354, 378–380, 382, 396

- Восточный Тимор 324
 Вьентьян 34
 Вьетнам 120, 149, 221, 229, 297,
 344, 358
- ГДР 148
 Германия 18, 42, 93, 122, 138
 Глазго 67
 Голландия 214
- Дагон 34
 Дальний Восток 118
 Дагон 34
- Европа Западная 8, 10, 24
 Европа Центральная и Восточная
 148, 257, 324
 Египет 122
- Запад 14, 19, 24, 27, 32, 35, 39, 41,
 48, 49, 67, 75, 82, 93, 106, 118,
 121, 138, 220, 221, 227, 246,
 261, 263, 265, 299, 302, 303,
 339, 342, 345, 353–355, 359,
 360, 367, 368
- Индийский океан 356
 Индия 7, 9, 10, 13, 16, 31, 32, 34, 38,
 41, 43–47, 50, 53, 59, 60, 62, 65,
 66, 79, 86, 91–96, 98–101, 103,
 105, 106, 109–111, 114, 117, 119,
 124, 125, 131, 133, 137–139,
 145, 146, 155, 158, 163, 167,
 178, 185, 196, 198–201, 210,
 215, 216, 223, 244, 246, 258,
 259, 264, 278, 300, 305, 314,
 328, 337, 353
- Индокитай 163, 167,
 Индонезия 9, 163, 167, 221, 229,
 258, 324, 344, 350, 353, 354, 359
- Инсейн 139, 179
 Иравади 9, 10, 30, 31, 39, 44, 45, 50,
 68–71, 78, 125, 139, 193, 243,
 369, 375, 379
- Ирландия 108, 133, 229
 Италия 42, 44, 133
 Йенанджаун 70
- Кабайн 130, 131
 Калькутта 41, 64, 94
 Камбоджа 9, 344, 345, 358, 361
 Канди 160, 162, 165, 253, 254
 Каренни (кая) княжество, штат 51,
 70, 111, 191, 193, 194, 197, 213,
 229, 230, 352
- Качар 38, 39
 Качинское гос во, штат 12, 56, 57,
 192, 194, 229, 254, 262, 264,
 288, 314
- Кентунг 266
 Китай 6, 9, 10, 13, 30, 32, 35, 40, 43,
 44, 118, 119, 124, 125, 131, 149,
 158, 196, 246, 256, 258, 266, 278,
 279, 306, 311, 316, 341, 346, 347,
 354–356, 359, 374, 377, 379
- Китай Западный 30
 Корея Сев. (КНДР) 364, 374
 Корея Южная 333
 Котулей (см. Каренское гос во,
 штат) 229, 306
- Кра (перешеек) 34
- Лаос 9, 11, 12, 20, 32, 34, 297, 344,
 345, 357, 358, 378
- Лашо 118
 Лондон 43, 44, 109, 110, 163, 165,
 169, 172, 173, 178, 186–190,
 195, 202, 204, 210, 212, 214,
 224, 332, 333, 388

- Малайзия 354, 357
Малайя 258
Маджун 258
Мандалай 43, 44, 51, 83, 103, 124, 130, 138, 260, 264, 304, 313, 325, 380
Малаккский полуостров 33, 34
Манипур 32–34, 38, 39, 56
Мартабан 41
Махараштра 38
Менам 32
Месопотамия 92
Мергуй 325
Мейтхила 313
Минчаладан
Минда 54
Минхла 44
Монская национальная область 12, 31, 33, 34, 229, 308, 348
Москва 26, 355, 372, 386
Моупмейн (Моламьянн) 83, 325
Мьинджан 44, 83, 263
Мьичина 124
Мьянма/Бирма 11, 356, 357, 364, 368
Мьян-Тин 6
Mirma 7
Mranma 7
Myanmar (The Union of ...) 5–7, 12, 377, 378, 393, 396–399
Нааф 38
Нейпидо 374, 375, 399
Непал 38, 79
Нанчао 30
ООН (Организация Объединенных Наций) 7, 21, 185, 237, 241, 267, 313, 320, 328, 345, 353, 366, 392
Паган, гос-во 31, 32, 40, 41, 379
Пакистан 133, 198–200, 210, 246, 300
Палестина 217
Панлон 190, 191, 194, 229
Папун 56, 264
Паунде 102
Пегу 33, 34, 41, 42, 47, 136, 139, 258, 263, 375
Пекин 279, 306
Пёрл Харбор 120, 123
Польша 148, 257, 394
Португалия 16, 33, 122
Потсдам 145
Пьи 97, 125, 139
Пьинмана 94, 139, 258, 375
Пьяпон 139
Рамгар 116
Рангун (Янгон) 6, 26, 34, 39–41, 43, 59, 62–64, 70, 78, 83, 87, 93, 95, 97, 103, 107–109, 112–114, 117, 123, 125–127, 134, 136, 138–140, 142, 152, 159, 162, 165, 167, 171, 177–179, 188, 190, 197, 202, 206, 212, 219, 221, 241, 243, 253, 259, 262–264, 272, 273, 282, 286, 292, 304, 306, 307, 311, 313, 320, 321, 324–330, 333, 336, 349, 368, 369, 374–376, 381, 386, 390–392, 396, 397
Россия, СССР, Российская Федерация 18, 22, 23, 26, 28, 122, 146, 148, 230, 237, 246, 249, 257, 265, 296, 324, 337, 353–356, 360, 372–374, 392, 399
Сайгон 120
Салуин 123, 311

Сиам (см. Таиланд) 32–34, 87, 252
Сиамский залив 32
Симла 126
Ситаун 56, 68, 123, 125
Союз Мьянма (официальное название Бирмы с г.) 6, 351, 374
Соединенные штаты Америки (США) 8, 15, 18, 19, 94, 146, 147, 158, 226, 229, 237, 256, 264, 266, 303, 328, 337, 354–356, 360, 368, 369, 371, 374, 391
«Социалистическая Республика Бирманский Союз» 301, 308, 336
Сукотаи 32
Тавой 264
Таемяо 41
Таиланд (сиам) 9, 120, 121, 123, 124, 129, 264, 312, 324, 337, 341, 344, 345, 354, 357, 360, 369, 377, 379
Тайвань 120, 266
Тантабин 171
Таравади 40, 56, 101, 103, 106, 116
Таунгу 32–34, 41, 139
Таунджи 286
Тенассерим 34, 39, 47, 70, 126, 193, 384
Тегеран 145, 147
Тихий океан 120–122, 133, 140, 154
Токио 134
Украина 10
Уганда 122
Филиппины 133, 134, 149, 258, 319, 324, 325, 333
Франция 18, 20, 42–44, 58, 117, 214, 258

Хайнань 120
Халинджи 30
Хензада 56
Хуанхэ 30
Цейлон (Шри Ланка) 160, 253, 353
Чау 313
Чехия 20
Чехословакия 18, 384
Чинские горы, область 12, 56, 57, 194, 229, 254, 264, 308
Шанские княжества 12, 32, 56, 70, 124, 190–192, 194, 266
Шанское гос во (штат) 270
Шахпури 38
Швэджин 56
Шри Кшетра 30
Шуэбо 34
Юго Восточная Азия 5, 9, 10, 11, 13, 19, 20, 22–25, 29, 32, 105, 118, 133, 134, 139, 154, 170, 196, 205, 222, 223, 258, 319, 344, 345, 356, 358, 361, 363–365, 372–374, 378, 379, 384, 396, 398, 399
Югославия 148, 229
Юньнань 30, 32, 118
Ява 74
Ялта 145
Янгон (см. Рангун) 6, 34, 374, 375, 397
Яндабо 39, 40
Япония 14, 18, 20, 85, 118–136, 147, 149, 151–154, 158, 248, 253, 303, 320, 359

- Адас М. 75
Айрленд А. 17
Алаев Л.Б. 24
Алаунпая 33,34
Аун Джи 137, 274, 278, 286, 293,
297, 307, 321, 328, 331, 342, 348
Аун Зан Вей, У 180
Аун Мья 56
Аун Сан (Такин; Бо Те За; Бо;
Боджоу; У) 21, 87, 112, 121,
132–134, 136–139, 141, 142, 144,
151, 152, 156–161, 164–168,
170–177, 179–184, 187–190, 192,
194–199, 202–209, 211, 220–222,
224, 228, 242, 247–250, 253–255,
262, 282, 291, 328, 342, 347,
383–385, 387–390
Аун Сан Су Чжи 314, 328, 330, 331,
339–342, 347–351, 366, 369,
370, 397
Аун Тан (Бо Се Ча)
Аун Твин. М. 21, 51, 52, 54, 130, 226
Аун Тун Тэ 78
Аун Швэ 330, 342
Ашрафян К.З. 24
Ба Вин, У 202
Ба Джан (Бо Ла Яун) 125
Байиннаун 32
Ба мо, д-р 97, 101, 110, 112–117,
119, 127, 132, 134, 137, 139, 172,
253
Бандула (Махабандула) 39
Ба Он, У 164
Ба Пэ, У 83, 85, 86, 100, 101, 112,
114, 160, 164, 180
Ба Ньейн (см. У Ба Ньейн) 261, 294
Ба Свэ, У (см. У Ба Свэ) 119, 137,
245, 247, 248, 268, 269, 271–
273, 280, 281, 307, 315
Ба Сейн, Такин (см. Такин Ба Сейн)
113, 119, 128, 172, 187, 189, 204
Ба Си, У 84
Ба Тан, У 263
Ба Тейн Тин, Такин 347
Ба Хан, д р 21
Ба ХейнТакин 119, 122, 383
Ба Чо 202
Берни Х. 17
Берно Д. 20
Бечка Я. 20, 384, 386
Бо Аун Джи (см. Аун Джи) 137
Бодопая 34
Бо Зе Я 119, 137
Бо Йе Ту 137
Бо Ле Я (Такин Хла Пэ) 119, 121,
125, 128, 136, 209, 211, 212, 383
Бо Маун Маун (будущий эксбрига-
диром, см. Маун Маун) 137
Бо Ни 314
Бо Свэ 54, 55
Бо Се Ча (Аун Тан) 125, 127
Бота Л. 85
Бо Ян Аун (Такин Хла Мьяин) 121,
125, 137, 312
Бо Ян Найн (Тун ШейнТакин) 125
Бо Хму Аун 329
Браудер Э. 147
Булганин Н. А. 353, 398
Былиняк С. А. 22
Валинский Л. Дж. 19, 391

- Васильев В. Ф. 3, 4, 25, 378,
381–392, 396, 398, 399
- Вивиан 205
- Визара, У 107
- Виктория 58, 123, 133
- Вильсон 18, 94
- Вудмен Дороти 19, 41, 178, 380
- Вум Ко Хо, У 191
- Вяткин А. Р. 22
- Гаврилова А. Г. 23
- Гаврилов Ю. Н. 23
- Ганди Махатма 95, 96, 107
- Гарибальди Джузеппе 108
- Гитлер А. 133
- Гошал Х. Н. (Ба Тин) 258, 259, 312,
383
- Дальхузи Дж. Э. 41
- Дарченков Д. В. 23, 393
- Даффрин 45
- Десаи У. С. 17
- Джадсон А. 17, 56
- Дорман Смит Р. 126, 152, 163, 172,
178, 204
- Драйберг Т. 178, 204, 206
- Дюрузель Ш. 17, 87
- Жабреев А. Ф. 22
- Жданов А. 257
- Западова Е. А. 22, 26, 382
- Иванов Н. А. 24
- Камынин М. 373
- Канаун 54, 56
- Каун, У (У Каун, Кинвун Минджи)
59
- Кауфман А. С. 22, 386
- Кейди Дж. 19
- Кинвун Минджи (см. У Каун) 51,
59, 62
- Киплинг Р. 44
- Клифт Т. 293
- Кириченко А. Е. 23
- Кодо Хмайн (см. Такин Кодо
Хмайн) 45, 87, 112, 313, 385
- Козлова М. Г. 22, 32, 378–380
- Косач Г. Г. 24
- Котляров В. С. 22
- Ко Хтей 312
- Крисчен Дж. Л. 17
- Кроферд Дж. 17
- Крэддок Р. 96, 97
- Кхин, У 84
- Кхин Нью 293
- Кхин Ньюн 367
- Кэллахен Мэри 235, 236
- Кэмбелл А. 39
- Левин З. И. 24
- Ленин В. И. 103, 106, 248, 296
- Либерман В. 19
- Лимбин 56
- Линтнер Б. 20
- Листопадов Н. И. 23, 398
- Листоуэлл 212
- Лун, У (см. Такин Кодо Хмайн) 112
- Лус Г. Х. 17
- Макарова С. М. 22
- Малетин Н. П. 24
- Малов А. Ф. 23, 392, 393
- Манн Ба Кхайн 164, 202
- Маринг Дж. М. 7
- Маринг Е. М. 7
- Марко Поло 16
- Маркос Ф. 319, 325, 333
- Маркс К. 106, 147, 248
- Маршалл Х. И. 17

- Маун Жи Дж. А. 83, 84, 101, 180
 Маун Маун (д-р, президент) 21, 160,
 228, 229, 293, 294, 326–328,
 330–332, 335, 380
 Маун Маун (эксбригадир, историк)
 31, 137, 173, 182, 205, 294, 384,
 385
 Маун Маун (полковник) 274, 278
 Маун Маун Жи 21
 Маунтбэттен Л. 133, 139, 140, 151,
 160, 173, 178, 205
 Маун Тейн 84
 Маун Хтин Аун 21, 40, 380
 Маунг Швэ, У 293
 Маун Эй 372
 Махасаммата 53
 Махатма Ганди (см. Ганди) 107
 Мей Аун, У 84, 85, 87
 Меккхая 51, 54
 Миндон мин 34, 37, 41, 42, 51, 54,
 61, 380
 Мина Г. Ф. 23, 397
 Можейко И. В. 22, 379, 380, 384, 390
 Монтгомери 205
 Монтегю Э. 94
 «Монтегю Челмсфорда» (реформы)
 95
 «Морли Минто» (реформы) 62, 84
 Мосяков Д. В. 24, 379
 Муранова А. П. 22
 Мья, Такин (см. Такин Мья) 112,
 119, 127, 134, 164, 180, 187, 195,
 202, 248
 Мья Твин 130
 Мья, У (из Яметина) 164, 209
 Наг (или Натх) 383
 Надаунмья 32
 Нарапатиситу 32
 Не Вин (Шу Маун) 14, 21, 113, 137,
 160, 228, 251, 253–255, 273–
 280, 282, 290, 292–294, 296,
 298, 299, 305, 310, 314, 315,
 317–323, 325–327, 335, 348,
 361–363, 366, 371, 385, 395, 399
 Ней Вин Маун 369
 Неру Джавахарлал 264
 Ни Ни Мьин 21
 Ницше Ф. В. 108
 Ну (см. У Ну, Такин Ну) 14, 21, 23,
 26–28, 98, 112, 116, 117, 119,
 130–132, 134, 137, 139, 191,
 197–202, 206, 208, 209, 211,
 214, 215, 219–222, 224, 236,
 238, 245–248, 255, 259, 262,
 264–266, 268–277, 279–292,
 298, 307, 312–315, 329, 330,
 332, 348, 353, 361, 362, 393
 Ньо Тун, У 164
 Ньяунйан 51
 Ожегов С. С. 23
 Ожегова Н. Н. 23
 Отама, У (1879–1939) 85
 Отама, У (1897–1939) 96
 Отама, У (1848–1889) 55
 Паган мин 32, 40, 41, 379
 Пе Маун Тин 17
 Перн В. Р. 17
 Пин Атвинвун 54
 По Бье 84
 Попов Г. П. 22
 По Та 85
 По Тин, У 152, 193
 По Тун, У 101, 126, 165
 Прендергаст 44, 45, 57
 Пу, У (из Таравади) 101
 Пу, У (из Яметина) 114
 Пэ, У 84

- Разак А. 164, 202
 Ранс Х. 178, 180, 198, 209, 219
 Рашид, У 307
 Рис Уильямс 191
 Руссо Ж. Ж. 108
- Саймс М. 16
 Сан Ба Ба, У 84
 Санджермано В. 16
 Сан Ю 293, 310, 315, 322
 Сао Швэ Тай 219, 220, 233, 247, 292
 Сая Сан 105–107, 110
 Сейн, У 84, 127
 Сейн Вин, У 293, 328, 341
 Сейн Лвин 322, 323, 325, 326
 Сикинс Д. М. 252
 Силверстайн Д. 396
 Симония А. А. 22, 25, 396, 398, 399
 Синбьюшин 34
 Скотт Дж. Д. 17
 Слим У. 133, 138, 141, 142, 144, 386
 Смит Дун 126, 152, 163, 172, 178, 204
 Смит М. 20
 Стайнберг Д. И. 19, 20
 Сталин И. В. 26, 248, 265, 353
 Стратанович Г. Г. 23
 Со Ба У Джи 164, 180
 Сабва (княжества) Миндун
 Со Вин, У 367
 Со Маун 334
 Со Мьин 293
 Со Сан По Тин 193
 Со, Такин (см. Такин Со) 116, 117, 122, 130, 131, 135–137, 146, 176, 222, 225, 256, 312, 315, 383
 Со Тейн, У 102, 105, 107, 108
 Со Ча До 136, 137
 Со, У (см. У Со) 102, 105, 107, 108, 116, 117, 119, 121, 122, 126, 172, 173, 180, 187, 189, 202–206, 388, 390
- Су, У 107
 Сузуки Кейдзи (Бо Мо Чжо) 121
 Сундрум Р. М. 21
 Супаяла 42, 45
 Табиншвети 32
 Та джи, У (из Паджи) 54
 Тайда Минджи 52
 Такин Ба Сейн 128, 172, 187, 189
 Такин Ба Хейн 383
 Такин Кодо Хмайн (Кодо Хмайн) (У Лун) 45, 87, 385
 Такин Лвин 261, 315
 Такин Мья 127, 134, 164, 180, 187, 202, 248
 Такин Ну (см. У Ну) 21, 132, 134, 137, 191, 196–199, 202, 206, 209, 211, 215, 219–222, 238, 245, 247, 248
 Такин Со (Со, Такин) 116, 117, 122, 130, 131, 135–137, 146, 176, 222, 225, 256, 312, 315, 383
 Такин Тан Тун (Тан Тун) 127, 134, 136, 137, 145, 152, 157, 158, 160, 165, 177, 224, 259, 265, 312, 383
 Такин Тин 209, 289
 Такин Хла Мьяйн (Бо Ян Аун) 121
 Такин Хла Пэ (Хла Пэ; Бо Ле Я) 383
 Тан Пэ 218, 293
 Тан Сайн 293
 Тант Мьин У 21, 39, 380
 Тан Тун, д р 21, 116, 117
 Таравади мин 40, 56, 101, 103, 106, 116
 Тейлор Р. 20, 75–77, 79, 226, 227, 382, 383
 Тейн Маун 127
 Тейн Пэ (Тейн Пэ Мьин) 113, 122, 130, 131, 145, 164, 177, 180, 259, 383, 386, 388, 390, 394
 Тан Ю Сайн 293

- Таун Чжи 293
 Тибо 42, 45, 51, 53, 54, 58, 59
 Тин, У 16, 17, 84, 152, 180, 187, 191,
 209, 211, 212, 313, 314, 329, 330,
 331, 342
 Тинкер Х. 19
 Тин Пэ 293
 Тин Ту, У 152, 180, 187, 191, 211,
 212
 Тин У (генерал, 1927 г.р., экс нач.
 штаба и министр обороны до
 1976 г.) 313, 329, 342
 Тин У (генерал, 1940 г.р.) 314
 Ти Хан 293
 Тин Швэ (Такин) 131
 То Сейн Ко 17
 Тоунзе 51, 120
 Трейгер Ф. 19, 250, 258, 379
 Троцкий Л. 106, 256
 Тун Аун Джо 165
 Тун Вей (У) 21
 Тун Оу, Такин 119, 125, 127, 128,
 172
 Тун Свэ 119
 Тюрин В. А. 24, 379
 У Ба Ньейн (Ба Ньейн) 261, 294
 У Ба Свэ (Ба Свэ) 245, 248, 268,
 269, 271–273, 280, 281, 307, 315
 У Вин Маун 292, 307, 329
 Узянов А. Н. 22, 23, 380, 386
 У Ну (Такин Ну) 14, 21, 23, 26–28,
 98, 245, 246, 248, 259, 262,
 264–266, 268–277, 279–292,
 298, 307, 312–315, 329, 330,
 332, 348, 353, 361, 362, 393
 У Со (Со, У) 116, 117, 119, 121, 122,
 126, 172, 173, 180, 187, 189,
 202–206, 388, 390
 У Тан 313
 У Ти Хан 293
 Фейр А. 17, 377
 Ферниволл Д. С. 17, 74, 75, 87, 88,
 162, 390
 Филдинг Х. 17
 Фитч Р. 16, 17
 Флайшманн К. 20
 Фрадков М. 372, 373
 Фримен Дж. У. 212
 Харви Г. Э. 17
 Херберт П. 19
 Хла Джо 87
 Хла Маун (Бо Зе Я) 84, 119
 Хла Пэ, Такин, У (Бо Ле Я) 21, 83,
 86, 383
 Хла Хан 293
 Хлетин Атвинвун 52, 54
 Холл Дж. Д. Э. 17
 Хрушев Н. С. 148, 353, 398
 Хубилай хан 32
 Цеханова Л. В. 23
 Чан (До Чан) 21
 Чаунва 54, 56
 Чвэ 261
 Челмсфорд 94, 95
 Черчилль Уинстон 157, 187, 217
 Чжи Маун 293
 Чжо Дун, Такин 271, 272
 Чжо Зо 293
 Чжо Ньейн, У 112, 119, 130, 131,
 137, 177, 187, 209, 211, 224,
 245, 247, 248, 268, 271, 272,
 280, 281, 307, 315
 Чжо Сейн 122, 130
 Чи, Такин 261, 330
 Чи Маун, Такин 261
 Чи Хлайн, У 93, 97, 100, 102, 107,
 112, 385
 Чо Тэ 21

Шу Маун (см. Не Вин) 113, 121

Юл Х. 17

Эй, У (У Эй) 164

Янг (майор) 2

Эй Хлайн 21

Эттли К. 157, 178, 186–191, 194,
204, 208–211, 214, 215, 217

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНОНИМОВ, ТЕРМИНОВ И СОКРАЩЕНИЙ

- «Автономизм» — по конституции Бирмы 1947 г. с правом постановки вопроса о выходе через 10 лет двум автономным единицам — Шанскому союзному государству и Кая (см. федерализм, сепаратизм) 376
- адипади (вождь партии, лидер) 134, 137, 139
- «административные комитеты свободной Бирмы» 125
- АЛНС — антифашистская лига народной свободы 14, 133, 136–145, 147, 149 150–152, 155–158, 160–165, 168–187, 189–199, 202–209, 211, 212, 215–217, 219, 222–226, 228, 236, 238, 241, 245–251, 257–259, 261, 263–265, 267–274, 276, 277, 280–285, 289, 294, 296, 298, 307
- АЛНС — первый конгресс (январь 1946 г.) 166–169, 171, 173, 181, 199
- англо-бирманский договор о независимости Бирмы от 17 окт. 1947 г. 213, 215, 216, 217, 219, 229
- анашин (глава государства в японский период) 115, 132
- АНБ — Армия независимости Бирмы 124, 125–127, 252
- АОБ — Армия обороны Бирмы 128, 134, 253
- араканцы (ракхайны) 11, 32, 261, 286
- атвинвуны (министры среднего уровня в доколониальный период) 51, 52, 54
- Бама (Bamar) — собственно бирманцы в отличие от других этнических групп страны 6, 7, 121, 128, 134, 142, 253, 377
- БАМЛ — Буддийская ассоциация молодых людей 83, 91
- «Башмачный вопрос» 94
- «Белая книга» английского правительства для Бирмы (1945 г.) 168, 198
- «Бирманская дорога» Индия, Бирма, Китай в годы японской оккупации 118
- Бирманская конференция «круглого стола» в Лондоне в 1931–1932, созванная по поводу реформ 109
- «Бирманский Союз» — официальное название Бирмы в 1948–1974 гг., заменено в 1974 г. на «социалистическую Республику Бирманский Союз», а в 1989 г. — на «союз Мьянма», когда само название «Бирма» было заменено на «Мьянму» («Myanmar») 197, 213, 214, 229, 233, 301, 308, 336, 392
- БПС — «Бирманский путь к социализму» 295, 296, 299
- бирманцы — собственно бирманцы как этнос, именуемый с 1989 г. как «бама» (см.), но, являясь жителями и гражданами Мьянмы (Бирмы) — они также именуется «мьянма» 7, 11, 28, 30, 31, 44, 53, 61, 73, 77, 79, 81, 99–101, 108, 119, 125, 126, 130, 149, 194, 215, 252, 253, 322, 347, 385

БСБ — «Блок свободы Бирмы» 115

«Боджоу» — по-бирмански генерал-майор, но в применении к Аун Сану — первому в колониальной Бирме генералу как чину — стало в литературе и народе неофициальным званием типа «главком». Вторым главкомом — боджоу — стал именоваться позже только генерал Не Вин 121, 128, 134, 253, 255, 328

«браудеризм» 144, 146, 147, 148

«бу-атины» («общества отрицания колониальной власти») 98, 103

буддизм (см. Сангха) 9, 20, 23, 31, 32, 36, 53, 82–85, 99, 201, 232, 283, 287, 291, 382

буддизм как госрелигия введен в Бирме правительством У Ну в 1960 г. 283, 287

буддийские монахи («поунджи») часто проявляют активность в общественных событиях страны («политические монахи») 54, 105, 113, 306, 313, 323

Бьeday — тайный совет при бирманских королях 134

«ва» — племена, народность северо-востока Бирмы

вооруженное движение сопротивления бирманцев английской аннексии Бирмы в конце XIX в. 315, 347

ВКО — Всебирманская крестьянская организация 114

ВКП — Всебирманский конгресс профсоюзов 182

всеобщая политическая стачка 1946 г. 179

всеобщие выборы в парламент или учредительное собрание в 1947, 1951/52 г., 1956, 1960 и 1990 с намерением военной хунты провести новые выборы в 2010 г. 186, 188, 190, 194, 197, 211, 213, 232, 233, 261, 267–269, 273, 276, 277, 279–281, 285, 286, 288, 290, 291, 327, 340, 347–350, 361, 362, 367, 370, 395

вунджи — главные министры в доколониальной Бирме 51

«вунтану атины» (патриотические, национальные общества) 93, 97

галоны (повстанческая организация галонов) 105, 106

гоминьдановская интервенция в Бирме с дальнейшей китаизацией северо-востока страны 266, 267

гражданская война в Бирме (с 1948 г.) 26, 224, 263, 266, 267

ГСБА — генеральный Совет бирманских ассоциаций 97, 98–102, 105, 107, 108, 110

ГСС — Генеральный Совет Санчха саметджи 98–100, 102

Демократическая революция в Бирме 1988 г. и ее подавление 14, 28, 228, 311, 317, 321, 322, 325, 326, 330, 332–334, 337, 355, 359, 362

- диархия («двойная власть») — верхушечная политическая реформа в ряде провинций британской Индии 59, 60, 96
- ДА — Добама асиайоун — «Ассоциация “Наша Бирма”» (см. таины) 108, 112, 113, 115, 116, 289, 388
- ДСА — «Добама — Синьета асиайоун» политическая ассоциация времен японской оккупации Бирмы (1942 г.) 115, 132
- доминион для Бирмы — проблема и борьба вокруг нее 99, 102, 109, 117, 121, 131, 133, 143, 156, 168, 169, 172, 175, 189, 195, 197–202, 204, 207, 209–211, 217
- «Дорожная карта продвижения Бирмы к демократии» 399
- «Железная дорога смерти» между Бирмой и Таиландом в японскую оккупацию 129
- «Золотой треугольник» на северо-востоке Бирмы (район наркобизнеса) 267, 352
- ИНК — Индийский национальный конгресс 86
- ИНК и Бирма 9, 32, 38, 59, 60, 95, 133, 158, 200, 264, 353
- индийцы в Бирме (индусы, мусульмане, сикхи, пенджабцы, гуркхи) 74, 78, 252
- индийцы в колониальной армии Бирмы 252
- индийское ростовщичество в Бирме (см. четгьяры, чети) 68, 71, 76, 78, 90, 98, 103, 104, 106, 126, 143, 241, 244
- индо-бирманские столкновения (1930 г.) 1 3, 105, 107–109, 113
- «Ирландская республиканская армия» 108
- ИОБ — исследовательское общество Бирмы 87
- КЛМ — Каренская лига молодежи 192, 194
- КНОО — Каренская национальная организация обороны 193, 260
- КПС — Каренский национальный союз 156, 160, 190, 191, 193, 260
- каренский сепаратизм 156, 191, 193, 224, 414
- каренское восстание (с 1948 г.) 128, 264
- карено-бирманские столкновения во время японской оккупации 128
- карены (кайины) 11, 56, 156, 193, 251, 252, 260, 264, 352
- кая (прежнее название «каренни») 11, 12, 62, 70, 111, 191, 194, 197, 213, 229, 230, 270, 279, 292, 307, 352
- качины («дзинпо») 11, 191, 252, 347
- качины в колониальной армии 252, 254

- КПБ — Компартия Бирмы (основная) 114, 137, 145, 146, 176, 177, 182–184, 207, 222, 247, 256–259, 261–263, 265, 269, 279, 306, 307, 311, 312, 314–318, 326, 341, 346, 347, 383
- компартия Бирмы «Красного флага» (отколовшейся от КПБ) 176, 194, 256, 279, 312
- компартия Индии 223
- конституции Бирмы: 1947, 1974 и новая официально одобренная на референдуме в мае 2000 г. 168, 213, 228, 232–235, 241, 271, 291, 301, 305, 308, 313, 331, 336, 362, 367–371
- крестьянское антиколониальное восстание (1930–1932 гг.) 104–106
- колониальная армия Бирмы — национальный состав 59, 159, 252
- «Ланзин» («путь» или «программа») 309
- «Лига борьбы за реформы» 96
- Лондонское соглашение Аун Сан — Эттли (январь 1947 г.), открывшее путь к независимости Бирмы 187, 189, 190
- Минами Кикан (японская разведывательная группа в Бирме под началом полковника Сузуки) 120, 121, 384
- МОЛ — молодежная организация «ланзин» (см. «Ланзин») 309
- мон — кхмерская группа народов 7, 11 12, 30
- моны 7, 11, 12, 30–34, 229, 261, 270, 286, 308, 352, 377
- «мранма» одно из написаний и произношений «Мьянма» — названия страны и ее народа в целом 5–8, 11, 29–31, 356, 357–359, 363, 364, 368, 372–374, 376, 377, 379, 380, 398, 399
- мьо — город или район (уезд)
- мьовун — губернатор провинции 51
- мьотуджи — глава района или города (ранее — наследственного) 36, 51, 60
- мьооу — городские чиновники 60
- «мьочи» («патриотическая») — партия У Со 116, 117, 142, 164, 165, 172, 194, 203
- мьянма — то же, что бирманцы как жители и граждане Мьянмы, как страна стала называться официально с 1989 г. 6–8, 30, 31, 377
- НАБ — Национальная армия Бирмы (тамадо — см.) 136–139, 158, 251, 253–255
- НДО — Народная добровольческая организация (см. ПНТ) 160–162, 171, 179, 249–251, 262, 266, 307
- НРП — Народная революционная партия (1939–1940 гг.) (предшественница социалистической партии) 119, 120, 136, 247

НЛД — Национальная лига за демократию, главная, оппозиционная военной хунте партия 14, 328, 339–342, 347–349, 351, 366, 370, 376

Национальная структура Бирмы (см. этнонациональная и религиозная структура Бирмы) 80, 228

НОБ — Национальный объединенный фронт 261, 268, 280

Нетуейнская декларации (1945 г.) 158, 160

ОРПБ — Объединенная рабочая партия Бирмы (после объединения РПБ с ПНТ) (см.) 261

Панлонская конференция (февраль 1947 г.) по вопросу сохранения государственного единства Бирмы 191, 194

пао — этнос близкий каренам 270

ПБС — Патриотические бирманские силы (переименованные из НАБ (см.) в 1945 г.)

парламентские выборы 1951/52, 1956, 1960, 1990 гг. 232, 267, 279, 338, 347, 349

«План Пьидота» 242, 243

ПНТ — Партия народных товарищей (см. НДО) 161, 249, 251, 261

пью — ранние племена тибето-бирманской группы, достигшие и обосновавшиеся в центральной Бирме (Шриксектра, Халинджи) 30, 31

Второстепенные и мелкие политические верхушечные партии и группы Бирмы в 20–40-е гг. Ср. Добама асиайаун (такины), АЛНС, компартия Бирмы и НОФ (см.) 74, 75, 77, 100, 101, 112, 113, 115, 116, 120, 126, 131, 132, 136, 142, 145, 146, 149, 151, 161, 166, 175–178, 181, 183–185, 188, 190, 194, 198, 202, 204, 211, 216, 223–225, 237, 239, 245, 247, 248, 251, 254, 256

«Партия гомруля» 101

«Народная партия» 101

«Партия 21-го» или Националистическая партия 100

«Партия сварадж» 101

партия «Мьочи» 116, 117, 142, 164, 165, 172, 194, 202, 203

партия «Синьета» 112, 115, 127, 164

Партия «Махабама» 142, 172, 194

РПБ — Рабочая партия Бирмы 261

РКПБ — Рабочее-крестьянская партия Бирмы 261

ракхайны (см. араканцы) 11, 286

Рангунский университет (создан в 1920 г.) 64

Религиозная структура Бирмы (см. этнонациональная и религиозная структура Бирмы) 64, 74, 84, 87, 232, 283, 288, 296, 382
«Реформы Монтегю-Челмсфорда» («диархия») в Индии в 1919–1921 гг. первоначальное исключение из них Бирмы 95
распространение реформ типа диархии на Бирму (1922–1923) 100–102
реформы, связанные с отделением Бирмы от Индии по конституции 1935 г. («колониальная автономия») 110

Сангха саметджи — ГССС — Генеральный совет сангха саметджи — центральная организация Сангхи 98–100, 102
сангха — буддийская община 36, 64, 98
сепаратистские или автономистско-федералистские группы среди этнических меньшинств Бирмы (особенно среди каренов, танов, кая, отчасти монов) 191, 193, 270, 362, 375
сийины — одно из чинских племен (см. чины) 56
«Синьета» — партия Ба Мо («бедняков») 112, 115, 127, 164
СПБ — Социалистическая партия Бирмы 166, 224, 292
«Союз Мьянма» — официальное название Бирмы, введенное военным правительством страны в 1989 г. (см. «Бирманский Союз») 6, 351
ССРУ — Союз студентов Рангунского университета 109, 188, 320
СП — Союзная партия У Ну (после раскола АЛНС и последующего раскола самой СП на группировки «такинов» и «У Бо») 348, 361. «стабильная АЛНС» — результат раскола АЛНС в 1958 г. (см. «Чистая АЛНС», Союзная партия) 274, 277, 280–282, 285

тайцы 33

тангуты 30

татанабайн — глава буддийской сангхи (до аннексии всей Бирмы) 64, 65

тибетцы 30

тибето-бирманские племена 30

«тридцать товарищей» («йебо») — легендарная группа 30-ти молодых бирманских патриотов-националистов, тайно, отправленных в начале 1941 г. в Японию для военного обучения в целях создания ядра будущей бирманской армии 120, 121

«У-Бо» — одна из группировок внутри Союзной партии У Ну 289, 407

ультимативное требование АЛНС английскому правительству о предоставлении Бирме независимости в течение года 145, 147, 148, 149, 150, 156, 157, 158, 171–175

Учредительное собрание, избрано в апреле 1947 г., когда начата работа по проекту конституции независимой Бирмы 186, 189, 190, 194, 197, 211, 213, 219, 233

«Фабианская лига» 142

либерально-социалистическая малая группа 142

федерализм как форма автономизма или сепаратизма в послевоенной Бирме 286, 287, 292, 297, 361, 375, 376

ханьцы 30

хлудо — государственный совет или Совет министров доколониальной Бирмы; в современных условиях это — парламент 36, 43, 51–54, 58, 59, 62, 348, 367

христиане 12, 288, 352, 56, 83, 156, 225, 260, 287

четтары — каста ростовщиков из Индии 68, 76, 78, 98, 103–105, 143, 242, 411

чины 11, 36, 57, 121 191, 205, 252, 286, 290, 310

чинское племя сийинов 56

«Чистая АЛНС» — будущая Союзная партия после раскола АЛНС в 1958 г., другая часть бывшей АЛНС назвала себя «стабильной АЛНС», а потом стала вновь просто АЛНС (см. Союзная партия) 273, 277, 280, 281, 282, 285

цяны 9, 30

шаны — самая крупная по численности, малая народность Бирмы 11, 12, 31, 32, 51, 56, 62, 70, 79, 92, 111, 124, 142, 190–194, 209, 211, 219, 229, 230, 231, 253, 264, 270, 271, 279, 286, 287, 291, 292, 306, 348, 352, 366

«шафрановая революция» — уличные выступления в Бирме против военной хунты в сентябре 2007 г., начатые буддийскими монахами 369, 399

«Шин Фейн» 108

этно-национальная и религиозная структура Бирмы 8, 11, 30, 31, 62, 64, 73, 74, 75, 84, 87, 156, 193, 214, 225, 228–230, 232, 237, 243, 252–254, 267, 280, 283, 287, 288, 292, 296, 308, 311, 313–315, 337–339, 341, 346–350, 352, 358, 362, 364, 367, 375, 376, 382

In undertaking the book, the author has intended to fill in the «blank space» in monographic writings on Burma's history in the XX century, which was so crucial for that country and requiring broader analysis and assessment of the whole picture of events and processes during that century, not only parts of them but their entirety. Such approach to the XX century of Burma seems anyway under-researched by the students of that country worldwide.

The present monograph consists of 13 chapters, a conclusion, an epilogue, a bibliography in the form of footnotes attached to the chapters plus indexes of personal names, geographic and ethnic names.

In Chapter I the author first gives his explanation of the «change» of the country's name from «Burma» to «Myanmar». Chapter II gives an outline of historiography on Burma in major «Burma writing countries», including Burma itself, Western writings and Soviet-Russian Burma studies, suggesting some criticism and self-criticism.

Burma from the end of XIX to the end of XX century had passed through four socio-political system. In the first period from Burma's conquest by Britain in 1885 up to 1948 it was either direct armed suppression of the country's resistance movement or its political, economic and national subjugation of the country by colonialism (Chapter III–V). Then comes Burma's occupation by Japan and a sub-period of pragmatic «collaboration» of Burma's nationalists with Japan for the sake of getting arms from the latter and building a Burma national army to fight for their liberation. It was a risky path, but in practice in colonial times the tactic had proved worthwhile in the circumstances of war. A Burmese national army in the end had been formed as well as an underground united national liberation front (later taken the name of the Antifascist People's Freedom league — AFPEL).

In March 1945 it choose the moment to start the rebellion against the Japanese in coordination with the incoming Allied forces Chapter VI). The central Burmese figure had become Aung San, the leader of the Front and the national army, who was assassinated on July 19, 1947 together with his colleagues in the temporary government by a hostile Burmese group under U Saw who was provided with arms from a British Store in Rangoon.

Chapters VII, VIII and IX are dedicated to Burma's liberation from Japan and eventually to a failed attempt by Britain to save its hold on Burma. In a Comdex political struggle between Burma's national forces and British colonialism, the former were decisively advancing and the latter continuously retreating until Burma had finally won its independence by the end 1947 and Britain lost its Burmese colony with full status of its sovereignty. It should be underlined Burma's liberation from Britain had been achieved in a generally peaceful way, by negotiations unlike some other countries in South-East Asia.

Chapter X deals with the parliamentary democracy period of Burma's history based on the 1947 constitution and leadership under U Nu. It was a rather weak and unstable parliamentarism. And it was destroyed not so much by itself, as by deadly blows inflicted by the armed rebellion of the Burma's communist party, ethnic Karen rebellion and finally by the growing strength of the Burma army which became soon the dominant political force in the country.

Burma's socialist orientation period with its «Burmese way to socialism» programme under general Ne Win in 1962–1988 is analyzed in Chapter XI. The author terms it as the period of «military-socialist dictatorship». It degenerated mostly by itself, as many of other socialist-type regimes in the world. But the final blow it received from a people's democratic revolution in Burma in 1988 (Chapter XI).

Chapter XII tells the story of how the previous dictatorship with a socialist-type one-party constitution was succeeded by another dictatorship. The author calls the latter «a period of a new military junta» which established the most harsh unconstitutional rule with constant violations of elementary human and civilian rights of the population. The junta ignored results of the election which it was made to hold in 1990 when the democratic opposition under the National League for democracy (leader Aung San's daughter Aung San Suu Kyi) got over 80% of seats in the parliament. And the unconstitutional despotic rule by the junta continued well in the first ten years of XXI century (see the epilogue).

The last chapter of the monograph (XIII) deals with Burma's foreign policy. It stresses Burma's traditional neutralism and closed society outlook, though it has joined the ASEAN in 1997 and tries to broaden its economic ties.

The Epilogue should be mentioned here because after nearly 15 years of promises the junta has at last announced a referendum on the newly drafted constitution. It is a formally civilian constitution, but with the

supreme observance, participation in the politics and effective ultimate control of the army over the parliament's work. The army is have 25% of seats in each chambers of the parliament and is authorized to declare a state of emergency in certain circumstances with introduction of direct army control. The referendum on the new constitution was held in May 2008, its result is 92,48% for the constitution, the first general multiparty election is to take place in 2010. The internal opposition and international reaction is mixed. The democratic opposition was against the referendum, its position over the constitution is so far unclear, some are wavering, some against it in the present form.

The author's view on the promised general multy-party election is based on the conviction that the political deadlock in Burma/Myanmar with constant confrontational rhetoric and repression by the junta of democrats has reached its climax and is no more tolerable. The constitution gives opposition a chance to take part in the election and be at last legally represented in state legislature and start the necessary but difficult for its parliamentary evolutionary work in the interests of the people. Anyway it is better with a constitution and a parliament, than without them. And the risk of declining this chance is much greater for the future of the opposition.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА I. ВВОДНАЯ	5
1. К вопросу о переименовании Бирмы в Мьянму	5
2. Некоторые общие сведения о стране	9
3. Структура книги и периодизация истории Бирмы/Мьянмы с конца XIX века до конца XX века	13
ГЛАВА II. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК	16
1. Начало и структура ранней бирманистики	16
2. Развитие бирманистики после Второй мировой войны и достижение Бирмой независимости	17
3. Изучение Бирмы на Западе и в самой Бирме/Мьянме	19
4. Отечественная бирманистика	21
5. Достижения и слабости отечественной бирманистики	25
6. Назревший вопрос о монографической работе по всей истории современной Бирмы/Мьянмы (XX век)	28
ГЛАВА III. ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН: ИЗ ПРОШЛОГО БИРМЫ	30
1. Истоки	30
2. Три бирманских империи	31
3. Англо-бирманские войны	37
ГЛАВА IV. БИРМА В 1885–1914 гг.	47
1. Общие замечания	47
2. Период вооруженного сопротивления. Захват Верхней Бирмы	50
3. Управление колониальной Бирмы	58
4. Экономическое развитие	65
5. Социальная структура	72
6. Национальное пробуждение и обновление	80
ГЛАВА V. БИРМА В 1914–1938 гг.	90
1. Характеристика периода	90
2. Первая мировая война и Бирма (1914–1918 гг.)	92
3. Бирма в 1919–1922 гг.: движение за реформы и усиление политизации страны	95
4. Бирма в 1923–1928 гг.: реформы колониального управления (введение «диархии»)	101

5. Бирма в 1929–1933 гг. Мировой экономический кризис и антиколониальное крестьянское восстание.....	104
6. Бирма перед Второй мировой войной (1934–1939 гг.). Конституция 1935 г., административное отделение от Индии, введение колониальной автономии; дальнейшая радикализация антиколониального движения в стране	110

ГЛАВА VI. БИРМА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(1939–1945 гг.)	115
1. Первый период войны (1939–1941 гг.).....	115
2. Политика прагматического сотрудничества с Японией лево- и праворадикальных групп в расчете на создание национальной армии	118
3. Создание «Армии независимости Бирмы» (декабрь 1941 г). Оккупация Бирмы Японией (к маю 1942 г.).....	120
4. Бирма в годы японской оккупации (1942 г. — середина 1945 г.). Отказ Японии от первоначальных обещаний о независимости Бирмы. Политика ограбления и угнетения страны оккупантами.....	123
5. Провозглашение Японией формальной независимости Бирмы (август 1943 г.)	132
6. Создание бирманскими патриотами подпольной Антифашистской лиги народной свободы во главе с Аун Саном (август 1944 г.).....	136
7. Общенациональное антияпонское восстание бирманской армии и партизан под руководством АЛНС 27 марта 1945 г. в координации с союзными войсками	138
8. Политическое положение в Бирме в последние месяцы войны на Тихом океане (май–август 1945 г.)	140
9. Мирный курс борьбы за освобождение Бирмы от английского колониализма. II съезд компартии. Кое-что о «браудеризме».....	144
10. Практика англо-бирманского военного союзничества и компромисса. Особая роль периода японской оккупации и борьбы с ней для перспектив освобождения Бирмы от колониализма	149

ГЛАВА VII. ОТ ЯПОНСКОЙ ОККУПАЦИИ К АНГЛИЙСКОЙ РЕОККУПАЦИИ: НАЧАЛО ПОСЛЕВОЕННОГО ЭТАПА НА ПУТИ БИРМЫ К НЕЗАВИСИМОСТИ (АВГУСТ — КОНЕЦ 1945 г.).....	154
--	-----

1. Перемены во внешнем и внутреннем положении Бирмы в послевоенных условиях. Конец периода «союзнчества» ... 154
2. Нетуейнская декларация (август 1945 г.)..... 158
3. Конференция в Канди, введение гражданской администрации и создание Народной добровольческой организации (НДО) 160

ГЛАВА VIII. 1946 ГОД — ПРОТИВОСТОЯНИЕ БИРМАНСКИХ ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И АНГЛИЙСКОГО КОЛОНИАЛИЗМА (ЯНВАРЬ — НОЯБРЬ).....	166
--	-----

1. Первый съезд АЛНС (январь 1946 г.) 166
2. Политическое положение в стране весной–летом 1946 г. и усиление требований независимости Бирмы 169
3. Подготовка лейбористского правительства к перемене прежнего курса в Бирме 177
4. Всеобщая политическая стачка. Создание нового Исполнительного совета. Раскол АЛНС 179

ГЛАВА IX. ВЫДВИЖЕНИЕ АНТИФАШИСТСКОЙ ЛИГОЙ ТРЕБОВАНИЯ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ БИРМЕ НЕЗАВИСИМОСТИ В ТЕЧЕНИЕ ГОДА И ВЫНУЖДЕННОЕ ПРИНЯТИЕ ЕГО АНГЛИЕЙ	185
---	-----

1. Положение в Бирме в конце 1946 г. 185
2. Лондонское соглашение по Бирме (январь 1947 г.) 187
3. Решение вопроса о государственной целостности Бирмы 190
4. Выборы в Учредительное собрание и принятие конституции независимого Бирманского Союза 194
5. Доминион или все же независимость: борьба вокруг статуса Бирмы в 1947 г. 197
6. Политические убийства в Рангуне и новое обострение положения в стране 202
7. Соглашение Ну — Эттли и образование временного национального правительства 208

8. Англо-бирманские переговоры об условиях передачи власти в Бирме и принятие конституции Бирманского Союза	212
9. Англо-бирманский договор о независимости Бирмы от 17 октября 1947 г.	213

ГЛАВА X. ПАРЛАМЕНТСКИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ БИРМЫ

(1948 г. — НАЧАЛО МАРТА 1962 г.)	219
1. Провозглашение независимости Бирманского Союза.....	219
2. Конституция 1947 г.	228
3. Первоочередные задачи.....	236
4. Экономическое положение страны	238
5. Политика реформ в Бирме	241
6. Структура власти независимой Бирмы	244
7. Оппозиция и союзники.....	256
8. Гражданская война.....	263
9. Гоминьдановская интервенция	266
10. Парламентские выборы 1951–1956 гг.	267
11. «Гроза 1958 года»: раскол коалиции АЛНС — соцпартия	270
12. «Междущаствие»: первое правительство генерала Не Вина.....	273
13. Исторические выборы 1960 г.	280
14. Последнее правительство У Ну и конец парламентской системы в Бирме.....	285

ГЛАВА XI. ПЕРИОД ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ И «БИРМАНСКОГО ПУТИ К СОЦИАЛИЗМУ»

(МАРТ 1962 г. — СЕНТЯБРЬ 1988 г.)	292
1. Армейский переворот	292
2. «Бирманский путь к социализму» и другие документы военного режима.....	295
3. Реформы. Экономика.....	299
4. Реформы. Социальная сфера	304
5. Политика: переговоры с повстанцами (1963 г.) и введение однопартийной системы (1964 г.)	305

6. Принятие социалистической конституции и установление «конституционной диктатуры»	308
7. Начало создания правящей партии — ПБСП и соответствующих массовых организаций.....	309
8. Рост внутренних противоречий и напряжения	311
9. Перерастание ситуации в общий кризис. Демократическая революция 1988 г.	317
10. Агония режима и дилемма оппозиции.....	330

ГЛАВА XII. ПЕРИОД НОВОЙ ВОЕННОЙ ХУНТЫ

(18 СЕНТЯБРЯ 1988 г. — 2000 г.)	334
1. Захват власти	334
2. Усиление армейских репрессий.....	336
3. Расстановка основных политических сил в стране	338
4. Формирование легальных политических партий	341
5. Экономическое положение страны	343
6. Крах компартии Бирмы	346
7. Парламентские выборы 1990 г.....	347
8. Создание «Национальной конвенции»	350
9. Союзная ассоциация солидарности и развития (САСР) как социальная опора хунты.....	351
10. Замирение с этническими повстанцами	352

ГЛАВА XIII. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА БИРМЫ/МЬЯНМЫ

В 1948–2000 гг.: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ	353
---	-----

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	361
-----------------	-----

ВМЕСТО ЭПИЛОГА	366
----------------------	-----

ПРИМЕЧАНИЯ	377
------------------	-----

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	399
---	-----

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	403
----------------------	-----

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНОНИМОВ, ТЕРМИНОВ И СОКРАЩЕНИЙ	409
---	-----

SUMMARY	416
---------------	-----

Учебное и научное издание

Васильев Владимир Федорович
История Мьянмы/Бирмы. XX век

Редактор *М.С. Грикулова*
Корректор *М.Я. Колесник*
Компьютерный набор *З.А. Исаева*
Верстка *А.В. Ельцова*
Эмблема серии *А.Е. Жуков*

Утверждено к печати
Институтом Востоковедения РАН

Сдано в набор 15.01.09. Подписано в печать 25.11.09.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п. л. 26,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 191.

Институт востоковедения РАН
107031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Научно-издательский отдел
Зав. отделом И.В. Зайцев

ООО Издательство «Крафт+»
129343, г. Москва, проезд Серебрякова, 4
Тел.: 620-36-95, 620-36-94, 926-25-48

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ОАО «Дом печати—ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
<http://www.gipp.kirov.ru>
e-mail: pto@gipp.kirov.ru

